

СМЕНА

11
ноябрь

03

С/11
друзья
бульвар
17-73
голом

229

Каскадера без страха не бывает

207

Заказ на устранение

104

Угрюмая рожа далекого прошлого

152

Высшая награда — Любовь и... Смерть!

26

Настоящий студент всегда... голоден

Признание и доверие сделали масло ЛУКОЙЛ
народной маркой

ЛУКОЙЛ Стандарт ЛУКОЙЛ Супер ЛУКОЙЛ Люкс ЛУКОЙЛ Синтетик ЛУКОЙЛ Авангард

По вопросам приобретения фасованных масел "ЛУКОЙЛ" обращаться
по многоканальному телефону: (095) 973-7063 www.lukoil-masla.ru

 ЛУКОЙЛ
ВСЕГДА В ДВИЖЕНИИ

главный редактор

Михаил Кизилов

редакция

Николай Левичев

Сергей Попов

зам. главного редактора

Виталий Федоров

главный художник

Тамара Чичина

зам. главного редактора

Литературно-
Художественный
Иллюстрированный
Журнал

Основан
в январе
1924 года.

2003
ноябрь (1669)

Сдано в набор 15.09.2003.
Подписано к печати 27.10.2003.
Печать офсетная.
Заказ № 6882
Тираж 50 000 экз.
Цена свободная

Адрес редакции:

Бумажный проезд, 14,
Москва, А-15, ГСП-4, 127994,
212-15-07 — для справок.

Факс (095) 250-59-28.

E-mail: jurnal@smena-id.ru

www.smena-id.ru

Отдел распространения:

**257-31-37,
sales@smena-id.ru**

Журнал зарегистрирован
в Комитете Российской
Федерации по печати.
Пер.№ 014832

Учредитель —

**ООО "Издательский дом
журнала "Смена".**

Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.
Набор, верстка и цветоделение
ЗАО "НИИ НИТ"

Отпечатано в ФГУП "Смоленский
полиграфический комбинат"
по адресу: 214020, Смоленск,
ул. Смольянинова, д. 1.

**Журнал выходит
12 раз в год.**

© "Смена", 2003.

круги жизни

Игорь Гамаюнов

207 Заказ на
устранение

Алла Люден

229 Без страха
нет каскадера

242 Интервьюик

Совместный проект "Смены"
и интернет-портала Report.ru

женщина и мужчина

Ольга Пестрова

146 Подарок
на свадьбу

Татьяна Смертина

150 Стихи

Светлана
Бестужева-Лада

178 Каждому свое

Екатерина Богомолова

248 Стихи

издалека

Любовь Русева

94 Великий магистр

▼ стр. 94

внимание!
КОНКУРС
стр. 240-241

стр. 26 ►

стр. 76 ▼

стр. 229 ►

ироническая повесть

Олег Новгородов
104 Угрюмая рожа далекого прошлого

фантастика

Роберт Шекли
152 Самое дорогое

детектив

Андре Бьерке
164 Тайна запертой квартиры

рассказ

Александр Еланский
214 Потапов

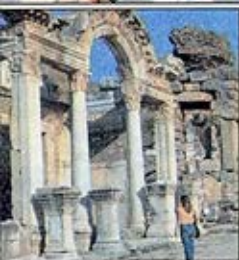
наследие веков

Игорь Опарин
4 Эфес

Софья Пискун
76 Аполлинарий Васнецов

▲ стр. 47

◀ стр. 4

молодой бульвар

Полина Теслер,
Натя Шанерова
18 Заповедник московской земли

Елена Захарова
26 О голодном студенте замолвите слово!

Анна Шеркунова
30 Мобильное пространство

Светлана Большакова
36 Студентка, корреспондентка...

Бертран Вьедливый
40 Заметки пижона и экстремала

Анастасия Пискунова
43 Мир фитнеса

Ольга Быстрых
47 Тотальность с Total'ом

Марина Фетисова
54 Не гуляйте, девочки...

Елена Серебряная
60 Твой наряд подвенечный

Виктория Скорнякова
66 Радуга

Рассказ

Джозефина Тей
ПРИДИ И УБЕЙ МЕНЯ

Перу известной английской писательницы Джозефины Тей (настоящее имя – Элизабет Макинтош) принадлежит 8 детективных романов, а роман «Приди и убей меня» назван американской прессой «лучшим произведением жанра».

Игорь ОПАРИН

В Турции, недалеко от Измира, есть живописная бухта. Когда-то здесь, на берегах Эгейского моря, был город Эфес: в порту встречали и провожали корабли, грузенные дорогими товарами; в театрах ставились пышные представления, на агоре обсуждались последние политические новости, в лавках торговались продавцы и покупатели, а в публичных домах царили порок и наслаждения. В этом городе, одном из самых известных и красивых в античном мире, жили выдающиеся художники, архитекторы, поэты, философы и ученые. В VII веке до н.э. по его улицам и площадям ходил Каллин Эфесский, древнейший из известных нам греческих лириков, а в VI веке до н.э. — Гипонакт Клазоменский, автор дерзких и едких стихов, изобретатель холиямба, стихотворного размера, названного в честь поэта гипонактовым стихом. И конечно же, нельзя не упомянуть еще об одном жителе Эфеса, Гераклите (554-483 г. до н.э.), блестящем философе, первом диалектике-материалисте, утверждавшем, что "все течет" и "нельзя войти дважды в одну реку".

Город всегда привлекал к себе внимание самых могущественных властителей Древнего мира. И неслучайно среди его правителей и царь Крез, и Александр Македонский, и римские императоры. Но Эфес прославился отнюдь не благодаря им, а храмом Артемиды, ставшим одним из семи чудес света и разрушенный безумным Геростратом...

Эфес был основан в XII веке до н.э., по преданиям, легендарными амазонками, сильными и отважными воительницами. Из-за своего удачного расположения — в удобной для судов бухте, на берегу Эгейского моря, на пересечении торговых путей — город быстро рос и набирал влияние в античном мире. В Эфесе строились роскошные дворцы, величественные храмы, огромные театры, бани и множество тор-

говых лавок. Жители города выбрали себе замечательную покровительницу — прекрасную Артемиду, дочь Зевса и Лето, сестру Аполлона. Эта богиня охоты, живой природы и плодородия почиталась и как защитница супружества и материнства, недаром на культовой статуе, найденной в Эфесе, она изображена матерью-кормилицей с множеством сосцов.

VI век до н.э. один из самых удачных в истории Эфеса. Богатства текли рекой, и довольный народ в знак благодарности Артемиде, так замечательно помогавшей им жить, решил построить для нее новое великолепное жилище. Храмы Артемиды строились в городе и раньше, но они оказывались недолговечны: то деревянные постройки сгорали в огне пожаров, то рушились во время землетрясений, нередких в тех краях. Нет, теперь мы воздвигнем храм нашей любимой богине на века, возмечтали благодарные эфесцы. Окрестные правители тоже приняли участие в строительстве. Плиний в своем описании храма говорил, что "его окружают сто двадцать семь колонн, подаренных таким же количеством царей". И даже один из самых богатейших властителей античности царь Лидии Крез пожертвовал довольно внушительную сумму (ходили слухи, что он замаливал таким образом свои грехи).

Лучшие архитекторы того времени представили свои проекты храма, и в честном соревновании победил выдающийся греческий архитектор Херсифрон. Он задумал построить поистине великое сооружение — огромный мраморный храм, окруженный двумя рядами мраморных колонн. При этом, дабы избежать угрозы землетрясений, Херсифрон предложил строить храм на болоте у реки — мягкая болотистая почва станет как бы амортизатором при колебаниях земли. А чтобы под своей тяжестью храм не утонул в болоте, решили вырыть глубокий котлован

и заполнить его смесью древесного угля и шерсти, этойкой подушкой толщиной в несколько метров.

Столь масштабное строительство преподносило архитектуре одну инженерную задачу за другой. Например, как обеспечить доставку тяжелейших мраморных колонн к зданию, чтобы по дороге они не увязли в болоте? Помощники Херсифрона придумывали разные конструкции повозок, но под тяжестью груза они неумолимо тонули. И тогда Херсифрон нашел гениальное решение: в торцы стволов колонн вбили металлические стержни, и на них надели деревянные втулки, от которых шли оглобли к быкам. Колонны превратили в валики, колеса, которые покорно покатались за упряжками из десятков пар быков.

Но бывало и так, что и Херсифрон оказывался бессильным, и тогда ему на помощь приходила Артемида — ведь она больше всех была заинтересована в возведении ее нового жилища. Так, однажды, одна балка никак не ложилась в нужное место. Нервная система Херсифрона после долгих лет борьбы с подрядчиками, отцами города и завистливыми коллегами истощилась, и несчастная балка стала последней каплей. Вечером, после целого дня безуспешных попыток поставить балку на место, измученный Херсифрон в оди-

ночье сидел в своем доме, подумывая о том, а не уйти ли из этого мира в царство Аида, может, там он найдет покой... Но тут случилось чудо! Утром к уже отчаявшемуся архитектору прибежали строители — балка сама опустилась в нужные пазы!

Херсифрон не дожидаясь завершения строительства. После его смерти дело продолжил его сын Метаген, а когда и он умер, — архитекторы Пеонит и Деметрий. Храм закончили примерно в 450 г. до н.э. И он действительно был великолепным — украшенный колоннами, фресками, скульптурами. Весть о храме разнеслась по всему эллинскому миру. В Эфес приезжали только чтобы увидеть творение Херсифрона!

Однако храм не простоял и сотни лет. И тут начинается другая история, история Герострата, наверное, самого известного разрушителя всех времен и народов.

Герострат не обладал никакими талантами — ну ничем примечательным не наградили его боги. Зато в душе его горело безумное желание прославиться. И в больном сознании зародилась мысль — сжечь храм Артемиды! Уж тогда все узнают о Герострате, уж тогда он точно прославится! И Герострату удалось осуществить свою поистине сумасшедшую идею — в ночь в 356 году (по легенде, в эту же ночь родился Алек-

ΑΡΕΤΗ
ΚΕΛΣΟΥ

сандр Македонский) он сжег храм! За несколько часов здание полностью разрушилось. Деревянные части его, запасы зерна, хранившиеся в подвалах, картины, дары и одежды жрецов — все загорелось в одну секунду.

Эфесцы были потрясены. Какой-то ничтожный безумец, этот жалкий Герострат, разрушил их гордость, обиталище любимой Артемиды! Какое же наказание придумать ему? Казнить его — мало! Чего он так добивался — славы? И жители города, города, в котором жили философы и поэты, придумали Герострату кару — они повелели навсегда забыть его имя, забыть о том, что он вообще жил на земле. Наказать человека, мечтавшего о бессмертии, полным забвением.

Но боги посмеялись над мудрыми эфесцами. По всему миру, в Персии и Ионии, в Египте и Элладе, люди, встречаясь, рассказывали, как один безумец сжег в Эфесе храм Артемиды и как эфесцы придумали наказать его забвением. И конечно же, кто-нибудь спрашивал: "А кстати, как его звали?" И кто-нибудь обязательно отвечал: "Да, кажется, Герострат". Так имя поджигателя дошло до наших дней, став нарицательным.

А эфесцы, между тем, решили построить новый храм своей Артемиде — еще более грандиозным, еще более красивым. Второй храм строил знаменитый архитектор Хейрократ, которому приписывают планировку великого города Древней Греции Александрии и идею превратить гору Афон в статую Александра Македонского с сосудом в руке, из которого изливается река.

Теперь строительство шло быстрее — уже по проторенному Херсифроном пути. И новый храм действительно стал еще величественнее: теперь его длина достигала 109 метров, ширина — 50, и 127 колонн окружали его по периметру в два ряда, их украшала резьба, барельефы выполнил знаменитый скульптор Скопас. Внут-

реннее пространство храма украшали статуи Праксителя и Скопаса, а также замечательные фрески с изображениями пейзажей, Одиссея и его воинов, филосо-

фов, раздумывающих над загадками бытия. И новый храм признали чудом света. По поводу его строительства ходило тогда много слухов, сплетничали, где это жители Эфеса добыли деньги на столь впечатляющее сооружение. "После того, как некий Герострат сжег храм, граждане воздвигли другой, более красивый, собрав для этого женские украшения, пожертвовав свое собственное имущество и продав колонны прежнего храма", — писал Страбон. А вот Тимей из Тавромения, как сообщает Артемидор, утверждал, что "эфесцы отстроили храм на средства, которые персы отдали им на хранение". Однако Артемидор с возмущением опровергает Тимея: "В те времена никто никаких денег эфесцам на хранение не давал!"

В это время в город вошел со своим войском Александр Македонский. Желая засвидетельствовать уважение Артемиде, а заодно и заработать политический капитал, поработать на свой имидж, как сказали бы нынешние политтехнологи, Александр предложил оплатить из своей казны все расходы по строительству и содержанию храма, но при одном условии — чтобы в посвященной надписи значилось его имя. Однако эфесцам совсем не хотелось, чтобы их любимый храм вошел в историю с именем могущественного македонца. Храм Артемиды — это их храм! Долго думали, как бы повежливее отказать Александру — ведь его просьба подкреплялась многочисленными фалангами македонцев. И тогда один хитроумный эфесец нашел выход

рения порта, в городе шло интенсивное строительство — римской знати требовались новые дворцы, новые кварталы. В Эфесе появились большой стадион, роскошные термы, театр на 24 тысячи зрителей, высокое, с пышно украшенным фасадом здание библиотеки, широкие, вымощенные мраморными плитами, улицы — по вечерам их освещали светильники, чтобы при-

из щекотливой ситуации. "Александр, — сказал он, — не подобает богу воздвигать храмы другим богам". На эту сентенцию Александр достойного ответа не нашел. Так храм Артемиды остался достоянием эфесцев.

Расчеты Херсифрона оказались верными, и храм простоял на болоте почти полтысячелетия. А между тем в городе менялись власть и правители. После смерти Александра Македонского, после яростной борьбы за власть между его полководцами в 287 г. до н.э. Эфесом завладел Лисимах, бывший телохранитель Александра. Во время правления Лисимаха вокруг города возвели крепостную стену трехметровой ширины, остатки которой сохранились до наших дней.

Во II веке до н.э. Эфес подпадает под влияние Рима, а с 133 г. до н.э. город уже часть Римской империи. При императоре Августе Эфес еще более укрепил свое положение — он стал столицей римской провинции Азия (раньше ею был Пергам). Оживленная морская торговля потребовала расши-

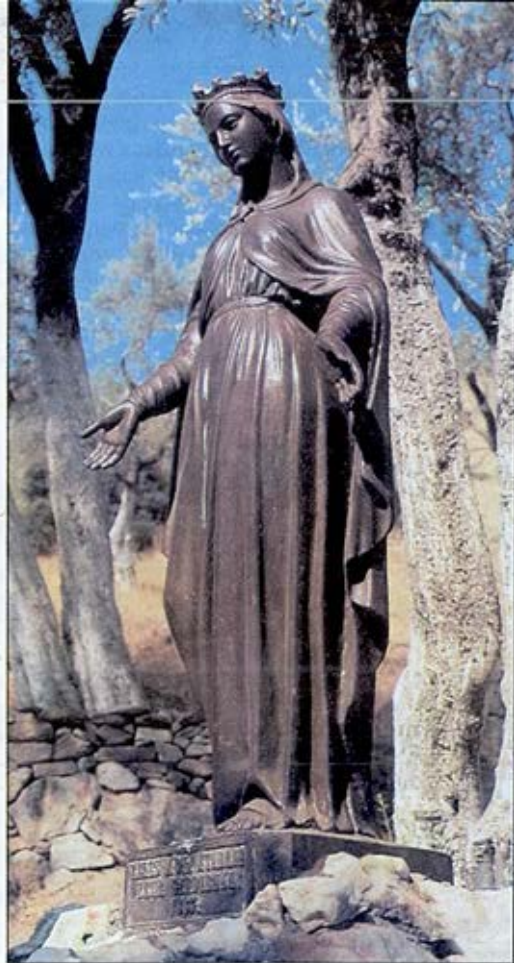

позднившиеся гуляки могли найти дорогу домой. Вокруг центральной площади шли крытые галереи с высокими колоннадами протяженностью 150 метров. В это же время построили водопровод; подземные трубопроводы подводили в водосборники воду из источников, находившихся в 40 километрах от города! Из накопительных резервуаров вода распределялась по частным домам и общественным зданиям.

Артемиде не оставляла заботой город, и ее храм становился все богаче. Римляне почитали Артемиду — правда, они называли богиню Дианой — не менее, чем греки. Богатые сановники подносили ей — и ее жилищу — роскошные дары. Известно, что Вибий Салютарий преподнес храму много золотых и серебряных статуй, которые выносили в дни празднеств в театр.

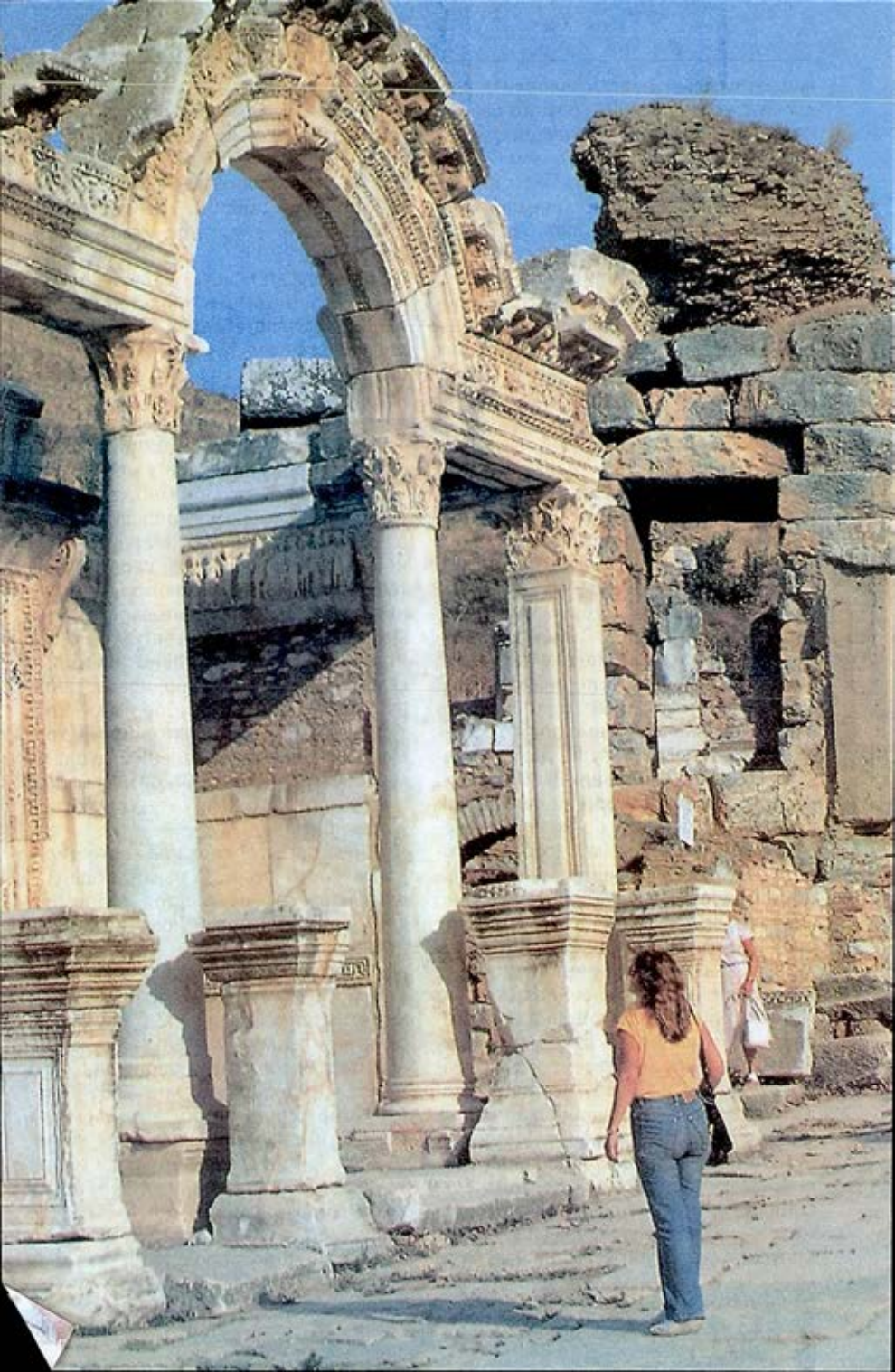
С наступлением новой эры в Эфес пришло христианство. В 37-42 годах здесь побывали многие апостолы, но эфесцы сохраняли верность старым богам и каждый раз изгоняли христианских проповедников. В 53 году в город приехал Святой Павел. Три года, сначала в синагогах, а затем везде, где он находил слушателей, рассказывал Павел о жизни и смерти Христа, и постепенно все больше эфесцев становились последователями нового учения. Павел стал основателем первой христианской общины в Эфесе.

Жил в те годы в городе некий Деетрий. Он был ювелиром и зарабатывал на жизнь тем, что делал небольшие серебряные статуэтки Артемиды. С ростом влияния Павла у Деетрия и его коллег становилось все меньше покупателей — спрос на серебряную Артемиду быстро падал. И тогда Деетрий, подбив своих друзей и коллег, устроил такой "митинг протеста" против нового Бога: собрал на стадионе тысячи людей, громко скандировавших "Великая Артемиде Эфесская!" Павел хотел обратиться к толпе, но ему не позволили. Власти смогли разогнать лю-

дей, однако Павлу вскоре после этих событий все-таки пришлось уехать из Эфеса.

С городом связана судьба и другого апостола — Святого Иоанна. После смерти Павла Иоанн стал главой эфесской общины. Перед вознесением Христос указал на Иоанна и сказал: "Женщина, это твой сын", а указав на мать, промолвил: "Это твоя мать". Спустя четыре года (а по другим источникам — шесть лет) после трагических событий в Иерусалиме Иоанн вместе с Девой Марией приехали в Эфес. Апостол поселил Марию в специально приготовленный для нее дом. Там и жила Мать Ии-

чинам Вуду не удалось закончить раскопки храма — в 1904 году это сделал его коллега Хогарт. Он нашел фундамент второго храма, а под ним — следы первого, того, что сжег Герострат.

Между тем, в Эфесе начались активные раскопки — их вели по разрешению турецких властей австрийские археологи. На поверхности земли вновь появились улицы, дороги, площади, богатые жилища, термы, дворцы и библиотеки одного из величайших городов античного мира.

Продолжается и религиозная история Эфеса.

В 1878 году Клемент Brentano в своей книге "Жизнь Девы Марии" опубликовал записки некоей немецкой монахини Катерины Эммерих, которая якобы знала, где стоит дом Марии. Катерина Эммерих (1774-1824) мало что видела в своей жизни — никогда не покидала город, в котором родилась, где стала монахиней. Тем удивительнее, что однажды во сне она явственно увидела совершенно не знакомую ей местность, небольшой городок и домик, и словно бы услышала голос — "Вот он, дом Марии". Монахиня рассказала о своих видениях, и ей поверили. В 1891 году измирский священник Юджин Пулин даже организовал специальную экспедицию, чтобы найти дом Марии. Руководить экспедицией поручили священнику по имени Янг. После долгих поисков в окрестностях древнего Эфеса в деревушке Паная Капула нашли фундамент и стены — руины дома, чрезвычайно похожего на тот, что описывала Катерина. Его возраст насчитывал 13-14 веков, но кусочки угля и часть фундамента датировались 1 веком н.э. Обрадованный Юджин Пулин тут же опубликовал целую серию статей, посвященных "дому Марии" и таким образом привлек к нему внимание общественности. Дом восстановили, реконструировали. Сюда, в маленькую турецкую деревушку Паная Капула, устремились различные хри-

стианские ученые и эксперты, признавшие, что найденный экспедицией Янга дом действительно тот самый, в котором закончила свои дни Дева Мария. И в 1892 году монсеньер Тимони, глава христианской общины Измира, разрешил здесь проводить религиозные церемонии.

Сейчас в этом доме маленькая церковь. Скромный алтарь, статуя Девы Марии, горящие свечи, мраморный пол. Небольшое помещение в южной части церкви, как говорят, было спальней Марии, в нише стояла ее кровать, на которой она и скончалась.

В 1961 году папа римский Павел VI признал "домик Марии" местом паломничества. С тех пор множество людей побывали здесь. Вряд ли Янг нашел настоящий домик Марии, но это не так уж и важно. Люди верят, а вера творит чудеса, и с ее помощью даже ничем не примечательные развалины могут превращаться в святыни. Но так или иначе, поразительно красивые склоны анатолийских гор, цветы, тишина, яркое солнце и голубое небо — все тут, на живописных Анатолийских холмах, способствует очищению души от мелких страстей и мирской суеты. Может, за этим люди и совершают свои паломничества...

Древний Эфес снова на карте мира. Как и много столетий назад, сюда устремляются тысячи туристов и паломников со всего мира. Снова шумит на древней анатолийской земле разноязыкая толпа, в эфесских храмах за помощью и прощением обращают свои молитвы Богу и Божьей Матери верующие, в больших и маленьких сувенирных лавках торговцы предлагают свои товары (среди них обязательно — статуэтки Артемиды и могучего Приама, а также "настоящие древнегреческие монеты"), а на сцене античного театра устраиваются представления. Только вот храма Артемиды нет — великое творение греческих архитекторов безвозвратно ушло в прошлое... ■

МОТОТОН

Бульвар

17-75 стр.

3ano

MOCKO

ЭПИКУ

ВСКОВОЙ ЗЕМЛИ

■ Подходит к концу осень. Не за горами сессия. Молодежь толпится около учебных заведений, обсуждая предстоящие трудности, намечающиеся задолженности и будущие проблемы с преподавателями. Всем нам, студентам, и бывшим и нынешним, хорошо знакома атмосфера предэкзаменационной суматохи. Но, если бы не было сессий, не было бы, наверное, и той яр

кой студенческой жизни, о которой потом вспоминают долгие годы, как о самом счастливом времени. Наверное, человек, не прошедший через нее, чувствует себя немного обделенным. Конечно, обстоятельства бывают разные. Но вот поступок студента, который, пройдя через вступительные экзамены и несколько лет учебы, вдруг по собственному желанию покидает вуз, всегда вызывает некоторое удивление.

Николай Д. один из них. Полгода назад он ушел с третьего курса Тимирязевской академии. Говорит, что поступил на педагогический факультет академии, а там про баранов и коров с утра до ночи рассказывают. А, главное, верных интересных друзей найти себе на факультете не смог. Жаль было потраченных сил, готовился к поступлению долго.

Конечно, с одной стороны — “коровы, бараны, навоз”, а с другой — фермерское хозяйство, чистенький домик, природа, свежий воздух. На зеленых лугах пасутся овечки, их охраняет огромный, лохматый пес. И ты верхом на лошади объезжаешь с утра свои огромные владения, дирижируя всем этим сложным хозяйством, зная каждую его деталь, каждую мелочь. Ты знаешь, здоровы ли коровы, сыты ли в стойле лошади, и что сделать, чтобы твои пашни были сочные и зелены. Может, это пока выглядит идиллией, но такие хозяйства разбросаны по всей Европе. И надо же, наконец, кому-то и у нас братья за дело. И кому же, как не выпускникам Тимирязевской академии!

Совсем недавно одна из наших знакомых ушла с третьего курса престижного гуманитарного факультета МГУ, преодолев невероятное сопротивление своей профессорской семьи, чтобы учиться в Тимирязевке, стать коневодом и иметь возможность тренироваться в команде конников академии. Всех нас ее поступок восхитил. Иметь такую силу воли и такую преданность любимому делу дано не каждому! Теперь, в отличие от Николая Д., она учится в академии и чувствует себя самым счастливым человеком на свете. Мы тоже захотели почувствовать себя счастливыми людьми и отправились на северо-запад нашей столицы.

И вот перед нами старинные, уютные корпуса, скульптуры животных, стоящие перед ними, огромное опытное поле, за ним большой лесопарк, недалеко конный манеж. Даже не верится, что все это расположено недалеко от центра Москвы и занимает всего лишь несколько квадратных километров.

Здесь все связано с историей. Еще в пятидесятых годах девятнадцатого столетия знаменитый немецкий ученый Юстус Либих писал в Россию профессору Ильенкову: “Русское земледельческое дворянство должно понять, что ему необходимо запастись сельскохозяйственными знаниями, если оно не хочет идти навстречу верной гибели”. А осенью 1857 года Московское общество сельского хозяйства признало необходимым основать высшую сельскохозяйственную школу в имени Петровско-Разумовское. Тогда здесь создали ферму с племенным заводом рабочих лошадей, Лесную дачу, разбили поля и угодья. Из Петербурга выписали известного русского архитектора Н. А. Бенуа, который воздвиг на месте летнего графского дворца великолепный дом с часовой башней и оригинальными выпуклыми стеклами. Все это, как ни странно, уцелело до наших дней, за исключением храма Петра и Павла, возвышавшегося ранее над всем Петровско-Разумовским имением. В этом имении бывал Петр I, останавливалась Екатерина II, следовавшая в Москву для коронации, “гостили” французы во времена их нашествия на Москву в 1812 году.

Сейчас это целый маленький город, объединивший историю развития сельского хозяйства и достижения сельскохозяйственной науки и практики. Наряду с педагогической деятельностью здесь развернута и огромная исследовательская работа.

Академия носит имя Климента Аркадьевича Тимирязева — ученого, работавшего в Петровской академии (а именно так она называлась раньше) более двадцати лет. Он создал кафедру анатомии и физиологии растений, читал курс лекций, написал известную книгу “Жизнь растений”.

Вообще перечислить все, чем занимается Тимирязевская академия и что находится

на ее территории, задача достаточно сложная. Можно только сказать, что ни один вуз Москвы не имеет такого размаха и разнообразия.

В академии, например, есть селекционная станция. Она была первой в России, именно по ее образцам создавались другие опытные станции страны. На ней трудился Н.И. Вавилов, разрабатывая новые научные направления, получившие впоследствии мировое признание. Работы выдающегося ученого в области растениеводства, ботаники, генетики и селекции стали основами новых научных направлений. В академии работали и другие известные ученые, имена которых на слуху, так как ими названы улицы Москвы: Чайнов, Прянишников, Немчинов, Фортунатов... Здесь работает школа плодоводства и овощеводства. А земледельческая и лесная академия считаются основой всего русского лесоводства. Недалеко от Лесной дачи растут деревья, посаженные знаменитым лесоводом профессором М.К. Турским. Даже есть своя метеорологическая обсерватория, не говоря уже о пасеке, птичнике, ферме, рыбоводческом хозяйстве, музеях, манеже и т.д. Впрочем, обо всем по порядку.

Конечно, мы, прежде всего, направились в манеж. Ведь там же лошади, которых так нежно описывали в своих произведениях классики русской литературы: Пушкин, Лермонтов, Тургенев, Толстой. Именно о них они писали, как о близком и порой единственном друге. Там лошади, которых так часто рисовали на своих полотнах художники и лепили скульпторы! Лошади, преданно служившие человеку и в мирное, и в военное время. Именно они заменяли нам многие столетия самолеты, поезда, автомобили. Именно ради них наша подруга, поссорившись со всеми на свете, бросила МГУ.

Размышляя об этом, незаметно подошли к приземистому зданию, фасад которого украшали скульптуры лошадей. "Музей коневодства", — прочитали мы и решили заглянуть. Вся экспозиция словно подтверждала то, о чем мы только что говорили. В музее собрана коллекция произведе-

ний искусства, посвященных лошади. Ей нет равной во всем мире. И в познавательном плане, и в эстетическом. На стенах картины работы Серова, Врубеля, Грекова, Пластова, Сверчкова. Мы были поражены, что эта экспозиция так малоизвестна.

А в манеже тренировалась наездница Юля — студентка третьего курса зооинженерного факультета.

— Любый человек, садящийся в седло, — рассказывает Юля, — прежде всего очеловечивает животное, начинает беседовать с ним, как со своим приятелем или с ребенком: "ну... что ты, миленький, не едешь, хватит стоять". Лошадь настораживается и сразу чувствует тон, чувствует характер наездника. Например, если ее бояться, она сразу же перестанет вас слушаться. Но надо, конечно, знать и характер самой лошади, ее психологию, а не то могут произойти неприятности. Когда я только начинала заниматься конным спортом и впервые участвовала в соревнованиях, со мной произошла неприятная история. Нужно было прыгнуть через препятствие. Я натянула вожжи и дернулась вперед, рассчитывая на то, что лошадь тоже рванет вперед. А эта дурочка увидела лужу и остановилась. В итоге я оказалась в этой луже да еще с переломом ноги. С соревнований, естественно, меня сняли, немедленно за гипсовали и посадили дома на целый месяц.

— Юля, а кто здесь проживает?

— На сегодняшний день у нас около шестидесяти лошадей, есть парочка миленьких пони, алтайские лошади, они чуть побольше пони, но меньше обычной лошади, и здесь же "проживает" знаменитая Волна, занявшая второе место на престижном международном конкурсе.

— Почему второе, она же такая красавица? — (Мы гладим Волну по ее необыкновенной шерсти, напоминающей каркульчу, к тому же у нее необычный коричнево-черный окрас.)

— Дело в том, что Волну привезли из Таджикистана. Там жуткая разруха и беспорядок. Половину документов, связанных с ее родословной, потеряли, а они просто

необходимы, тем более, если лошадь используется в селекции. Это, к сожалению, единственная причина, из-за которой мы не первые. Сам же манеж, в котором вы сейчас находитесь, построили в 80-м году к Олимпиаде.

— Какой уход нужен лошади, чтобы содержать ее в такой красоте?

— Прежде всего — качественный. Не могу сказать, чтобы это занимало много времени. Тем более, сейчас в магазинах продаются специальные шампуни, бальзамы-ополаскиватели для лошадей, щетки для разных типов хвостов и грив. Были бы деньги. Уходом за лошадьми у нас занимаются не только профессиональные конюхи, но и студенты. Они делают все с большой охотой. Всем приятно общаться

с лошадами и, тем более, сделать их еще красивее.

— Интересно, с какого возраста можно заниматься конным спортом?

— Ребенка можно сажать в седло с шести-семи лет. Это абсолютно не вредно и никак не влияет на его походку. Если у человека от рождения прямые ноги, то конным спортом их не испортишь. Ведь недаром английские лорды покупают своим дочерям лошадку, как только девочкам исполняется четыре года. Потом вы, наверное, слышали, что конный спорт помогает преодолеть тяжелые недуги. Есть группы, в которых занимаются дети с диагнозом "церебральный паралич". Результаты занятий превзошли все ожидания.

Мы не стали задавать Юле вопрос, почему она выбрала местом учебы Тимирязевскую академию. И так было понятно по ее счастливому лицу, когда она рассказывала о лошадях, по тому, как уверенно и грациозно сидела в седле. А с этим вопросом обратились к Валентину, студенту зооинженерного факультета.

— С детства очень люблю животных, уже с девяти лет знал, что свяжу свою жизнь именно с братьями нашими меньшими, да и поступить сюда мне было не очень

сложно. Всего лишь химию, биологию и русский сдать нужно, причем в пределах школьной программы. Репетиторы не потребовались.

К тому же у меня самый интересный факультет — зоотехнический. Зоотехника — старинная наука. Она начала развиваться в XVIII веке. Вам, как журналистам, наверное, интересно будет узнать, что уже в 1766 году выходил журнал по зоотехнике. Назывался "Труды вольного экономического общества к поощрению в России земледелия и домостроительства". Звучит довольно актуально, не правда ли? Хотелось бы только, чтобы у нас в стране действительно это

поощряли, и законы соответствующие приняли.

— Какие предметы проходите на факультете?

— Ну, например, морфологию — строение животных, физиологию, биохимию, генетику, кормление животных, их разведение.

— А что тебе дается сложнее всего?

— Мне нравится все, чем я занимаюсь, единственное, что "достает" — это математика, из-за нее вечный хвост.

— Скажи, пожалуйста, а какими качествами, на твой взгляд, должен обладать зоотехник?

— Главное — отсутствие брезгливости. Иногда приходится резать лягушек, препарировать маленьких кроликов, а на летней практике в Саратовской области я, например, кастрировал свиней и убирал навоз. А вообще меня интересует тема переработки продуктов сы

рья животного происхождения: кефиры, молоко, йогурты... Думаю, без работы в этой области не останусь, как и многие другие, кто учится в нашей академии.

Валентин посоветовал нам обязательно зайти на ферму, где мы увидели чистеньких коровок и маленьких телят.

Шелестя белыми халатами, мимо нас прошли студенты. У них — занятия.

В птичнике кудахтали куры. В свиномнике рядом с огромной свиньей лежали, словно игрушечные, маленькие свинки. Везде было чисто и уютно. Чувствовалось,

что у хозяйства опытный и заботливый хозяин, который знает — сыты ли и здоровы его коровы, лошади и овцы, достаточно ли корма для них припасено. И если такие хозяйства будут разбросаны по всей России, то нам не придется "идти навстречу верной гибели"...

Целый день мы провели в "Тимирязевке". Ходили по залам геологического музея академии — здесь есть и такой — рассматривали останки древних животных и растений, минералов и горных пород, даже метеоритов. Бродили по залам Почвенно-агрономического музея, экспозицию которого готовили несколько поколений ученых-почвоведов и географов. И у нас было такое ощущение, будто мы прошагали через всю Россию с севера на юг. В Зоологическом музее имени Кулагина и Музее животноводства имени Лискуна читали указы Петра I "О подготовке кузнецов и коновалов" (1715 года), и материалы по организации первого в мире учебного заведения по подготовке ветеринаров, смотрели на чучела коров, свиней и поросят (весом 23, 4 кг каждый). Узнали, что до революции поросята были "мелкие и костлявые, высоконогие с большой головой и щетиной", то есть "характерные для того времени". А после Великой Октябрьской социалистической революции они "заняли должное место среди отраслей животноводства". Приблизительно та же самая эволюция произошла и с овцами. Мы увидели чучела двадцати четырех пород овец, ягнят, из которых делают каракульчовые шубы. Выяснили, что первый инкубатор изобрели в Египте за 2,5 тыс. лет до н.э. А куры — не просто одинаковые куры, а подразделяющиеся на ливенских и псковских, лысых и холмогорских. И всех их друг от друга может отличить студент Тимирязевской академии.

Интересны нам были и гибриды птиц. Ну, например, полу-гусь — полу-утка. Узнали, что только в 1833 году стало известно, благодаря первому русскому рыбоводу А.Т. Болотову, что рыбу можно разводить и в искусственных водоемах. И что Ленин очень любил рыбу (естественно, свежую, а не мо-

роженую), и по его распоряжению в Горках организовали рыбоводное хозяйство.

Около стендов рыбоводного хозяйства мы познакомились со студентом первого курса Дмитрием. Он мечтает о собственном форелевом хозяйстве. Живет в Подмосковье.

— С детства обожал рыбачить. Сам варил уху. Весь дом заставил аквариумами, мечтал вывести новые сорта рыбы. Когда встал вопрос, кем быть, думал недолго. Представил, что мне интереснее всего на свете и понял, что надо сюда, в Тимирязевку. Кстати, у нас здесь есть искусственный водоем с рыбами. Я там все свободное время провожу. Туда можно сходить.

Но мы решили до конца осмотреть экспозицию музея. Узнали еще много интересного. Например, что от одной крольчихи, то есть от ее детей, можно получить 30 шкурки и 70 кг мяса. И кролики тоже бывают разные: серый и белый великан, черно-бурый и серебристый, японская бабочка, голубой и шиншила. Недалеко от кроликов увидели норки невероятных окрасов — пастель-полонино, сапфировую, а также чучела песцов, лисиц, соболей. Здесь же представлены стенды по оленеводству и собаководству. Правда, собаки выставлялись не за красоту, а в качестве помощника человека. Еще побывали в залах краииологии — там собраны черепа животных.

По музею нас сопровождала доброжелательный экскурсовод, помогая увидеть самое интересное и заостряя наше внимание на каких-то деталях и подробностях.

— Тимирязевская академия не только сельскохозяйственное заведение, — сказала она. — Не только заповедник в центре столицы. Это, прежде всего, культурный центр. Одна наша библиотека чего стоит! Ее открыли вместе с академией в 1865 году. В фонде сейчас более двух миллионов книг. К тому же жизненный путь многих писателей связан с Петровско-Разумовским. У нас бывали Некрасов, Толстой, Достоевский, Чехов, Брюсов, Островский, Гиляровский, Куприн, Пришвин, Паустовский, Леонов, Эренбург, Твардовский. А писатель Короленко учился у нас в академии.

фото Владимира Чейшвили

Петровско-Разумовское рисовали Суриков, Левитан, Шишкин. Многие профессора академии дружили с известными композиторами, певцами, артистами. Те приезжали сюда выступать, и наши студенты слушали Рахманинова, Собинова, Лемешева, видели игру Ермоловой.

Более тридцати лет назад в академии создали еще и факультет народной культуры и творчества.

Со студенткой третьего курса этого факультета Машей мы познакомились в парке академии.

— Я приехала сюда из Саратовской области. Откровенно говоря, мне было все равно, куда поступать. Хотела зацепиться в Москве любым путем. Поступила в академию на факультет народной культуры и творчества. Проучилась семестр и поняла, что это как раз то, что мне надо. У нас здесь и ансамбль свой, и художественная самодеятельность, и театр. Ежегодно про-

водим студенческие фестивали "Весна в Тимирязевке", "Золотая осень в Тимирязевке". Если не выйду замуж за москвича, поеду к себе домой. Создам у себя на родине народный театр и стану работать режиссером.

В тот день мы еще долго гуляли по старинному парку, болтали со студентами, которые, возможно, далеки от клубных тусовок и мажорских кафе, но зато близки к чему-то другому, более важному, что не смог понять и чем не смог проникнуться Николай Д., о котором мы говорили вначале. Но осуждать его за это ни в коем случае не будем, так как каждый в этой жизни должен возделывать свой сад... ■

Проникались атмосферой
Тимирязевской академии

Полина ТЕСЛЕР и Катя ШАКЕРОВА.

Сколько раз в день вы привыкли есть — обедать, ужинать? А как часто вы меняете внешний вид, хотя бы одежду, например? И приходило ли вам в голову посчитать, сколько на все расходуется денег ежедневно и с точностью до рубля? Нет? А есть такие странные люди, которые делают это каждый день. Впрочем, вовсе не потому, что так уж им особенно хочется, а из-за того, что для них это — вынужденная необходимость. И имя им — студенты.

Речь пойдет о пренеприятном для всех студентов вопросе — о стипендии. Как правило, вся периферия стремится выехать из своих "уездных" городов и прорваться в Москву или, на худой конец, в Питер. Ну, поступил через пень колоду на бюджетное отделение, вроде как зацепился и... Появляется огромная чудовищная проблема — оплата собственного житья-бытья. К сожалению, только крупные старые и маститые ВУЗы могут обеспечить своим студентам относительно нормальное существование — например, МГУ в среднем платит стипендию в размере от пятисот рублей. Плюс — новогодние начисления, "подарочные" подкидывания денег на окончание первого курса и так далее. На сложных математических факультетах, где учащихся и так мало, да еще, чтобы выбиться в хорошисты, надо быть по крайней мере Эйнштейном, зато стипендия достигает полутора тысяч, что вполне позволяет хоть как-то существовать.

В остальном оптимизм иссякает и всплывает огорчительная правда — небольшие государственные ВУЗы не способны дать своим студентам-бюджетникам достойную стипендию. Хорошо если вообще платят... Поэтому смысл сводится к одному — надо как-то выживать и карабкаться. Но возникают понятные сложности — денег не хватает, следовательно, приходится искать дополнительные для них источники.

Катя учится на втором курсе МГУКИ — Московского Государственного Университета (теперь это не новость, все институты нынче университетами стали...) Культуры и Искусств на дневном и бесплатном. Сама Катя приехала из Магадана и около полугода во время подготовки к экзаменам снимала комнату у старушки, параллельно еще убирала кварти-

о голодном

студенте
замолв

Елена ЗАХАРОВА

СЛОВО!

ру и ухаживала за этой бабушкой. Так что жизнь в стольном граде изначально повернулась сероватой стороной. Дальше больше — поступила, отучилась полгода и... деньги, выданные и собранные родителями иссякли, поскольку московские реалии во много раз дороже, чем родные магаданские. Остро встал вопрос — как быть? Стипендии хватало на оплату комнаты в общежитии и максимум на булочку и чай. Как вы думаете, сколько может молодой организм, да еще занимающийся умственным трудом, просуществовать на хлебе и подкрашенной водичке? Даже не интересующемуся подобными вопросами человеку ясно, — недолго. У родителей денег нет. Что делать? Единственное логичное решение — найти работу. Естественно, полуобученного специалиста, тем более по профессии культуролог, никуда не возьмут, разве что официанткой или уборщицей. Катя сделала выбор — вечерняя работа как бы "менеджером по залу" заключалась в протирании столов в небольшом кафе-ресторанчике, обязательной дежурной улыбке для клиента и тому подобное. Проще говоря, на побегушках у официантов "со стажем", весь вечер на ногах, а потом возвращаться надо в общежитие, где этажом ниже как всегда вечеринка, у соседки в гостях хахаль, а еще чудовищно болят голова и ноги. Как вам такое ассорти? Само собой, что подобная история стара как мир — печальная и грустная повесть о провинциальной студентке в большом столичном мегаполисе. Сколько фильмов снято и рассказов написано! Однако киноленты, как правило, проповедуют оптимизм, а потому эта самая история заканчивается хэппи-эндом, и в завершении все счастливо улыбаются и радуются жизни. В реальной жизни все прозаичнее. Под хвост известному животному катится вся учеба, за пропуски и хронические просыпания первых семинаров неистовствуют преподаватели. Возникает сложный выбор — либо образование и голодовка, либо работа и сносная жизнь. Конечно, из-за пропусков оказывается очень тяжело выйти на сессию вовремя и все успеть — ведь иначе стипендии не видать. А минус хотя бы тысяча рублей — уже очень ощутимая потеря. Как огорченно говорит сама Катя — вот так и кончают жизнь самоубий-

ством. Нет-нет, конечно, она на это никогда не пойдет — мама, папа, она единственный ребенок — надежда семьи и радость бабушки. Но такие случаи, как ни печально, не редкость — кто-то сразу в отчаянии и в состоянии шока от каждодневной пытки прыгает с десятого этажа общежития, а кто-то начинает под угрозой свести счеты с жизнью требовать от деканата денег или изменения "приговора" о неполучении стипендии.

Конечно, хорошо рассуждать о "положительных" студентах, которые уже на начальном этапе учебы устраиваются на работу и зарабатывают какие-то там деньги себе на кино и развлечения. Но надо признаться честно — в большинстве своем это москвичи. После тяжелого трудового дня приезжают домой, где мама заранее приготовила ужин, послушала все происходящие перипетии из жизни чада, а вечером можно спокойно пойти мыться в душ, зная, что там не моется некто чужой и незнакомый из соседнего корпуса. Само собой разумеется, что родители при кризисной ситуации с деньгами без помощи не оставят. Плюс огромную роль играет, конечно, просто их присутствие. "Институт семьи", куда можно в случае "если что" вернуться и выплакаться прямо в мамин фартук.

А теперь представьте — Катя не может даже вернуться в Магадан. За два с половиной года обучения она ни разу не видела ни маму, ни папу — потому что билет туда и обратно стоит баснословных денег, а их хватает только-только "на пожить" — поесть, оплатить общежитие, иногда придется и купить нужные книги. Тем более, ни для кого не секрет, что каждый уважающий себя преподаватель ненавязчиво говорит, что заниматься можно только по его учебнику и без него — "извините, экзамена не видать...". У Кати четко сведен бюджет — ничего лишнего: три книги в месяц стоимостью около ста-ста двадцати рублей, завтрак и ужин общей стоимостью пятьдесят рублей, и еще немного на все остальное — проезд в метро, ручки-тетради. Поговорить с родителями по телефону может позволить себе только раз в три месяца — поэтому произносит словосочетание "мама и папа" почти со слезами на глазах. И печально то, что для таких "брошенных" студентов нет

никакой ни социальной, ни моральной защиты — от произвола учебной части, от внезапного выгона из общежития. Как социальная прослойка они прекрасно вписаны в "студентов", а, к сожалению, эта толпа многогранна и совершенно неоднородна — куда той же Кате до внука декана, который приехал как-то один раз в университет на личном "мерседесе" представительского класса, да так там больше и не появлялся. А ведь тоже — студент...

Помимо всего, иногда совершенно необходимо снять стресс, который если накапливается и накапливается, то вполне может привести к черт-те чему. Каким же образом? Ответ — никаким. Нет у нас в штатном расписании государственных ВУЗов такой должности как психолог. А скольких трагедий можно было бы избежать всего за зарплату в двести условных конвертируемых единиц? Это признает даже ректор одного из высших учебных заведений, по его словам, дело в том, что нет у нас в стране "культы человеческой одиночной личности" — нет заботы об "оберегании" самых слабых хотя бы с психологической помощью. Впрочем, это уже вопрос в основном из

области чистой демагогии — нет, так чего говорить — так мне ответил ректор другого столичного учебного заведения.

Текстильный университет — довольно известный ВУЗ, куда, по словам многих студентов, набирается довольно много желающих-отказников, то есть тех, кто провалил экзамены в другие ВУЗы. Стипендия — триста наших национальных рублей. Давайте подумаем. Нет-нет, само собой разумеется, что при всем невероятном желании растянуть такие деньги на месяц невозможно — ведь по десять рублей в день получается?! Давайте просто представим, чем можно полезным и приятным порадовать себя любимого на эти копейки. Итак, суммы хватит на то, чтобы: активировать студенческую карточку на метро на месяц — около восьмидесяти рублей. Мы же студенты? Тогда кушать тоже будем классически и по-студенчески: кефирчик и белый хлебушек. Сумма в двести двадцать рублей нам позволит купить восемь пакетов кефира и семь батонов белого нарезного хлеба. То есть, по стакану кефира в день (два пакета в неделю) и почти по четвертинке батона! Утром каша, в обед каша, вечером каша... На фоне

трехсотрублевой стипендии подобное меню покажется роскошью английской королевы...

Для обладателей сотовых телефонов — триста рублей обычный месячный тариф на оплату. Так-то.

Однако что же творится в более благополучных и матерых ВУЗах нашей столицы? Бауманский университет, оплот технарей всех мастей и профессий. Благополучный, дорогой и сложный. Андрей учится на четвертом курсе дневного отделения. Само собой, отличник. Его — уже повышенная — стипендия для суперумных составляет без нескольких рубриков восемьсот рублей в месяц. Нормально, скажете вы. Верно, такую стипендию уже можно назвать деньгами, ведь не только хлеб, но и булочку можно себе позволить. Впрочем, тут-то и вкрадывается одно "но" — парадокс в том, что Андрей — коренной москвич. А это означает, что как отличнику ему полагается мэрская надбавка к стипендии. А его "оригинальная" стипендия в чистом виде так бы и составила что-то около четырехсот рублей... Как раз то самое, что при всех нечеловеческих трудах получит иногородний. Спасибо мэру за лишнюю копеечку — несомненно, приятно. Однако, если задуматься, выходит маленький парадокс — иногородним деньги нужнее и жить им сложнее в дорогой и холерной Москве, а надбавляют нам, москвичам, которые тут выросли и плавают в подводной жизни мегаполиса, как рыбы в воде. Вот такая жизненная проза.

Правда, ходят небезосновательные слухи, что в ближайшее время общую ставку стипендий повысят чуть ли не в два раза. На этом фоне уже, конечно, можно рассуждать о прелестях студенческой жизни, о тусовках, о романтических буднях на подоконниках общежития и большой человеческой любви. Хочется верить, то, что составляет будущее государства, станет надежно охраняться, защищаться и оплачиваться, потому что быть студентом иногда очень сложно и довольно дорого. Мы и бедные, и голодные, и вообще несчастные существа. Но при этом не теряем оптимизма, не бастуем на улицах и еще собираемся стать хорошими профессионалами в своих областях и вырасти достойными людьми. ■

Жизнь в огромном мегаполисе не замирает ни на секунду. Человеческий муравейник гудит автомобильными сигналами, голосами, и, конечно же, звонками сотовых телефонов. Мобильники играют и пищат не переставая — в квартире, в трам-

вае, в метро, на улице. Хочешь быть современным и всегда на связи? Прибери сотовый телефон. Хочешь быть в курсе событий и успевать везде? Рецепт тот же. Ни у кого теперь не вызывает удивления щуплая старушка с авоськой в крупную клеточку, мило

Анна ШЕРКУНОВА

ое пространство

беседующая с сыном по сотовому о планах на выходные.

Итак, если вы не хотите выпасть из общественной жизни или боитесь оказаться на обочине ее бурного течения — ваше спасение в сотовом. И это не реклама, а разумный подход. Если присмотреться повнимательнее, то плюсов гораздо больше, чем ненавязчивые напоминания всяких там врачей о том, что сотовый вреден для клеток мозга. Например, по официальной статистике теперь родители стали без боязни отпускать своих отпрысков гулять допоздна, потому что по спасительному сотовому можно всегда найти свое чадо и, в случае чего, по нему же вызвать спасателей или милицию. Или у вас срочная работа, а так хочется и себе, любимому, уделить капелюшечку внимани́ца... Правильно — вы на связи, а значит, вроде как, и на работе. А там уж никто не станет выяснять — то ли вы уже давно погрузились в грядки с клубникой и любовно ее прореживаете, то ли примеряете новые туфли и, придерживая телефон плечом, остаетесь в курсе того, что происходит на работе.

Вот он, прогресс! Да здравствует зеленый свет всяким техническим новшествам и примочкам! Теперь мы можем твердо и оптимистично возразить героине мульт-

фильма про Простоквашино, которая говорила: "Это не техника дошла, это я сама сюда на лыжах пришла!". Ничего подобного, не надо никуда идти! Хотите показать что-то необычное другу? Просто сфотографируйте это памятное нечто и вышлите в качестве письма на его телефон! А, может быть, вам нужен Интернет? Устройтесь в трамвае, автобусе или на лавочке поудобнее, произведите нехитрый набор кнопочек на вашем мобильном и... поздравляю, вы только что благополучно, без модемов и Интернет-кафе, интегрировались во всемирную Сеть!

Конечно, не все аппараты позволяют подобное. И, конечно, не всем нравится платить достаточно внушительные суммы в американских условных единичках за всякие малопонятные развлечения. Однако на сегодняшний день около восьмидесяти процентов жителей Москвы не представляют своей жизни без сотового телефончика, который мило отягощает сумочку, пояс или кокетливо висит на шнурке на шее. Что уж говорить про делового человека, для которого потеря связи с внешним миром, которую он, конечно, осуществляет через мобильный, равняется трем Хиросимам, девяти Терминаторам вкупе с постепенным осознанием наступления Судного дня.

Сотовые телефоны сегодня — это культ. Они не просто кишат на всех электронных рынках, они еще и блестят, привлекают внимание экзотикой форм, расцветок и подборкой аксессуаров. Теперь телефон — предмет восхищения, удивления и повышенного внимания. Особые эстеты не просто знают про него все, о нет, они в курсе номеров моделей, наполнения меню и всех размеров по длине, ширине и толщине маленького божка. Порой может показаться, что разговор между "мобильными маньяками" ведется на каком-то не доступном обычному среднетехническому человеку языке — в ход пускаются четырехзначные номера и странные словечки, вроде "инфракрасный порт", "порт USB", ну и всякие другие премудрости в таком роде.

На этом фоне можно предположить, что растет не просто благосостояние или техническая подготовленность населения нашей большой страны, а растем мы сами, каждый день общаясь с маленьким симпатичным чудом по имени сотовый. А вы в курсе, сколько в среде студенчества уделяется внимания этому существу? Вот, например, вам очень нравится девушка около аудитории. Как же с ней познакомиться? Нынче уже не говорят про прекрасные ножки или глазки, это будет сочтено откровенной

иронией с вашей стороны или неприкрытым домогательством. Результат очевиден и однозначен. Но — ясно как день, что необходимо сделать комплимент, приятный, завуалированный, ненавязчивый... Вы уже догадались? Конечно, похвалите ее сотовый телефон. А еще лучше — восхититесь и попросите посмотреть поближе. Итак, мобильный — не просто средство связи, а еще и повод для знакомства.

И вообще, современный мир уже с трудом верит в чудеса, он верит в то, что может потрогать или увидеть в деле. Как говорят ученые, наша цивилизация — цивилизация техников и циников. Причем вторых больше, чем первых. На этом фоне мы ищем себе идолов и маленьких божков вокруг нас, в окружающем нас вещественном мире. И конечно, мобильное пространство не избежало этого. Давайте попробуем классифицировать некоторых российских провайдеров мобильной связи.

Итак... Возьмем четверых из них — БиЛайн, МТС, Мерафон и Сонет. Что же мы видим?

БиЛайн — каждому воздается по размеру его. То есть денег не воруют, а если и да, то незаметно. Порой происходят чудеса, и удается дозвониться в час пик. Большое количество абонентов Би+ не используют

кредитную систему оплаты. Под землей, в метро, как правило, мобильник не работает. Биллайн — можно платить немного (около 10 условных) и экономить их до последнего. Минусы — в пределах Московской области берет уже вполне сносно, а вот дальше.... намучаетесь бегать, держа на вытянутой руке телефон и истошно вопя: "Ну лови же связь, лови-ии!".

МТС — чтобы от него получить хоть что-то, необходимо заранее принести жертву. Как правило, в конвертируемых валютах и больших размерах. Он ведет себя малопредсказуемо. Сама связь ничего, но корреляция между жертвой и временем разговоров проследить удастся далеко не всегда. Точнее — воруют ваши законные, нагло, явно и совершенно недоказуемо. В последнее время наблюдается небольшой отток пользователей в другие фирмы (Биллайн и Мегафон). Говоря откровенно, МТС — это монстр сотовой связи, ухлопывающий огромные суммы на рекламу, спонсорство крупных мероприятий и не гнушающийся никакими методами борьбы с нами. Соответственно, приготовьтесь — либо вы его регулярно подпитываете довольно солидными суммами, либо извините, ваш телефон отключат, и он не сможет даже работать в режиме пейджера (что возможно сделать в Биллайне). Однако несомненный плюс в том, что связь на порядок выше — и в метро, и в промышленных зданиях, где зачастую очень плохой прием. Вопрос, готовы ли вы за это платить?

Все приверженцы Мегафона — "пофигисты", поскольку никто, кроме них, не может быть так равнодушен к качеству связи. На самом деле, телефонная связь абонентов Мегафона интересует меньше всего —

очевидно, что они собрались просто поиграть в Botfighters (игра на сотовом, когда можно отследить абонента этой же сети и, поймав его, получить призы), чтобы потом окончательно слиться в нечто абсолютное.

Мегафон — для тех, кто знает, сколько он разговаривает в месяц, а поэтому он готов сразу отдать тридцать долларов и далее даже не вспоминать об оплате до начала следующего. Однако это еще и связь для тех, кто не имеет регулярных рейдов за город — там Мегафон практически бессилен и не ловит сигнал. И так, это оператор сотовой связи для городских и в меру болтливых людей.

И, наконец, — Сонет. С определенностью можно сказать, что апологеты CDMA (американский стандарт связи, в отличие от других операторов, которые используют европейский GSM) смотрят на остальных абонентов с некоторым превосходством (как же, как же, разве вы не знаете, что CDMA делает GSM по всем статьям?) и нетерпимы к роумингу. Кроме того, известно о настороженном отношении наших властей как к самому стандарту, так и к компаниям, которые его продвигают.

Уфф... Как видите, помимо выбора оператора сотовой связи и

красоты самой модельки телефончика, следует еще знать несколько азов относительно качества. Шутки шутками, а потом мучиться от неправильного выбора охота не всем.

Культура мобильной телефонии и организации мобильного пространства среди молодых и модных сегодня достигает в крупных городах масштабов целых клубов по интересам. И неважно, относительно чего — оператора мобильной связи или же модели телефона. Главное — объединиться и найти для начала тему для разговора, которая для особых любителей вообще практически неиссякаема. И так, да здравствует технический прогресс и мобильные телефоны, благодаря которым мы чему-то учимся, с кем-то знакомимся и всегда в центре событий!

Студентка
Корреспондент
просто
Красавица

В свои девятнадцать Полина Крикун добилась результатов, которые не снились многим и в сорок. Уже больше года она — штатный корреспондент Первого канала ТВ. Полина успешно работает для программы "Доброе утро", но мечтает о большем... Про "утро" своей журналистской карьеры Полина рассказывает сама.

— Наверное, как каждый ребёнок, — хотела стать космонавтом. У меня даже была кукла в костюме космонавта. Хотелось летать к далёким звёздам или работать на станции "Мир".

Спустя какое-то время Полина, насмотревшись шпионских зарубежных фильмов, уже стала мечтать о карьере сыщика. Возможно, поэтому теперь она читает хорошую литературу, а не бульварные романы и детективы. Как-то ей попала в руки книга Марининой, но прочитав ее, она поняла, что ей не интересно. Весь сюжет разгадывала после пятой страницы. Но все же романтическая мечта раскрывать преступления переросла в более серьёзные намерения.

— В старших классах думала поступать на юридический. Привлекла меня адвокатура — так хотелось защищать людей. Но юридическая карьера не сложилась, и я ни капельки об этом не жалею. Однажды мой знакомый повел меня в суд, который никак не соответствовал тому, что я видела, например, в кино. Я пришла в малюсенькое здание, открыла заветную дверку... и сверху на меня посыпалась какая-то штукатурка, ошметки краски. Пройдя по темному коридору, попала, наконец, в зал суда. А когда увидела весь процесс "правосудия", самого судью, адвокатов, еще сильнее разочаровалась. Всё выглядело так по-детски!

Неожиданно захотелось изложить увиденное на бумаге. Написала небольшую статью-эссе о "походе" в суд. Мой друг-журналист прочел ее, посмотрел остальные работы, — а писала я давно, — и уговорил попробовать поступить в МГУ.

Чтобы поступить на факультет журналистики МГУ, недостаточно быть просто творче-

ским человеком. Помимо экзаменов — сочинение и иностранный язык, здесь проводится творческий конкурс. Люди с улицы, в последний момент решившие подать документы и учиться на журналиста, не смогут этого сделать. Первое условие для поступления — наличие статей или других материалов, вышедших в СМИ. Где человек работал, неважно — на центральном ли канале, в провинциальной газете или в журнале. Главное, что с профессией журналиста он знаком не понаслышке. Затем кандидаты в студенты пишут творческое сочинение типа "Хотят ли русские войны" или "Лицо с обложки журнала". И это еще не все — с каждым из них проводится собеседование. На одного абитуриента приходится двое опрашиваемых — преподаватель МГУ и действующий журналист. Спрашивают о чем угодно. Могут поинтересоваться, какие книги поступающий возьмет с собой на необитаемый остров, или выпытать из него всю политическую ситуацию, сложившуюся в России за последние два года. А если не в России, то в Южной Африке.

Полина преодолела все. До поступления на факультет журналистики ее статьи регулярно выходили в газете "Пульс Ивантеевки". В газете "Иностранец" она подняла тему усыновления иностранцами русских детей из приютов. На телевидении ее первый опыт был на кабельном канале "ИТВ-36". Ей дали задание сделать сюжет о лыжных гонках. Вместе с оператором, который в тот день тоже дебютировал, ее привезли на место соревнования, выгрузили и ... забыли. Но молодая съемочная группа все же отсняла сюжет и взяла интервью у участников лыжных гонок. Машина за ними все не приходила. А когда приехала, ребята почти превратились в сосульки и на следующий день слегли с температурой. Но болезнь и другие трудности не отбили у Полины желания работать на телевидении.

В 2001 году она поступила на телевизионное отделение факультета журналистики. После первого курса, летом, ей предстояло проходить обязательную практику. Так она пришла на ОРТ в "Доброе утро".

— Сначала я ездила на съемки с корреспондентом Катей Качур смотреть, как она ра-

ботаешь, старалась перенять опыт, учиться у настоящего, уже сложившегося профессионала.

Через некоторое время мне разрешили подготовить маленькую рубрику "Доброе утро, народ!". Взяли на контракт, а уже в сентябре 2002 года — в штат.

История Полины — просто сказка про Золушку. Попасть на практику на ОРТ очень трудно, а стать штатным корреспондентом "Доброго утра" через два месяца работы еще труднее.

— Что за рубрика "Доброе утро, народ!"?

— Выпуск состоял из пяти-шести синхронных, то есть небольших интервью. За полторы минуты несколько человек, остановленных на улице, желали зрителям доброго утра.

— Где ты искала людей?

— Сначала задействовала знакомых, одноклассников, однокурсников. Потом количество их исчерпалось, и мне пришлось ездить по городу, подходить чуть ли не к каждому второму и просить его пожелать доброго утра кому-нибудь. Было непросто, но эта работа дала огромную уверенность в себе. Поначалу я стеснялась обращаться к прохожим на улице, поэтому первые выезды "в никуда" в поисках "героев" казались настоящим кошмаром. Сейчас могу сказать спасибо всем, кто доверил мне эту рубрику — она помогла справиться со стеснительностью, я стала более раскрепощенной, научилась общаться.

Сегодня Полина работает для потребительской рубрики "ОТК", что означает "отдел технического контроля". Рубрика выходит три раза в неделю и состоит из двух-трех минутных сюжетов. Все они рассказывают зрителям, как отличить качественные товары от некачественных. Полина выбирает дыни, тушь для ресниц, детскую спортивную форму, фломастеры. Теперь она совсем не боится обращаться к людям, наоборот, не отстаёт от эксперта, пока не узнает от него всю информацию, которая может оказаться полезной при выборе того или иного предмета.

— Большинство журналисток хотят стать ведущими. Ты тоже?

— У меня другая мечта. Я хочу быть военным корреспондентом. А ведущей... для меня исключено. Разве интересно: тебе пишут все подводки, а ты в кадре "ля-ля-ля"?

— Как ты себя готовишь в будущие военные корреспонденты?

— Просматриваю большое количество сюжетов действующих военкоров и на основе этих материалов делаю свои выводы.

— А кроме новостей ты что-нибудь еще смотришь на ТВ?

— У меня не хватает времени, но если есть возможность, обязательно смотрю. Особенно люблю аналитическую передачу Позднера — она затрагивает интересные вопросы, предоставляет возможность высказывать разнообразное мнение.

— Ты учишься на третьем курсе. Как совмещаешь работу и учебу?

— Многие преподаватели считают, что, если журналист не работает во время учебы, она, сама по себе, не имеет смысла. Выйти после журфака с корочкой и не уметь толком ничего делать — это страшно. Хорошо, что есть обязательная практика, но за один летний месяц всему не научишься.

— На качестве знаний отражается посещение лекций?

— Наверное, отражается, потому что, готовясь в сессию к экзамену, не все могу осилить: ведь готовлюсь по книжкам и по записям однокурсников, но есть такие моменты, которые важно услышать непосредственно от лектора. Я, например, обращаю внимание на одни детали, моя подруга — на другие, и в ее конспектах есть далеко не все, что мне нужно.

— Устаешь сильно?

— Нормальный человек не может работать 24 часа в сутки. Нагрузка у меня большая, но тем не менее люблю активный отдых: бильярд или боулинг.

— На личную жизнь времени хватает?

— Личная жизнь, конечно, страдает от недостатка времени, но я пытаюсь как-то все совмещать.

— Полина, у тебя на работе, в основном, друзья или коллеги?

— В основном, коллеги, но есть и друзья. Нашего режиссера рубрики Рому Карапетяна

считаю своим другом. Он, наверное, первый поверил в меня, когда я была еще зеленой стажеркой и ничего не умела в масштабе центрального канала. Даже огромного желания работать было недостаточно. Рома всячески пытался мне помочь.

— Однокурсники не завидуют твоим успехам в тележурналистике?

— Сложно сказать, потому что я мало с ними общаюсь.

— А вечеринки с друзьями?

— Нет, я на них не хожу. Хотя на первом курсе посещала одну "тусу", но там была всего-навсего пожизненная пьянка. Я человек малопьющий и ходила туда, в основном, за общением: за гитарой, за юмором, а потом и совсем перестала.

— Ты суеверный человек? Есть какие-нибудь приметы перед съемками?

— Перед съемками — нет. Правда, никогда не хожу под лестницей, по крайней мере, насколько это возможно. Иногда доходит до абсурда: обхожу лишние двадцать метров, только бы не пройти там.

— Боишься, что она на тебя рухнет?

— Нет, просто примета такая. А в черную кошку не верю. У меня больше десяти лет жил черный кот, мой любимец, считала его младшим братом, лучшим другом, поэтому до сих пор уверена, что черный кот или кошка приносит мне удачу.

— Кассеты не забываешь на съемку?

— Один раз забыла. Мы уже выезжали на съемки, и оператор говорит: "Дай кассету", а я в ужасе: "Ааа! Я же ее забыла!". Но это был единственный случай. В жизни я, может быть, и не совсем собранная, но на работе такое бывает редко.

— От какой привычки ты хотела бы избавиться?

— Бросить курить. Уже давно хочу, но больше двух дней продержаться не получается. Еще, наверно, от одной привычки неплохо бы избавиться. Только это скорее не привычка, а черта характера. По знаку Зодиака я — Стрелец, а Стрельцы очень любят говорить правду. Но иногда откровенность бывает лишней. Иной раз думаю — лучше бы промолчала...

— Любишь читать и что читаешь сейчас?

— В данный момент у меня на тумбочке лежит книжка Маркеса "Любовь во время чумы". Больше всего люблю Паоло Коэльо — его книги отражают мой внутренний мир. Очень люблю Шекспира, особенно его сонеты. Анну Ахматову. В ее стихах я просто вижу себя, и даже некоторые события перекликаются с моей жизнью.

— Каким видом спорта увлекаешься?

— Я прыгала несколько раз с парашютом: один — на куполе и несколько — на дуге. На куполе, конечно, сложнее — когда приземляешься, ногам больно. А вообще нравится экстремальный спорт, особенно дайвинг.

Дайвингом Полина занимается не очень часто, потому что происходит это в Египте. Подводное плавание для нее сплошное удовольствие. Не пугает то, что в баллонах может неожиданно закончиться кислород, или небольшая рыбка, проплывая рядом, может задеть трубку, через которую поступает кислород, и лишить ее возможности дышать.

Однажды Полина совершила очень рискованный поступок. Погружаться начинающим можно максимум на двадцать метров, а она погрузилась аж на сорок семь. Инструктор отвлекся на несколько секунд, а молодую корреспондентку увлекла за собой стая веселых рыбок. Рыбы уже не боятся людей с баллонами, привыкли к ним, поэтому окружают и плавают рядом. От этого совершенно исчезает ощущение глубины. Только когда давление на уши сильно возросло, Полина поняла, что дальше с рыбками ей нельзя. Инструктор и ученица скрыли рискованное погружение, но воспоминание осталось незабываемое.

"Только одно делает исполнение мечты невозможным — это страх неудачи", — писал Паоло Коэльо в "Алхимике". Полина Крикун неудач не боится, она решает проблемы по мере их появления. Не боится она и риска, что немаловажно для будущего военного корреспондента. Поэтому, я думаю, когда-нибудь ее мечта обязательно исполнится. ■

Беседовала **Светлана БОЛЬШАКОВА.**

МОСКОВСКИЙ ДНЕВНИК

Бертрана
Вьедливого,
нижняя
и экстремала

Когда кофе —
не просто кофе

■ Как ни парадоксально, но очереди возникают не только при наличии дефицита, иногда им способствуют изобилие и определенная категория покупателей. На этой неделе побывал в Елисеевском гастрономе. Я почти всегда, если выпадает время и если находиться в тех краях, захожу в известный всей стране магазин. Нет, не затем, чтобы купить что-то, для этого существуют другие гастрономы, вдали от центра, где тот же ассортимент не так быстро, как в "Елисеевском", опустошает бумажник. Я вошел, чтобы почувствовать не что-нибудь, а историю. Почти у всех моих любимых писателей, от Льва Толстого, дяди Гиляя и заканчивая Сергеем Довлатовым можно встретить упоминание, а то и описание этого знаменитого места для покупок. И вот я вошел в Елисеевский и, вдыхая его вкусные запахи, пошел по кругу. Возле кондитерского отдела — торты, кон-

феты, шоколад, пирожные — на повороте, меня привлекла сцена.

К прилавку подходит дама, и почти сразу же за ней становится женщина обычного московского вида: пальто, беретка, сапожки. На даме вульгарная норковая шуба и шапка.

— Покажите мне вот те шоколадные фигурки в фольге, мне для ребенка, — обращается дама к продавщице. Долго рассматривает фигурку, вертя в руках, затем возвращает ее. — Нет, дайте мне медвежонка. — Рассматривает медвежонка и возвращает его. Просмотрев около десятка шоколадных фигурок, дама слегка поглядывает в зеркало в витрине, — (я всюю наблюдаю за дамой) — и видит, что за женщиной в беретке уже стоит мужчина в шапке и кожаной куртке, а за мужчиной девушка с рюкзачком на спине. — Ох, даже не знаю, какой торт купить, — застыла перед дилеммой дама. Фигурки из шоколада она забрала: — Бисквитный или кремовый? — Она вопросительно смотрит на продавщицу.

— Возьмите "Весну", он самый вкусный, — щебечет продавщица.

— "Весну-у"? — Дама застыла в раздумье и бросила взгляд в зеркало. За девушкой с рюкзачком пристроились две оживленно беседующие домохозяйки с сумками. — "Весну-у"? — терзалась дама. — Ну хорошо, упакуйте "Весну".

По очереди прошелестел вздох облегчения. Продавщица упаковала торт в коробку и начала ее перевязывать подарочной лентой.

— Нет! — остановила ее дама. — Торт все-таки опасен для желудка ребенка... — Она даже привстала на цыпочки, чтобы увидеть в зеркало, как за двумя домохозяйками стал высокий мужчина в кожаном пальто и уткнулся в газету. — Покажите мне лучше опять шоколадные фигурки... Женщина, вы куда без очереди лезете, бессовестная! — одергивает дама стоящую за ней женщину в беретке, пытающуюся купить одну шоколадку какой-то необычной конфигурации. Очередь поддержала даму репликами: "Совсем стыд потеряла", "Все стоят, а у нее терпения не хватает, ишь ты!"

Дама некоторое время задумчиво рассматривала фигурки из шоколада и лишь за-

метив в зеркало, что сначала высокий мужчина с газетой, а за ним домохозяйки и девушка с рюкзаком покинули очередь, сказала:

— Нет, сладости ему ни к чему, спасибо, — кивнула она продавщице. — Я лучше куплю ему игрушку.

Дама покинула гастроном, да и мне там больше нечего было делать.

О Ломброзо

■ Человек — это неразгадываемая загадка. Это симфония непредсказуемости. Физиогностическая и "формочерепная" теория Ломброзо сейчас у нас вызывает лишь насмешку. Сейчас мы знаем, что злодей чаще всего обаятелен, а форма его черепа ничем не отличается от формы черепа святого Августина, Генерального прокурора и Президента США. Человек — чудо, и не имеет никакого значения, как это чудо пахнет...

Остановочная площадка электрички. Ближнее Подмосковье. Болшево. Жду электричку, встречаю приятеля из Москвы. Ко мне подошел пухленький, с добрейшим интеллигентным лицом мужчина за пятьдесят, с сумочкой в руке и чуть не плача спросил:

— Вы не знаете, где здесь больше всего беспризорных собак? Моя собака сорвалась с поводка и убежала два часа назад, может, к ним прибилась.

Тронутый его горем, я ткнул пальцем в сторону кафе "Парус".

— Вот там их много.

Мужчина поблагодарил меня и направился к кафе. Издалека я видел, как он, доставая что-то из сумки, бросал окружившим его собакам. Я еще больше растрогался, бьют же такие добрые люди. Вскоре подошла электричка, приехал друг, мы обменялись приветствиями и направились на день рождения еще к одному другу. Проходя мимо кафе "Парус", я увидел, что пухленького мужчины уже там не было, а на земле, возле подсобного помещения, валялись восемь мертвых собак, с ужасом оскалившихся с пеной у рта.

■ Платный наркологический диспансер города К., признанного лучшим городом Подмосковья. Борьба за жизнь без похмелья по коммерческим ценам начинается здесь после 17 часов. До этого врачи-наркологи работают в государственном секторе антиалкогольного фронта.

Вот к дверям диспансера подкатывает зеленый военный "уазик". За рулем солдат срочной службы. Привез майора.

— Доктор, все, не могу, устал, — хрипит багрово-опухший офицер, не выдержавший атаки запоя.

— Прошу вас, — мягко и спокойно приглашает его врач в кабинет. Вывод из запоя, капельница — 600 рублей.

Красиво, солидно и фирменно-дорого одетого мужчину лет пятидесяти сопровождает многочисленная семья: юная супруга лет двадцати с детской коляской и "старая" супруга лет пятидесяти со взрослыми сыном и двумя дочерьми. Явно не ссорящаяся между собой родственная компания.

— Гарем по-русски, — шепнула мне медсестра, торопясь навстречу мужчине с приветливой улыбкой на лице.

Мужчина трезв и сосредоточен.

— Ну что, решились? — спрашивает доктор.

— Да! — словно бросаясь на амбразуру, отвечает мужчина.

— Эспераль на три года плюс предшествующие ей очистительные капельницы, плюс анонимность — 150 у.е.

К 23 часам через службу спасения диспансера прошел целый сонм измученных алкогольным цунами людей: бандиты, банкиры, коммерсанты, женщины, мужчины, юные, молодые, старые, рабочие и крестьяне. Многие вшивали "мину" эсперали (выпил рюмку — и домой, в лучший мир), целый "взвод" лег под капельницу.

Все это время, начиная с 17 часов, возле диспансера топчутся несколько мужчин и одна женщина, напоминающие персонажи горьковского "Дна". Классический контингент

ночлежек, спецприемников и нехороших разгульных квартир. С небольшими интервалами этих людей приглашают в диспансер. Владыка "русского гарема" вшил себе эспераль за 150 у.е., а два "маргинала" закодированы, и один лег под капельницу бесплатно.

О жизни и смерти

■ Еще в прошлом году она была дамой "в силе". То есть с гонором. Обычным для женщин за пятьдесят, у которых муж негромкий, почти никакой, начальник. На хорошо ухаживаемой, вымытой "Газ-24" он подвозил ее к поселково-дачной (ближнее Подмосковье) почте, для оплаты коммунальных услуг, в конце каждого месяца. Я живу рядом с почтой, и неподалеку от них. Муж помогал ей выйти из машины, а затем возвращался на водительское место, ждал. Высокий, представительный мужчина лет восьмидесяти, по лицу которого было видно, что без борьбы он не сдастся надвигающейся немощи и дряхлости. Судя по супруге, он женился на ней когда-то молодой, лет на двадцать-двадцать пять моложе, но время сгладило эту разницу. Мужчина воевал, я дважды видел его в орденах и оба раза в день Победы... Оплатив коммунальные услуги по льготному ветеранскому курсу, дама возвращалась к авто, поддерживаемая мужем, горделиво садилась в машину и они уезжали. И вот несколько дней назад я встретил "гранддаму" на почте и сразу же понял: "Он умер!" Жалкая, растерянная женщина настойчиво дотыкалась у служащей: "Но ведь было же тридцать пять рублей в прошлом месяце, почему сейчас семьдесят? У меня муж герой, заслуженный человек..."

— Но он ведь умер, — объясняет служащая, почти ее лет с непонятным для меня злорадством, — и все с ним ушло.

Вдова начинает беспомощно возмущаться: "Я к Громову пойду!", кому-то грозить: "Все разворовали!", а я ушел, не выдержав зрелища.

Мужчины, воины, мужья, не умирайте раньше своих жен, прошедших с вами основную часть жизни или позаботьтесь, прежде

чем уходить навсегда, оформите их официальный статус, оставьте им средства к жизни без вас или... умирайте в один день.

О Копернике

■ Вот все говорят Коперник, Джордано Бруно, потом вот этот еще, Галилео Галилей, а что толку? Недавно мой приятель из Украины, Алексей Мурашов приехал в Москву за товаром. Поехали мы с ним на "Горбушку", я вызвался в сопровождающие, и надо же, прямо при входе встретили продавца, у которого оказалось все что нужно — лазерные диски, видеокассеты с "крутыми" фильмами — и дешевле, чем у других. Мы сразу же отоварились на пять тысяч долларов. Рядом с продавцом стояли аж пять милиционеров. Хорошо стояли, смотрели, как он покупает, даже посоветовали, что взять. Купил он, загрузили мы все это в его "Газель" и поехали с чувством хорошо выполненной работы. Через пятьсот метров догнал нас автомобиль с этими же пятью милиционерами, остановили, и выяснилось, что Алексей приобрел пиратскую видеопродукцию и пиратские лазерные диски, за что ему грозит уголовное преследование. В итоге сошлись на том, что записали паспортные данные, составили опись изъятого и все им приобретенное изъяли. Тем же вечером Алексей Мурашов, более известный среди меломанов города Луганска под кличкой "Саксофон", напился, простите меня, в зюю. А утром махнул рукой: "Чтоб этих кацапов подняло да гэннуло!" и уехал в свою русскую Украину. Я же пошел вновь на "Горбушку" и вижу: продавец, у которого мы покупали товар, как ни в чем не бывало торгует той же продукцией, а неподалеку от него, фактически рядом, стоят три милиционера. Как и тогда, хорошо стоят, добродушно беседуют с покупателями, ждут оптовика из провинции или ближнего русского зарубежья. А вы говорите Коперник, Джордано Бруно или, как там его, Галилео Галилей и даже (я обычно смеюсь в этом случае, прямо-таки умираю со смеха). Думайте о месте России в Европе XXI века.

Продолжение следует.

МИР

Анастасия ПИСКУНОВА

■ Не так давно к нам из-за бугра докатилась идея маниакального похудения, применимая для всех полов и возрастов. Тоненькие школьницы стали придирчиво высчитывать калории на кексах и йогуртах, а пожилые тетеньки потащили понурых мужей взвешиваться, а потом в магазин — за кашками и фруктиками. Мир ненадолго сошел с ума — объявления на тему "Похудение. Дорого" или всякие пищевые добавки вроде знаменитого Гербалайфа наводнили полстраны. И на этой волне, как грибы, стали плодиться всевозможные фитнес-центры, спортзалы, но только не постаринке просторные, безнадежно гулкие помещения со снарядами, больше напоминающие орудия средневековых пыток, а прекрасно оформленные, в сервисной упаковке. Уютное освещение, внимательный улыбающийся персонал — все как в дорогой клинике: расскажут, покажут и даже помогут. Сами тренажеры — с мягкими подушечками под нужные места, регулирующаяся нагрузка, да и вообще, все выглядит, как в американских молодежных сериалах: светло, комфортно и очень даже тусовочно!

Сегодня мания худеть плавно сошла на нет, а спортклубы только набирают популярность и постепенно все больше и больше находят именно "своих" клиентов. В чем же секрет? Самое интересное, что только тридцать процентов из приходящих действительно ну-

фитнеса

ждаются в коррекции фигуры... Так зачем же приходят сюда остальные семьдесят? Правильно, для тусовки и всего прилагающегося — общения, легкого флирта и разве что самую малость ради здоровья.

Я подхожу к тренеру популярного фитнес-центра. Чего уж скрывать, тренер никак не похож на физкультурника из страшных детских воспоминаний о школе, он аполлоподобный и будто только выпрыгнувший с обложки глянцевого журнала, мило улыбается и, кажется, готов слушать мои вопросы веч-

но. Несмотря на очевидность того, что это его работа, впрочем, как и моя задавать ему вопросы, все равно приятно согревает и радует. Тренер Валера широко улыбается моей неприкрытой наивности. "Конечно, — заявляет он, — теперь не модно сидеть на лавочке у подъезда и залихватски попивать портвейн. К нам пришла мода на западный менталитет. Теперь популярно найти девушку, потрясая ее воображение мускулами, а не пивным животиком. А вообще аудитория очень различная: как домохозяйки, так и студенты. Молодежи,

конечно, больше — она энергичнее, воспринимает новые веяния и не боится экспериментировать. Спортивное времяпрепровождение только недавно стало входить в массы, потому что мы на рынке с начала девяностых, а пик спроса пришел только сейчас. Как я думаю, поколение next берет свое — они поступают и строят жизнь совсем иначе, для них это не принудительная школьная олимпиада, а такой же способ развлечения, как и лавочка под окном. Я с ним соглашаюсь, действительно, сегодня большая часть молодежи очень активна — рано ищут работу, следовательно, рано зарабатывают. Но! Эти деньги вкладывают в себя — в стильную одежду и, скажем так, в правильное “нахождение” в спортивном клубе.

После придирчивого осмотра всех трех залов подхожу к спортивной девушке лет двадцати, которая сидит на диванчике у входа в зал. В ответ на мои вопросы Аня засыпает меня шокирующей информацией — да, конечно, она ходит сюда. Конечно, каждый день! После учебы едет домой, слегка перекусывает и через пару часиков бежит, как она выражается, “на спорт”. Судя по всему, это вызывает в ней настоящий восторг — когда начинает рассказывать, глаза блестят и она довольно смеется. Аня говорит, что для нее поход в спортзал — не еще один фактор усталости, а, напротив, вливание новых сил, какой-то сумасшедший выброс энергии.

Я, как настоящий скептик, отхожу от спортивной студентки и пытаюсь найти более вменяемую, с точки зрения банального молодежного “ничегонеделания”, личность. Ага, Саша, 20 лет! Отлично! Не могу сказать, что уж прямо божественно-атлетической внешности, так, обычный парень своего возраста. На вопрос, с

какой целью он сюда ходит, отвечает неожиданно — “Отдохнуть”. Оказывается, Саша тут встречается со своими друзьями — два раза в неделю в одно и то же время. Кто — после работы, кто-то только с учебы... В промежутках между физическими нагрузками они общаются, делятся новостями, потому что это не совершенно бесполезное проведение времени как, например, в баре, а все гармонично: вроде как и здоровьем занялся и с друзьями провел время. Тем более, что даже если ты не в настроении заниматься, можно сесть преспокойно за стойку и отдыхать со стаканчиком свежесжатого сока.

И вправду, есть так называемый “спортивный бар” — дверь рядом со спортзалом, за столиками тусуется народ, девушки смеются и о чем-то щебечут. В меню все только фруктово-овощное, некое подобие вегетарианского кафе.

Впрочем, кто чего не расхвалит ради красного

слодца! Я вот тоже могу расписать профессию маляра как самую романтическую в мире!

Изучать — так на местности, в среде и с погружением! В связи с этим решила воспользоваться предоставляемыми фитнес-центром тремя бесплатными посещениями в любое удобное время. Между прочим, очень приятный бонус — не просто выкинуть деньги неиз-

вестно за что, а для начала попробовать и втянуться — и все “за бесплатно”.

Когда появилась в зале, вполне готовая для занятий, мне показалось, что я нахожусь у тайландского племени на приеме и совершенно не представляю, для чего и как используются все мудреные предметы и конструкции. Пока боролась с собой, ко мне подскочила молоденькая тренерша и извинилась, что была занята и не оказала внимания мне раньше. Вот это сервис! Плюс один балл! Затем она провела познавательную экскурсию и составила для меня индивидуальную программу занятий по группам мышц, которые я хочу тренировать. Следуя такому расписанию, я выдержала два часа. После чего пожелала потерять сознание, чтобы до дома не пришлось идти самой, а меня донесли.

Следующий день стал, скромно говоря, кошмаром. Мало того, что согнуть ноги в коленях, чтобы соскresti себя с кровати, казалось мне приходом Страшного суда, так еще же и одеться надо! А как предлагается совершить это действие, если ноги от пола не отрываются и спина не сгибается?! Болели абсолютно все мышцы. Даже те, находение которых в моем теле оказалось для меня сюрпризом, и те, которых в принципе не должно существовать в природе. В эту минуту мне неистово захотелось съесть входную карточку фитнес-центра и сделать вид, что ее никогда и не было! Но — решение есть решение! Скрипя зубами, дотасила себя до спортзала... Моя тренерша не стала иронично ухмыляться, а, напротив, посоветовала сегодня воздержаться от тренажеров. Потому как есть еще зал для аэробики, школа йоги, несколько видов шейпинга — оказывается, все входит в стоимость абонемента и для посетителей клуба бесплатно. Вот как можно отдыхать — все равно, что в ночном клубе: несколько залов с разнообразной музыкой, а рядом есть бильярд и игровые автоматы... И вовсе необязательно чудовищно истязать себя во время общения с друзьями, пожалуйста, — вегетарианский салатик и пару десятков незамысловатых прыжков на шейпинге. Тренерша, улыбаясь, говорит, что само собой никто тут не желает

стать культуристом, это просто место, где есть чем занять тело и параллельно отдыхать душой.

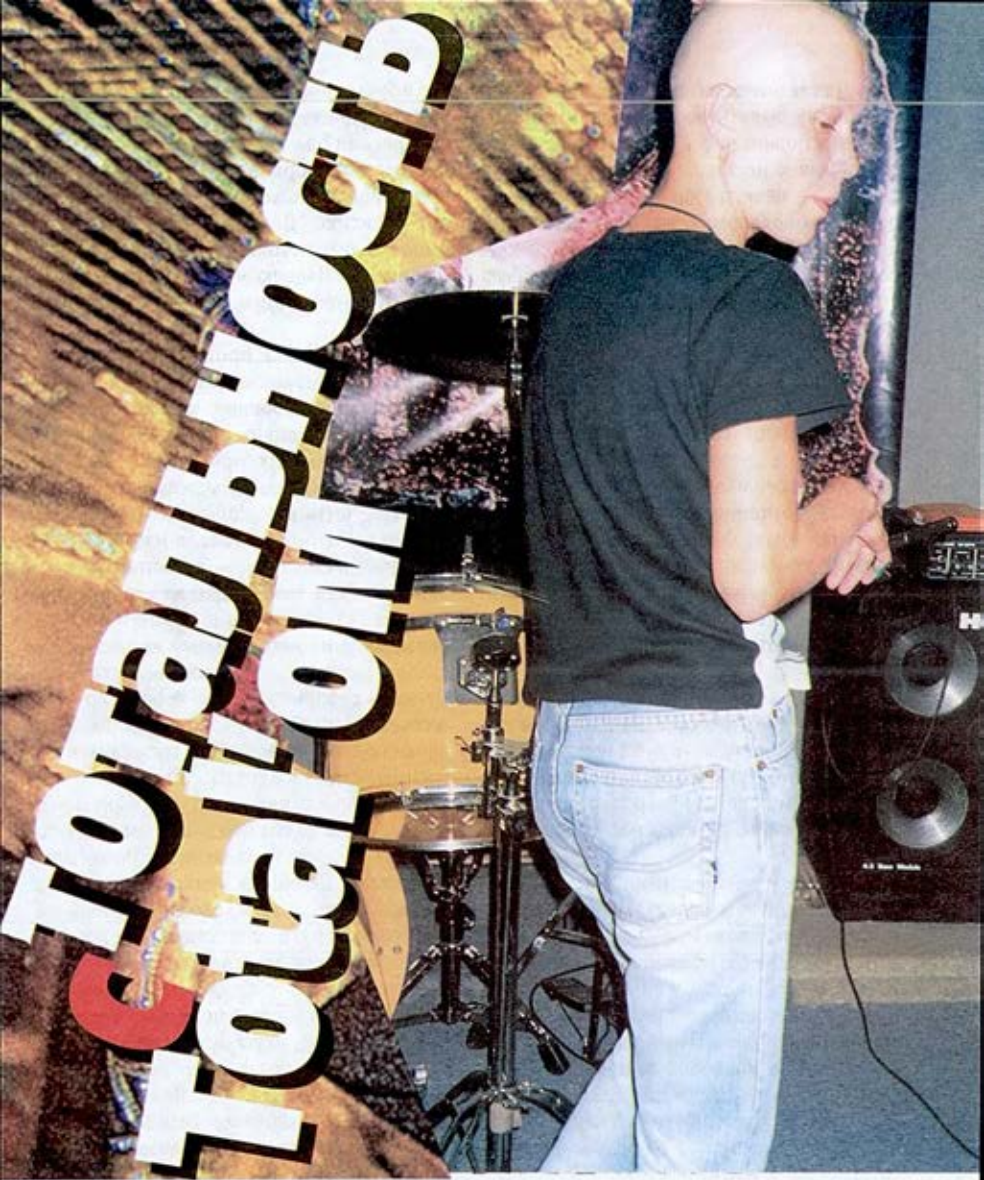
Действительно, каждый выбирает хобби себе по вкусу — кому-то нравится адреналин и скрип снега в горах, кто-то любит просторы всемирной Паутины, а кто-то предпочитает некую смесь: спортивную оболочку и начинку из общения с друзьями и многочисленные знакомства. Между прочим, неделю назад двое постоянных “завсегдатаев” фитнес-центра поженились, и на свадьбу пригласили весь старший персонал, потому как молодожены и познакомились в стенах спортзала три месяца до этого.

Как ни показалось бы странным, фитнес-клуб (так чаще всего называют сами работники свое заведение) не просто дает простор для знакомств, а еще и учит правильно общаться! В ответ на мое удивление, главный менеджер отвечает, что весь персонал проходит много психологических тренингов и подготовлен по части работы с различными клиентами, в том числе, конечно, с молодежью. А ведь им свойственно зачастую стесняться, робеть при виде представителей противоположного пола и так далее... Недавно даже разработали отдельную программу: ставить в пару парня и девушку примерно одного направления упражнений — в общем, помогать психологически адаптироваться к обстановке. Как утверждает менеджер Олег, только при позитивных эмоциях можно достичь положительного результата не только в спорте, но и в чем угодно.

Для молодых людей фитнес — настоящий культ: о нем можно говорить и находить приверженцев и единомышленников, в то же время под этим предлогом отлично получается знакомиться, проводить вместе время и отдыхать. В современном мире есть несусветная куча разных культов — музыка, еда... Так почему бы не радоваться, что кому-то однажды пришло в голову, а кто-то оценил и поддержал культ красивого тела совместно с отличным общением? Как потом мне сказал один знакомый, уже несколько лет большой поклонник клубно-спортивного образа жизни: “Не надо искать смысл жизни вовне, почему бы не поискать его в себе?”. ■

ТОТАЛЬНОСТЬ Total'OM

Проект Максима Фадеева Total появился в 1998 году. Это произошло, когда еще основной его работой "как продюсера-композитора-аранжировщика" являлось сотрудничество с певицей Линдой. Параллельно опытам с трип-хопом и этнической поп-музыкой Фадеев уже давно мечтал поэкспериментировать в жанре "мелодичной альтернативы" и сделать что-нибудь в духе, скажем, "Red Snapper".

Для технической реализации идеи Фадееву были нужны не просто талантливые исполнители, а единомышленники, способные к настоящей работе. В первую очередь — певица с оригинальным форсированным вокалом. И вот, путешествуя по Ближнему Востоку, Фадеев в одном из клубов Дубай встретил певицу, поразившую его своей экспрессивной манерой пения. Стройная, светловолосая девушка импульсивно исполняла "весь этот джаз XX века" — от стандартов вроде "Summer Time" Гершвина до ритм-энд-блюза и гранджа в духе "Pearl Jam". Большинство песен звучало на русском, что в условиях 40-градусной жары и перенасыщенного парами нефти климата воспринималось, слово мираж. Как вспоминает Фадеев, больше всего его поразил демонический взгляд певицы. "На сцене эта девушка переставала быть человеком, — считает Максим. — Я не знаю, кем она была в тот момент. Она словно улетала в другой мир. И это завораживало".

Певицу звали Марина Чиркунова. В Объединенные Арабские Эмираты она попала по контракту, который с ней заключил местный клуб. До этого жила в Кургане — в том самом городе, где некогда родился Фадеев. Согласитесь, иногда мир все-таки бывает тесен.

Общего у певицы и продюсера оказалось немало. Как и Фадеев, Марина когда-то училась в курганском музучилище. Как и Максим, закончила его по специальности "руководитель хора". После училища пела в хоре и работала с начинающими рок-группами концертмейстером. Параллельно преподавала музыку в общеобразовательной и сольфеджио в музыкальной школах. Но вскоре "мирное музпросвещение" ей надоело. Марина поняла, что пора радикально менять свою жизнь, и уехала в Арабские Эмираты.

"В Кургане мне не хватало адреналина, — вспоминает певица о периоде, когда ее "потянуло на острые ощущения". — Я не умею сидеть на одном месте, всегда хотелось движения. Восток был для меня закрытой и малоизвестной территорией, и поэтому вполне устроил — все казалось жутко любопытно".

Впечатленный Фадеев пригласил Марину к сотрудничеству. Прямо на пропитанной восточными благовониями салфетке он написал свои координаты, поставив певице всего лишь одно условие — срочный переезд в Россию. "Для меня все случившееся было легким потрясением, — вспоминает Марина. — Неделю я не решалась позвонить, а потом подумала — почему бы и нет?".

Новая встреча произошла в Москве примерно через месяц. Двое суток певица и продюсер проговорили о музыке, обсуждая стилистику будущего проекта. В качестве основополагающих ориентиров выбрали "творческий коридор" между Portishead и Garbage. Часть музыкального материала у Фадеева уже была готова, а на примете — неплохие музыканты — в частности, гитарист Гена Гаев, тоже родом из Кургана. Гена начал играть на гитаре в 12 лет, и первым, оказавшим на него влияние коллективом, стала "Нирвана". Но увлечение тяжелой музыкой довольно быстро переросло в интерес к красивой трип-хоповой форме и увлечению творчеством таких музыкантов как Portishead, Massive Attack, Tricky.

"Несколько лет назад трип-хоп запал мне в душу и до сих пор сидит там, — считает Гена Гаев. — Это божественно. Вокал один чего стоит! Да еще всяческие ди-джейские фишки. Гитары, как таковой, там очень мало — что как раз радует. Ведь почти все гитаристы обычно стараются показать, как много всего они умеют. Трип-хоп нравится еще потому, что меня вообще привлекают умеренные темпы. Под такую музыку легко думать, есть, пить... Она успокаивает нервы".

После выхода альбома Линды "Плацента" и сольного альбома Фадеева "Ножницы" у Максима наконец-то оказались развязаны руки. На немецкой студии Фадеева сам он, Марина Чиркунова, Гена Гаев плюс несколько приглашенных музыкантов засели за запись первой пластинки. "Почти год мы вели подготовительные работы, — вспоминает Марина. — Думали, искали, слушали".

После того, как на пленке записали восемь песен (часть на стихи Глеба Самойлова

из группы "Агата Кристи") музыканты вдруг почувствовали дисбаланс между своим внутренним экстремальным драйвом и медитативным трип-хопом альбома. Работу решили прекратить, а оригинал записи стерли. "По аранжировкам материал получался очень сильный, — вспоминает Фадеев. — Во многом, благодаря профессиональным немецким ди-джеям, которых я приглашал. Но трип-хоп — немного сонная музыка, вряд ли она способна сейчас привлечь внимание. Но могу смело сказать, что все-таки к этому стилю я еще вернусь".

Итак, альбом решили не выпускать. Наряду с "затертой" пленкой исчезла и часть музыкантов. Из первоначального состава вместе с Фадеевым остались только Марина и Гаев. С ними Фадеев решил стартовать "с нуля". "Мы просто начали ломать себя, ломать свои представления, ломать восприятие и подход", — вспоминает Марина. Фадеев готовил новые песни. Марина записывала вокальные черновики. Экстремным подбором новых музыкантов занялся Гаев. Итогом его поисков стала новая ритм-секция: Анатолий Караваев — бас-гитара, Женья Никулин — барабаны. Почти хип-хоповым скретчем грандж-гитары разбавила ди-джей Аня Корнилова из Волгограда.

В одном из московских клубов Гена познакомился с басистом Анатолием Караваевым и барабанщиком Женей Никулиным, которые к моменту знакомства с Гаевым лет пять играли в различных клубных командах. Позже всех в группе появилась Аня Корнилова — диск-жокей.

Альбом "Total" начали записывать в конце 1999 года во Франкфурте, Праге и Москве. В частности, мастеринг происходил в Германии при помощи звукооператоров из группы "Guano Apes".

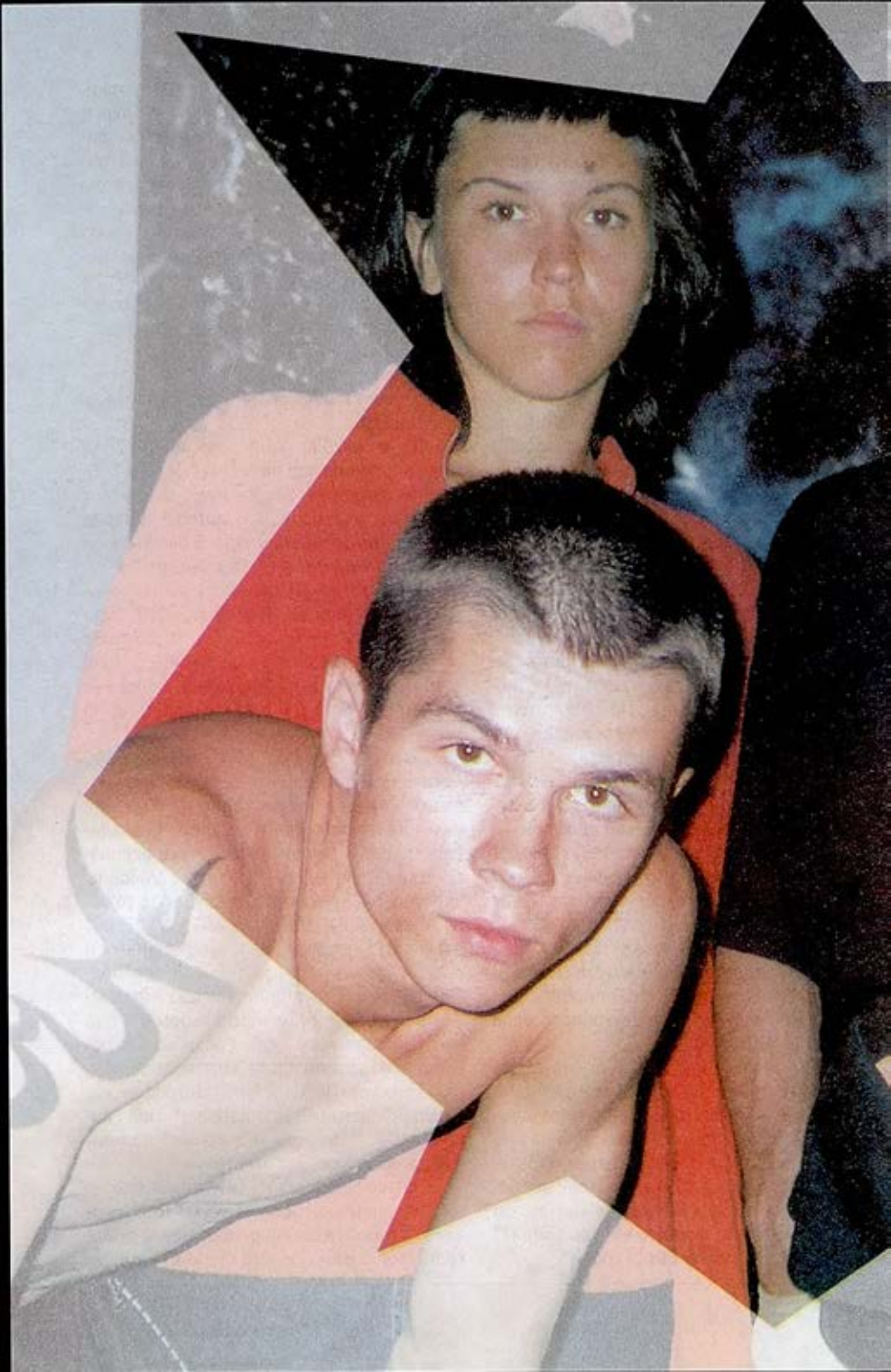
"При записи альбома мне пришлось вспомнить многое из того, чем я давно не занимался, — говорит Фадеев. — Когда играл на басу, мне приходилось возобновлять то, что я делал 15 лет назад, совсем мальчишески. Был случай, когда мы приехали выправить гитару, и когда её увидел мастер, он спросил: "Вы что, её кого-нибудь убили?" Потому что весь гриф был в крови".

Что получилось в итоге? На смену трип-хоповской эстетике с электронными оркестровыми аранжировками и сэмплами пришел гитарный грандж — с виртуальным "засосом" в стиле Кортни Лав. Результатом двухлетней работы стала хитрая смесь немецкого порядка и русской души — с тенью Guano Apes в звучании и модернизированным гранджем драйвом по типу HIM. "Я убежден на сто процентов, что наш проект займет достойное место. У него свой слушатель, потому что "Total" сделан мной. А значит, он сделан качественно", — довольно уверенно характеризует свою группу Максим Фадеев.

Осенью 2000 года режиссер Влад Опельянц снял клип на песню "Не гони". "У группы хорошая энергетика, — считает Опельянц. — Говоришь: "Мотор!" и перед глазами просто видишь чудо. Я очень соскучился по такой музыке". Первый хит "Не гони" появился на MTV и в ротации нескольких радиостанций. В конце 2000 года "Total" подписывает контракт с крупной звукозаписывающей фирмой "Real Records". Режиссер Александр Солоха и оператор Сергей Дандурян сняли клип на песню "Камасутра".

Дебют группы "Total" состоялся в 500 метрах от Кремля на грандиозной шоу-выставке журнала "Космополитен". Команда уже тогда привлекла внимание специалистов мощным звуком и прямо-таки акробатической пластикой вокалистки Марины Чиркуновой. Через месяц в клубе "16 тонн" на презентации клипа "Камасутра" "Total" дали свою первую пресс-конференцию и первый сольный концерт. Перед переполненным залом группа полностью исполнила программу с дебютного альбома, и под нее танцевал весь клуб. Среди новых поклонников группы были замечены Земфира, Вячеслав Петкун, Рита Митрофанова, Батыр и "Иванушки International". Под "Камасутру" в "16 тоннах" начался полный грандж-ажитаж. Это был триумф.

Однако не обошлось без "палки в колесе": непривычно громкий звук "Total" повлек за собой несанкционированные бюрократические взыскания со стороны админи-

страции концертных площадок и прочих приближенных к звукорежиссерскому пульту. Во время выступления группы в ЦДХ на выставке "Record 2001" им не дали исполнить главный хит: все ту же "Камасутру". Администрация, испуганная слишком мощным звучанием и шумом падающих картин на первом этаже Дома художника, вырубил группу ток.

Еще случай. За два дня до концерта Marilyn Manson в Москве выяснилось, что разогревающая группа "Papa Roach" не сможет участвовать по техническим причинам, IFK тоже отказались, и "Total" мужественно "приняли огонь" на себя.

Есть такая проблема, как "неформат на радио", и им пришлось с ней столкнуться: писать другие песни, чтобы ставили в эфир и их узнали люди. Теперь это в прошлом, и что удивительно, с тех радиостанций, где раньше отказывали в ротации, теперь звонят и просят именно то, что сами называли "неформат".

Сейчас, как и прежде, у "Total" напряженный график гастролей. В Москве они бывают редко, для фанатов каждый их концерт как праздник. Мне удалось их застать в столице на репетиционной студии, куда они пришли на встречу со мной, несмотря на плохую погоду.

— Ваше отношение к критике. Она помогает или больше мешает?

Марина: — Ни в коем случае не мешаешь! Сколько людей, столько и мнений. Но неприятно, когда кто-то, "услышав звон", абсолютно необъективно начинает судить о том, о чем сам не имеет ни малейшего представления.

Аня: — Многие судят о нашей музыке, исходя только из того, кто ее продюсирует: "Музыка Фадеева? Да, это хорошо!" или "Да, это плохо!" Неужели так сложно абстрагироваться от имен и составить свое собственное мнение?! Часто бывает, что человек, высказывая свой негатив, просто преследует цель "засветиться" и сделать себе имя на скандале.

Марина: — Макса Фадеева я знаю не первый год, и он никогда не позволяет себе звездные капризы. С каждым, будь то жур-

налист или музыкант, разговаривает как со своим братом, по-человечески, и каждому уделяет много своего времени.

Гена: — Артист всегда находится в напряжении. К примеру, раньше ты мог пойти в клуб, выпиться, упасть, и никто на тебя не обратит внимания. А теперь — постоянный контроль! Не дай Бог, кто-то сфотографировал — скандал! Ты просто обязан себя контролировать, а это очень напрягает. Хочется быть как все, нормальным человеком, и вместе с тем делать свое любимое дело, кайфуя от этого.

— Что вам не нравится в вашей работе?

Марина: — Как правило, музыкальный коллектив общается с достаточно узким кругом людей, что не совсем хорошо. У каждого своя тусовка, и постороннего человека воспринимают настороженно. Но мы не такие, мы ни друг от друга, ни от чужих ничего не скрываем. Нам, группе "Total", вместе легко, и мы хотим, чтобы и с нами было интересно.

— Сейчас популярны ремиксы. Как вы считаете, нужны они вашим песням?

Гена: — Смотря с какой стороны смотреть. Они нужны, чтобы продлить песенную жизнь и придать ей другой оттенок. Мы, например, сделали ремикс на свою "Камасутру" и он даже звучал на радио. Мало того, иногда он ярче, чем сама песня! Мастер ремиксов Норман Кук любит их делать на неизвестные вещи, потому что тогда они "расцветают", слушателям нравятся, и эта любовь естественным образом направляется и на коллектив, написавший песню. Но ремикс ремиксу рознь и нужно уметь его делать.

Есть композиции, на которые ничего сделать просто невозможно. Например, на нашу песню "Дальтоник", потому что она медленная и грустная. А ремиксы в основном танцевальные.

— Вы очень много гастролируете и работаете по 12 часов в сутки...

Гена: — Нашу музыку многие любят и поэтому часто приглашают на гастроли. Где мы только ни были. Правда, тяжело все время летать на самолете, но не жалуемся. Мы поем живую и получаем от этого такое

удовольствие! А под фанеру работать невозможно: только изматывает и никакого адреналина.

— А есть ли у вас "сверхзадача", планка, которую бы хотели достичь?

Гена: — Планка поднимается у нас каждый раз, как мы приближаемся к своей цели. Вообще, хотим поднять российскую музыку на новый уровень, чтобы она была такой же качественной, как на Западе.

— Даже в дружном коллективе бывают разногласия. А как у вас?

Марина: — Конечно, всякое бывает! Без творческих споров нет и самого творчества! Каждый день репетируем, хотя программа давно отработана. Но все равно хочется, чтобы было еще лучше. И ведь у каждого свое мнение — отсюда и разногласия. Правда, крупных конфликтов не допускаем. Потому что всегда найдется тот, кто скажет: "Да, ладно, не переживай, давай попробуем, как ты предлагаешь, а потом как Аня хочет". И все, конфликт исчерпан!

— Что вы можете рассказать о своих фанатах?

Гена: — Вот в Волгограде были замечательные фанаты!

Аня: — Многие поклонники Линды теперь и наши фанаты тоже. Нравится наша музыка и почитателям МТ (Мумий Тролля). На сайте в Интернете идут споры о нашей группе, значит, люди нас заметили и им не все равно, что будет дальше.

Марина: — Конечно, мы должны быть внимательны к своим фанатам, но так трудно каждого выслушать, каждому дать автограф. Иногда даже страшно, когда огромная толпа людей тебя не выпускает, но игнорировать тоже нельзя: один раз я видела плачущего ребенка, который остался без автографа, а добраться до него уже не представлялось возможности. У меня просто сердце разрывалось от жалости.

Гена: Есть люди, которые берут автографы только для коллекции, чтобы похвастаться потом перед друзьями: "О, "Тотал!" Круто! Дай автограф!". Настоящие фанаты не стремятся попасть за кулисы из любопытства, они там, в зале, парятся, жарятся в толпе, терпеливо ждут появления своего

любимого коллектива, поддерживают его и зажигают вместе с ним все выступление. И мы с гордостью можем сказать, что такие фанаты у нас есть: они ходят на все наши концерты и ездят с нами на гастроли, и у них, кажется, уже целая пачка наших автографов!

Аня: — Слава Богу, истеричных девочек, бьющихся головой об стенку, у нас нет.

— Скажи, кто твой фанат, и я скажу, кто ты...

Аня: — Ну, это еще не факт! Да у нас самих настолько разные вкусы. Я Децела слушаю, а Марина его терпеть не может.

— Вот Александр Васильев из группы "Сплин" считает, что хорошей песне клипы не нужны, и клип всего лишь часть шоу-бизнеса. По вашему мнению, клип дополняет песню, или портит ее?

Марина: — Вы послушали песню, и представляете ее по-своему, а, посмотрев клип, увидите то, как видят ее исполнители. Ничего плохого здесь нет. Нам посчастливилось работать с очень талантливыми людьми: Максом Осадчим и Владом Опельяцем, с которыми мы нашли общий язык, и на площадке такая идиллия, что просто сердце радуется! И клип получается именно таким, каким я его себе и представляла.

— IFK не захотел выступить вместе с Мерегином Менсоном, а вы согласились. Почему?

— Для нас в то время было важно как-то проявить себя, доказать всем, а главное — себе, что имеем право на существование. А о своем личном отношении к Менсону мы не думали, просто воспользовались шансом: выступить перед большой аудиторией. Сделали несколько шагов вперед, которые не имели права не сделать. ■

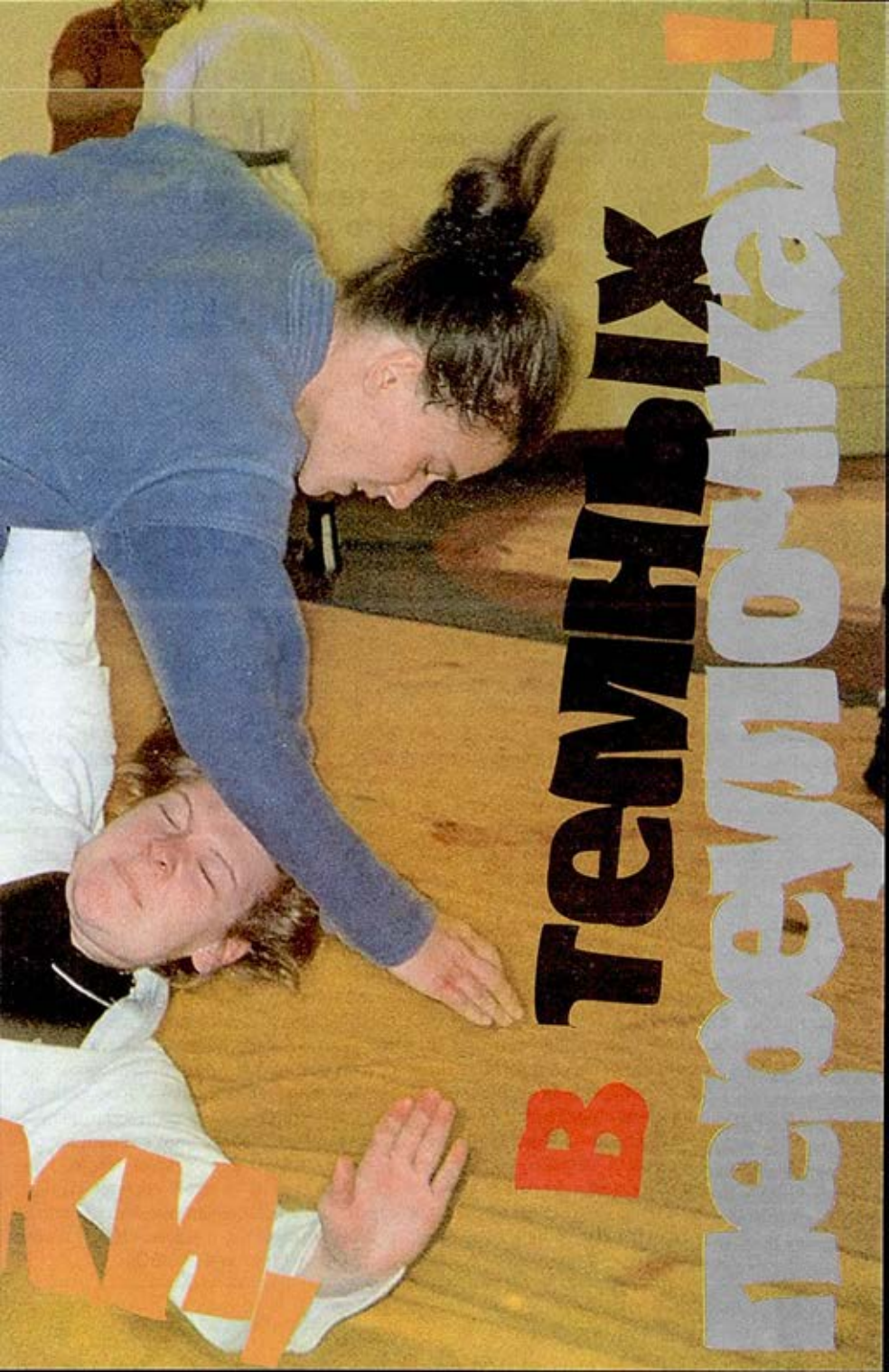
Беседовала **Ольга БЫСТРЫХ.**

НЕ
ГУЛЯЙТЕ
ДЕВОУЧ

Марина ФЕТИСОВА

фото Владимира Чейшвили

В **ТЕННИС** **!**
непопулярно!

В средние века в странах Западной Европы был распространен такой способ разрешения судебных споров, как ордалия или "Божий суд". Когда судьи не могли вынести решения, между главными участниками тяжбы устраивался поединок, чтобы установить "божественную истину".

Нередко случалось, что мужчины боролись с женщинами. Судьи старались уравнивать силы противников. Для этого мужчины завязывали один глаз, привязывали к телу одну руку и помещали его в выкопанную до пояса яму, объясняя это тем, что женщина представляет собой половину мужчины. Если проигрывал мужчина, ему, как правило, отрубали голову. К женщине опять же относились более снисходительно, ей в случае проигрыша отрубали только руку.

Сегодня подобная снисходительность была бы неуместна. Попробуйте сказать современной женщине, что она "представляет собой половину мужчины", рискните! В двадцатом веке женщины заявили, что они ни в чем не уступают мужчинам, и всеми способами стремятся доказать это. С одной стороны, они получили возможность самовыражения в любой области человеческой деятельности, что, конечно, хорошо. Достились равенства в правах с мужчинами, что еще лучше. Но с другой стороны, потеряли некоторые свои привилегии, во многом утрачив те, что называют "силой слабости". В восемнадцатом и девятнадцатом веках женщина как слабое существо пользовалась неприкосновенностью. Перед нею преклонялись. Ее желание становилось законом. За честь женщины мужчины готовы были умереть и погубили на дуэлях. А оскорбить женщину считалось серьезнейшим преступлением.

Теперь, заявляя, что женщины ничем не уступают мужчинам, они лишились права на их защиту, часто сами отвергая ее. А опасностей в нашем мире все прибавляется. Остается одно — чтобы выжить, надо научиться защищать себя самим. Поэтому не надо удивляться, что раньше в дамской сумочке лежало рукоделие, а теперь — газовый пистолет, раньше девушек обучали танцам и игре на фортепиано, теперь — боевым искусствам.

Впрочем, сегодня одно другому не мешает. Просто время настало другое.

Неприятная встреча в темном переулке. Что делать?

Мы не будем здесь говорить о разного рода стихийных бедствиях, бороться с которыми в одиночку любой человек бессилён. Поговорим о нападении другого человека. Как правило, мужчины, как существа более агрессивного и физически, что бы мы ни говорили о равенстве, более сильного.

Существует три наиболее распространенных способа защиты от нападения: убежать, применить оружие, применить знание какого-либо единоборства. Но нападающий тоже умеет бегать, и обычно мужчина бежит быстрее. Иметь оружие хорошо, но надо уметь им пользоваться и практиковаться в этом, чего женщина, как правило, не делает. А еще нужно помнить, что ваше оружие всегда может быть использовано против вас. Остается последнее — самозащита без оружия.

За последние десять лет в одной Москве появились сотни, если не тысячи, секций восточных и других единоборств. Также свои услуги предлагают частные преподаватели, готовые обучить кого угодно чему угодно, за определенную сумму, разумеется. Изучать восточные единоборства нынче стало модно. А женщины не любят отставать от моды. Но прозанимавшись какое-то время, пресытившись острыми ощущениями и выучив целую кучу японских терминов, леди вдруг понимает, что ... ничему не научилась, или научилась чему угодно, но только не самообороне. Основам медитации — да, красивым движениям — да, но вряд ли эти умения пригодятся против ночного грабителя. При выборе вида единоборства нужно четко представлять себе свою цель. Если цель — самозащита, то необходимо выбрать наиболее эффективный вид борьбы в условиях реальной жизни. И таковой является система самозащиты, созданная именно в нашей стране, которая так и называется: "самозащита без оружия" или САМБО.

Система САМБО

Главное преимущество САМБО перед восточными единоборствами — то, что эта система создана в нашей стране, с учетом особенностей нашего человека, наконец с учетом климата страны. Например, каратэ основано на ударной технике. А если за окном -30° ? Согласитесь, не очень удобно поднимать ноги на высоту головы, если ты в шубе. К тому же удары по так же "экипированному" противнику не очень эффективны. А вот болевой прием на руку, имеющийся в архиве даже начинающего самбиста, выведет из строя любого противника.

Система САМБО разрабатывалась в России в первой половине двадцатого века. В его основе лежат восточные единоборства дзюдо и джиу-джитсу, и национальные техники борьбы народов бывшего СССР. Показательно, что спецслужбы США, раньше использовавшие в основном каратэ, теперь переходят на САМБО. Дело в том, что в начале девяностых российские самбисты стали участвовать в распространенных на западе боях без правил, где допускается использование любой техники. И сразу же начали выигрывать.

Огромное преимущество САМБО в разнообразии приемов. Оно вобрало в себя лучшие приемы национальных видов борьбы многих народов, что сделало его практически универсальным единоборством. В САМБО применяются броски всех видов (подножки, подсечки, подхваты, зацепы и т.д.), удержания (целью удержания является обездвиживание противника), болевые и удушающие приемы, удары.

САМБО — очень молодой вид борьбы, и развивается он в основном в вузах. Федерация боевого САМБО была создана только в 2001 году, и этот вид борьбы пока не входит в программу Олимпийских игр.

Спортсменки-самбистки

Многие девушки начинают заниматься САМБО, когда поступают в вузы. Не знаю, каков процент представительниц прекрасной

половины человечества в технических вузах, но в учебных группах МГУ девушек больше половины. Это понятно. Те ребята, которых привлекают боевые искусства, освоили азы еще в детстве и сразу попадают в специальные тренировочные группы. Девушкам сложнее. Далеко не каждая мать отпустит любимую доченьку в секцию боевых искусств. И действительно, "девичьи" поединки на соревнованиях — зрелище не для слабонервных. Женщины вообще более эмоциональны и мимика у них более выразительна. Так что, если не знаешь, что перед тобой милейшая девушка, добрая, скромная, улыбчивая, обожающая детей, собак и любую другую живность, изучающая философию и мировое искусство, — увидев ее во время схватки, постарайся в следующий раз обойти стороной и вообще не попадаться ей на глаза.

Освоить приемы САМБО может практически любой желающий, и главное, достаточно быстро. Первые внутренние соревнования обычно проводятся примерно через два-три месяца после начала занятий. То что САМБО так популярно в вузах, показывает, что этим видом спорта можно начать заниматься в любом возрасте. За два года обязательной физкультуры в вузах почти все, занимающиеся САМБО, получают какой-либо спортивный разряд. Некоторые становятся мастерами спорта, в том числе и девушки.

Спортивное САМБО отличается от боевого прежде всего отсутствием ударной техники и удушающих приемов. Девушки, за исключением самых бесстрашных, обычно ограничиваются освоением спортивного раздела. Не каждая захочет, чтобы ее "били" и "душили". А если хочешь отрабатывать какой-то прием на партнере, будь готова, что он тот же прием будет отрабатывать на тебе... Впрочем, и спортивного раздела вполне достаточно, чтобы защитить себя в реальном поединке.

Зачем девушкам САМБО?

У девушки, занимающейся САМБО, обычно две главных проблемы: она боится

падать и еще больше боится покалечить противника. И если боязнь падения проходит после нескольких тренировок, то излишнее сострадание к противнику часто мешает спортивной карьере. Первое, чему учат на тренировке по САМБО, — правильно падать. Это умение нужно не только при отработке бросков, но необходимо в реальной схватке. И вообще никому не мешаешь группироваться при падении, зимой будет меньше травм. После отработки разных видов страховки при падении переходят к изучению удержаний и болевых приемов. И только потом начинают изучать броски. Сначала, конечно, страшно, но впечатляет. Только что ты вполне уверенно стояла на ковре, — а мгновение спустя уже лежишь... Если прием проводит опытный спортсмен, то его противник даже не почувствует, как он оказался на земле, не говоря уже о каких-либо неприятных ощущениях. Более того, при правильно проведенном приеме оба спортсмена испытывают удовольствие, и тот, который бросил, и тот, который упал. Удар о ковер при грамотном падении как будто заряжает энергией. И впоследствии это ощущение своей силы, энергии станет той наградой, ради которой самбисты в любую погоду, как бы они ни были заняты, будут приходить на тренировки. Как правило, САМБО занимаются не ради медалей. Ради самого САМБО. А еще ради той особой атмосферы спортивного содружества, которая царит на тренировках. Здесь тебе всегда помогут и подскажут, научат справляться не только с ночными грабителями, но и с любыми жизненными трудностями. САМБО развивает волю и укрепляет характер, дает уверенность в себе и веру в людей.

Крупнейший клуб САМБО "САМБО — 70" рождался как секция для занятий с трудными подростками. И многим ребятам клуб действительно помог исправиться. Самбист никогда не обидит слабого, никогда не использует свое умение для нападения — это записано в уставе клуба. Обязательным условием членства в клубе является хорошая учеба. САМБО учит ребят дисциплине, прежде всего, самодисциплине.

САМБО для души и тела

Существует два довольно распространенных мнения. Первое: для того, чтобы "махать кулаками", много ума не надо. И второе: серьезные занятия спортом портят фигуру. Ни одно из них не имеет отношения к САМБО.

Начнем с первого. Не знаю, как в боксе (это к вопросу о кулаках), но в САМБО успех больше, чем наполовину зависит от продуманной тактики и быстрого принятия решений во время схватки. Даже обладая блестящей техникой, очень трудно победить, не просчитав действий противника, а поскольку физические возможности нападающего чаще больше, чем возможности жертвы, победить можно только "головой". При этом самбисты, как правило, образованные люди. Это связано с тем, что САМБО в основном развивается в вузах. Нередки случаи, когда мастер спорта по САМБО одновременно является кандидатом или доктором наук. Ведь для того, чтобы преуспеть в спорте и достичь высот в науке, нужны, по сути, одни и те же качества: целеустремленность, воля, характер. САМБО занимаются интересные и серьезные люди. Например, большая часть сборной команды МГУ, чемпиона среди вузов по боровому САМБО, учится отлично.

А теперь насчет фигуры. Идеал женской фигуры всегда был разным. Женщины всегда сами создавали моду. Такую, какая им удобна в то или иное время. В России девятнадцатого века (в эпоху "слабой женщины") настоящая красавица имела тонкую талию, полные плечи и регулярно падала в обморок. Сегодня дамы хотят иметь плоский живот, стройные и накаченные руки и ноги, иными словами, спортивную фигуру. Для достижения чего женщины не жалеют ни средств, ни времени, посещая всевозможные центры похудения и фитнес-центры, забывая о том, что существуют гораздо более приятные и полезные способы поддержания организма в форме. К ним относится и САМБО.

Любой самбист должен иметь хорошую физическую форму. Перед каждой

тренировкой проводится серьезная разминка, главная задача которой, конечно, разогреть мышцы. Но поскольку разминка содержит целый комплекс силовых упражнений, упражнений на растяжку, быстроты и ловкости движений, приличная спортивная форма девушкам-самбисткам обеспечена. При разумных ограничениях в пище с началом занятий САМБО проблема "лишнего веса" пропадает сама собой. А весовые категории на соревнованиях станут отличным стимулом для поддержания себя в форме.

Одно из основных преимуществ САМБО перед другими видами спорта — гармоничное развитие "и души и тела" спортсмена. Например, айкидо — один из красивейших видов восточных единоборств, но это прежде всего философия. Поэтому перед тренировкой спортсмены больше времени уделяют медитативной разминке, чем физической. Другие виды спорта, например, плавание, требуют сильного развития одной или нескольких групп мышц, что действительно не всегда красиво. САМБО же благодаря огромному разнообразию техники равномерно развивает все основные группы мышц человека. В общем, красивая фигура девушке обеспечена.

Ночные грабители нам больше не страшны

Самое главное, чтобы был результат. И при желании он будет. Масса впечатлений, новые друзья, красивая фигура — все это хорошо. Но главная цель все-таки научиться самообороне. У каждого спортсмена есть любимые приемы, которые он применяет, практически не задумываясь. Может быть, именно их он применит в экстремальной ситуации. Наряду со специальными умениями, САМБО дает уверенность в себе, самообладание и хорошую физическую форму — именно эти качества прежде всего понадобятся в экстремальной ситуации.

Теперь самое важное. При самообороне все средства хороши. Чем их больше, тем лучше. Бега пока никто не отменял. Если придется освободиться от захвата,

очень пригодятся изученные приемы. Тут уже совершенно не важно, какая техника будет использована. То есть никто не удержит за себя, хотя киношные драки не имеют ничего общего с тем, что преподают в секциях каратэ. Мастер всегда даст достойный отпор нападающему. Только настоящим мастером каратэ можно стать только в Японии, при том через много лет ежедневных утомительных занятий. То же касается айкидо. А вот САМБО лучше всего преподают в нашей стране.

И еще. Первое, что советуют любые пособия по самообороне — не попадать в экстремальные ситуации. Если можно не ходить по темным переулкам — не ходите. Кстати, о пособиях. Пособий существует множество. И положение о том, что по темным переулкам лучше не ходить, — пожалуй, единственный их пункт, в котором сомневаться не приходится. А в остальном вы не застрахованы от научной фантастики, вернее, ненаучной. Пособия по САМБО не исключение. И даже если с профессиональной точки зрения учебник безупречен, авторы часто относятся к способностям женщин к боевым искусствам ну очень скептически. Приведу пример из одного учебника по САМБО. В основном разделе, предназначенном автором для мужчин, сказано: "болевым прием нужно проводить против естественного сгиба". А вот в разделе "Самозащита для женщин" мы читаем: "Обратив должное внимание на строение своего тела [...] вы обнаружите, что у вас, в отличие от кузнечика, колени назад не гнутся. То же самое происходит с локтями, запястьями и пальцами. Нажимы в сторону, противоположную естественному сгибу, приводят к появлению болевого ощущения". И пусть такие сравнения совсем не влияют на качество обучения борьбе, разве может современная женщина закрыть глаза на вопиющую дискриминацию! Мы еще покажем, на что мы способны! ■

Елена СЕРЕБРЯНАЯ

Говорят, что именно осенью следует выходить замуж. Во всяком случае, со старинных времен осень считается самым подходящим временем для свадеб. А что прежде всего рисуется в воображении каждой невесты? Конечно, она сама в великолепном платье, при виде которого замрут в восхищении и жених, и гости. Независимо от фасона, стиля и цвета, наряд невесты был и остается главным атрибутом в программе предсвадебных хлопот.

Сначала надо решить, где приобрести свадебное платье. На первый взгляд, проблема легко разрешима: купить, сшить, взять напрокат. Прокат кажется самым простым и выгодным. Тем более, что такое платье надевают всего один раз. И если вам не хватает денег на покупку или шитье, то добро пожаловать в салоны и ателье проката. Здесь можно выбрать подходящую модель, а на следующий день вернуть обратно. Но каждой ли женщине захочется надевать уже кем-то ношенную вещь. Тем более, что существует устойчивое поверье о влиянии энергетики того, кто надевал ее раньше. Вдруг у той невесты замужество сложилось

неудачно? А потом есть риск нечаянно испачкать чужое платье, опрокинуть на него бокал с шампанским или, хуже того, прожечь сигаретой. Так что, может, стоит прогуляться по магазинам и свадебным салонам?

Это раньше, лет десять назад, выбор моделей был невелик, и зачастую приходилось брать, что дают. Сейчас разброс цен, фасонов, фирм очень разнообразен. Казалось бы, приходи и покупай. Но все равно, выбор свадебного платья легким и теперь не назовешь. Поэтому специалисты рекомендуют не доводить факт покупки до последнего дня, а начать это делать пораньше. И кроме того, выделить для самой процедуры целый день, а не один час, и желательно в будни. Потому что не каждый продавец сможет заниматься только вами, а еще, возможно, придется долго ждать свободной примерочной.

Отправляться за покупками следует хорошо отдохнувшей, выспавшейся, в хорошем настроении и обязательно с мамой или близкой подругой. Они смогут оценить со стороны выбранное платье, заметить недостатки или дефекты, увидеть, насколько подходит цвет, фасон именно вам, героине бала.

Свадебное платье должно быть не только красиво, оригинально, хорошо смотреться, но обязательно удобно. Просто потому, что в нем придется провести целый день. Представьте, что где-то будет давить, натирать, неприятно прилипать к телу, и хорошее настроение, а значит, великолепное и счастливое выражение на лице долго не сохранится.

Несмотря на большой выбор, наиболее разборчивым невестам не всегда удается найти именно то, что хочется. Если ассортимент не устраивает, можно обратиться к опытным портным. Хороший мастер внимательно выслушает все пожелания и предложит свои варианты. В качественном ателье покажут ткани, различные отделки, журналы мод и каталоги с фотографиями готовых изделий. Несомненным плюсом в пользу сшитого на заказ платья можно считать его неповторимость. А если невеста — человек

МБОУ

Набор

НОГБЕЧЕЧЬИ

творческий, то у нее есть возможность превратить свои идеи, показать свой вкус. Но только обязательно найдите мастера с хорошим вкусом и опытом, чтобы после не расстраиваться из-за неправильного кроя, не очень хорошо обработанных швов и невоплощенного задуманного вами фасона.

Кроме того, опытные специалисты не просто предупреждают, а просто-таки умоляют не покупать свадебный наряд на рынках. Конечно, там он обойдется намного де-

шевле, чем в предыдущих случаях. Но зато выбор не так широк и интересен. Но самое главное, нет хороших, просторных примерочных с большими зеркалами. Чаще всего там не только пройтись в платье, а повернуться-то трудно. И редко на рынке можно купить хорошо сшитое, качественно обработанное изделие. Наверное, не надо рисковать, тогда и расстраиваться не придется.

Независимо от того, купите ли вы готовое или сошьете свое свадебное платье (про рынок уже не говорим), все-таки поли-

сайте журналы, познакомьтесь с последними направлениями свадебной моды, с самыми актуальными цветами и оттенками, аксессуарами.

Мода на свадебные туалеты идет в ногу с общими тенденциями сезона 2003-04 года. С каждым годом она уходит от классики, становится менее консервативной, подчас даже агрессивной.

Например, сейчас пользуются успехом асимметричные модели, всевозможные драпировки. Широко используется флористика — разнообразные цветы всевозможных видов и расцветок, особенно розы, лилии, маленькие цветочки. Платья украшают бисером, камнями, стразами, жемчугом. Много вышивки. Очень актуален батик — и сам по себе, и в сочетании с вышивкой и аппликациями.

Что касается цвета, наряду с классическим белым, весьма популярна слоновая кость, бордовый, розовый, даже темно-синий и зеленый. Велик спрос на красный цвет. Самым рискованным предлагается сочетание белого и черного. Кстати, смотрится очень элегантно.

В свадебную моду вошли так называемые "рваные" края — то, что прошедшим летом часто встречалось на городских улицах. Не теряют актуальности корсеты, прочно вошедшие в свадебную моду как изделия, особенно четко подчеркивающие фигуру. Если девушка полненькая, корсет делает ее стройной, а талия худенькой станет просто "осиной".

Среди аксессуаров особенно модны красивые кружевные подвязки. С ними связан странный обычай: когда жених угадывает, на какой ноге невесты надета подвязка, затем снимает и бросает своим друзьям. Тот, кто ее поймает, женится следующим. Точно так же свой букет невеста бросает подружкам — поймавшая, скоро выйдет замуж.

Кстати, если говорить о приметах, считается, что на невесте для счастливого замужества должно быть надето наряду с новым что-нибудь уже ношеное, обязательно белое или голубое, даже если сам наряд совсем другого цвета.

Но вернемся к свадебному платью, как к главному предмету ритуала. Среди тенденций моды выделяются несколько наиболее ведущих.

Романтическая принцесса — об этом образе, наверное, мечтает каждая девочка, начитавшись в детстве сказок. Платье — белоснежное или цвета слоновой кости, с длинным шлейфом, открытыми плечами, кружевами, замысловатыми оборками и бантами. К нему подходит сверкающая диадема, украшающая прическу. Ну чем не принцесса? Любый жених рядом с ней почувствует себя сказочным принцем на белом коне.

А можно выбрать туалет в популярном сейчас стиле "винтаж", то есть почти скопировать со старых фотографий фасоны наших прабабушек. Это означает старинное или "под старину" кружево, шуршащие складки длинных юбок с кринолином, расшитый бисером корсет, длинные кружевные перчатки.

Очень элегантны модели, напоминающие те, что носили в 40-50-е годы европейские дамы и звезды Голливуда: глубокое декольте, затянутая талия, шифон и атлас, оттенки темного золота, бронзы, серебра.

Можно, конечно, одеться и попроще, но не менее элегантно и празднично. Просто ваше платье будет настолько удобно и универсально, что его можно надевать и после свадьбы в менее торжественных случаях: в гости, на вечеринки, в театр. В этом случае простота фасона компенсируется хорошим качеством материала и красивыми, сочными тонами.

А уж если захочется полностью уйти от традиций, то наденьте брючный костюм или топ и брюки. Возможны любые сочетания тканей: при джинсовом корсаже кружевная юбка, мягкая кожа, мех. При этом хороша асимметричность в деталях, оригинальные и броские украшения, нестандартные пуговицы. Главное, чтобы было добротно и со вкусом.

Невеста просто невозможна без головного украшения. Чтобы сейчас ни утверждали о немодности фаты, все равно она — традиционная деталь свадебного туалета,

которую женщине положено хранить всю жизнь. Легкое покрывало из шелка, кисеи, кружева придает облику новобрачной особую романтичность и возвышенность. При всем разнообразии моделей доминируют два основных вида — круглая и каскадная. Круглая фата состоит из одного слоя ткани и накидывается поверх прически так, чтобы края падали равномерно со всех сторон, и закрепляется шпильками. Каскадная фата более эффектно смотрится. Она моделируется из двух и более частей ткани различной длины и укладывается волнами. Очень важно, чтобы декор фаты гармонировал с деталями свадебного платья. Украшается она мелкими цветочками, аппликациями, вышивкой, кружевами.

Элегантное завершение свадебного наряда, конечно же, сумочка — весьма красивый и практичный аксессуар. В нее можно положить носовой платок, кое-какую косметику на всякий случай и даже мобильный телефон, если уж без него никак нельзя прожить в такой особый день. Выбор сумочек сейчас очень широк: шелковые, атласные, синтетические, украшенные жемчугом, стразами, бисером, мехом, вышивкой. Расцветки различные, как правило, светлые, должны сочетаться с цветом платья и туфлями. Неизменной популярностью пользуется модель "кисет" или еще ее называют "помпадур": небольшой мешочек со шнурком, при помощи которого он держится на запястье и не мешает свободе движений. Очень подходит к платью фасона "принцесса".

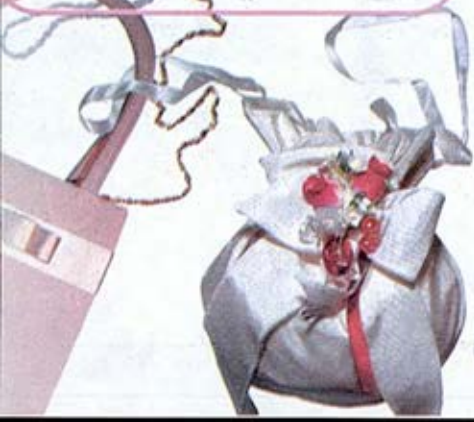
Тысячу лет известно, что без достойной обуви ни один наряд не будет смотреться, а свадебное платье тем более. Поэтому к выбору туфелек необходимо подойти со всей ответственностью и постараться купить сначала их, а потом уже платье. Кстати, специалисты советуют на примерку приходить только в туфлях на каблуках, а лучше в предназначенных специально для свадебного торжества.

С тех пор, как изобрели "лодочки" и высокие каблуки, ничего лучше не подчеркивает стройность и красоту ног. Подойдут и нарядные босоножки на тонких каблуках

и высокой танкетке. Современная мода допускает к нарядному туалету даже ботильоны, украшенные кружевами, тесьмой, красивыми пуговицами и стразами. Они продаются в магазинах и салонах. Необычно и элегантно. Если невеста высокая, ей будет удобно в хорошеньких светлых туфельках на низком каблучке. Эмансипированным невестам, выбравшим для свадебного торжества светлый брючный костюм, могут понравиться модные туфли в "мужском стиле" на низком каблучке со шнуровкой. Подобная смелость, конечно, не останется без внимания, но при любых экспериментах главное — качество материалов, покроя, детали, которые и создают стиль.

Так что, наряжайтесь, дорогие невесты, в то, что вам больше всего нравится, и будьте счастливы! ■

Посвящается
Хулио
Кортасару

ра

Радость, ревность, рукоплескания, розовые ленты.

Радость — матери, ревность — отца: "Этот пищущий комочек она будет любить сильнее меня!" Рукоплескания медперсонала окружного госпиталя "Сан Педро де Нариньо" — "О, сеньора, какой крупный ребенок! Какой прекрасный ребенок, сеньора! Поздравляем! Поздравляем!"

Розовые ленты, ленты, ленты — целый ворох розовых лент, из-за которых почти не видно личико младенца — розовый бутон в пене белоснежных кружев и кисеи.

Розы в виньетках на глянце: "Ребекка и Рамон Руис Ромеро де Кастеведо имеют честь... по случаю крещения их новорожденной дочери..."

Ребенок — росинка на лепестке, радужная хрупкость раковины, ручки, ножки, лобик — "Вылитый сеньор Ромеро!"...

Рождение на свет человека — это таинство подобное тайне рождения радуги. Рациональное научное объяснение, безусловно, есть, но ни умом, ни тем более — душой, постичь его невозможно.

Ручки, ножки, лобик, пена белоснежных кружев, робкий солнечный зайчик, радость моя...

красный

"Кармен! Карменсита!" Как жаль, что уже пора обедать! Круглое солнце мячиком скачет в полуденном небе. Капли недавнего дождя трепещут на листьях, переливаясь ты-

дуга

Виктория СКОРНЯКОВА

сячей радуг. "Кармен!" Коленки измазаны свежей травой, капризные брови изогнуты, коралловые губки сморщились в недовольной гримаске.

Клубника со сливками — единственное утешение после горчащего супа и картофельного пюре, восхитительный вкус, крохотный кусочек счастья. Кроме этого есть еще конфеты, куклы, книжки с картинками, любимая колли по кличке "Ребекка"...

Каравелла, стоящая на камине в гостинной — такая близкая и недоступная, предмет тайного обожания, сон, греза, мечта. Кажется, рядом нет никого — значит, можно приподняться на цыпочки, затаить дыхание и... "Крак!" — осколки разлетаются по всей комнате. "Кто разрешал тебе трогать папину вещь? Кино отменяется — ты наказана, Кармен!"

Какой кошмар, катастрофа, крах всех надежд — ведь сегодня в кино должен прийти с бабушкой тот кудрявый мальчик!

Кисея на пологе чуть колышется от жаркого дыхания, кружится голова. Корь. Компрессы, градусники, грелки, врачи. Какао — я ненавижу какао, когда я вырасту, я буду пить кофе, как папа!

Календарь — еще не ключ от вечности, еще не предмет глубоко скрытой ненависти. Пока он отсчитывает не стремительно пролетающие годы, а едва плетущиеся дни. Количество вопросов, которые требуют немедленного ответа, пропорциональны количеству прожитых секунд.

Как трудно стоять спокойно, когда тебя щекотно обмеривают со всех сторон! Клеменсия, их экономка, сурово грозит ей паль-

цем: "Не вертитесь, маленькая фея!" Кипенно-белое платье с букетиком камелий у пояса кажется невесомым, как облако — она и впрямь похожа в нем на фею из старой сказки! "Котенок, пожалуйста, постой спокойно — или ты не хочешь в воскресенье пойти на первое причастие?" Конечно, хочу, мама, мамочка, только мне так щекотно...

оранжевый

Одиннадцатилетняя девочка — уже не ребенок, но еще и не девушка. Огорчений больше, чем вы могли бы подумать. Очень хочется распустить волосы — нельзя, надеть алое платье с оборками — ни в коем случае, обвести тонко отточенным карандашом разлетающиеся брови — "Ох, Боже мой, сеньорита, на кого вы похожи! Отмыть лицо — и немедленно!"

Отчаянная скупа элитного частного пансиона. Образование — прежде всего — да, папа, конечно, папа. Однообразные дни, обиды на преподавателей, ссоры с подружками, примирения, пресные, как облатка.

Одна радость — каникулы. Одиночество, океан, омытые ветром и солеными брызгами камни, яркая обложка супермодного любовного романа. "О чем эта книга, сеньорита Кармен?" "О правилах хорошего тона, Клеменсия, не беспокойся!"

Ошибкой было писать записки тому мальчику из кадетского корпуса. Околдовал он ее, что ли? Осенний бал по случаю начала нового учебного сезона, один-единственный танец, один мимолетный поцелуй в полутемном коридоре. О, Господи, если бы папа с мамой узнали...

Обед перед отъездом в пансион в честь дня ее ангела. Обязательная родня, именитые гости, отставной генерал — компаньон отца, медлительный и важный, как вол. "Очаровательная у вас дочь, сеньор Ромеро, просто очаровательная!"

Отблеск свечей во влажных, мерцающих зрачках, обруч, склавший непокорные локоны, осиная талия. Облик феи — обманчивая оболочка, под которой медленно течет густая кровь цвета огня, уже почти готовая взбунтоваться.

Ореховый торт величиной с дом, ожерелья гирлянд, ослепительные вспышки фейерверка. Орlando, кузен, обернувшись, опалает взглядом ее лицо, шею, плечи, едва наметившуюся грудь. Однако! Он ведет себя вызывающе, если не сказать — нагло! Овечка, невинная овечка с огневицей в крови. Обязательный оборотень.

желтый

Жгучее небо цвета испанского бархата.

Живопись — ее последнее увлечение, на самом деле всего лишь предлог, чтобы остаться с ним наедине. Жаркие объятия в саду, запах цветущего жасмина кружит голову, как звук его голоса. "Жеманница моя, моя маленькая фея, утоли мою жажду, дай прижаться к твоим губам!"

Желания юности сильнее запретов, морали, страха перед отцом. Жребий брошен, обратного пути нет. Женщина, новорожденная женщина с туманными глазами древней жрицы, поднимается с ложа из свежей травы и жемчужного лунного света. Жить без него невозможно — как нельзя жить без воздуха, без солнечного блеска, без запаха жасмина, приколотого им к вырезу ее платья...

Женихом входит он в дом ее родителей. Животное, омерзительное животное, укравшее их единственную дочь! Жаба, раздувшаяся от похоти, как смеешь ты переступить порог этого дома, как смеешь смотреть нам в глаза!

Жалость, промелькнувшая в глазах матери, кажется наваждением. Жутко и неистов до дрожи отцовский гнев, но жребий брошен. Жертва постыдных желаний — она? О, нет! Жестоко наказанная домашним арестом, она не желает смириться, она ждет. Ждет — шепота под окном, чуть слышного скрипа жалюзи, знака, записки.

Жар-птица, поманившая меня жасминовым ароматом, где ты, где ты? Жену свою — не перед людьми, так перед Богом — как мог ты забыть так скоро? Жизнь моя, радость моя, неужели ты мог меня оставить — ты, чьи клятвы были так горячи, а поцелуи так жарки?

"Жаль, что ты могла подарить себя столь жалкому жуиру, Карменсита!" "Я люблю его, папа!"

зеленый

Заблуждения юности развеиваются, как сон. Золотое кольцо — залог грядущего счастья послано не им: что ж, тем лучше. "Зато сеньор Гомес достойный человек, Карменсита!" — да, папа, конечно, папа. Забывать — вот истинное искусство, может быть, единственное, которым стоит обладать!

Заброшены занятия живописью. Заманчивые узоры ее воображения, сладчайший запретный плод девичьих фантазий и грез, распотаны острым каблучком, как омерзительное насекомое — не до них! Заботы, хлопоты, великолепное платье, невесомое облачко фаты — зеркало отражает загадочную усмешку повзрослевшей феи.

Зыбкое марево свечей, звуки органа под сводами собора, змеящийся полумрак. Запах жасмина — слабый, почти незаметный, откуда он здесь? Забыть. Забыть. Забыть. Забавно — этот человек, стоящий рядом, кажется совсем незнакомым, почти чужим. Зябко повести плечами, поправить упавший на лоб завиток, заученно произнести роковое "Да!"

Звездная ночь за окном, засахаренные фрукты и шампанское на столике у постели, заломленные брови — здесь, в спальне, этот незнакомец, этот чужак... Задушенный крик, злоба — на себя, на него, на весь мир и — забвение сна. Милосердного, как молитва.

Законный брак, знаменитые фрески европейских мастеров, залы для приемов с их весельем напоказ, разбавленным, как плохое вино.

Зимние курорты. "Закутайся потеплее, зайчик!"

Заслуги перед Отечеством, звания, чины, блестящая карьера. Загородный дом, зависть, сплетни, злобные выпады газет. "Знаешь, милая, по-моему, нам пора подумать о наследнике!" "Завтра поговорим".

Завтра похоже на вчера, как брат-близнец. Замужество — тяжелый крест, девочка, а ты как думала?

голубой

Гордость, гиацинты, гул, голубые ленты.

Гордость отца, гиацинты на белоснежном пододеяльнике матери, еще слабой от перенесенной горячки. Гул поздравлений медперсонала окружного госпиталя "Сан Педро де Нариньо" — "Какой крупный ребенок, сеньора! Он просто Геркулес, сеньора! Поздравляем! Поздравляем!"

Голубые ленты, ленты, ленты — целый ворох голубых лент, из-за которых почти не видно личико младенца. Господний дар, голубочек мой горластенский! Губки, глазки, носик с горбинкой — "Вылитый сеньор Гомес!"

Год спустя все повторяется. Горлинка моя, счастье мое, доченька. "Гуанито, ты же так хотел сестренку! Подойди, взгляни на нее!"

Голова кругом — ничего не успеваешь, горячее молоко на ночь, гренки — на завтрак, громом среди ясного неба детские болезни — корь, коклюш, ангины, отиты. Грипп. Градусники, грелки, компрессы, врачи. "Горе мое, пожалуйста, постой спокойно — или ты не хочешь в воскресенье пойти на первое причастие?"

Гувернеры, гувернантки, гимназия. Гости на день ангела и на Рождество. Господи, как дети-то выросли!

Глупо, как глупо, Гуанито, тебе еще рано жениться, нужно сначала окончить Университет, защитить диссертацию, поступить на службу — "Я люблю ее, мама!"

синий

Свадьба сына — суета, слезы, страх, смутное ощущение потери. Свадьба дочери — снежно-белый наряд, сияющее личико, столпотворение в церкви, суета, слезы.

Светские приемы, дороге санатории, сверхчеловеческие усилия удержать расплывающуюся фигуру — салоны эксклюзивной одежды, салоны-парикмахерские, отделанные серой плиткой кабинеты модных врачей. Седина — сверкающие пряди в волосах, некогда черных, как смоль.

Самое легкое недомогание вызывает ужас. Сутки без сна, соляные расслабляющие ванны, снотворное... "Спокойно, дорогая, ты просто устала, тебе нужно немного отдохнуть!"

Синева океана, солнце, скачущее круглым мячиком в полуденном небе. Самые дорогие сердцу мечты ее детства, старые камни, омытые ветром и солеными брызгами.

Смешные рисунки внуков, присланные ко дню ангела. Старинное распятие у изголовья: "Спаси и сохрани их, пресвятая Дева Мария!" Семейные праздники, ставшие редкостью — стол, накрытый в саду, веселая суматоха, столовые приборы, сверкающие в пламени свечей. Страницы календаря — слуги стремительно несущегося времени, смертельные враги, палачи жизни.

Скука старого дома. Сиреневый полусвет. Сезон дождей — струйки, стекающие по стеклу, как серебряные слезы. Солнечное детство, страсти юности, сомнения зрелости — сон, наваждение?

Сумерки надвигающейся слепоты. Светила медицины, сложные названия лекарств, консилиумы, сиделки. Свинцовая тяжесть в сморщенных веках. Старость.

фиолетовый

Фраки, форменные мундиры, фигурки женщин в траурных платьях, фантастической красоты букеты, запах формалина.

Фиолетовый шелк, шелк, шелк, фарфоровая бледность истонченного лица, фиалки на белом покрывале. "Фиалки — мама их так любила! А отец всегда дарил ей гиацинты!"

Фитильки свечей, чуть дрожащие в неподвижном воздухе, скорбные фуги в полумраке собора, дочь падает в обморок — физиология, вы же понимаете.

Формальности — впрочем, довольно немногочисленные. Семейный склеп семьи Гомес. Факелы, высеченные из камня, фризмы из мрамора цвета фламинго. Футляр для феи.

Фуршет — французский коньяк, крохотные фирменные пирожные, фрукты. Фото-репортер из светской хроники, похожий на

флибустьера. Фразы, фразы — равнодушные формулы официального соболезнования. Физика — современная физика — отрицает существование потустороннего мира. Фактически вы правы, но еще древние философы утверждали, что... Фи, как вам не стыдно, здесь родственники.

Форточка в спальне открыта настежь, слабый запах жасмина долетает из сада. Франсиско, старший из внуков, листает старые фотоальбомы, устроившись на бабушкиной кровати. Франтоватые мужчины, женщины с обнаженными плечами, среди которых смеется кокетливо юная бабушка — обломки чужой, стремительно промчавшейся жизни. Фея, куда ты ушла, кто будет присылать нам теперь гостинцы к Рождеству и ко дню ангела?

Фестоны на занавесках чуть колыхнутся от налетевшего ветерка, слабо журчит невидимый в темноте фонтан, фотографии пахнут жасмином — куда ты ушла, фея?

белый

Безбрежный океан, блистающее небо, бешеный разбег волн, ломающих гривы у кромки белого песка.

Белые цветы жасмина, боязливо вздрагивающие под порывами ветра.

Белые бабочки, похожие на брызги бисера.

Благословенная беспечность природы, которой нет никакого дела до бледных страниц календаря.

"Было" и "будет", на самом деле, звенья одной и той же цепи, аккорды нескончаемого болеро Вечности. Боязнь смерти, в сущности, не что иное, как страх перед будущей жизнью — вечный, как бессонные изваяния древних богов.

Белого цвета нет в спектре. Бесплотный, как тени умерших, он растворен в самом воздухе, он — все и ничто. Безмерность. Блеск. Бесконечность.

Белый — камень и облако, жасмин и звезда, голубь и саван — фантазия Вселенной, из которой когда-нибудь родится новая радуга. ■

ПЕРЕВОЗЧИК боевик

США, 1 час 29 мин.

Режиссер Кори Юн. В ролях: Джейсон Стэтэм ("Большой куш"), Мэтт Шульце, Ки Шу, Франсуа Берлеан, Крик Янг.
"ГЕМИНИ ФИЛЬМ", ПУ № 221119603

Уже один тот факт, что "Перевозчик" собрал в прокате более 25 млн. долларов США, говорит о многом. Хотя фильм и не блещет какими-то особыми сценарными изысками, зритель за него, что называется, "голосует рублем". Как видно, продюсер и большой умница Люк Бессон, безусловно знакомый с формулой успеха, и здесь без ошибки заранее все просчитал. Картина "сбита" на славу — экшн что надо. В наличии все необходимое: благородный герой, виртуозные погони, высокохудожественные схватки... и на закуску любовь. При всех недочетах, отмеченных критиками, "Перевозчик" умело держит зрителя от первого до последнего кадра. Его герой Фрэнк, занимаясь опасным бизнесом — перевозом криминального груза, живет по хорошо отработанным за долгие годы правилам. Нарушив которые, сам же и попадает в смертельную ловушку...

АНИМАТРИЦА анимация/фантастика

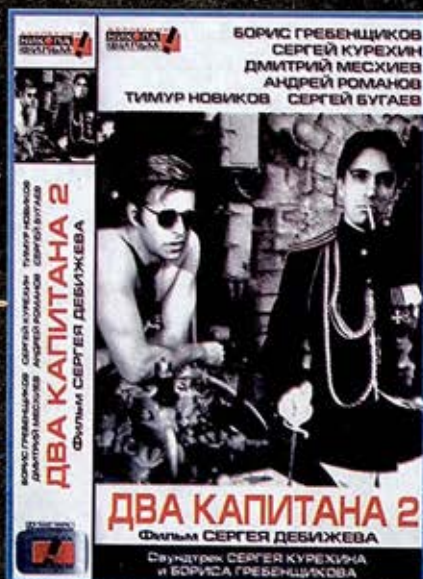
США/Япония, 2003 г., 1 час 50 мин.

Режиссеры Энди Джонс, Махиро Маэда, Шинихиро Ватанбе, Такеши Коике, Коуджи Моримото, Йошита Кавадзири, Шинихиро Ватанбе, Питер Чун
"ПРЕМЬЕР ВИДЕОФИЛЬМ", ПУ № 224009803

Сразу хочется предупредить, что этот мультипликационный фильм, снятый по мотивам "Матрицы", только для взрослых, а значит, имеет возрастные ограничения. Его не стоит показывать вашим маленьким братишкам и сестренкам, так как в нем имеются сцены не только насилия, грубая лексика, обнаженная натура, но и эпизоды подросткового суицида. Об этом же заранее предупреждает и сама компания, выпустившая фильм на наш видеорынок.

И все же он стоит того, чтобы его посмотреть. Уверена, вас не придется долго упрашивать, ведь "Аниматрица" — потрясающая страна. Трудно оторваться от просмотра девяти, связанных воедино сюжетом, историй, сделанных разными мастерами японского аниме и выпущенных на видео американской студией "Warner home video".

"Бульвар" — ВИДЕО

ДВА КАПИТАНА 2 фэнтези
Россия, 2003 г. (обновленная версия), 1 час 05 мин.
Автор сценария и режиссер СЕРГЕЙ ДЕБИЖЕВ
В ролях: Сергей Курехин, Борис Гребенщиков, Андрей Романов, Тимур Новиков, Сергей Бугаев, Дмитрий Месхиев
Композиторы Сергей Курехин, Борис Гребенщиков
ЗАО "Фирма ВДВ", ПУ № 1102893

Фильм этот был незаслуженно забыт. А между тем, это довольно любопытное и неординарное явление, неоднократно удостоенное всевозможных престижнейших кинонаград. Вновь появилась возможность лицезреть многих из легендарных личностей петербургского андеграунда времен перестройки, а у фанатов Сергея Курехина и БГ редкая возможность насладиться актерской игрой и совместным саундтреком умов. Талантливо изложенная мистификация, впережку с действительно состоявшимся, реальными событиями Всемирной истории начала XX века, подтвержденная редкими, малоизвестными кадрами документальной кинохроники, снятая в черно-белом ключе, она так запутает вас, что придется пересмотреть картину еще не раз, прежде чем окончательно разобраться, что к чему...

ФРИДА мелодрама
США, 2002 г., 2 часа
Режиссер Джули Теймор
В ролях: Сальма Хайек, Альфред Молина, Джеффри Раш, Эшли Джадд, Антонио Бандерас, Эдвард Нортона
ЗАО "ВЕСТ", ПУ № 121001403

Этот фильм почти столь же великолепен и поэтичен, как полотна самой Фриды — первой мексиканской художницы начала XX в. И красноречивое тому подтверждение — две премии "Оскар" и премия "Золотой глобус". Яркая и драматически насыщенная жизнь художницы Фриды Кало до сих пор будоражит умы писателей и кинематографистов. И неспроста. В ее судьбе было все: и несчастные случаи на волосок от смерти, и бурные романы, и всепоглощающая любовь к Диего Ривере, самому знаменитому художнику Мексики, — с разрывами, расставаниями и страстными возвращениями, и бурный роман с опальным большевиком Львом Троцким. Но это не помешало Фриде творить. Некоторые ее работы после выставки в Париже были приобретены Лувром. Она стала первым латиноамериканским художником, представленным в нем.

Видеогид Наталья ТЕНДОРА.

О

как вкусно!

Поздней осенью, когда природа почти замирает в ожидании холодов, а люди чувствуют себя не совсем уютно даже в теплых одеждах, хочется согреть себя изнутри. Тут уже не подойдут легкие салатики из овощей или холодные супы типа окрошки, а требуется что-нибудь посущественнее. В этот период помидоры, огурцы, кабачки уступают место фасоли — одному из самых полезных продуктов, она по калориям заменяет даже мясо, и в ней много белка. Любое блюдо, приготовленное из фасоли, очень сытно, вкусно и действительно полезно. Поэтому сегодня мы хотим предложить вам несколько рецептов фасолевых блюд. На закуску можно приготовить холодную фасоль или паштет.

■ Фасоль в масле

1 стакан фасоли, 2 луковицы, 2 ст. ложки растительного масла, зелень петрушки.

Фасоль отварить, затем обжарить на сковороде до образования румяной корочки, добавить поджаренный отдельно лук (лучше нарезать его колечками), соль, перец, все хорошенько перемешать и охладить. Перед подачей посыпать зеленью.

■ Паштет из фасоли

1 стакан фасоли, 1 луковица, 2 ст. ложки растительного масла, 1 чайная ложка уксуса.

Фасоль отварить, протереть через сито или подавить ложкой, затем смешать с мелко нарезанным поджаренным луком, добавить масло, уксус, посолить, поперчить, тщательно перемешать, выложить на блюдо и охладить.

■ Салат из консервированной стручковой фасоли

1 банка консервов, 1 луковица, 250 г вареной колбасы, 50 г сыра, пачка майонеза, петрушка.

Выложить в салатницу фасоль из банки (предварительно слив из нее сок), колбасу нарезать мелкими кусочками, сыр прот-

реть, а лук мелко порубить. Все это тщательно перемешать, полить майонезом и посыпать петрушкой.

■ **Фасоль в ореховом соусе**

1 стакан фасоли, 100 г грецких орехов (очищенных), 1 луковица, 4 дольки чеснока, немного уксуса, пучок кинзы.

Фасоль отварить до готовности, затем слить воду (оставить 2 ст. ложки жидкости) и как следует растолочь ложкой до получения густой массы. Размешать ее с мелко нарезанным луком.

Подготовить ореховый соус: орехи очистить и вместе с чесноком пропустить через мясорубку. В полученную ореховую массу добавить зелень кинзы, посолить и поперчить. Уксус развести оставшейся после варки фасоли жидкостью и добавить орехи. Как следует перемешать и залить этим соусом фасоль.

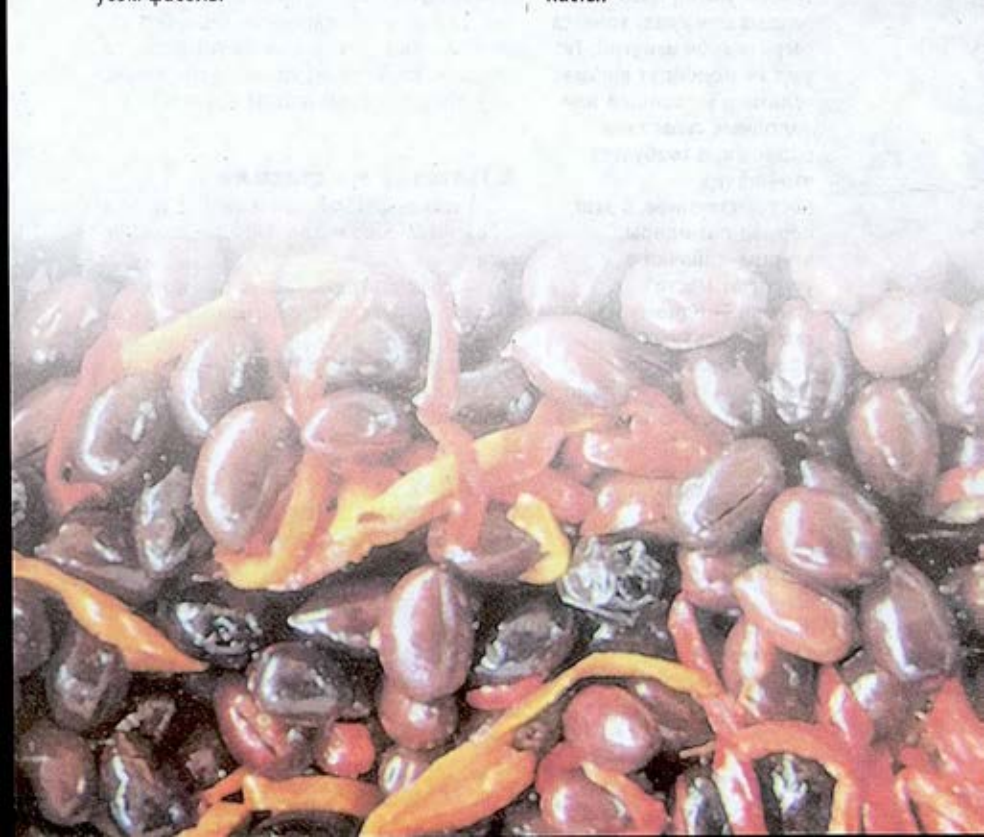
■ **Суп из фасоли**

Полтора стакана фасоли, 1 луковица, 1 ст. ложка томатной пасты, 5-6 картофелин, 1 морковь, 1 лавровый лист, соль, перец (по вкусу), 2 ст. ложки сливочного масла.

Отмоченную заранее фасоль сварить в кастрюле до мягкости. Отдельно поджарить лук и морковь с томатной пастой и вместе с картофелем положить в суп. Затем бросить лавровый лист, посолить, поперчить, добавить масло и варить на медленном огне до полной готовности. В конце посыпать зеленью кинзы или петрушки. (В таком супе можно картошку заменить лапшой.)

■ **Фасоль с картофелем**

1 стакан фасоли, полкило картошки, 2 луковицы, 2 ст. ложки сметаны, 2 ст. ложки сливочного масла и 2 ст. ложки томатной пасты.

Сварить отдельно фасоль и картофель. Картофель нарезать ломтиками, поджарить и смешать с фасолью. Добавить сметану, мелко нарезанный поджаренный лук, томатную пасту, соль, перец (по вкусу), тщательно перемешать, закрыть кастрюлю крышкой и тушить в духовке до готовности.

■ Из фасоли и картофеля получается и очень вкусная запеканка.

Она готовится так:

2 стакана фасоли, полкило картошки, 2 луковицы и 2 ст. ложки сливочного или растительного масла.

Сваренные отдельно фасоль и картофель пропустить через мясорубку, посолить и перемешать. Половину полученной массы выложить на смазанную маслом сковородку.

Отдельно пожарить мелко нарезанный лук и смешать с фасолью, разровнять, положить поджаренный лук, накрыть его второй половиной массы, смазать (или залить) сверху маслом и запечь в духовке.

И, конечно, невозможно обойтись в фасолевых блюдах без традиционного грузинского лобио. Я расскажу вам сегодня, как готовить лобио из зеленой стручковой фасоли (свежей или консервированной).

■ Лобио из зеленой фасоли

1 кг фасоли (или 2 банки консервированной), 4 луковицы, 2 яйца, 1/2 чайной ложки уксуса, 2 ст. ложки сливочного масла, пучок кинзы, соль, перец (по вкусу).

Свежую фасоль пощипать на кусочки, залить водой и сварить до готовности, а консервированную просто выложить в кастрюлю и дать прокипеть. Отдельно приготовить яичную массу: яйца полностью выбить в тарелку и взбить ложечкой до однородного пенообразного состояния, затем добавить пол-ложки уксуса и этой массой залить фасоль в кастрюле. Дать потушить-

ся еще минуты 3, и лобио по-грузински готово.

Из фасоли можно делать даже котлеты.

■ Котлеты из фасоли в белом соусе

2 стакана фасоли, 50 г белого хлеба, 1/2 стакана молока, 2 яйца, панировочные сухари.

Сваренную до полной готовности фасоль смешать с замоченным в молоке хлебом, пропустить через мясорубку, добавить яйца и тщательно перемешать. Из полученной массы разделить котлеты, обвалить их в сухарях и поджарить.

Готовые котлеты подавать с белым соусом. (В одном из предыдущих номеров напечатаны рецепты приготовления разных соусов, в том числе и белого.)

Добавить масло, зелень, посолить, поперчить и минут 5 потушить под крышкой.

■ А на десерт — сюрприз!

Приложите немного усилий, и у вас получится вкусное, оригинальное и внешне очень красивое блюдо — чернослив с орехами.

Полкило чернослива, пол-литра воды, стакан сахарного песка, 300 г очищенных грецких орехов, 1 пакетик желатина.

Чернослив промыть, залить водой (в воду для цвета можно добавить 3 ложки смородинового сока) и прокипятить. Дать ему остыть, вынуть из каждого косточку и начинить дольками грецкого ореха. Чернослив выложить на большую плоскую тарелку слоями, каждый слой посыпая сахарным песком. Желатин развести в холодной воде и оставить на 10-15 минут. Оставшуюся после варки чернослива воду еще раз прокипятить и добавить разведенный желатин. Когда эта масса остынет, залить ею выложенный слоями чернослив с орехами и поставить в холодильник.

Экзотика на столе вам обеспечена!

Приятного аппетита!

Ваш Поваренок

Элегия. 1893.

АГОЛЛИНАРИЙ
ВАСИЛЕВ

Софья ПИСКУН

Его поэтическая душа воспевала родную вятскую природу, Сибирь и Урал, а как знаток старинной русской архитектуры, он не имел себе равных. Хорошо знавший его Александр Бенуа в своих воспоминаниях писал: "Мне нравились его довольно наивные и все же убедительные затеи "возрождения" прошлого обожаемой им Москвы, и его попытки представить грандиозность и ширь сибирской природы".

Аполлинарий Васнецов родился 6 августа 1856 года в селе Рябово, недалеко от Вятки, в семье священника. Когда мальчику исполнилось семь лет, умирает его мать, оставив шестерых детей. Отец, несмотря на свою религиозность, не готовил сыновей к принятию духовного сана. Один из них стал агрономом, трое — учителями, а Виктор и Аполлинарий — известными художниками. Да и сам отец любил рисовать, еще он интересовался метеорологией, астрономией и прививал эту любовь детям. Жenu он пережил на 5 лет. После его кончины обязанности старшего в семье взял на себя Виктор, в то время студент Петербургской академии художеств.

Любовь к природе у Аполлинария проявилась еще с ранних лет, возможно, смерть матери, совпавшая с расцветом весны, в мае, заставила посмотреть на нее другими глазами. И как он сам потом вспоминал, именно природа, окружавшая его с детства, — высокие холмы, реки, овраги и склоны, покрытые дремучими хвойными лесами, — сделала его пейзажистом. Рисовать он начал рано, рисовал где только мог — мелом, углем, а иногда даже куском мыла. Но основное влияние на дальнейшую его судьбу, как художника, оказал Виктор. Аполлинарий в своих воспоминаниях писал: "Я и сам художником-то стал потому, что с детства видел его рисунки и работы. Виктор следил за правильной передачей натуры, следил за формой и выбором натуры". Но Аполлинарий не стал тенью брата, а оставил свой собственный след в русской живописи.

Мясницкие ворота. Уличное движение в XVII в. 1926.

В самом начале, когда Аполлинарий учился еще в вятском духовном училище, Виктор познакомил его с местным художником М.Ф. Андриоли, сыном итальянца и польки, которого за участие в польском восстании 1864 года выслали в Вятку. Робкий и застенчивый Аполлинарий не только копировал у него дома репродукции с картин популярного в то время швейцарского художника Калама, но и самостоятельно делал зарисовки с натуры, где пытался отразить тонкостью перехода цветовой гаммы состояние природы.

Осенью 1872 года, после сельской тишины Рябова и провинциальной скучной Вятки, Аполлинарий попадает в Петербург, где жизнь буквально кипела, и некоторое время живет у Виктора. В Петербурге, благодаря брату, он вошел в художественную среду столицы, бывал в мастерских художников, посещал музеи, изучал дисциплины, такие как история, физика, география, для получения диплома за курс средней школы и в дальнейшем для поступления в Академию художеств. В семье Менделеевых, где часто бывал Аполлинарий, он встретился с художниками-передвижниками: Крамским, Репиным, Суриковым, Шишкиным, Куинджи... Художественный мир того времени, как пишет в своих воспоминаниях жена знаменитого химика Менделеева, "был самым живым и содержательным". Художественные "четверги" у Ге, в невысоком флигеле с оригинальной лестницей, украшенной толстыми колоннами, на Васильевском острове, привлекали многих художников. Такие же "четверги" устраивались в "Артели художников" у Крамского. Здесь Шишкин, по словам Репина, "как зеленый могучий лес... заражал всех своим здоровым весельем... и правдивой русской речью". Часто собирались художники в квартире Репина у Калинкина моста, в его огромной мастерской. Здесь рисовали с натурщиков, в основном ими становились сами художники, иногда устраивались веселые костюмированные вечера, на кото-

рых сам хозяин лихо отплясывал гопака. В петербургский период жизни Аполлинарий находил время и для своих литературных страстей и даже написал роман. Одно из его произведений напечатали в журнале, но перед отъездом в Вятку он сжег все свои рукописи. И все же любовь к литературе сохранил на всю жизнь, изредка печатал свои очерки и рассказы и не подозревал, что обладает необыкновенным литературным даром. Возвратившись в Вятку, он, как человек увлекающийся, заинтересовался идеями народничества, сдал экстерном экзамены на звание народного учителя и уехал в село Быстрицу, недалеко от Вятки, преподавать. Впрочем, болезнь и разочарование в народнических идеях заставили его буквально через год вернуться в Вятку. Затем он вновь приезжает к Виктору, но уже в Москву на Остоженку (по примеру Поленова и Репина, его брат переселился из Петербурга в Москву).

Аполлинарий, находясь в Москве, бесповоротно решил заняться искусством и усиленно старался овладеть сложной техникой живописи. В этом ему помогали старший брат, Репин, Суриков, Поленов и другие художники. Встречи в доме Мамонтова на Садовой и работа вместе с Виктором в подмосковном Абрамцево

послужили для него как бы лабораторией для дальнейшего творчества. Жил он с братом в Абрамцево, в специально отстроенной мастерской, получившей название "Яшкин дом" в честь "Яшки"-Веры Саввишны, старшей дочери Мамонтова, образ которой запечатлен Серовым в "Девушке с персиками" и в портрете работы Виктора Васнецова. "Яшкин дом" в истории русской живописи занимал особое место. Здесь Репин писал этюды к известной картине "Крестный ход", а Виктор знаменитые: "Аленушку", "Каменный век", "Богатырей".

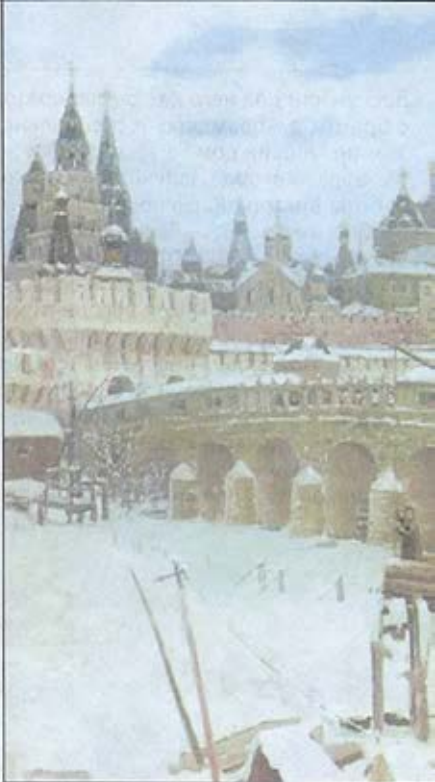
Для Аполлинария Абрамцево стало школой, где возросло его мастерство и проявилось поэтическое восприятие природы. Это чувствуется в его ранних пейзажах: "Ахтырка", "Рожь", "Лесная тропинка"... Но он не сделался подражателем ни Поленова, подсказавшего, что надо писать в более светлых тонах, ни Шишкина, учившего его точности отображения действительности, ни Куинджи, обратившего его внимание на передачу в картине пространства. У него выработался свой почерк, свое лицо. И этому свидетельствует прежде всего приобретенная Третьяковым для галереи его картина "Серенький день" с XI Выставки художников-передвижников — своеобразное признание таланта и мастерства мо-

лодого художника. В картине ощущается какая-то особая задушевность. Совсем простой сюжет, обычный пасмурный день на берегу Финского залива, извилистая тропинка, по которой бредет путник, одинокое дерево и прекрасно подобранная гамма зеленовато-серых тонов создает необычный лирический настрой. Следующая картина "Родина", написанная в 1886 году и приобретенная Третьяковым, уже окончательно определила Аполлинария как большого художника. Она стала как бы обобщенным образом русской природы и русской деревни. Художник одновременно отразил и величие природы и убогость крестьянской жизни. На картине — несколько домиков с крытой соломой крышей, белеющая вдали сельская церковь, забытая соха и одинокий пахарь. Сквозь облака проглядывает луч света, высвечивая крестьянские домики. Так, с помощью светового эффекта, художник создает пространственную глубину пейзажа. Он любил писать облака, и в этой картине они занимают большую часть пространства.

"...Часами могу смотреть, вернее, любоваться сложнейшей игрой громадных величавых масс..." — признавался Васнецов. В картину "Сумерки", которую сам считал лучшей из всего, что сделал до сих пор, он внес новое понимание природы, "ретроспективное видение". Действительно, изображая могучие сосны, уходящие в бескрайние просторы, художник словно заставляет задуматься о столетиях, пронесшихся над этими местами, о величии и вечности природы. Это новаторство Васнецов использовал в дальнейшем своем творчестве. В письме Аполлинарию из Киева Виктор писал, что был вместе с Третьяковым у Терещенко (киевского мецената) и... "видели, между прочим, твой пейзаж "Сумерки". Третьяков очень хвалил его... Я лично нахожу, что это самая твоя настроенная вещь". И далее: "Если недостача в деньгах будет — не смущайся, пиши, поднатужусь, малую толику — пришлю непременно".

Не имея возможности получить образование в юности, Аполлинарий всю жизнь занимался самообразованием, считая, что художник должен быть широко образованным человеком. Он изучал геологию, и настолько серьезно, что стал самостоятельно совершать геологические экскурсии, собрал целую коллекцию ископаемых, представляющих определенный интерес для науки. Но спустя некоторое время, испытывая материальные трудности, продал коллекцию Петербургскому университету. Увлёкся астрономией и был принят в члены Московского астрономического общества, где не только слушал доклады, но и сам выступал с лекциями. В 1914 году участвовал в экспедиции по наблюдению солнечного затмения в Крыму и даже успел сделать наброски масляными красками, а затем написал несколько картин, где сумел передать необычный световой эф-

фкт. Публиковал статьи о своих взглядах на искусство, в 1908 году издал книгу "Художество", где пытался определить эстетическую сторону искусства и дал оценку современному ее состоянию, придавая большое значение импрессионизму, но не признавал авангардное искусство.

Васнецов много путешествовал, считая, что только путешествия воспитали его как художника-пейзажиста. На карте даже обозначил красным карандашом не менее 100 пунктов, где рисовал, писал этюды, наблюдал местность и любовался природой.

В 1885 году он отправляется на Украину. Сначала живет в Киеве у Виктора, тот в это время расписывал Владимирский собор, затем переезжает в Крым, где пишет картины, в которых отражает поразившие его южные красоты: "Аллея кипарисов", "Крымская дача", "Окрестности Гурзуфа"... Аполлинарий вспоминал: "Это чуть ли не самое сильное, так как после равнин Севера скалистые горы с могучими лесами по уступам, бирюзово-синее море, кипарисы, лавры, цветущие магнолии оказались миром новых форм, неожиданно прекрасных". В Крым он приезжал еще много раз. Но ни Украина, ни крымская природа не могли повлиять на его воображение так, как Урал и Сибирь. Он писал своему другу, художнику Н.Н. Хохрякову: "Я все-таки южанином в природе не буду и не изменю милому тихому северу, располагающему своими пейзажами на размышление". После Крыма он всегда уезжал на Урал и в Сибирь. Природа этих мест была близка, почти родственна его душе. Картины, написанные в этих местах, — вершины его дарования. "Характер Урала и его природа очень мне напоминали Вятский край, те же хвойные леса, только грандиозных размеров... вместо одиночек

елей — гигантские кедры... Они (пейзажи) напомнили мне мое милое Рябово". Наиболее значительным произведением северного цикла стала "Тайга на Урале. Синяя гора". Он пишет несколько этюдов с натуры, но при создании полотна отходит от них. "Мои картины, — писал художник, — не есть воспроизведение этюдов, я ими никогда не пользуюсь". Он работал по памяти, по воображению. Будучи на Урале и в Сибири, написал целый ряд пейзажей, где ощущается пространственный размах, величавость гор, полноводных сибирских рек, суровость и мощественность лесов. В них заключена какая-то тайна и величие самой природы.

Есть еще одна особенность художника. В его пейзажах отсутствует человек, но есть историческое прошлое. Завершающая картина этого цикла — "Северный край. Сибирская река". Благодаря насыщенной цветовой гамме и более светлой палитре красок, сибирская природа не предстает мрачной и неприветливой, а наоборот, какой-то красочной, жизнерадостной и манящей. Перед написанием ее, он посетил Париж и познакомился с работами импрессионистов, что, естественно, оказало влияние на картину. Сам художник признавался: "Если бы в бытность мою в Париже я не просветлел под влиянием французского искусства, то остался бы навсегда "черным художником".

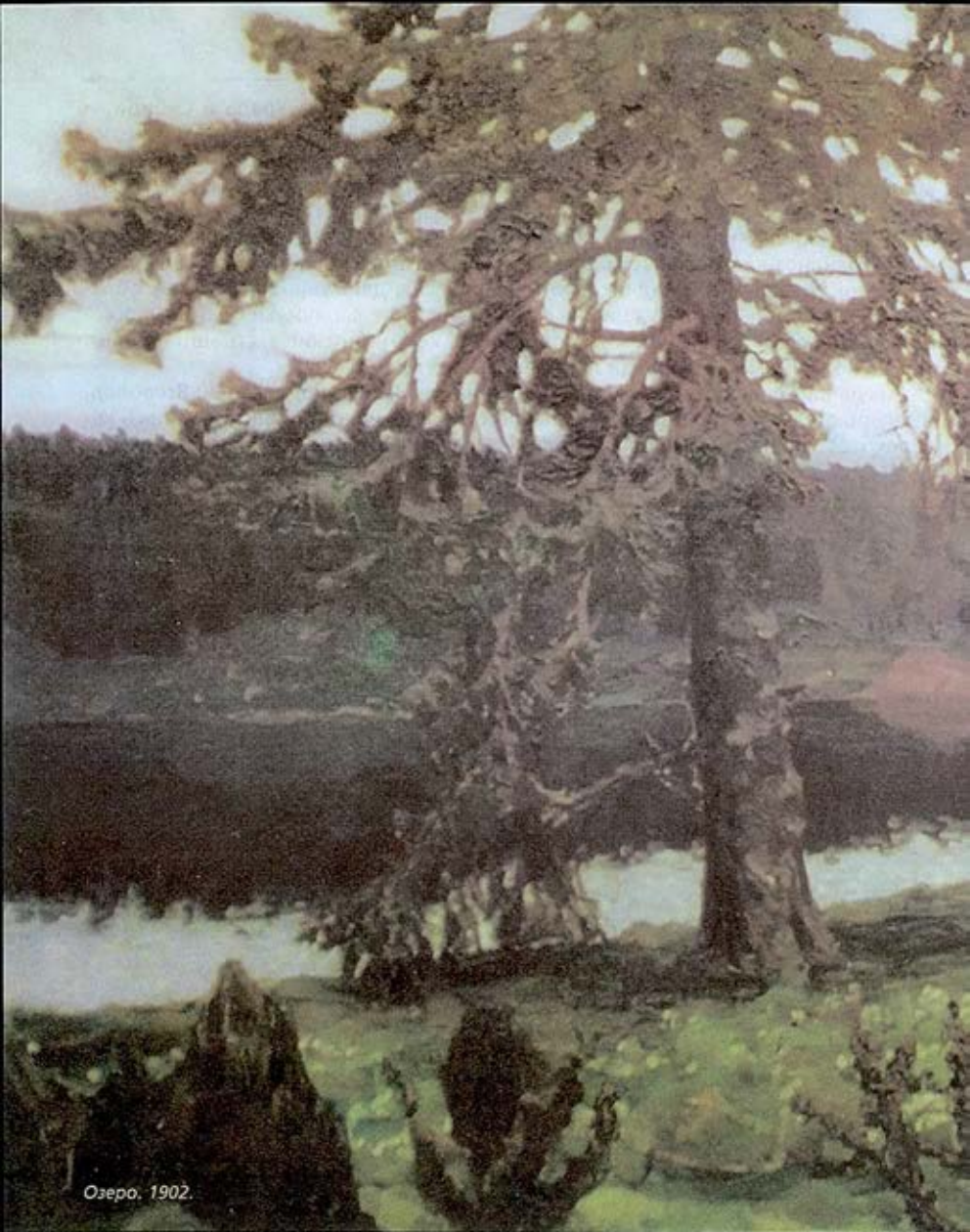
Уральские пейзажи, такие как "Тайга на Урале", "Наступление ночи", "Кама" и другие, экспонировались на передвижных выставках с 1891 по 1895 годы. Среди них "Кама" — наиболее ярко отражает его творчество. Эту северную красавицу-реку много раз писал Шишкин. У него она всегда величава и могуча, уверенно и спокойно несет свои воды среди непроходимых просторов. У Васнецова же Кама показана в окружении сваленных столетних сосен и елей, лежащих в каком-то первобытном, стихийном хаосе, и даже деревянные хибарки или шала-

ши сохранились от древних времен каким-то чудом. Темы Урала и Сибири — эпические произведения. А вот в полотнах с кавказской природой — это уже полет фантазии, воображения, передачи своего состояния влюбленности в роскошную красоту края. Поездка на Кавказ была предпринята им сразу же после Урала. Он пишет здесь: “Кавказ”, “Казбек”, “Дарьял”, которые затем выставляет на 25-й юбилейной Выставке передвижников. В них и тишина кавказской осени, и грандиозность горных массивов, и снежные шапки Казбека и Эльбруса. “...снежные вершины и ледники, то теряющиеся в движущихся громадах облаков, то ослепительно блестящие на синеве неба, ущелья, пропасти, скалы, освещенные заревом заката, снежные предгорья, как гигантские застывшие волны, заросшие озимями”. Неправда ли, прекрасно описан Кавказ!

Когда Васнецову было уже за 40, он женился. Вскоре родился сын Всеволод, и теперь он вместе с семьей проводит лето в Демьяново, что располагалось недалеко от Клина. Демьяново состояло из небольшой церкви, кладбища, нескольких домиков церковных служителей, приходской школы, за кладбищен-

Московский застенок. Конец XVI в. 1912.

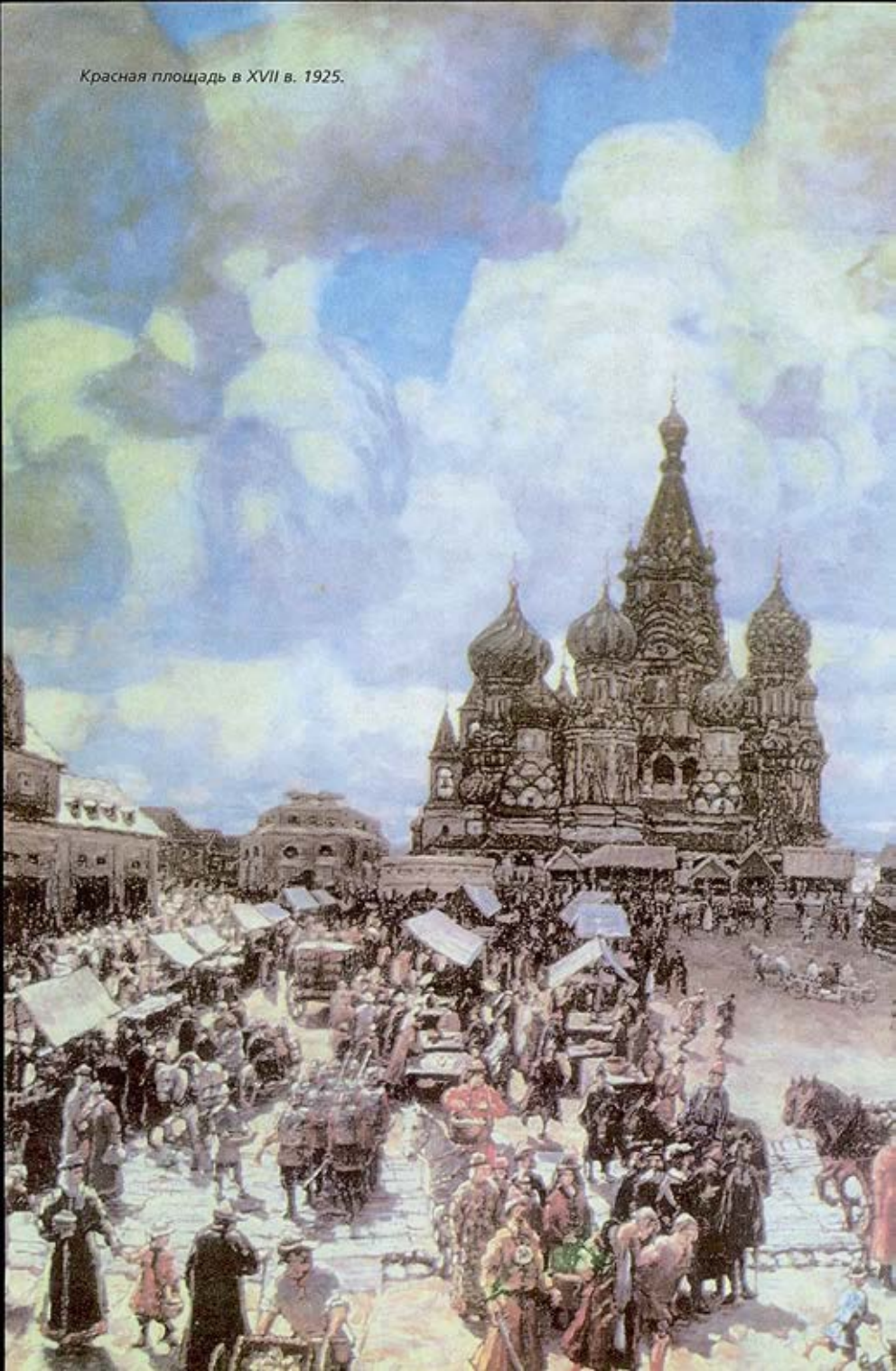
Озеро. 1902.

ской оградой — большой парк с широкими аллеями вековых лип, зелеными лужайками и большими прудами. Когда-то парк принадлежал старинному поместью Демьяново, которое Екатерина II подарила своему фавориту князю Потемкину. Затем имение перешло В. Танееву, брату композитора С. Танеева. По соседству находилась небольшая усадьба Петра Ильича Чайковского. Аполлинария

Васнецова здесь радовало все: просторные поля и пахучие луга, березовые перелески и сверкающая на солнце извилистая река — Сестра, даже мрачные замшелые еловые леса. У Танеева — владельца Демьянова — летом гостили Тимирязев, сестры Гнесины, писатели, профессора из Москвы и Петербурга. В теплые вечера, после заката солнца, в парке собиралось светское общество, велись

Красная площадь в XVII в. 1925.

интересные беседы. Аполлинарий часто здесь бывал, особенно любил беседовать с Танеевым, пользовался его великолепной библиотекой. С упоением он пишет о Демьянове Н.Н. Хохрякову: "Писать, писать с натуры, пока глаза видят и руки держат кисть... За этудами молодежи! Не правда ли!"

Он предпринял несколько поездок за границу, как считал, для повышения своего художественного образования. Первая — Париж, где он снимал мастерскую поблизости бульвара Монсури, что в Латинском квартале, там же жили А. Бенуа, А. Сомов, Б. Фогель, П. Кончаловский. В живописи французских художников его поражала прежде всего свежесть и яркий колорит красок, изящная манера письма. После Парижа он отправился в Италию — Рим, Неаполь, Помпеи, Флоренция. В Риме жили художники, братья Сведомские, милейшие люди, вокруг которых собиралась колония русских художников. Васнецов, влюбленный в Рим, считал его необыкновенным еще и потому, что там имеются три ступени культуры человечества: классика — латинский Рим, эпоха первых веков христианства и Ренессанс. Следующая поездка за границу — снова Париж, где он посетил Всемирную выставку, на которой представил шесть работ. Две картины обратили на себя внимание: "Элегия" и "Зимняя сказка", и были удостоены серебряной медали. "Элегия", написанная в 1893 году, навеяна воспоминаниями о Крыме, в ней — ощущение одиночества и грусти, но нет обреченности и разочарования, как было модно в среде русской творческой интеллигенции. Затем за границу он отправился с семьей, заранее тщательно обдумав поездку. По совету Тимирязева, после скитаний по городам Италии и Швейцарии, он с семьей остановился на берегах озера Комо в вилле Сербелиони. В своем письме к Тимирязеву Васнецов писал: "Позвольте прежде всего поблагодарить Вас от всех нас за рекомендацию. Местность великолепная! Ничего

подобного я не ожидал. Какой дивный парк!.. Сочетание изумрудно-лазурных вод и скалистых стремнин, покрытых лесами с белеющими гнездами деревушек и местечек, разбросанных по склонам, — что-то не поддающееся описанию! В довершение грандиозности впечатления — гирлянда снежных вершин Альп обрамляет пейзаж с севера”.

В 1902 году Васнецов написал картину "Озеро", ставшую вершиной в русской пейзажной живописи, и на этом завершил свой путь как пейзажист. Безмолвные холодные воды озера, окруженные раскидистыми замшелыми деревьями, одинокая женская фигура, собирающая странные белые цветы, создают впечатлительное одновременно и сказочного и реального мира. А разнообразием оттенков зеленого цвета, от густого темного до серебристо-перламутрового, и вкраплением охристого цвета, художник передает очарование суровой северной природы. "Озеро" было великим праздником", — сказал Константин Коровин, а Нестеров в письме к Васнецову назвал эту картину величественным реквиемом.

Васнецова интересовал не только пейзажный жанр, но и историко-бытовой, которым увлекались тогда многие художники: Суриков, Виктор Васнецов, Рябушкин, Нестеров и многие другие.

Прежде всего художника интересовало прошлое Москвы. Эта тема привлекала его в разные периоды творчества, причем он иногда на одну и ту же тему мог писать несколько раз. Так, "Книжные лавочки на Спасском мосту" он писал в 1902, 1916 и 1922 годах, тем самым хотел показать как бы интеллектуальную жизнь москвичей. Одной из причин проявления интереса к Москве, к ее памятникам, видимо, было и то, что он, живя в Москве почти напротив Кремля в Кокоревском подворье, постоянно видел его перед собой, любовался его башнями, стенами и соборами. О Москве он написал более 100 картин. В своих полотнах словно воскрешал подлинную жизнь города: на улицах, площадях и пристанях идет бойкая торговля... толпа народа внимательно слушает дьяка, читающего царский указ, веселыми плясками и прибаутками забавляют народ скоморохи, живописно стоят нарядно одетые бояре... Аполлинарий Васнецов воссоздает и своеобразие старинной русской архитектуры: высокие деревянные дома с причудливыми башенками и наружными лестницами на столбах, стены и башни Кремля, арочные мосты, старинные сооружения. По его работам можно поэтапно проследить историю развития города. В картине "Основание Москвы. Постройка новых стен Кремля Юрием Долгоруким в 1156 году", — князь Юрий, дающий какие-то указания по строительству деревянных стен крепости. В другой — "Московский Кремль при Иване Калите. Середина XIV века" — живописный деревянный город в холодной дымке зимнего дня. А вот в картине "Московский застенок. Конец XVI века" представлена и мрачная страница русского средневековья. Здесь изображена страшная сцена: перед воротами застенка выброшены трупы людей, замученных пытками. Понуро стоят родственники и знакомые, они пришли их похоронить.

В 1910 году вышла большая статья во II-м томе "Истории русского искусства", где художник приводит слова некоторых иностранных послов и путешественников по поводу того, что Москва XVII века не уступала по величине Парижу и превышала многие города Европы, а население ее составляло 200 тысяч человек. Но, несмотря на огромную территорию и большое население, как пишет Васнецов, "...это была все-таки огромная деревня, притом же деревня трудовая. Все ее концы — с названиями Кожевники, Сыромятники, Гончары, Оружейники — разве не говорят о чисто народном характере города, разделенного на участки по роду занятий". И далее: "Центр средневекового уклада жизни города сосредотачивался в Кремле. Здесь были главные храмы, жили царь, митрополит и самые богатые и властные мужики-бояре... складывались про него былины, сказки. В Китай-городе — кружала и харчевни, погребя в Гостином дворе с фряжскими винами. Здесь же зазывали прохожих в кружала и притоны словоохотливые женщины с бирюзовыми колечками во рту. Слышен был плач детей-подкидышей, вынесенных сюда в корзинах все теми же божедодомы... Пройдет толпа

скоморохов с сопелями, гудками и домрами... Разольется захватывающая разгульная песня пропившихся до последней нитки бражников”.

Аполлинарий Васнецов не только писал картины о Москве, тщательно изучал ее историю, но и, будучи членом комиссии по изучению “Старой Москвы”, а с 1918 года ее председателем, принимал активное участие в сохранении древних памятников архитектуры. Он взял на себя изучение местности между Яузой и Москвой-рекой, на заседаниях комиссии вносил ценные предложения. Так, например, благодаря поддержке большого знатока Москвы П.М. Миллера и крупного ученого в области археологии Д.М. Анучина, при его содействии открылся музей “Старой Москвы”, который существует и сегодня под названием музей “Истории Москвы”. Интересно и то, что когда А. Васнецов делал доклады в обществе по изучению “Старой Москвы”, он, благодаря своей исключительной задушевности и необыкновенному дару рассказчика, мог уводить слушателей в далекое прошлое. Вот что вспоминает один из членов этого общества С.Д. Васильев: “Думалось, как же может человек так изучить и так изображать старину? Словно ведь с натуры списано. Показывали же старину многие художники, но в их картинах жили только люди, а здесь живет, дышит и рассказывает каждый камень стены, каждая маковка церкви, каждое бревно сруба”.

В 1929 году общество “Старая Москва” закрыли, но Васнецов продолжал бороться за сохранение памятников и был единственным художником, публично выступившим против сноса Храма Христа Спасителя. Он вносил много предложений по благоустройству и красоте будущей Москвы. И только спустя много лет после его смерти осуществлены некоторые его проекты.

Еще в 1900 году Васнецову присвоили звание академика Академии художеств.

Помимо творческой и общественной деятельности, он занимался и преподаванием. Почти 17 лет, начиная с 1901 года, вел пейзажный класс, достойно заменив после смерти Исаака Левитана, в Московском училище живописи, ваяния и зодчества. Рядом с классом находилась его мастерская.

Васнецов обладал чрезвычайно мягким характером, сильной волей и удивительно чуткой, отзывчивой душой, помогал материально своим ученикам. В педагогической деятельности он руководствовался принципами реализма, стоял на позициях умеренного новаторства, выступал против “левых”, футуристов, и в связи с этим ему пришлось испытать большие неприятности. В 1918 году его изгнали из училища. Футуристы полностью захватили власть в Московском училище. В это же время в центре Москвы за одну ночь были переименованы все улицы на фамилии художников и поэтов футуристов. Правда, позже их сняли, и в этой операции участвовал сын Васнецова, служивший тогда в воинской части, находившейся в Камергерском переулке.

13 марта 1920 года Васнецову пришлось предписание о срочном освобождении мастерской в помещении Московского училища. В связи с болезнью он не смог вовремя это сделать, и тогда со стен мастерской сняли все его картины, этюды и рисунки и с прочим имуществом свалили на подводы и отправили к нему на квартиру. Для Васнецова это был жестокий удар. Еще один сильнееший удар постиг его почти в конце жизни, когда перед юбилейной выставкой специальная комиссия по выставкам забраковала последнюю его работу под названием “Все в прошлом”, которой 70-летний художник хотел завершить свой творческий путь. Но потом, правда, уже под другим названием, а именно: “Шум старого парка”, ее все-таки выставили.

Умер Аполлинарий Васнецов 23 января 1933 года, похоронили его на Введенском кладбище в Москве рядом со старшим братом. ■

великий маиСТР

Любовь РУСЕВА

иллюстрация Геннадия Новожилова

Взобравшись на ворота перед дворцом Царского села, Саша Куракин раскрыл котомку и вытащил буханку свежеепеченного хлеба.

— Кидай! — крикнул стоявший внизу Павел.

Буханка полетела вниз. Поймав ее, цесаревич тут же откусил кусок.

— Кидай!

Еще один хлеб полетел вниз, затем другой... Павел ловко ловил буханки, складывал их рядом. За этим странным занятием друзей застала императрица.

— Ваше высочество! Что сие означает? Вас точно месяц не кормили.

— Я не высочество, я — герцог Бульонский. — И, выхватив меч, "герцог" крикнул сопровождавшему мать графу Орлову: — Вперед, крестоносцы! Освободим святой город и Гроб Господень от врагов христиан!

— Простите, ваше величество, — улыбнулся Григорий Орлов, — я должен идти на штурм Иерусалима, а заодно снять со стены сего "брата Жерара", покуда он не свалился.

Крестоносцы подошли к Иерусалиму 7 июня 1099 года. Осада длилась больше месяца. В войсках герцога Бульонского начался голод, и худо бы им пришлось, если бы не госпитальеры. Среди жителей города, бросавших со стен камни, находился и глава монашеского братства — Жерар, который вместо камней сбрасывал крестоносцам свежеепеченный хлеб. Жерара схватили "с поличным", и его ожидала казнь, но, как гласит легенда, произошло чудо. Когда он предстал перед судьями, то на их глазах хлеб превратился в камни. 15 июля крестоносцы под предводительством Готфрида Бульонского вступили в Иерусалим. Герцог щедро наградил госпитальеров за помощь. Отважный Жерар (причислен к лику святых) к тому же был талантливым организатором. Он преобразовал братство в монашеский орден. Члены его у храма Гроба Господня в присутствии Иерусалимского латинского патриарха произнесли три монашеских обета: послушания, благочестия и нестяжания.

— А ведь Карла XII за упрямство мы не любим, — обращаясь к своему воспитаннику Павлу, заметил Порошин, когда за камердинером закрылась дверь. — Хорошо ли это, не принимать резону? Вы приказали, забыв, что кафтан стар. А теперь, когда правильно представляют, для чего не переменить своего мнения и не согласиться?

Павел надул губы, но тотчас приказал вернуть камердинера и приказал принести кафтан поновее.

Воспитанник Сухопутного шляхетского кадетского корпуса, или Академии Рыцарей, Семен Андреевич Порошин был флигель-адъютантом при Петре III. После воцарения Екатерины II его назначают наставником и учителем математики Павла. До начала 1766 года Порошин является одним из постоянных "кавалеров" при цесаревиче и приобретает огромное на него влияние. Семен Андреевич был одним из самых просвещенных русских людей своего времени. Беседуя с Павлом на разнообразные темы, он возбуждал в подопечном интерес к научным, этическим и эстетическим вопросам. Благородный молодой человек не только обучал его математике, но и пытался избавить от слабостей и недостатков. Увлечение Павла мальтийским орденом помогало Порошину влиять на него. Семен Андреевич поддерживал в царевиче рыцарский дух, и часто вместе с Павлом "отправлялся" в дальние страны и "участвовал" в знаменитых сражениях.

— Семен Андреевич, а не отправиться ли нам на остров роз?

— Всенепременно, ваше высочество, но прежде нам с вами предстоит заняться геометрией.

Островом роз древние греки называли самый восточный остров Эгейского моря — Родос. Через его середину проходил хребет, а по обе стороны лежали прекрасные долины. Сильно изрезанная береговая линия образовывала несколько удобных гаваней. Пролив между турецкими владениями в Малой Азии и Родосом являлся важным морским торговым путем. В 1307 году к острову роз подошли галеры госпитальеров. Вскоре они стали хозяевами Родоса, и с тех пор рыцарей-ионанитов стали называть родосскими рыцарями, а великий магистр являлся главой маленького суверенного государства. Остров славился не только замечательной красотой и мягким климатом, но и своими моряками, и вскоре рыцари в совершенстве овладели искусством мореплавания. В морских сражениях орденский флот обычно превосходил турецкий. Теперь Османская империя не могла себя чувствовать спокойно: "пираты во Христе" держали турок в постоянном напряжении, нападая на их торговые и военные суда.

3 июня 1765 года граф Григорий Орлов пригласил Екатерину и Павла на свою новую яхту "Алексей". Красавица, отделанная красным деревом, настолько понравилась императрице, что она не уставала хвалить ее. О впечатлении, которое судно произвело на великого князя, и говорить не стоит. Польщенный граф тут же подарил государыне "Алексея" и приказал поднять военный флаг. В тот день Екатерина не обратила внимания на шушуканье сына и фаворита — об этом она вспомнит только на следующее утро, когда услышит пушечную пальбу. Из окон Зимнего дворца, выходявших на Неву, императрица наблюдала странную картину: ее яхты "Алексей" и "Андрей" атаквали и взяли на бордаж несколько купеческих судов. Каково же было удивление государыни, когда она увидела, что "Алексеем" командует одетый в адмиральский мундир ее сын, а второй яхтой — граф Орлов. Павел был чрезвычайно счастлив. Находясь у штурвала, он представлял себя на красивой галере родосских рыцарей, обтекаемые формы которой стремительно рвались вперед за шучьим носом. Едва возмутители спокойствия появились во дворце, Екатерина потребовала объяснения.

— Я, великий магистр д'Обюссон, выдержал осаду Магомета Второго. И вы, ваше величество, имели счастье наблюдать взятие в плен последних кораблей турок! — отрапортовал Павел. — Клянусь, они скоро сюда не сунутся!

— Вот обрадовал, так обрадовал! Я льготы иноземным купцам даю, дабы торговали с нами, а по вашей милости они вскорости все разбегутся.

— Не извольте тревожиться, государыня, — вступился за царевича граф Орлов. — Сии купцы щедрую мзду получили и с удовольствием приняли участие в баталии. Они поражены отвагой и мастерством д'Обюссона.

Знаменитый гроссмейстер ордена Пьер д'Обюссон происходил из знатного французского рода. Еще до избрания его главой родосских рыцарей соотношение сил в Европе изменилось. В 1451 году на престол вступил султан Магомет II Великий, завершивший завоевание Византийской империи. 29 мая 1453 года пал Константинополь. Пьера посылают с деликатной миссией в Европу: просить помощь, собрать средства и вооружение для защиты Родоса от могущественного врага. После возвращения на остров д'Обюссон назначается адмиралом рыцарского флота, и ему поручают руководить строительством новых фортификаций. В 1476 году его избрали в гроссмейстеры. Д'Обюссон в ожидании нападения турок принял искусные меры для защиты острова.

В мае 1480 года к Родосу подошел турецкий флот, состоявший из 160 кораблей. Ему противостояли 600 рыцарей, включая оруженосцев, и до двух тысяч наемников. Рыцарям пришлось раздать оружие местным жителям, которые приня-

ли их сторону. Как и под Константинополем, в ход пошли осадные орудия. Стратегический талант гроссмейстера позволил защитникам более двух месяцев отражать натиск врага. 27 июля башибузуки¹ ринулись на последний штурм. Проемы разрушенных стен заняли оставшиеся в живых госпитальеры и защищали свои позиции до последнего вздоха. Д'Обюссон возглавил оборону самого опасного участка. Четырежды раненный, он продолжал сражаться, покада копые янычара не пронзило его грудь. Увидев, что великий магистр упал, последние защитники разъяренными львами устремились навстречу своей смерти, что и решило исход сражения. Башибузуки в панике бросились назад, сменяя наступающие за ними части. В невообразимой свалке погибло около 5 тысяч турок. Главнокомандующий Мисак-паша дал сигнал к отступлению и снял осаду.

Блестящая защита Родоса произвела огромное впечатление во всем мире. Только после этого Европа оказала острову финансовую и военную помощь. Хирурги-госпитальеры еще раз доказали свое непревзойденное мастерство: они спасли Пьера д'Обюссона, залечили все его раны. С удвоенной энергией он принялся укреплять остров, понимая, что Порты не будет мириться с занозой в своем теле и вскоре обрушится на Родос всей мощью. Этот выдающийся деятель ордена Святого Иоанна скончался в возрасте 80 лет и был похоронен на острове роз.

— Семен Андреевич, — обратилась Екатерина к вошедшему Порошину, — займитесь-ка с д'Обюссоном геометрией. Ему апосля столь сильных разрушений новые фортификации воздвигать.

Когда сын и его воспитатель покинули кабинет, она проворчала:

— Великий магистр д'Обюссон! Благо хоть не Филипп Виллье.

— Не печальтесь, ваше величество, завтра пред вами предстанет Филипп Виллье де Лиль Адан, — улыбнулся фаворит.

— Это что ж, дворец в осаду возьмете?

— Зачем дворец? Петропавловку гораздо сподручней.

Но ни на следующий день, ни через день Петропавловской крепости не суждено было испытать участь Родоса. Приближались маневры, увлекшие наследника престола.

— Ваше высочество, вы плохо спали этой ночью?

Павел грустно покачал головой. Порошина тревожило подавленное настроение воспитанника. Возможно, маневры его утомили.

— Учения прошли успешно, государыня осталась довольна. Чем же вы удручены?

— Семен Андреевич, почему никто не пришел на помощь родосским рыцарям? — В глазах Павла стояли слезы.

— Ах, вот оно что! Так нынешней ночью вы сдали Сулейману Родос, — догадался Порошин.

— Коли б я в то время жил, то непременно помог Виллье. — Маленькие кулачки царевича ударили по подушке, на которой он сидел. — Рыцари так любили свой остров роз, и так не хотели его покидать.

— Вы же помните, государь, то было время расцвета Османской империи. Султан Селим покорил Египет и Палестину. Маленький Родос со всех сторон был окружен Портой, а европейские королевства были слабы да разрознены. Не пережи-

¹ Передовой отряд турецкого войска.

вайте, ваше высочество. Через восемь лет странствий орден приобретет новый дом.

Узнав, что Родос уже "сдан", Екатерина Алексеевна тяжело вздохнула — значит, вскоре можно ожидать Великую осаду. Во что она еще выльется при таком развитом воображении сына? Да еще вельможи, особенно Орлов, точно дети, участвуют в играх Павла?

Малый тронный зал Зимнего дворца сегодня превратился в палатку XIII столетия. Вместе с великим князем Павлом Петровичем и его другом князем Александром Куракиным перенесемся в Болонью. Итак, 1530 год. 24 февраля Карл V торжественно принял от Папы Климента VII ломбардскую и римскую короны, а 23 марта Император Священной Римской империи и король Испании здесь же принимал посла рыцарей.

— Посол ордена Святого Иоанна Антонио Босио! — громко произнес Порошин, войдя в малый тронный зал.

Царевич (он же посол), в красном плаще с нашитым на плече белым крестом торжественно вошел в зал и почтительно склонил голову перед Карлом V (то есть Сашей Куракиным).

— Господин посол, вручаю вам копию акта, согласно которому в вечное владение вашего ордена передаются Триполи, а также острова Мальта, Гоццо и Комино. Но при сем выдвигаю два неперемennых условия. Портами Мальты запрещено пользоваться кораблям тех стран, кои находятся в войне с Сицилией. Со вступлением на трон каждого нового короля Испании посол Ордена должен приносить ему клятву на верность.

— Ваше императорское величество, в знак благодарности госпитальеры обязуются в День всех святых посылать королю Испании сокола. Окромя того, мы клянемся охранять Средиземное море и его побережья от османов и африканских корсаров.

Вечером перед сном, как свидетельствует Порошин, Павел собрался отправиться в Средиземное море и обсуждал с ним, что необходимо взять с собой.

Над столом, где располагались макеты мальтийских фортов, склонились Порошин и цесаревич. Они подробно разбирали тактику защитников и осаждающих. Присутствовавший тут Никита Иванович Панин также увлекся анализом тех давних событий. В это время в классную комнату торопливо вошел Саша Куракин, вернее, шевалье Мидрана, прославившийся своей мужественностью. 5 июня шевалье переправился на лодке в Биргу, где располагалась штаб-квартира госпитальеров.

— Братья, — обратился он к членам капитула, — соотношение сил таково, что сопротивление бесполезно.

Мидран-Куракин подробно рассказал о сложившемся положении.

— Что ж, я склонен согласиться с необходимостью оставить форт.

Порошина поддержали (в лице Панина) остальные члены капитула.

— Я решительно против эвакуации! — заявил великий магистр ля Валетт-Павел. — Приказываю защищать Сент-Эльмо до последней капли крови!

Мидран-Куракин протянул гроссмейстеру обращение, под которым расписалось более 50 рыцарей.

— Если великий магистр желает нашей гибели, то мы выйдем на стены форта, вступим в бой с турками и с честью погибнем.

— Братья, — обратился гроссмейстер к капитулу, — составим комиссию, которая под прикрытием темноты переправится в форт и на месте обследует положение. Если члены оной найдут возможным продолжать оборону, перебросим све-

жие силы. Заодно передайте рыцарям, что я разрешаю всем желающим покинуть форт.

Одиннадцать членов комиссии остались в Сент-Эльмо и возглавили оборону. Вскоре турки полностью отрезали форт от внешнего мира, их артиллерия разрушала стены, но яростные атаки захлебывались. 22 июня состоялся решительный штурм — рыцари отбили его, но ясно стало, что еще один они не выдержат. Утром раненых перенесли к брешам — ведь рыцари умирают с оружием в руках. Турки, ворвавшись в форт, перебили всех оставшихся в живых. Мустафа-паша приказал обезглавить тела рыцарей, приколоть их к крестам и пустить по воде в сторону форта Сент-Анжело. Ля Валетт расценил это как объявление “войны на уничтожение” и приказал казнить всех пленных турок. Их головами зарядили две большие пушки и произвели залп по турецким позициям. Армия Мустафы-паши блокировала Биргу.

— По какому случаю на Васильевском острове бьют в колокола? — удивилась императрица.

— По случаю прибытия подкрепления к госпитальерам, государыня, — пояснил Орлов, одетый в шикарный турецкий наряд. — Из Сицилии прорвались сорок два рыцаря и тысяча аркебузир.

— А вы, граф, никак Мустафа-пашой заделались?

— Да, государыня, и сей час отправляюсь атаковать кадетов, то бишь мальтийских рыцарей в обход их основных укреплений со стороны форта Сент-Анжело.

— А кто же представляет рыцаря де Гиралья?

— Князь Куракин, ваше высочество, Александр Борисович командует артиллеристами-кадетами.

Ля Валетт предвидел опасность такого маневра Мустафы-паши и оставил у подножия форта батарею под командованием французского рыцаря де Гиралья. Тысяча отборных янычар на десяти кораблях подплывали к слабо защищенной стороне форта. Гираль подпустил их на 200 ярдов и дал залп из всех орудий. 9 судов камнем пошли ко дну, унося с собой 800 янычар.

6 сентября на острове высадился 8-тысячный сицилийский десант во главе с вице-королем доном Гарсиа. Несмотря на то, что численное преимущество оставалось на стороне турок, 8 сентября, в день праздника Рождества Богородицы, осада была снята. Султанские корабли уходили в Стамбул под праздничный перезвон всех колоколов Мальты. “Я не мог поверить, — писал участник обороны испанский аркебузир Бальби, — что звук колокола может быть столь приятен для человеческого уха. Три месяца кряду колокола Мальты звали нас только на бой”. За четырехмесячную осаду турки потеряли свыше 20 тысяч человек, а орден — 240 рыцарей и 5 тысяч солдат.

Столица острова, построенная великим магистром, носит его имя — Валетта.

— Семен Андреевич, я слышал, что мой великий прадед, желая заручиться поддержкой мальтийских рыцарей против Османской Порты и Крымского ханства, послал на Мальту графа Шереметева, и он имел счастье быть принятым в кавалеры сего ордена.

— Верно, ваше высочество, граф Борис Петрович был горд сей честью, и всегда носил золотой командорский крест, осыпанный алмазами.

— А почему граф Петр Борисович его не носит?

— Фельдмаршал получил мальтийский крест в вознаграждение за личные заслуги, и он не является потомственным. Вы же знаете, государь, что, вступая в ор-

ден, человек дает обет безбрачия, и рыцарь может нарушить его только в исключительных случаях, да и то с разрешения Папы.

— Я хочу увидеть сей крест.

— Если завтра на занятиях вы отличитесь, государь, то постараюсь доставить вам сие удовольствие.

На следующий день Павел старался на уроках, как никогда, и в награду его повезли в дом Шереметевых, где царевича ждало небольшое представление. Великого князя встретили "по-мальтийски", и обед прошел по сценарию последнего обеда графа Шереметева на Мальте, когда его приняли в орден. Покидая дворец Шереметевых, Павел бережно держал в руках драгоценный подарок: копии патента на ношение креста и воспоминаний фельдмаршала о визите на остров. Позже граф Петр Борисович Шереметев опубликует "Записки" отца.

Петр Великий высоко ценил мальтийских рыцарей и в войне за выход в Черное море мечтал видеть их своими союзниками. После Полтавской победы европейские дворы, в том числе и венский, взглянули на Россию другими глазами. К 1710 году относится любопытное предложение о союзе Австрии с Россией посредством брачного союза царского сына с сестрой или дочерью императора Иосифа I. "Из того произойдет дружба и вечный союз против шведского короля, турок и других неприятелей". Один из пунктов акта гласит: "...Если царское величество пожелает, чтобы были на Черном море кавалеры мальтийские, то для того же свойства Великий магистр сейчас пришлет из Мальты несколько кавалеров и с ними миллионы денег для поселения и строения кораблей; царскому величеству от этого не будет ни малейшего убытка, напротив, большая выгода и помощь против турок...".

Екатерина II возобновила сношения России с Мальтийским орденом. Через день после воцарения она письмом сообщает об этом событии Великому магистру. Желая во всем следовать Петру Великому и продолжить его дела, императрица вознамерилась создать мощный флот, пришедший в упадок в последние годы царствования. Екатерина Алексеевна поручает русскому послу в Вене князю Голицыну разыскать среди мальтийских рыцарей и пригласить на службу в Россию специалиста по постройке и управлению галер. Кроме того, с этой же целью она посылает на Мальту шесть морских офицеров, которые пробыли там три года. Великий магистр Пинто в письмах к русской императрице с большой похвалой отзывался о них. Справедливость высоких оценок подтвердит русско-турецкая война 1768-1774 годов, когда офицеры, находившиеся в средиземноморских эскадрах, под командованием Алексея Орлова громили турецкий флот.

Русские эскадры впервые совершили проход из Кронштадта в Средиземное море. Находясь среди стран-союзников Порты, им необходима была поддержка. Екатерина надеялась найти ее у мальтийских рыцарей. С этой целью в январе 1770 года на остров прибыл первый посольственный в делах императрицы — маркиз Кавалькабо, "из древней венецианской знати". В данных ему инструкциях говорилось: "... стараться склонить его (гроссмейстера — Л.Р.) к вооруженному содействию России против Турции, выставляя на вид, что Орден Св. Иоанна Иерусалимского в самых обетах своих объявил постоянную войну неверным".

Мальтийцы встретили русского представителя дружелюбно, но принять участия в войне под нажимом Рима и особенно Франции отказались. Тем не менее рыцари оказали некоторую помощь своим единоверцам. В конце 1770 года главнокомандующий русским флотом граф Алексей Григорьевич Орлов прислал на остров 86 пленных алжирцев и предложил великому магистру обменять их на христиан, захваченных североафриканскими корсарам. В благодарность Пинто тут же предло-

жил прислать для ремонта корабль "Ростислав". Маркиз Кавалькабо уговорил графа Мазена, обучавшего наших морских офицеров, поступить на русскую службу. Граф купил на свои деньги корабль и до конца войны сражался в составе русского флота. Летом 1772 года Валетта приняла для ремонта сильно поврежденное судно "Саратов", а 6 августа в столицу Мальты инкогнито прибыл граф Орлов.

Личное знакомство Павла Петровича с представителями ордена укрепило его любовь к рыцарям. 18-летний наследник престола получил возможность беседовать с прибывшим в Петербург по делу мальтийцев кавалером Саграмосо. Высокообразованный Мишель Саграмосо, отпрыск древней семьи, был выходцем из Вероны и являлся одним из самых блестящих дипломатов Ордена. За время пребывания в России он очаровал не только великого князя, но и императрицу. Екатерина предложила великому магистру назначить Саграмосо постоянным посланником в России, но получила отказ, мотивированный тем, что орденская казна бедна и что по примеру Петербурга того же могут потребовать лондонский и берлинский дворы. 17 июня 1776 года состоялась прощальная аудиенция мальтийского рыцаря у императрицы и Павла. По рекомендации Екатерины великий магистр Эммануил де Роган возвел Мишеля Саграмосо, вернувшегося на Мальту, в рыцари Большого Креста.

Став грессмейстером, де Роган прежде всего избавился от Кавалькабо, который был отозван в 1776 году после ареста. В поисках убийцы, сбежавшего из тюрьмы, полиция учинила обыск в доме маркиза, где нашла оружие. Но "положение сего острова требует... по политическим резонам содержать в нем всегда поверенного человека, как то опытом последней с турками войны доказано...". А "политический резон" был серьезный. Присоединение Крыма в 1783 году обострило отношения с Портой. Новое столкновение было не за горами. Екатерина II назначает на Мальту генерального консула — капитана второго ранга и Георгиевского кавалера, участника русско-турецкой войны грека Антонио Псаро. Роган воспротивился, было, этому и просил не посылать не члена Ордена. Вице-канцлер Альмейда встретил Псаро холодно.

— Господин капитан, надеюсь, вы не потребуете своего формального признания, ибо вы не являетесь кавалером Ордена Святого Иоанна.

— Этот военный орден, — Псаро указал на свой Георгиевский крест, — в последнее время затмевает славу мальтийского креста в борьбе с неверными.

Через два дня великий магистр принял офицера, и он был аккредитован. В связи с начавшейся русско-турецкой войной в 1787 году императрица приказала Псаро подыскать на Мальте опытных моряков. Предложение принял граф Юлий (Джулио) Помпеевич Литта, оказавший огромное влияние на Павла I. Возможно, на решение этого замечательного рыцаря, фанатично преданного Ордену, повлияла страсть. Литта безнадежно был влюблен в жену русского посла в Неаполе графа Скворонского. Екатерина Павловна была не только удивительной красоты женщиной, но и интересной собеседницей. Граф прибыл в Петербург и был принят во флот капитан-командором. Приезд красавца-аристократа и рыцаря-монаха возбудил толки в придворных кругах. В первом же сражении (1789) он командовал галерами правого фланга. За победу и проявленную храбрость его удостоили Георгиевским крестом, а также произвели в контр-адмиралы.

6 ноября 1796 года Павел становится императором, а уже 4 января Россия и Орден подписали Конвенцию, разрешающую учредить в империи великое приорство. Государь принял на себя обязанность следить за точным выполнением рыцарями "законов и статуты Ордена", объясняя это тем, что "обязанности Мальтийских кавалеров всегда неразлучны с долгом каждого верного подданного к его

Отечеству и государю". Конвенцию подписали Литта, а со стороны России — Безбородко и Куракин.

Наконец-то сбылись детские мечты Павла. 27 ноября 1797 года к Зимнему дворцу подъехали 40 экипажей. Из первой кареты вышел граф Литта, одетый в красный супервест с белым мальтийским крестом на груди. Посла сопровождали 40 рыцарей Ордена Святого Иоанна. Вечером в честь высокого гостя состоялся красочный фейерверк. Торжественная же аудиенция в тронном зале была дана спустя два дня. Сделав три глубоких поклона императору, Литта вручил верительные грамоты и в конце речи произнес:

— От имени всех братьев я благодарю вас, ваше величество, за внимание к Ордену Святого Иоанна и прошу вас объявить себя его протектором.

— Его величество император Всероссийский Павел Первый готов постоянно оказывать свое покровительство мальтийским рыцарям и принимает на себя звание и обязанности протектора Ордена.

После ответа вице-канцлера Ростопчина посол подошел к Павлу с бархатной подушкой. На ней лежали серебряный крест на старинной цепи, принадлежавший некогда великому магистру ля Валетту, крест де Лиль Адама и черный бант с белым финифтяным крестом. Первый крест — знак рыцарского достоинства — Павел сам надел на себя, затем он приколот на левое плечо Марии Федоровне бант. К трону подошел наследник. Император трижды ударил его плашмя шпагой по левому плечу. Вручив сыну шпагу, Павел возложил на Александра знаки Большого креста, расцеловал как брата своего по Ордену. Орденские кресты Литта вручил великому князю Константину и великим княжнам. Большие кресты он возложил на Безбородко и Куракина, подписавших Конвенцию.

Для Юлия Помпеевича настал звездный час. Император не только вернул доходы с острожского приорства, но и увеличил их со 120 тысяч золотых в год до трехсот. В 1798 году состоялся Высочайший манифест "об установлении в пользу российского дворянства ордена св. Иоанна Иерусалимского". Новый польско-русский мальтийский орден состоял из 2 приорств: римско-католического и российско-православного, с 98 командорствами. За все это Литта признан на Западе выдающимся дипломатом.

Но граф добился блестящих успехов не только на дипломатическом поприще. В 1793 году овдовела Екатерина Павловна и вернулась в Петербург. Папа разрешает одному из лучших рыцарей нарушить обет безбрачия, и счастливый граф становится супругом не только одной из самых красивых женщин, но и самых богатых в России. Женившись на племяннице Потемкина, графине Скавронской, Литта стал обладателем огромных имений и капиталов. Упрочив свое положение в высшем свете, граф стал серьезно влиять на политические дела России. Он сумел внушить Павлу, что Орден может соединить все дворянство Европы и стать мощным военным институтом — оплотом христианства против неверных и монархий против якобинцев. В своих депешах Литта писал об императоре: "...Характер его обнаруживает большой задаток возвышенных чувств и благородства, и восхищение его всем тем, что проистекает из начала древнего и благородного рыцарства. Мальтийский орден, служащий образцом и примером самим своим учреждением и образом действий, для него предмет уважения". Как истинный рыцарь Павел стал на защиту Мальты, ставшей отныне яблоком раздоров.

А 11 марта 1801 года 72-й Великий магистр Мальтийского Ордена русский император Павел Петрович был убит.

Князь Александр Борисович Куракин, дав обет безбрачия, так и не женился. Свое богатство он потратил на учреждение богадельни, больницы и училища. ■

УТРОМ ДАЛЬНЕГО

далекого

Олег
НОВГОРДОВ

ШЛОГО

Глава 1

Слинявшая экспедиция

Подпрыгивая на жестком сиденье служебного “уазика” и ударяясь головой о не менее жесткую крышу его кабины, подполковник Рогатых злобно матюгался вполголоса, а иногда — в полный голос. Нормальная дорога закончилась еще тридцать километров назад, а старлей Полосенко (чьих далеких предков не пойми за каким чертом занесло с Украины в Сибирь) даже и не пытался ехать аккуратнее. Он вцепился в руль, ни на секунду не ослабляя давления на педаль газа, сидел, словно приклеенный к месту, и создавалось впечатление, что законы физики на него вообще не распространяются. Рогатых уже начинал чувствовать, что от постоянных контактов с крышей у него распухает голова. К тому же, на вопросы подполковника, сколько еще ехать, Полосенко отвечал как-то уж очень уклончиво, из чего Рогатых заключил, что тот сам здесь впервые.

Закрыв глаза, подполковник Рогатых с наслаждением представил, как он вернется в Москву, сядет в своем кабинете и напишет рапорт на начальника местного управления ФСБ, который не оказал ему, Рогатых, должного содействия: не предоставил нормальному водителю и нормальной машины. Новый удар головой о крышу оторвал его от сладостных фантазий — из глаз подполковника посыпались искры.

— Твою мать, Полосенко! — в бешенстве заорал он. — Смотри, куда прешь, козел!

— Есть, товарищ подполковник! — по уставу ответил Полосенко и попытался отдать честь, в результате чего “уазик” попал в очередную выбоину и заглох.

— Приехали, — объявил старлей, вылезая из машины и закуривая “Беломор”.

— Куда приехали? — слабым голосом спросил Рогатых.

— На место, товарищ подполковник. Дальше машина не пройдет, тильки если БТР який... Вон за тем пригорком лагерь экспедиции.

Рогатых помассировал голову и двинулся вслед за старлеем Полосенко, который решительным шагом направлялся к пригорку, оставляя за собой сизую завесу беломорного дыма. “Пригорок” оказался неслабой горкой, на то, чтобы обойти ее вокруг, потребовалось не меньше пятнадцати минут, причем они едва не увязли в болоте, в которое Полосенко залез по незнанию местности. Когда болото осталось позади, у подполковника как раз перестало звенеть в ушах, и он с удивлением обратил внимание на то, какая зловещая, почти неестественная тишина царит вокруг: ни птиц, ни животных, даже ветра не слышно... Рогатых без особого удовольствия припомнил доклад профессора психиатрии, доктора историко-философских наук, по совместительству — полковника ФСБ: “...пограничная зона. За холм местные жители не ходят. По легенде, там находится могильник, захоронение древнеславянского бога Деда Пихто. Зафиксировано много рассказов о смертных случаях среди грибников и охотников, промышлявших вблизи холма. Местные предания, легенды и современные истории содержат следующую информацию: Пихто — злой; он не любит, чтобы его беспокоили; если он кого-нибудь поймает, то утаскивает душу в ад, а сам забирается в тело покойника и бродит по лесу, пока тело не разложится; когда ходит в чужом теле, в ад он никого не тащит, но сама такая встреча для человека означает смерть либо сумасшествие. В принципе, Пихто — леший. Вероятно, лешие, встречающиеся в других местах, — также древние боги, поступающие аналогичным образом”.

Этот зловещий доклад профессор Каценской больницы сделал полгода назад. Тогда же сотрудники ФСБ провели расследование, результаты которого выглядели следующим образом. Во-первых, в среде обитания гипотетического Пихто действи-

тельно имел место ряд необъяснимых смертей в лесу; во-вторых, указанные события происходили в непосредственной близости от безымянного лесного холма — того самого, о котором говорил психиатр; в-третьих, местная милиция либо не знает об этом, либо намеренно скрывает соответствующие факты. Всё это, вместе взятое, явилось основанием для засылки спецэкспедиции ФСБ, которой предстояло на месте установить, какая связь существует между рядом загадочных смертей, зловещим холмом в лесу и могильником Деда Пихто, а также — существует ли этот могильник вообще. Кроме того, кашенский эскулап полагал, что существует реальная возможность обнаружения предметов культовой принадлежности, ценность которых должна равняться астрономической сумме. Экспедиция была строго засекречена, контакт с ней поддерживался через местных коллег, в задачу которых входило обеспечение участников экспедиции продовольствием и необходимым оборудованием.

Раскопки не позволили получить какой-либо компромат на угрюмого древнеславянского бога, зато выяснилось, что могильник на самом деле содержит большое количество золотых и серебряных украшений, и, как предполагал руководитель экспедиции, возраст их зашкаливал за тысячелетие.

Вот за этой-то добычей, а также для ревизии работы экспедиции, был направлен подполковник Рогатых.

Обогнув пригорок, подполковник и старлей вышли на широкую поляну, где был разбит лагерь. Между двумя палатками давно остыли угли костра, рядом стоял котелок с остатками супа из концентратов (как определил Рогатых, заглянув внутрь котелка), здесь же валялись несколько лопат и кирка. Однако ни одной живой души видно не было.

— Товарищ подполковник! — окликнул Рогатых Полосенко. — А где ж они усе?

Рогатых уже задал себе этот вопрос секунду назад, но ответа на него не нашел. Они заглянули в обе палатки и обошли их вокруг — никого. Что за бред, куда могли подеваться исследователи? Предположения подполковника на этот счет были весьма мрачными. Однако они стали гораздо мрачнее, когда, в ходе тридцатиминутного обыска палаток и прилегающей местности, не было обнаружено ни малейших признаков славянской бижутерии.

— А может, товарищ подполковник, в лесу их побачить? — В голосе старлея Полосенко не прослушивалось желания претворять эту идею в жизнь. Впрочем, Рогатых и не стал бы этим заниматься.

— Ни в коем случае, Полосенко! — отрезал он. — Не исключено, что здесь работала диверсионная группа, и она может находиться поблизости. Где они копали? — тихо спросил он. Спрашивать в полный голос ему почему-то не хотелось.

Полосенко сглотнул слюну.

— Там, — и прокуренным пальцем ткнул в сторону пригорка. — На верхушке.

В напряженном молчании, нервно озираясь по сторонам, они поднялись по склону. Как ни странно, но следов того, что здесь вообще работали, почти не осталось, хотя яма, вырытая на вершине пригорка, имела в ширину около трех с половиной метров и почти столько же — в глубину. На дне ямы... ничего не было.

— Та-ак, — протянул Рогатых, закуривая сигарету. Сейчас подполковнику очень хотелось сесть в "уазик" и отправиться в обратный путь. Однозначно, вдвоем со старлеем Полосенко они ничего здесь не сделают — надо высылать поисковую команду. Даже если задержаться и поискать трупы (а Рогатых не сомневался, что участники экспедиции мертвы), поиск может занять немало времени. К тому же, Рогатых совершенно не горел желанием лично обнаружить эти трупы. И подполковник принял решение.

— Отсюда можно спуститься к машине? — спросил он старлея, кивнув головой на противоположный склон.

— В болото залезем, товарищ подполковник, — вздохнул Полосенко, который уже успел сориентироваться по спецкарте местности. — Надо назад, и опять — вокруг...

— Пошли, — кивнул Рогатых и первым двинулся вниз.

Глава 2

О чем говорили на Лубянке

В одном из кабинетов массивного угрюмо-желтого здания, называемого по имени улицы, на которой оно располагалось — Лубянка, шло исключительно важное совещание. Никто из спешащих по своим мелким делишкам прохожих, торопливо минующих это здание, и не подозревал о том, насколько это было важное совещание. Впрочем, из пиетета к истине следует отметить, что об этом не подозревали и сами участники совещания.

Их было всего двое: майор ФСБ Кшиштав Взбучка и майор ФСБ Георгий Хохряков.

— Да, Жорян, фигово.

— Да, Кшиштав, хреново.

Обменявшись этими фразами, майоры сочли совещание открытым. Последующие несколько минут оба задумчиво смолили “Беломор”, при этом Кшиштав Взбучка сидел за столом, опершись на него локтями, а Георгий Хохряков прохаживался возле окна, глядя на улицу. Первый понедельник октября не принес ничего хорошего, кроме очередных напрягов — доблестным майорам поручили запутанное, мрачное дело, грязным пятном легшее на чистые и светлые воспоминания о субботней рыбалке и воскресном шашлыке под пиво и водку на даче у Кшиштава Взбучки.

— Ладно, поехали, — наконец решил Взбучка, выпрямляясь на стуле. Стул протестующе заскрипел под его весом. Взбучка был здоровенным, массивным мужиком лет сорока пяти. У него наметился довольно солидный живот, но мускулатурой он обладал слоновьей. Недавно его представили к поощрению за то, что он, участвуя в операции по захвату “теневого” бизнесмена, с одного удара уложил сразу троих телохранителей.

Его лучший товарищ и сослуживец Хохряков был старше на пару месяцев. Живот он себе наел побольше, но в силе не уступал. Недавно ему объявили выговор с занесением в личное дело за то, что он, участвуя в дружеской вечеринке, посвященной Дню разведчика, на ресторанной стоянке отломал дверцу у джипа “шевроле” известного депутата Госдумы.

— Поехали, — поклядисто согласился Хохряков. — Давай-ка обобщим факты.

Взбучка перелистнул страницы лежащего перед ним дела с грифом “Совершенно секретно”.

— Значит, такая раскладуха. Подполковник Рогатых был обнаружен мертвым в своей квартире. Причина смерти, согласно результатам вскрытия, — разрыв сердца, предположительно — из-за сильного алкогольного отравления. Кстати, коллеги и знакомые Рогатых утверждают, что пил он очень редко и умеренно, можно сказать, — вообще не пил. Дальше. После его смерти в доме... в подъезде его дома имели место несколько аналогичных случаев.

— Разрывы сердца? — уточнил Хохряков.

— Ага. Значит, умер бомж, ночевавший возле чердачной двери. Потом — местный алкоголик, прямо во время распития на троих с приятелями водки... — Взбуч-

ка поводил пальцем по тексту протокола. — А, вот — водки "Столичная". Ну, это еще как-то можно понять. Теперь дальше. Подросток, зашедший в гости к однокласснице, скончался прямо у ее дверей, еще до того, как она ему открыла.

— И все умерли от этого самого?

— От чего? От этого? — Взбучка сделал характерный жест, подразумевающий выпивон. — Бомж и алконавт — могли на сто процентов. Что касается подростка, он был абсолютно трезвый.

— Передозировка? — предположил Хохлаков.

— Не, чистый полностью. Спортсмен, качок, в киллеры готовился. Ладно, теперь — главная деталь. Во втором и третьем случае в непосредственной близости от места происшествия был замечен некто неизвестный, который тут же скрывался, согласно свидетельским показаниям, в направлении квартиры покойного Рогатых.

— Но ведь наши сотрудники должны были опечатать квартиру.

— Она была опечатана. Но позавчера, в субботу, соседка Рогатых, вынося мусор, обнаружила, что дверь взломана. Ну, что скажешь?

Хохлаков пожал плечами.

— Знаешь, что я тебе скажу? Это дело — не по нашей части. Сюда бы Малдера... со Скалкой.

Взбучка рассмеялся.

— Ну, ты, Жора, ляпнул! Со скалкой! Ха-ха-ха!

— А че ты смеешься? — недовольно спросил Хохлаков. — Малдера к этому делу всё равно не подключат. А подключат нас с тобой.

Последнее замечание Хохлакова слегка подпортило настроение Взбучке.

— Чего делать-то будем? — озадаченно спросил он.

— Слушай, Взбучка, — сказал Хохлаков. — Исходя из перечисленных фактов, можно предположить, что Рогатых умер не своей смертью.

— А чьей? — с искренним интересом уточнил Взбучка.

— Ну, допустим, от отравления чем-нибудь не известным науке. Что и привело его к летательному исходу.

— Может, съел чего? — предположил Взбучка.

Хохлаков поводит в воздухе папирсой.

— Я думаю, а если это как-то связано с его работой? Чем он занимался в последнее время?

— А... ну, это... Подожди. Чем он занимался, я знаю. Только при чем тут остальные покойники?

— Да плюнь ты пока на остальных! — посоветовал Хохлаков. — Просто абстрагируйся.

Взбучка недоверчиво покосился на него.

— Че ты сказал-то? Ладно. Рогатых курировал один проект по Сибири. Там раскапывали курган в тайге, якобы древнеславянский. Это один психоаналитик в чине полковника надоумил...

— Псих? Аналитик? Еще и в чине полковника?

— Да наш психоаналитик! Из органов.

— А-а... Так бы и говорил.

— Я так и сказал. Ну так вот, этот полковник в чине психоаналитика считал, что там должна быть зарыта куча золота и всякой бижутерии. Он даже сумму прикинул, получилось что-то вроде золота КПСС, только еще больше. Ясное дело, туда послали экспедицию. И вот в чем фокус, Жора. Экспедиция золотишко-то нашла, но Рогатых не нашел экспедицию, все куда-то подевались. Нашел он только раскопанную яму... С тем и вернулся.

— Честно говоря, мне здесь не всё понятно, — заметил Хохряков. — Каким образом могла исчезнуть целая экспедиция? А куда местное ФСБ смотрело?

— Да местным туда запретили соваться. Чисто теоретически они, конечно, знали, где ведутся раскопки, поскольку осуществляли связь, ну, и доставляли в лагерь всё необходимое. Но не более того.

— Угу. Вот видишь, как всё непросто. И как давно это было? В смысле — когда Рогатых вернулся оттуда?

— Что-то около месяца назад. А через две недели помер.

Хохряков прошелся по кабинету.

— Самое простое объяснение — участники раскопок прихватили с собой клад и смотались, — сказал он. — Правда, целая бригада морально неустойчивых — это как-то маловероятно, да и не стали бы они в таком случае сообщать о своих находках. Еще один вариант — в бригаду затесался только один неустойчивый, он-то как раз всех и прикончил, после чего, опять-таки, смотался. Есть еще и третий вариант... Да ладно, хватит. Я их с десятком могу придумать, этак мы ничего не добьемся. Вопрос в том, какую роль играл в операции Рогатых. Пожалуй, запрошу-ка я санкцию и смогаю туда, на место. Погляжу, что к чему, с ребятами побазарю. Глядишь, чего и вызнаю.

— Это ты здорово придумал, — согласился Взбучка. — После того "шевроле" тебе лучше как-нибудь инициативно слинять в глубинку. А потом — Сибирь, всё таки. Балычка похаваешь, осетринки, свежатинки.

— Кстати, а куда мне ехать-то? Где они копали?

— Быдловань. Поселок городского типа. Давай, жми прямо туда, а я здесь понаблюдаю за квартирой Рогатых. Вдруг там еще кто... не своей смертью?

Последних слов приятеля Хохряков не расслышал: он думал о балыке, осетрине и свежатине, ожидающих его в поселке городского типа Быдловань. Чем больше он думал, тем увлекательнее представлялось ему это дело, еще с утра выглядевшее до жути омерзительным. Хохряков решительно потянулся к телефону...

Глава 3

...И о чем говорили в Лэнгли

В Лэнгли, в ЦРУ, также проводилось совещание, причем почти на ту же самую тему. Численный состав совещающихся, как и на Лубянке, равнялся цифре два. В кабинете начальника Управления по работе с республиками бывшего СССР Кита Онфита (служебный псевдоним — "Кит-на-ножах") с удобствами разместились сам Кит и его первый зам Джимми Брод.

Первый зам с виду напоминал добропорядочного американского холостяка, не отказывающего себе в здоровой и вкусной пище. Повседневный костюм включал в себя шляпу, сигару, серую рубашку с закатанными рукавами, клетчатые штаны на подтяжках и неопределенного цвета ботинки, а лицо его хронически светилось добродушной глупостью. Эта обманчивая внешность скрывала за собой наиопаснейшего разведчика-профессионала, который один стоил всей тихоокеанской эскадры США. Именно так характеризовали Джимми его коллеги, в особенности эксперты аналитического отдела, занимавшиеся оценкой масштаба и последствий Чернобыльской аварии.

Что касается Кита Онфита, о нем ничего не мог сказать даже сам Брод — настолько это был невзрачный и незапоминающийся человек. Причем за несколько лет совместной работы у Джимми попросту не было возможности толком его рассмотреть. Сейчас, находясь в нескольких футах от шефа, Брод с раздражением ду-

мал о том, каким образом Онфиту удастся сливаться со своим креслом до такой степени, что не отличишь, где кожаная обивка, а где сам Онфит.

— Эти русские — лохи! — безапелляционно заявил Брод.

— Полностью с тобой согласен, Джимми, — произнес Онфит. — Давай-ка теперь аргументируем твою точку зрения.

— У них в руках было всё, что только можно. Этот их... сотрудник дурдома изучил вопрос досконально. Правда, только теоретически. Теорию следовало подтвердить. А они послали в лес спецгруппу идиотов, которые толком и не поняли, что от них требуется, и тут же переключились на поиски древнего клада.

— Нашли?

— Есть информация... неподтвержденная, правда, что нашли. Но потом вся экспедиция куда-то подевалась. Бесследно.

— Вот как. Но, послушай, Джимми, если ты считаешь поиски древнего клада второстепенными и даже вообще несущественными, тогда чем, по-твоему, следовало заняться фээсбэшникам?

Брод пыхнул сигарой.

— Шеф, речь идет о некоем аномальном явлении, причем носящем ярко выраженный смертоносный характер. Я полагаю, что участники спецгруппы столкнулись именно с ним, и, скорее всего, погибли.

— Погибли? Джимми, какой ужас... Но почему ты так в этом уверен?

— Из достоверных источников известно, что в той местности — это пятьдесят километров от поселка Быдловань — на протяжении как минимум последних ста-ста двадцати лет имели место несколько необъяснимых смертей. Причем в отдельных случаях это сопровождалось крайне необычными вещами, в частности — погибшие сверхъестественным образом приобретали активность...

— В чем это выражалось?

— Ходячие мертвецы, шеф! Местные жители встречали их в лесу. Вы понимаете, что это может значить?

— А нет ли такой вероятности... о нет, Джимми, не подумай, я вполне полагаюсь на твою компетентность, но тем не менее, нет ли такой вероятности, что всё это — попросту легенда?

— Проверено, шеф, — слухи основаны на реальных событиях. Да вот, недавний случай. Четверо местных bratkov ехали через лес и сбили вышедшую на дорогу женщину. Зачем-то стали ее насиловать — может, думали, что так первая медицинская помощь оказывается. А женщина очнулась и нанесла всем четверым побои, отчего bratki прямо на месте полпротягивали ноги. Так вот, милицейский эксперт уверен, что женщина была мертва около десяти дней к тому моменту, когда они ее сбили. Позволю напомнить вам, что на сегодняшний день в ведомствах ФБР, Пентагона, и нашего с вами учреждения работают секретные лаборатории, занимающиеся исследованием в области паранормальных явлений. Да, нельзя сказать, чтобы они сильно преуспели в этом, но результаты встречаются поразительные — хотя бы те разработки, которые были сделаны по материалам японского клана ниндзя. Что касается сибирской истории, она может иметь свое продолжение... в нашей лаборатории, шеф. Если мы сумеем поставить это явление на службу человечеству, представляете, сколько народу можно будет ну ... это самое, и совершенно безнаказанно?

— Ох, Джимми, тебе бы только гробить! Ты меня расстраиваешь. Но, если действительно заняться этим, кого мы забросим в РФ? Ведь после твоей последней операции тебе въезд туда заказан. А там понадобится знание языка, большой опыт, придется работать в глубинке, а это, как тебе известно, весьма специфическое дело.

Брод кивнул. Его последняя операция, кроме большого денежного вознаграждения, принесла ему, как ни грустно, чересчур широкую известность в среде русских контрразведчиков. Что поделаешь — невозможно было, не засветившись, удавить прямо в СИЗО известного чеченского полевого командира Прогоня Маразмова. А Маразмов готов уже был со дня на день давать абсолютно ненужные показания...

— Шеф, разве у нас мало перспективных молодых сотрудников? Мы могли бы...

— Джимми, я же сказал — нужен большой опыт. Вот, разве что... — И Кит Оффит, написав что-то на листке бумаги, придвинул листок к Броду.

Брод прочитал и изменился в лице.

— Это... этого просто нельзя делать! Шеф! Он же не человек! Он — дьявол в облики зверя!

— Брод, отставить вопли! Ты несправедлив. Возможно, его методы далеки от гуманизма, но такая уж у нас работа. Кроме того, он знает, что такое Россия, владеет языком так, как не все русские им владеют. Ну и так далее. Брод, я хочу, чтобы ты поговорил с ним.

Брод закусил губу. Он понял, что план операции был разработан Китом-на-ножах еще вчера, после того, как Кит прочитал его рапорт о происшествии на раскопках, и весь этот разговор был лишь пустой и ненужной формальностью.

— Слушаюсь, шеф, — мрачно проговорил Брод. — Какую сумму я должен ему предложить?

Глава 4

Дорога в Быдловань

Попутчиками Хохрякова оказались следующие официальные лица: здоровенный белообрый сибиряк, с лицом, красным от суровых климатических условий Севера и не менее сурового водочно-распивочного режима; тощий узбек в линялых тренировочных штанах и жирная угрюмая женщина. Как только поезд Москва-Новосибирск (с одной из промежуточных остановок на станции Быдловань) отошел от перрона, угрюмая женщина мрачно выставила мужиков из купе и, запершись, переоделась в шерстяной спортивный костюм. После этого она вновь открыла доступ в купе, а сама выпила четыре стакана чаю, выкурила полпачки "Донского табака" и ближе к вечеру уже храпела на своей верхней полке. Что касается майора Хохрякова, он под этот храп тоже замечательно поспал (он вообще никогда не страдал бессонницей, а однажды даже заснул в засаде). Проснулся Хохряков часов в одиннадцать. В купе царил полумрак, угрюмая женщина сурово похрапывала на своей верхней полке, а узбек тоже таился где-то наверху. Лишь белообрый сибиряк не спал. Над его койкой горела лампочка; он разгадывал кроссворд в газете, время от времени косясь на рюкзак Хохрякова.

"Чего это он?" — подумал Хохряков, из-под полуприкрытых век наблюдая за сибиряком. Тут до него дошло — в рюкзаке лежали три бутылки "Пшеничной", которые очень мелодично позвякивали друг о друга. Хохряков зевнул, потянулся и сел.

— Что, браток, не спится? — обратился он к сибиряку.

Тот кивнул.

— Ага. Слушай, ты не знаешь — руководитель НКВД в тридцать седьмом году?

Хохряков пожал плечами.

— Ну... этот... Андропов, наверное.

Сибиряк попытался вписать предложенный вариант в соответствующие клетки, но тот не влезал.

— Что-то не то, — сообразил, наконец, сибиряк, отложил газету, тоже сел и протянул Хохрякову здоровенную мускулистую руку. — Я — Федор Собакин. Федя.

— А я — Георгий, — представился Хохряков. — Можно просто Жора. Слушай, может, за знакомство?

— По сто пятьдесят? — уточнил Федор.

Хохряков достал из рюкзака пузырь.

— Можно и двести. — Порывшись в боковом кармане рюкзака, он извлек оттуда три пластиковых стаканчика. — Только вот с закусью у меня слабовато.

— Это ничего, щас поправим. — Федор открыл свою выдавшую виды спортивную сумку и разложил на столике банку кильки в томате, авторитетный батон "докторской молочной", пакет апельсинового сока "Джей севен" и буханку "Дарницкого".

Хохряков наблюдал за ним с одобрением: он уважал людей, знающих толк в нехитрой, но полезной еде.

— Слышь, Жора, а зачем нам три стакана?

— Ну, а этот-то... — Хохряков кивнул в направлении узбекского спального места, — не будет, что ли?

— А, Василий Алибабаевич? Конечно, не будет. Ну его! Ща нажрется, выпендриваться начнет. А бабу надо мной пушками не разбудишь. Ну, давай, Жора, чтоб нам хорошо ехалось.

Первые сто грамм зажурчали по их пищеводам под мерный стук колес. Федор принялся вскрывать кильку штык-ножом.

— Ух ты, смачная вещь! — с видом знатока заметил Хохряков. — Армейский?

— Ну, я ж в десантуре служил, в разведке. Он памятный, я им в Афгане моджахеда прирезал, когда он девку насиловал. А ты служил?

— Обижаешь. — Хохряков налил по второй. — Десять лет на флоте оттрубил.

— Десять? Ну ты даешь! Сверхсрочник, что ли?

— Да не, я мореходку заканчивал. Штурманом был, на линкоре. Как-то в Хельсинки ходили, так я там в кабаке с капитаном немецким бабу не поделил. Дал ему по физиономии, он и откинулся. Тогда меня и списали.

— Круто, — кивнул Федор.

— Ага. — Хохряков с удовольствием принял повторную дозу. Он на самом деле плавал вторым помощником, и воспоминания об этом времени наполняли его душу теплом. Да и капитану тому с немецкого сухогруза он неплохо настучал. За этот подвиг Хохрякову как раз и предложили перейти на работу в Комитет.

— Жора, между третьей и второй — перерывчик никакой, — глубокомысленно заметил Федор.

— Речь не мальчика, но мужа, — согласно кивнул Хохряков, наполняя стаканы. Федор тем временем нарезал хлеб и колбасу.

— Далеко путь-то держишь? — Федор протянул Хохрякову бутерброд. — На вот, держи гамбургер. Ха-ха!

— Путь-то? В Быдловань. В командировку.

Сибиряк нахмурился.

— Быдловань? Слыхал. А ты, братишка, православный?

Хохряков еще раньше заметил у Федора под рубашкой крестик, поэтому решил не связываться — они после Афгана все чокнутые... Еще в драку ползет — не пожрешь спокойно...

— А как же, — кивнул он. — Русский я или не русский?

— Русский, — подтвердил Федор, берясь за стакан. — Так вот, давай-ка за православие. А еще, Жора, за то, чтоб не сойти нам с ума от некоторых "сюрпризов" жизни и не загреметь в дурку.

Под этот тост Хохрякову даже водка невкусной показалась. К дуркам, как и к психиатрии в целом, он относился резко отрицательно: во-первых, его достали подследственные, косящие под психов, а во-вторых — был один случай... Это когда Хохряков, еще старлеем, проводил задержание резидента Боливии. Тот заметил гэбистов и юркнул в жилой вроде бы дом, через подъезд которого, однако, можно было попасть в помещение психдиспансера. Ворвавшись туда следом за боливийцем, группа захвата почти его настигла, но в дело вмешались два здоровенных санитара. Началась свалка, причем Хохрякова приняли за буйнопомешанного и вкатили ему лошадиную дозу реланиума. После этого майора двое суток тошнило, и организм наотрез отказывался от пива.

— Слышь, Жора, — сказал сибиряк. — Ты как на Быдловани сойдешь — перекрестись, как положено. Чертово место, помяни мое слово.

Хохряков насторожился, хотя виду не подал.

— Ты че пугаешь, Федь? Какое "чертово"?

— А ты думаешь, куда я еду? Брательника еду хоронить!

— Ну-у! — Хохряков изобразил на лице сочувствие. — Молодой парень-то был?

— Двадцать второй год ... пошел. Младший мой брательник.

— Как же его угораздило?

— Вот угораздило. Говорил ему, дураку, не связывайся с бандитами! Даже морду набил как-то... Не, не послушался! Я сам-то точно не знаю, мне маманя в письме написала: поехал он со своими корешками братковскими на дело — в Быдловань эту самую. Ну, а дорога туда лесом... Сбили какую-то бабу, козлы, а пьяные все — ну, и изнасиловали.

— И что? — сурово спросил Хохряков.

— А дальше, Жора, самое жуткое. Вовка, брательник мой, вернулся в ту ночь один, избитый весь — живого места не осталось. Умер он к утру. Но перед смертью рассказал, что баба эта, пока они ее... ну, этого... очнулась и стала их лупить. Кто его знает, че там на самом деле было. Только менты нашли в лесу троих его дружок мертвыми, и бабу эту. А ментовский врач говорит, что она уж недели две как померла к тому моменту.

— Бр-р-р! — Хохряков поспешно откупорил вторую бутылку "Пшеничной". На верхней полке заворочался узбек.

— Эй, хватят балтат! — подал он голос. — Надаэли!

— Да спи ты, кызыл-бабай, не отвлекайся, — проворчал Хохряков. — Страшные вещи рассказываешь, Федя.

— Во! Точно. Страшные! А всё страшное — от того, что в Бога не верят. А я, Жора, еще в Афгане понял — Бог есть! Так что, Жора, выпьем за православную веру еще раз — и чтобы нам с тобой никогда такого не видеть, что видел мой брательник в том поганом лесу!

Третью бутылку они прикончили где-то через сорок минут. А еще через четверть часа Хохряков взял свой рюкзак, натянул на широкие плечи дубленку и, попрощавшись с сибиряком Федей, вышел на платформу станции Быдловань. Он напрямик направился в зал ожидания, где его встречал сотрудник местного отделения ФСБ, и поэтому не видел, как поезд тронулся с места, медленно набирая скорость, и исчез за иссиня-черной стеной леса — там, где рельсы сделали поворот вправо на сорок пять градусов.

И уж тем более не видел, как Федор, прихватив свою спортивную сумку, выбрался в тамбур, умело отомкнул замок выхода и прыгнул с поезда на полном ходу.

Глава 5

Отличный аппетит Георгия Андреевича Хохрякова

Начальнику отделения ФСБ поселка городского типа Быдловань понравился гость из столицы. Он не строил из себя большого начальника, как тот подполковник Рогатых, не задирает нос, и вообще производил впечатление человека, больше интересующегося едой, чем служебными делами. Поэтому первый разговор состоялся у них в столовой отделения — на первом этаже неприметного двухэтажного особняка. Специально для гостя было приготовлено жаркое из кабана с тушеной картошкой.

— Вы кушайте, кушайте, — потчевал майор Примочкин майора Хохрякова, в чем, правда, не было большой необходимости, поскольку Хохряков и так кушал. С энтузиазмом действуя ножом и вилкой, он поглядывал в окно, из которого открывался вид (не очень живописный) на главную улицу Быдловани.

— Столовая у вас тут — высший пилотаж, — одобрительно заметил Хохряков, наливая себе пива и откидываясь на спинку стула.

— Так по какому вопросу вы к нам, Георгий Андреевич?

— Чуть больше месяца назад сюда приезжал со спецзаданием некий подполковник Рогатых. Помните, конечно?

При этих словах Примочкин заметно напрягся.

— Он всё-таки написал рапорт?

— Затрудняюсь ответить, — развел руками Хохряков. — А что, он собирался писать рапорт?

— Так ему здесь всё не понравилось! Злился, небось, что в нашу глушь его послали. Он мне так и сказал: “У вас тут, — говорит, — дисциплина — ноль, всё — ноль, сотрудников из патрульно-постовых набрали”. Из каких патрульно-постовых? — хмыкнул Примочкин. — Их тут и нет, в Быдловани.

— Странно, что ему не понравилось? — задумчиво спросил Хохряков, нежно поглядывая на опустевшие тарелки.

— Он ведь здесь и не питался. Ходил в пельменную “Сибирский кастрюльник”. И еще. Машину ему плохую дали! А где я, спрашивается, хорошую возьму?

— Да ладно вам, Евгений Максимович, расслабьтесь. — Хохряков сделал успокаивающий жест стаканом. — Если Рогатых и накатал на вас телегу, больше уж не накает. Мертвые, как известно, молчат.

— Умер? — переспросил Примочкин. — Надо же как... И что с ним... того?

— Предположительно — сердечный приступ. Но это, в общем-то, не наверняка. Вот я и хочу выяснить: нет ли связи между командировкой и его смертью? Начнем с того, что он так и не нашел экспедицию. Она пропала. По-вашему, как это могло произойти?

Майор Примочкин пожал плечами.

— Даже не представляю. Когда Рогатых с сопровождающим вернулся с раскопок, он тут носился, как псих, орал, потом позвонил начальству... Тут же мне поступил приказ — провести первичный осмотр местности. Но наша группа ничего там не обнаружила. А через пару часов уже прибыли ваши спецы, московские. Только они тоже ни черта не нашли.

— Ни черта-а... — кивнул Хохряков, подливая себе еще пива и оглядываясь по сторонам на предмет чего бы еще съесть. Верно расценив его движение, майор Примочкин подмигнул буфетчице, и через пару минут перед Хохряковым появилась тарелка с добавочной порцией.

— Скажите, Евгений Максимович, — с набитым ртом выговорил Хохряков. — Действительно ли то место, где работала экспедиция, пользуется среди местных жителей... зловецей известностью?

— Пользуется, это точно, — подтвердил майор Примочкин. — Местечко гиблое, помяните мое слово, Георгий Андреевич. Там и грибники пропадали, и браконьеры... извиняюсь, охотники. А тамошние рассказывают — ну, это уж полный бред, я так считаю, — что пропавших встречали мертвыми, причем мертвецы ходили.

— Тамошние? — переспросил Хохряков. — Какие тамошние?

— Да там деревушка маленькая. Двадцать семь километров отсюда, от Быдловани.

— Как называется?

— Как? Да обыкновенно... — Примочкин задумался. — Ну, как у нас все деревни называются? Красные Заборы... Нет, Советские Версты. Не, не то. А, вспомнил! Кривая Тропка Ильича. Ох, они там боятся этого кургана!

— А ваши, быдлованские, как же? Не ходят туда?

— Да кто ж туда попрется? — изумился Примочкин. — Это ж полсотни кэмэ будет! Если даже и в поход кто намылится, в ту сторону не лезят. Народ у нас ведь темный, необразованный. Суеверия...

Хохряков прожевал большой кусок жаркого.

— А что это за случай такой у вас был — с бандитами в лесу?

— Так вы уже знаете? Откуда?

— Откуда-откуда. Профессия у нас с вами такая — всё знать, — небрежно бросил Хохряков. Он любил иной раз похода озадачить собеседника.

— Ну да, были такие шибздики. — Примочкин и на самом деле несколько озадачился. — Но не наши, не из Быдловани. Из Нижнего Паскудина. Ехали через лес на своей "шестерке" и сбили девку. Якобы она на дорогу выскочила. Сбили они ее, значит, из машины вылезли и стали зачем-то насиловать. Пьяные, чего возьмешь с ублюдков! Только к делу приступили, а девка открыли глаза, вскочила и накостиляла им — будь здоров! Каратистка, небось. Короче, трое бандюков прямо там на месте концы отдали, один добрался до дома, всё и рассказал. Врачу... Перед смертью.

— Его фамилия Собакин? — невзначай осведомился Хохряков.

— Не, не Собакин, — нахмурился Примочкин. — Фамилия его Псинин, это я точно помню.

"То ли я нажрался и перепутал фамилии, — подумал Хохряков, — то ли здесь чего-то не то".

— А, ну да, Псинин, — вслух произнес он. — Псинин-Скотинин. У него еще брат — Федор.

— Да нет у него никакого брата, с чего вы взяли, Георгий Андреевич? Он вообще сирота, детдомовский...

"Хорошенькая получается лажа, — мелькнуло в голове у Хохрякова. — Это я, выходит, рылом в грязь заехал". И попросил:

— Давайте дальше рассказывайте.

— Дальше? Ну, из Паскудина менты приехали, эксперт. Так вот, эксперт осмотрел трупы пацанов, потом бабу и говорит: если кто-то мужикам и накостиляла, то точно не она, потому что умерла уже недели две как.

— И что получается? — автоматически спросил Хохряков.

Примочкин задумался.

— Кто-то врет...

— Меня вот еще что интересует, — продолжал Хохряков. — Я так понимаю, у Рогатых был сопровождающий?

— Так точно, Георгий Андреевич. Старший лейтенант Полосенко. Позвать сюда?

— Не надо. Сюда позвать еще коньячку, и пойдёмте в ваш кабинет. Вместе с коньячком. Полосенко пусть идет туда же.

Хохряков с Примочкиным как раз выпили по первой рюмке за знакомство, когда в кабинет четким строевым шагом вошел здоровенный детина с бритым затылком и отрекомендовался:

— Старший лейтенант Тарас Полосенко по вашему распоряжению прибыл!

— Присаживайся, Тарас, выпей рюмочку, — гостеприимно предложил Хохряков.

— Майор Хохряков Георгий Андреевич, из Москвы, — представил гостя Примочкин. — Давай-ка, Тарас, расскажи, как ты с подполковником Рогатых в лагерь ездил.

Полосенко скромно нацедил себе полрюмочки коньяку и принял внутрь. Вторые полрюмочки он нацеживал уже гораздо смелее.

— Разрешите доложить, товарищи майоры. Мы туда поехали, но членов экспедиции не нашли. Лагерь выглядел так, словно его покинули не больше получаса назад. На обратном пути подполковник Рогатых сильно нервничал. В общих чертах — всё.

— Это в общих чертах, — кивнул Хохряков. — А теперь — частности. Вы не заметили ничего подозрительного?

— Да там, товарищ майор, всё было подозрительное. О це ж я еще бачив, подполковник шо-то оттуда увез. Когда мы туда ехали, у него этого с собой не було.

— Та-ак, — нахмурился Хохряков. — А он вам не показал, шо це таке було? Тьфу! Вы не видели, что это было?

— Никак нет, товарищу майор. Но, думаю, он подобрал это в яме. Мы как от ямы отошли, у него всё полшубок топырился. И в машине топырился тож.

Некоторое время Хохряков молча переваривал полученную информацию. Потом его мозг потребовал дополнительной информации — хотя Хохряков и не знал точно, какой именно. Во всяком случае, ему было ясно, что быдлованские чекисты ждут от него какого-нибудь решения. И он его принял.

— Вот что, Полосенко. Неплохо бы установить, не ходят ли среди местных жителей какие-нибудь слухи насчет... того места, куда вы ездили с Рогатых. Такое возможно?

— Так точно, товарищ майор! — отрапортовал Полосенко и удалился из кабинета.

Вернулся он часа через три, которые провел в "Сибирском кастрюльнике", и нельзя сказать, чтобы совсем без толку.

— Разрешите доложить, товарищ майор! Получена неподтвержденная информация, что некий Бормотухин Василий, из деревни Кривая Тропка Ильича, наблюдал в районе раскопок подозрительного человека, что-то копавшего лопатой.

Майор Хохряков аж подскочил на месте. Он проверил под мышкой "Макаров" в потертой кобуре и кивнул Примочкину:

— Значит, так. Информация — непроверенная. Ну, что ж, поехали, проверим.

— Полосенко, заводи "уазик", — решительно распорядился Примочкин.

Когда пассажирский поезд Москва-Новосибирск скрылся из виду, Федор Собакин достал из кармана куртки сложенную карту местности и принялся ее изучать. С виду это была самая обыкновенная карта, какие обычно продаются в киосках. Лишь опытный эксперт из какой-нибудь спецслужбы мог предположить, что изготовлена она на основании материалов спутниковой съемки. Именно так оно и было на самом деле. Сориентировавшись, Федор бодрым шагом двинулся в нужном направлении, насвистывая песенку. Это был "Черный тюльпан" Розенбаума, но в исполне-

нии Федора песня приобрела какой-то залихватски-издевательский оттенок, что для бывшего воина-интернационалиста весьма нехарактерно. Впрочем, как станет ясно впоследствии, у Федора имелись все основания исполнять ее именно таким образом.

Итак, Федор Собакин весело насмивывал и порой ехидно ухмылялся, вспоминая своего попутчика, с которым они распилили три пузыря водяры. Он сразу признал в нем фээсбэшника, еще на перроне, когда они садились в вагон. Звать его, кажется, Хохряков, или что-то вроде этого. Собакин видел его несколько лет назад, в бытность свою патрульно-постовым в городе Обнинске: Хохряков приезжал с каким-то спецзаданием. Тогда он был в звании майора. Интересно, повысили его или нет? Да вряд ли.

Понятное дело, Собакин сразу догадался, зачем Хряк едет в Быдловань. Историю об убиенных бандюках-некрофилах Собакин выдал ему чисто по приколу, будучи железно уверен, что Хряк ее еще не слышал. Это было, конечно, не очень осторожно, но Собакин полагал, что осторожность — удел слабаков.

Мало-помалу Собакину стало ясно, что местные легенды, может быть, даже и не врут. Хотя до места, где спецгруппа ФСБ проводила раскопки, судя по карте, оставалось еще километра полтора, вокруг уже что-то неуловимо и зловеще изменилось. Собакин не обладал нездоровой фантазией, но даже ему казалось, что кто-то наблюдает за ним из-за деревьев, а один раз даже послышалось подобие смеха.

Когда Собакин в конце концов достиг цели своего путешествия, ему легче не стало. Ежесекундно тянуло схватиться за автомат, которого у него к тому же не было. Собакин взял себя в руки и приступил к осмотру. Осматривать тут было, вообще-то, нечего: фээсбэшники, естественно, уничтожили все следы, которые остались от экспедиции. Если были найдены тела участников экспедиции, их по второму разу не найдешь. Если не найдены — об этом вообще можно забыть: Собакин не располагал временем. Он поднялся на холм (по имевшейся у него информации — могильник славянского бога Пихто) и обнаружил там раскопанную яму. В яме было так же пусто, как и в голове Собакина в данный момент.

Он мрачно сплюнул, закурился сигаретой, направился в сторону, где, судя по карте, находилось ближайшее поселение — Кривая Тропка Ильича. По дороге он придумывал, каких бы ужасов ему напелсти селянам об этом самом могильнике.

Глава 6

Вся правда о Федоре Собакине

Тэдди Рэксу было тридцать пять лет, двадцать пять из которых он успешно изучал различные способы членовредительства и человекоубийства — иными словами, занимался восточными единоборствами. Когда Тэдди исполнилось восемнадцать, он был призван на службу капиталистическому Отечеству в морскую пехоту, в рядах которой исполнял свой интернациональный долг, громя в Персидском заливе арабов. Дослужить до дембеля ему, правда, так и не удалось: однажды во время тренировки по рукопашному бою он чисто случайно послал в глубокий нокаут инструктора — здорового негра, сопроводив его чувствительной вмятиной в черепе. Военный суд обвинил сержанта Рэкса в убийстве на почве межнациональной вражды и разжигании расовой дискриминации в рядах армии. Тэдди пытался оправдаться тем, что никакой межнациональной вражды к негру он не испытывал, просто ему не нравилась его рожа. В итоге командование сочло целесообразным уволить Рэкса из армии, но, чтобы избежать скандала, его направили на обучение в Лэнгли.

В разведшколе Тэдди в совершенстве овладел всевозможными шпионскими дисциплинами, а также выучил русский и украинский языки. Внешность Тэдди не имела никаких характерных признаков, позволяющих установить его национальную принадлежность, так что он прекрасно вошел в образ инженера стратегического завода в Киеве, а затем — в роль патрульно-постового в Обнинске. Однако в ЦРУ карьера Тэдди тоже не сложилась: вскоре его руководство заподозрило, что резидент Рэкс имеет прямое отношение к серии жестоких заказных убийств (чрезвычайно сходных по почерку — всем жертвам простреливали ноги в области коленок) в Калужской области, и его вызвали в штаб-квартиру Центра для разбирательства. Резидент Рэкс честно признался, что убийства были делом его рук, но их ему никто не заказывал, а коммерсантов он мочил просто из чувства справедливости — «Да они же грабители!». Выслушав это объяснение, начальник русского отдела ЦРУ схватился за голову. Потом схватился за телефон. В результате всех этих хватаний Тэдди перевели на работу в ФБР, где, учитывая его стаж работы, он получил звание особого агента.

«Вот пусть там и борется за справедливость! — сказал директор ЦРУ своему заместителю. — А мы тут не за справедливость боремся, а совсем за другое!»

В ФБР, однако, Рэкс быстро остыл к борьбе за справедливость и переключился на негров-гопников. Через некоторое время его деятельность стала беспокоить мэрию Нью-Йорка: она слишком сильно напоминала геноцид. Мэр, в общем-то, не имел ничего против, если бы Гарлем полностью обезлюдел — но ведь не за две недели до перевыборов городской администрации!

Дело кончилось тем, что Рэксу предложили попробовать свои силы в Интерполе.

В этой организации Рэкс почти дослужился до подполковника — это звание он должен был получить за успешный захват банды похитителей детей (в банду входили исключительно цыгане из бывшего СССР). Но в ходе расследования выяснилось, что численный состав цыганской банды как-то уж слишком сократился по сравнению с первоначально имевшейся в деле информацией. Было установлено, что майор Интерпола Рэкс имел обыкновение злоупотреблять допросами третьей степени с летальным исходом, что было квалифицировано как превышение служебных полномочий. Больше Тэдди Рэкса ни в одну спецслужбу не приняли, и он был вынужден открыть собственное детективное бюро — «Комиссар Рэкс».

Вот в дверь этого самого бюро (снабженную объявлением «Журналистам, коммунистам и гомосексуалистам вход строго запрещен под страхом отстреливания признаков половой принадлежности») и постучал Джимми Брод спустя полчаса после разговора с Китом-на-ножках. Брод слегка запыхался от волнения, да и текст на двери не добавил ему оптимизма: черт его знает, этого Рэкса, не придет ли ему в голову причислить Брода к одной из запрещенных категорий?..

Впрочем, его опасения оказались напрасными: «белобрысая bestия» воздержался от радикальных поступков. Он, конечно, не умер от счастья, увидев бывшего шефа на пороге собственной конторы, однако пригласил его в приемную, указал на кресло с одной отвалившейся ручкой, небрежно кинул гостю банку пива и попросил не отнимать много времени.

— Как видишь, Джимми, я гостеприимен, — сказал Рэкс. — Но лучше будет, если свое пиво ты допьешь на улице. Имей в виду: краткость — сестра не только таланта, но и твоей личной безопасности.

— Извини, Рэкс, коротко у меня не получится. — Брод осторожно пристроился на краешек кресла. — Есть одно дело, и скажу тебе сразу: за проведенное расследование ты получаешь сто штук, а за доставку материалов — пятьсот.

Рэкс присвистнул.

— Не хилая сумма! Интересно, за что сейчас в ЦРУ платят такие бабки? Ладно, круглый, давай, вперед. Я весь внимание.

И Брод приступил к рассказу...

На следующий день Рэкс вылетел из Вашингтона в Москву самолетом российской авиакомпании "Пан Березовский". При себе он имел паспорт на имя Федора Максимова Собакина и минимум вещей в выдавшей виды спортивной сумке. Огнестрельного оружия у Рэкса не было: во-первых, предстоящее расследование не грозило перестрелками, а во-вторых, Рэкс и без оружия мог уделать любую группу захвата. В крайнем случае, можно достать ствол на одной конспиративной квартире в Москве. Во время полета Рэкс выпил бутылку настоящей русской водки "Турогоloff" и съел три курицы-гриль.

Прибыв в Москву, он напрямик направился на Курский вокзал и взял билет на поезд до Новосибирска. Его целью была станция Быдловань...

Глава 7

Собакин ведет расследование на месте (и жрет деревенский самогон)

— Далеко ли до Быдловани, мамаша?

Вышедшая на стук в покосившуюся дверь столетней избышки бабка внимательно изучила здорового белобрысого мужика со спортивной сумкой в руках.

— Ась? — наконец спросила она.

— До Быдловани далеко?

— До Быдловани-то? Ох! Верст десять, почитай, будет. Да ты, сынок, откуда идешь-то?

Федор Собакин поставил сумку на крыльцо.

— Я, мамаша, и сам не знаю. С поезда меня скинули, хулиганье какое-то. Теперь вот иду...

Бабка еще раз осмотрела пришельца. Честно говоря, глядя на Федора Собакина, с трудом верилось, что его можно было бы скинуть с поезда, даже если задействовать всех едущих в поезде пассажиров. Впрочем, Собакин умел расположить к себе.

— Да ты что, сынок? Вот бандиты! Проходи в избу-то. Уж чего сейчас до Быдловани той переть? Ты ж, небось, и ушибся, когда с поезда-то падал?

— Ушибся, мамаша, — с готовностью кивнул Собакин. — Да и поздно уже, у вас тут негде переночевать?

— У нас и ночуй, — предложила бабка. — Скоро муж с работы придет, сыновья тоже. Посидите, поужинаете...

Собакин проковылял в сени, стараясь по возможности заметнее припадать на правую ногу.

— Ох, мамаша, я, может, туда и завтра не дойду. Нога болит, потянул, что ли... А если мне у вас пожить недельку? Я заплачу.

— А что, и живи, — согласилась бабка. — Чего платить-то?

Но по тону бабки чувствовалось, что в последней фразе она не совсем уверена. Собакин сунул под комод купюру достоинством в пятьсот рублей.

— Вот я тебе на диване постелю, ложись, отдохни, — засуетилась бабка. — Чай, путь-то не короткий был?

— Да уж, это точно, — не стал спорить Собакин. — И на такое я, мамаша, местечко набрел — лучше б и не видеть такого...

— Это что, могильник, что ли? — Бабка насторожилась.

— Ну уж не знаю. Могильник там или еще чего... А только жутко там. Холм такой, ну, курган, вверху яма — и воет кто-то, страшно воет.

— Курган там спокон веку, сынок, еще монголы на Русь не приходили, а он уже был. Колдуна там похоронили. — Бабка расстелила постель и добавила: — Ну, ты ложись, ноге отдых дай. Пойду тебе поесть соберу. Тебя как звать-то, сынок?

— Федором, — ответил Собакин. — Федор Собакин я.

...Вечером сытый и отдохнувший Собакин сидел за столом в компании мужа бабки (которую звали Кузьминишна) — крепкого сибирского мужика и их сыновей — тоже крепких сибирских мужиков. Жены последних работали в Быдловани, дети учились там же в школе.

После пол-литра самогона под хорошую закуску разговор естественным образом зашел о могильнике в лесу.

— Наши туда и не ходят, — заявил супруг бабки (которого звали Митрофаньч). — Нехорошее местечко. Зайдешь туда — глядишь, а вернулся уже не ты. Так что тебе, сынок, еще повезло, что живым ушел.

— Не понял, — честно признался Собакин.

— А вот, — Митрофаньч сотворил себе самокрутку и с удовольствием ею запыхтел. — Колдун-то, что там лежит, никак не успокоится. Голодуха его, стало быть, терзает. Если кто мимо пройдет, в того он залезает и жрет.

— Что жрет?

— Человека жрет, парень. Почему? Черт его знает, почему. Про то тебе лучше Фомич наш расскажет, он, сынок, у нас здесь за старшего. А вот что у могильника творится, Васька намедни видел. — И Митрофаньч кивнул на старшего сына, угощавшего самогоном из здорового пузыря.

— Ага, точно, — подтвердил Васька, которому с виду давно перевалило за сороковник. — Видел. Зря, конечно, но видел. А дело было так. Работаем мы на лесопилке, а верстах в трех от нас эски вкалывают, тоже на лесопилке. И вот, с месяц назад, прибегает к нам охранник из лагеря, глаза вытаращил и говорит: "Мужики, эск сбежал! Вооружен и, это, очень опасен. Вы уж тут пригладите, если чего". Ну, говорим, если чего — от нас не уйдет. А я, значит, тем днем раньше домой пошел, дела были. Иду дорогой, смотрю — надо ж, следы. Кто-то в валенках прошел. Я-то мужик не из пугливых буду, ты, Федь, понимаешь. На медведя хожу. Смекаю: ага, рожа эзковская, ща я тебя и достану.

— Да как же ты не побоялся — вооруженный же он? — ввернул Собакин.

— А так! — гордо ответил Васька. — Не побоялся вот. Так ты, Федя, слухай дальше. Иду я, значит, по следам этим, и, пока шел, аккурат в могильник и уперся. Вот тут-то у меня коленки и ослабли. Думаю, и чего я сюда приперся? Вдруг слышу, ходит кто-то в кустах, что у кургана. Глянул — и сердце захолонуло, ей-Богу, Федь, не вру. Стоит там мужик с лопатой, и что-то закапывает.

— Надо же!.. — возмутился Собакин. — Да там, похоже, только и делают, что ямы копают!

— Копают, едрена кочерга! — согласно закивал Васька. — Так я тебе про мужика. Представь, значит, себе. Стоит этот мужик, а я мыслю: вот он, ээк-то! Только че он тут делает? И странный такой... Пригляделся: он же мертвый! Глаза стеклянные, челюсть отвисла... Тут он на меня глаза свои закатившиеся поднял — и ка-ак захохотел! И еще ветерок с его стороны подул — я чувствую, запах такой... трупный. Страшно мне стало, Федь. Такого я оттуда деру дал — только меня тот зомбия и видел!

Дальнейшая беседа была посвящена, большею частью, военным подвигам присутствующих: Митрофаньч достал всех взятием Берлина, а Собакин и Васька со Степ-

кой трепались про Афган. Наконец Кузьминишна, которой это конкретно надоело, разогнала ветеранов ухватом.

— Странно всё это, — думал Собакин, когда улегся спать. — Что там, спрашивается, копал этот “зомбия”? И кто это был? Действительно беглый экз? Почему такой страшный? Или кто из фээсбэшной экспедиции заgrimировался, чтоб местных отпугивать, если они, вроде Васьки, лезть начнут, куда не след? А если нет, что тогда? Выходит, жуткая теория, что покойный колдун захватывает тело мертвеца и живет в нем какое-то время — действительность, а не легенда?”

Вопросы, вопросы... Ответов у Собакина пока не было, но он чувствовал, что в ближайшее время они появятся.

На следующее утро Собакин побеседовал с местным старейшиной Фомичом, свирепо смолвившим самокрутку.

— Да, Федя, такие вот дела. Чегой-то тебя в те края понесло? — спросил Фомич.

— Так... эта... с поезда меня скинули, — объяснил Собакин. — Бандиты скинули.

— Бандиты? Оно, конечно. Только что ж это Пихто развился? Раньше-то вроде не выл...

— Ну, может, и не он выл, — Собакин пожал плечами. — Может, шакал какой. Но выл. Как, говорите, зовут колдуна? Пихто?

— Так и зовут. Пихто. А тебе, Федя, зачем?

— Я же историк! — вывернулся Собакин. — Этнолог. Изучаю верования... э-э-э... местные легенды. А тут своими глазами увидел! Так, вроде, ничего особенного, но, знаете... Впечатление производит.

— Что производит впечатление? — уточнил дотошный Фомич.

— Да место это! — Собакин почесал под столом кулак. — Могильник!

— А-а-а... Могильник. Оно, конечно... Так вот. Пихто, сынок, это колдун наших предков. И так они его не любили, что взяли и порешили. Курган в лесу — его могила. Понял? А Пихто с голодухи бесится. Из земли вылезет, поймают прохожего и тело у него отнимает. Вообще, может и в покойника забраться. Но больше живых любит. Чего-то он там жрет, в человеке живом. Так вот и ходит, пока не сгниет. Вот тебе, внучек, и история. А ты говоришь!

После этого Фомич понес уже полную чушь, рассказывая такие ужасы, что Собакина начало клонить в сон. Остановить этот словесный беспредел удалось лишь с помощью пузыря, который они распили на троих (за третьего был сам пузырь).

Пообщавшись с Фомичом, Собакин вернулся домой и осчастливил Кузьминишну сообщением, что нога у него прошла, и он может нормально ходить. Собрал свою сумочку и отправился на лесопилку, где работали Митрофаньч и Васька со Степкой. У Собакина уже созрели некоторые идеи, и теперь, чтобы как-то реализовать их, следовало отправляться в Быдловань. Он, правда, отдавал себе отчет, что там может столкнуться с Хохряковым, который уже наверняка уточнил, что фамилия того бандита была вовсе и не Собакин, и следовательно, сделал некоторые выводы. Однако Собакин считал, что без риска жизнь теряет всякий интерес.

На лесопилке он быстро нашел Митрофаньча, потом Степку (Васька, как обычно, где-то жрал самогоннице), и с их помощью задешево арендовал вездеход вместе с водителем для доставки себя в Быдловань.

Глава 8

Зловещая находка

Поторчун, Тхурздый и Нечетопорылый встретились у подъезда дома, где жил Поторчун, в девять утра.

Столь ранний час встречи был обусловлен жесткой необходимостью. За весь вчерашний день троице не удалось наскрести денег даже на литр пива. Поэтому сегодня Тхурздый, проснувшись трезвым и злым, поспешил за зарплатой в контору, где подрабатывал расклейщиком объявлений. Вернувшись оттуда с деньгами, он поднял на ноги друзей, и они немедленно направились в гастроном, где приобрели пузырь "Смирновки" и шесть бутылок "Очакова".

Поторчун, Тхурздый и Нечетопорылый представляли собой типичные образчики вечно живого сообщества панков. Свои настоящие фамилии они вспоминали, только заглядывая в паспорта, а такое с ними случалось редко. Частично их труднопроизносимые клички являлись производными от фамилий.

Поторчун в миру звался Лешей Торчиновым. Он был самым мелким в тусовке и имел чисто панковский прикид: косуху, джинсы, шнурованные сапоги и балахон с надписью "Секс Пистолз".

Происхождение псевдонима "Тхурздый" было связано с тем, что мальчик Андрей Горбунов в школе напрочь не усваивал английский язык и однажды прочитал слово "thursday" латинскими буквами без всякого учета правил чтения. Тхурздый одевался попримичнее — во всяком случае, его одежда не имела столь вызывающего вида и периодически стиралась. Плюс к этому, Тхурздый был очкариком, и его очки вместе с довольно-таки крупной фигурой придавали ему вид "ботаника", которым он, однако, не являлся.

Фамилия Нечетопорылого была Нетопорук, но Тхурздый и Поторчун, находясь в алкогольном состоянии, выговаривали ее со значительным удлинением. Нечетопорылый обладал габаритами штангиста и румяной физиономией, с которой не сходило каннибальское выражение. Он носил старые джинсы, кроссовки, необъятных размеров свитер и серьгу в ухе.

— Ну, и, типа, че дальше? — осведомился Нечетопорылый, роаясь в кармане в поисках пачки сигарет.

— Надо бухло бухать! — авторитетным тоном внес предложение Тхурздый и высморгался в рукав.

— Только не на улице, — сказал Поторчун. — Мы ведь не бомжи какие.

— А че там за жлоб такой торчит? — осведомился Нечетопорылый, указывая пальцем в глубь двора, где за столом для домино с удобствами разместился толстый мужик, перед которым стоял термос и лежал сверток — видимо, с едой.

— Ну-у-у... — протянул Тхурздый. — Это какой-то жлоб. К тому же, он, по-моему, не торчит.

— А может, пойти дать ему по рылу? — беззлобно предложил Нечетопорылый. — Чтob заторчал?

— А вдруг он сдачи даст? — засомневался Поторчун, не любивший неприятности.

— Ну, тогда не пойду, — пожал плечами Нечетопорылый. — Короче, сейчас мы забуримся вон в ту катакомбу, — он мотнул головой в сторону подвала соседней восьмизатжки, — и приступим к исполнению своих прямых обязанностей.

Спустившись по скользкой лестнице и сдвинув с места оцинкованную дверь, панки проникли в подвал, стараясь на входе не наступить на дохлую крысу, которая, как им было известно, тусовалась здесь не первый день. Следовало пройти подальше, к бойлерной, где они уже не раз "выполняли свои прямые обязанности".

Бутылка "Смирновки" засияла в тусклом свете свисающего с потолка фонаря, словно драгоценный камень. Нечетопорылый поспешно открыл пробку, и, сделав глоток прямо из горла, разлил напиток в подставленные пластиковые стаканы.

— Ну, за здоровье Сида Вишиоза, — выдал Нечетопорылый свой коронный тост, и панки с приличествующей случаю торжественностью приняли по сто пятьдесят. По-

койный басист "Секс Пистолз" наверняка почувствовал себя в этот момент гораздо здоровее. Защелкали пробки открываемых бутылок "Очаково", и в воздухе повис устойчивый спиртовой запах.

За час компания достигла состояния первичной кондиции, и теперь следовало добавить. Соответственно, возник вопрос — кто пойдет за добавкой. Поскольку платил Тхурздый, он считался освобожденным от всех остальных обязанностей. Поторчун и Нечетопорылый срезались в коробок, и идти выпало Нечетопорылому. Он сунул в карман субсидию Тхурздого и двинулся в сторону выхода. Тхурздый и Поторчун остались вдвоем. Без Нечетопорылого им стало как-то не по себе. К тому же Поторчуна уже начинало тревожить характерное ощущение в области мочевого пузыря.

— Слышь, Андрюх, — обратился он к приятелю. — Мне надо отправить малую физиологическую потребность.

— И чего? — флегматично спросил Тхурздый. — Забыл, как это делается?

— Да я, это... Думал, может, ты со мной сходишь.

— А чего мне с тобой ходить? Мне и тут стремно.

Поторчун тяжело вздохнул и поплелся в глубь подвала по узкому коридору.

Минут через пять до Тхурздого, нервозно затягивавшегося "Примой", донесся дикий вопль Поторчуна.

— А-а-а!

— Эй, ты чего там? — заорал Тхурздый.

— Тут эта... Оно...

Перед мысленным взглядом Тхурздого мелькнуло чудовищное видение: из темноты выступает полуразложившийся труп бомжа... или сантехника, протягивающего руки к горлу Поторчуна.

— Какое "оно"? — Тхурздый лихорадочно прикидывал, как бы в темпе добраться до выхода. — Эй, Поторчун! Ты там живой?

Послышались шаги, и в болевой появилась Поторчун, держа в руке что-то темное, овальное, величиной с лицо Нечетопорылого.

— Во, смотри, — сказал он, показывая находку Тхурздому.

Тот шарахнулся в сторону.

— Ты че, дурак? Я ж инфаркт заработаю. Что это у тебя?

Поторчун пристально вгляделся в свой трофей — коричневая маска со зловещим выражением и торчащими изо рта вампирскими клыками в довесок к рогам.

— Чей-то торец, — сообщил он. — Страшный, как сволочь. Прикинь, я только штаны расстегнул, смотрю — в нише лежит.

— Ага! Специально тебя, придурка, дожидается. Положь на место, а то он еще водку нашу выпьет!

— Клевая штука! — восхищенно сказал Поторчун. — Смотри, у него рога!

— А у тебя — копыта! На место положи, кому сказал!

— Ладно, ладно. Ничего ты не понимаешь в искусстве.

— Торч, ты невменяемый, — простонал Тхурздый.

Глава 9

Майор Взбучка идет по следу

Майор Кшишлав Взбучка чувствовал себя хорошо. Это было, впрочем, обычное его состояние, а сейчас оно подкреплялось еще и тем, что кофе в его термосе был с коньяком, а бутерброды — с вырезкой. Погода соответствовала его настроению, хотя уже и не лето. Сейчас бы, конечно, на рыбалку. Рыбалка, впрочем, в ближайшее время не светила, так что майору приходилось выполнять свои служебные обязанно-

сти — в частности, вести наблюдение за подъездом дома, где находилась квартира покойного Рогатых. С этой целью Взбучка расположился во дворе за покрытым клеенкой столом, за которым, надо полагать, местные люмпен-пролетарии режутся в домино. После отъезда Хохрякова в Быдловань, Взбучка отдежурил здесь три дня с семи утра до десяти вечера, а на ночь его сменял младший опер. Впрочем, ни тот, ни другой пока не заметили ничего интересного для себя.

Правда, Взбучка довольно удачно пообщался с соседкой подполковника Рогатых. Оказалось, что в тот период времени, когда Рогатых был уже мертв, но тело еще не обнаружили, в его квартиру забрался какой-то тип, причем ушел явно не с пустыми руками. Соседка рассмотрела в дверной глазок, что посетитель прятал под курткой нечто довольно большое и плоское — типа сковородки. Взбучка голову сломал, гадая, зачем кому-то понадобилось красть из квартиры, в которой явно лежит покойник, сковородку.

Единственное, что смог предположить он по этому поводу, — возможно, украли вовсе не сковородку. Тогда что? Об этом Взбучка решил даже не думать, понимая, что всё равно ничего не придумает. По описанию соседки, вор был с большой косматой бородой и вообще имел вид бомжа. Приметы, конечно, не фонтан, но Взбучка терпеливо дожидался, не мелькнет ли кто-нибудь подобный возле дома. Ждать ему помог кофе из термоса, бутерброды и пачка “Беломора” в день.

Еще майор провел дополнительное расследование трех смертей, происшедших в этом же подъезде. Но это ничего майору не дало, поскольку активная умственная работа не привлекала Взбучку в принципе.

Шел четвертый день, по-прежнему ничего не происходило, не считая того, что в подвал дома залезли трое местных тинейджеров. Одного из них Взбучка даже знал, хотя и не лично: дед Алексея Торчинова долгое время служил в КГБ (в чине генерала) и был их с Хохряковым начальником. После начала реорганизации Комитета генерал Щорс Торчинов ушел на работу в Центральный банк России. Внук явно в деда не пошел: у Взбучки не было никаких сомнений, что в подвал с друзьями он отправился не просто так, а распивать спиртные напитки.

“Тыфу, козлы!” — сплюнул Взбучка и налил себе кофе из термоса.

Он задумался о том, что сейчас может делать Хряк. Наверняка где-то что-то ест. Если он сейчас в поезде, то ест, что взял с собой или то, что есть у соседей по купе. Если уже в отделе ФСБ Быдловани, то сидит в столовой. Интересно, удалось ли ему чего-нибудь выяснить? Вряд ли. Сыщик из Хряка так себе, никакой. Хотя, случается, на него находит... Ну, уж с ним-то, Взбучкой, такого никогда не бывает. Впрочем, Взбучка давно решил для себя, что сила — не в мозгах.

За неторопливыми размышлениями закончились день и пачка “Беломора”. Тинейджеры удалились из подвала явно в состоянии значительного подпития. Подозрительные личности поблизости не ошивались. Лишь когда Взбучка уложил в пакет термос и собрался — было уже без пяти десять, и неподалеку в кустах замаячил сменщик, переодетый негром, — в тот же самый подвал неожиданно юркнул грязный обросший мужичонка, по виду не имеющий определенного места жительства.

Взбучка к этому моменту до такой степени разомлел, что не сразу сообразил, что именно бомжа он здесь и должен был увидеть.

“Бомж”, — подумал Взбучка, и, сделав отмашку переодетому негру, вразвалку, делая вид, что его вообще ничего не интересует, направился к подвальной лестнице.

Он не дошел до нее шагов десять, когда “объект” выскочил на свет Божий, и Взбучку поразило выражение его лица: на нем был написан суеверный ужас.

— А... — произнес бомж, глядя на Взбучку, но явно в упор его не видя. — А-а-а! — добавил он уже в полный голос и кинулся бежать.

“Врешь, не уйдешь”, — лениво подумал Взбучка и проследовал за “объектом”. Тот взял курс на ближайшую станцию метро.

Глава 10

Собакин и вертухай (и другие события)

Собакин разминулся с Хохряковым на повороте, где стоял указатель: в том направлении, куда двигался он на вездеходе, было написано: “На Быдловань”, в обратном направлении — куда промчался серый “УАЗ” не первой молодости — “Кривая Тропка Ильича”. При этом Собакин разглядел в “УАЗе” Хохрякова, а вот Хохряков Собакина не заметил. Всю дорогу Собакин тщательно изучал “путеводитель” по Быдловани, подготовленный специалистами из Лэнгли, так что, прибыв на место, он уже точно знал, куда ему идти.

В Быдловани имелось только два заведения, где можно было рассчитывать на случайную встречу с нужным человеком: это была пельменная “Сибирский кастрюльник” и забегаловка в здании вокзала под названием “Пивнуха”. Интуиция подсказала Собакину, что путь его лежит в “Пивнуху”. Он по-прежнему не исключал вероятности того, что Хохряков мог что-то предпринять в отношении его персоны, но не собирался отступать.

Войдя в пивнуху, Собакин выискал глазами местечко поукромнее и остановил выбор на грязном столике в не менее грязном углу. Тут, однако, навстречу ему попались две личности сомнительных моральных качеств, явно принадлежащие к местной “братве” или чему-то другому в этом роде. Личности загородили Собакину дорогу и в один голос потребовали отстегнуть червонец.

— На какие такие нужды? — удивился Собакин и привычно дал обоим в зубы. “И кто это, спрашивается, придумал, что сибиряки — мирные люди?” — размышлял Собакин, заказывая себе пиво и четыре порции пельменей.

Интуиция его не подвела: через три часа, когда даже собакинский желудок был уже не способен принимать в себя пельмени, бутерброды и пиво, в дверях появился средних лет мужик, в котором Федор безошибочно распознал вертухай — на них он насмотрелся еще в Обнинске. Мужик озирался по сторонам.

“Спокойно, приятель, я тебе забил местечко”, — подумал Федор.

Наконец, под сверлящим взглядом Собакина, вертухай повернул к нему голову и увидел стол со свободным стулом. Второй стул занимал суровый на вид белобрысый парень.

— Разрешите? — спросил он, подгребая к столу белобрысого.

— Разрешаю, — кивнул Собакин. — С дежурства?

— На мне написано, что ли? — поразился вертух.

— А и писать не надо, братишка. Сам в ментах работал, таких, как ты, с закрытыми глазами узнаю.

— Надо ж, — вздохнул вертухай и отправился к раздаче — взять пельмени. Пока он ходил, Собакин извлек из своей спортивной сумки пару одноразовых стаканчиков и бутылку водки, которую тут же выставил на стол. Откручивая пробку, он мысленно прочел короткую молитву: Собакин был парень крепкий, и выпить мог побольше любого сибиряка, но на данный момент его норма была недопустимо превышена.

— За знакомство будешь? — предложил он, когда вертух притащил свои пельмени. — Федором меня зовут.

— Геннадий, — представился тот. — Будем знакомы.

— Эх, Генка, ваша служба и опасна, и трудна! — начал психологическую обработку Собакин. — Не так сложно человека засадить, как не дать ему смыться.

— Это уж точно, — подтвердил Геннадий. — Не сидится им, падлам. Вот у нас тут один слинял... месяц назад...

Собакин кивнул.

— Ага, слышал. Корешок с лесопилки про то гутарил. И как — поймали?

Собакин плеснул в стаканы.

— Поймали, куда ж он денется. Тем более мертвый.

— Грохнули или сам копыта отбросил? — с лицом профессионала осведомился Собакин.

— Если честно сказать, Федя, так и не поняли. — Геннадий сморщился, опрокинув стакан в рот. — Нашли его в таком месте... Здешные туда за деньги не пойдут.

— А он-то че поперся?

— Так он же нездешний! Бомж из Москвы, посадили его за попытку вооруженно-го... изнасилования, что ли. Местности он не знал, да и заблудился, я так думаю.

— Прямо детектив какой-то получается, — хмыкнул Собакин. — Как он умудрился из лагеря драпануть?

Геннадий поморщился.

— У этого козла приятель какой-то в Москве есть, Некрофилом кличут. Я тут побазарил с главным по службе безопасности, так он говорит — Некрофил этот ему всё и организовал. Seriously так организовал, вроде даже из наших кто-то задействован был.

Собакин узнал все, что хотел, и решил побыстрее “слинять”, тем более что сейчас должен был подойти поезд на Москву. Наскоро попрощавшись с оторопевшим Геннадием, он прихватил свою сумку и рванул на платформу.

В поезде Собакин сунул проводнику деньги, и тот быстро нашел ему свободное место. Расположившись, Собакин заглянул в вагон-ресторан, где слегка подзакусил, после чего завалился на свою верхнюю полку и продрях до самой Москвы.

Семейство Бормотухиных было весьма неприятно удивлено, когда поздним вечером в их дверь постучали трое мрачных мужиков и в срочном порядке потребовали на выход Ваську.

В свою очередь, трое мрачных мужиков (а это были всего-навсего майоры Хохряков с Примочкиным и сопровождавший их старлей Полосенко) тоже были весьма неприятно удивлены оказанным им приемом, в особенности майор Примочкин, которого Кузьминишна огрела ухватом. К тому же, из избы выскочил Митрофанч с двустволкой, а Васька и Степка подкрались откуда-то сзади, вооруженные топорами. Полосенко дернулся было за пистолетом, но тут Хохряков достал свою ксиву и прояснил ситуацию:

— Граждане Бормотухины, мы из ФСБ. Проявите сознательность и не сопротивляйтесь. Тем более сопротивляться пока нечему.

— Надо ж, — огорченно заметил Степан, опуская топор. — Мы уж подумали — мафиози. А на кой вам Василий-то понадобился?

— Нужна помощь в одном деле, — уклончиво ответил Хохряков. — Это по поводу сбежавшего эка.

...Вскоре доблестные фээсбэшники с Василием Бормотухиным в качестве проводника неумолимо приближались к зловещему кургану. Дорога заняла от силы полчаса.

— Здесь. — Василий спрыгнул из кабины и ткнул пальцем в кусты.

Хохряков тщательно осмотрел кусты и задумчиво произнес, закуривая “Беломор”:

— М-да-а-а... Ты, Вась, точно, ничего не путаешь?

— Падлой буду! — поклялся Василий.

— Ты еще скажи — век свободы не видать, — хмыкнул Примочкин.

— Ладно, мужики, лопаты в руки — и вперед, — решительно приказал Хохряков. — Даром, что ли, приехали? Ты, Василий, тоже подсоби. А потом коньячку дерябнем за твой зоркий глаз.

— За мои два зорких глаза, — выставил свое условие Василий, принимая от Полосенко лопату.

...Минут через пятнадцать после начала раскопок Хохряков предложил остальным отойти покурить, и продолжил копать яму в одиночестве. Еще через пять минут он вылез и быстро набросал на блокнотном листке шифровку в Москву. Полосенко включил в "УАЗе" портативную рацию и отправил сообщение.

"Докладывает Хохряков. Обнаружено местонахождение пропавшего клада. Прошу подтвердить полномочия на полное вскрытие тайника".

В ожидании ответа устроили перекур. Собственно, Василия можно было отправлять домой, а для вскрытия тайника вызывать подкрепление из Быдловани. Если только Москва не пришлет своих людей...

Когда по кругу пошла вторая бутылка коньяка (рация еще не подавала признаков жизни), Василий неожиданно ляпнул:

— А я-то сперва подумал — может, вы из-за этого... из-за Федора приехали.

— Из-за... — Хохряков поперхнулся коньяком. — Из-за кого-кого?!

— Ну... Из-за Федора. Собакина. Которого с поезда скинули...

— Жалко, не я его скинул, — зло процедил Хохряков.

Глава 11

Докладывает младший лейтенант Каширин!

Когда Взбучка явился утром на работу, Хохряков уже находился на рабочем месте.

— Здорово, Хряк! — поприветствовал его Взбучка.

— И тебе того же, и тебя туда же, — пробормотал Хохряков.

— Ну, ты, старый, ва-аще! Найти золото — это ж еще суметь надо! Умеешь мозгом работать!

— Ага. — Хохряков зевнул. После устроенной майором Примочкиным прощальной рыбалки он спал всю дорогу в поезде и до сих пор не выспался. — А ты тут, конечно, отличился. Славненько синеглазку прозевал!

— Да я откуда знал, что у него проездной на метро? — возмутился Взбучка. — Я думал — пока он еще через турникеты пролезет. Решил пивка попить. Только к ларьку стал разворачиваться, а этот урюк как всунет свою карту в щель, и — с концами, только я его и видел.

— Хм, — сказал Хохряков. — А что, разве не было похоже, что у него проездной?

— Да щас, прям! Бомжара бомжарой — грязный, драный, бородатый и синюшный еще! Да там не то чтобы проездной, там просто даже... — Взбучка запнулся, не зная, что добавить.

— Вот видишь, — наставительно произнес Хохряков. — Не исключено, что ты упустил любопытную рыбку. Что, если этот тип входит в какую-то бомжовую спецгруппировку? Ну, ладно. И что ты предпринял дальше?

— Как — что? Ориентировку на него дал. Только ничего из этого не получилось: сам знаешь, ментам лишняя работа — отдых не помеха.

— А зачем, по-твоему, этот синеглазка лазил в подвал?

— Ну Хряк, ты такие вопросы задаешь! А я почему знаю?

Хохряков махнул рукой.

— Подожди, не горячись. Так говоришь, соседка видела, как в квартиру Рогатых вошел какой-то бомж?

— Это она так говорит. Поэтому я и ждал бомжа.

— Вот и дождался, — хмыкнул Хохряков. — Слушай, Кшиштав, уточни-ка, при каких обстоятельствах был обнаружен труп Рогатых?

— Он взял недельный отпуск с понедельника до воскресенья — по болезни. Однако в следующий понедельник на рабочем месте не появился и на связь с руководством не вышел. Послали младшего опера проверить — на звонки никто не отвечал, а в квартире явно лежала какая-то дохлатина, судя по запаху. Парень вызвал бригаду из следственного, и они взломали дверь. Кстати, то чмо бомжовое, видимо, воспользовалось дубликатом ключей.

— А по времени? Когда это чмо проникло в квартиру и когда приехали следки? Взбучка подсчитал на пальцах и нахмурился.

— Получается, что между ними было где-то минут пятнадцать. А то и меньше... Погоди! Ты хочешь сказать, что этот бомж, прихватив из квартиры что-то, столкнулся на выходе из подъезда с мужиками из следственной и спрятал это в подвале?

— Вот именно! Возможно, ему даже не понадобилось выходить на улицу, и он попал в подвальное помещение прямо из подъезда. Бомжи, они все ходы и выходы знают. Но это не главное, Взбучка. Я могу тебе точно сказать, что именно он прихватил у Рогатых.

— Ну?

— Говоришь, бомжара тащил что-то большое и плоское? А вот и нет! Он тащил маску древнеславянского волхва, которую Рогатых нелегально стырил с раскопок. И вот эта маска... Понимаешь, Взбучка, я и не верю во всякое там такое... А что, если маска играет роль некоего аккумулятора, который заряжен отрицательной энергией неизвестного типа?

— Да черт его знает! Слушай, а может, пообщаться с тем полканом, который всё это дерьмо теоретизировал? Как, бишь, его?

— Цаплин, — медленно кивнул Хохряков. — Абрам Цаплин, начальник так называемого экспериментального отделения больницы имени Кащенко. Ты прав, мысль вовсе не глупая. Только поедешь к нему ты, ладно? Знаешь ведь — у меня аллергия на подобные местечки.

Взбучка кивнул, снимая трубку зазвонившего телефона.

— Але! Кого? Майора Хохрякова? Ну, даю. — И протянул трубку Хохрякову.

— Хохряков слушает!

— Товарищ майор, — донеслось из трубки. — Докладывает младший лейтенант Каширин из группы наблюдения. Человек, подходящий под данную вами ориентировку, замечен на Курском вокзале. Посетил вокзальное кафе, имел контакт с двумя бомжами по кличке Мразь и Отрыжка. В ходе контакта объект пытался установить местонахождение человека по имени или по кличке Некрофил...

— Так как вы считаете, это имя или кличка? — ехидно поинтересовался Хохряков.

— Так точно, товарищ майор! — после секундной паузы ответил младший лейтенант Каширин из группы наблюдения.

— Ладно. Не спускать с урода глаз. Я про объект. Обо всех перемещениях докладывать.

— Будет сделано, товарищ майор! — подтвердил Каширин.

Хохряков повесил трубку и побарабанил пальцами по столу.

— Ну, чего? — спросил Взбучка.

— Всё в норме, Кшиштав. Федя мой добрался до Москвы, Собакин страшный. Тут, я думаю, мы с ним и увидимся.

Глава 12

Собакин — друг бомжей

Прибыв на Курский вокзал, Федор Собакин в первую очередь проследовал в пельменную. Во-первых, ему хотелось пельменей и водки, во-вторых, Собакин знал, что именно на Курском находится центр общественных связей бомжового сообщества.

Дожидаюсь, пока остынут пельмени, Собакин в очередной раз суммировал результаты своего расследования. Их было всего два, но оба — железные. Во-первых, легенда о существовании некоего злого лесного призрака по имени Пихто вполне подтверждается на практике реальными фактами. Во-вторых, в Москве этой легендой заинтересовалось не только ФСБ, но и какое-то частное лицо по прозвищу Некрофил. Что это за Некрофил и чем его так привлек Дед Пихто, предстояло еще выяснить.

За соседним столом торчали двое ужасающе грязного вида бомжей, один из которых сидел в кресле с колесиками, а другой был маленький и вертлявый. По всему видно, что первый, безногий, был у него за начальника. Едва Собакин приступил к пельменям, как вертлявый бомж оказался рядом.

— Браток, помоги малой толикой, — с деловым видом изложил он свою концепцию. — Шланги горят!

Собакин медленно развернулся в сторону бомжа и угрюмо спросил:

— И у кого тут шланги горят?

Бомж мотнул головой в сторону своего безногого шефа.

— Во-он у него. Большой человек, братишка. Поможешь, а?

Собакин достал из кармана полтинник.

— Только слышь, чувак, — произнес он, сунув купюру в ладонь бомжу, — больших людей мне тут не надо. Я, видишь, и сам не маленький. А надо мне того, кто меня на Некрофила выведет. Усек, или повторить?

Вертлявый бомж опасливо покосился на здорового Собакина и тут же слинял. Через полминуты до Федора донесся тревожный шепот: "Этот... Некрофила спрашивает... че делать-то будем?".

В результате проведенного совещания вертлявый взялся за ручки кресла на колесиках и подкатил свое безногое руководство к Собакину.

— Это у нас самый главный на Курском. Если насчет Некрофила, так только к нему. Его зовут Отрыжка. А я — Мразь.

— Я сразу догадался, — кивнул Собакин. — А я — Собакин. — Он закурил сигарету и смерил безногую взглядом. — Говоришь, на Курском самый главный? Че ж тогда собираешься? Из любви к искусству?

— Слышь, долговязый, ты, этого, не гоношишь, — прохрипел Отрыжка. — Думаешь, я начальником быть не могу, раз у меня копыт нету?

Собакин пожал плечами.

— Подумаешь. У меня один приятель — так у него мозгов нету. И ничего, живет.

Отрыжка издал придушенное карканье. До Собакина не сразу дошло, что он так смеется.

— Стало быть, Некрофила ищешь, — отсмеявшись, проговорил Отрыжка. — А кто ты есть, в натуре?

— Кто я есть, не твое собачье дело, — рассудительно ответил Собакин. — Но тебе скажу. Слышал про одного деда из Сибири? Пихто его звать. Так вот, я его потомок... по материнской линии.

— Вон оно что... — Безногий вдруг ловко ухватил из оставленной Собакиным на столе пачки сигарету. — Не знаю, долговязый, чего ты там хочешь, а только ведь Некрофил может и не обрадоваться, если тебя увидит.

— Может и не обрадоваться, — согласился Собакин. — А может, и наоборот. Это как посмотреть. Во всяком случае... ему будет интересно со мной повидаться.

— Как-то всё странно, долговязый, — почесал затылок Отрыжка.

— Это уже не твое дело, — холодно изрек Собакин. — Твое дело — доложить Некрофилу. Учти, если не сделаешь — он тебя первый угробит, а я уж потом.

— Такой простой! — возмутился Отрыжка. — Доложить! Небось, мне через весь город переться! А командировочные?

— Я тебе возьму, — отрезал Собакин. — Когда увижусь с... Врубился?

— Как же тут не врубиться, командир! — развел руками Отрыжка, при этом умудрившись извлечь из собакинской пачки сигарет сразу половину содержимого. — Тебя где искать?

— Сам тебя найду. Здесь, на Курском. Через пару часов. Не задерживайся.

— Трогай, Мразь! — угрюмо скомандовал Отрыжка.

Отправляя в рот пельмени, Собакин задумчиво наблюдал в окно, как Отрыжка с Мразью поспешно удаляются по привокзальной площади в направлении станции метро. "Правильно, ребята, лучше всего — поторопитесь, — подумал Собакин. — Не люблю ждать".

Покинув через пятнадцать минут пельменную, Собакин неожиданно столкнулся с милицейским патрулем, явно нацеленным на него, Собакина.

— Ваши документы, гражданин, — сурово потребовал старший.

"Отрыжка подсобил, — безразлично подумал Собакин. — Видать, не в кассу я докопался с этим Некрофилом. Да еще Хряк на меня ориентировку дал. Надо выкручиваться". Он стал неторопливо шарить по карманам, якобы в поисках документов, отмечая краем глаза, что менты поудобнее перехватывают резиновые дубинки. Собакин мог бы, не сильно напрягаясь, размазать их по асфальту, но это повлекло бы за собой непосредственное участие в общегородской операции "План-перехват", причем в качестве объекта этого самого перехвата. Поэтому Собакин воздержался от крайних мер. Вместо этого он элегантно взмахнул перед носом старшего мента пятидесятибаксовой купюрой.

— У меня документы только такие...

Мент взял купюру и внимательно в нее взгляделся.

— Лицо не похоже, — произнес он. — Фамилия явно не ваша, уважаемый. И паспортные данные какие-то странные... Короче, гоните еще один такой же паспорт — и будем считать, что мы тут не встречались.

Отвязавшись от патрулей, Собакин в качестве компенсации первым делом разгромил пивной ларек и напился пива из шланга. После этого взял прямой курс на конспиративную квартиру, принадлежавшую одной шизанутой бабе — там при наличии денег и желания можно было приобрести хоть гаубицу. Но гаубица Собакину была без надобности — он предпочел бы что-нибудь типа автомата Калашникова. Собакин не знал еще точно — зачем, но чувствовал — это может ему пригодиться...

Глава 13

Блеск интеллекта Кшишстава Взбучки

Проходя через широкие ворота психиатрической больницы Кашенко, Взбучка был облян двумя дворовыми собаками и обмякан не менее дворовой кошкой. Впрочем, на подобные мелочи Взбучка внимания не обращал.

Вяло отмахнувшись от охранника в черном берете (который выскочил было из будки, но, оценив вблизи габариты Взбучки, поспешно удалился обратно), майор миновал КПП и двинулся по неширокой аллее, ведущей в глубь больничной территории.

Он очень быстро обнаружил корпус экспериментального отделения, где и увидел профессора Цаплина: тот стоял в окружении группы пациентов. По выражению их лиц Взбучка сделал для себя вывод, что цаплинское лечение приносит куда больше вреда, чем пользы. Проложив себе путь сквозь толпу, Взбучка приблизился к профессору и вынул из кармана удостоверение.

— Майор Взбучка. А вы — профессор Цаплин Абрам Соломонович?

— Ой! — сказал бородатый Цаплин, поспешно доставая из кармана очки и надевая их на нос. После чего долго и подслеповато изучал содержимое ксивы.

“И чего он щурится? — с раздражением подумал Взбучка. — А то я не видел, как он на стрельбах из “Макарова” по десяткам лупит”.

— Только этого мне еще не хватало, — объявил Абрам Соломонович, возвращая удостоверение владельцу. — Майор... ФСБ? Ладно, пройдемте ко мне в кабинет. Или вас сразу на осмотр? Ха-ха! Я буду позже! — добавил он, обращаясь к толпе психически ненормальных личностей. Личности расселись по скамейкам, в которых здесь не было недостатка, и, видимо, приготовились ждать.

Поднявшись по лестнице сквозь сверхплотное облако запаха хлорки, Взбучка и Цаплин оказались в довольно скромной приемной (картину общей скромности неудачно нарушали компьютер “Пентиум-3”, музыкальный центр “Самсунг” и видеодвойка той же фирмы), а оттуда профессор Цаплин провел Взбучку в свой личный кабинет.

— Прошу прощения, майор, — резким тоном произнес он. — Вокруг — мои пациенты, люди неуравновешенные, не следует беспокоить их без особой необходимости. Слушаю вас внимательно.

— Я веду расследование обстоятельств смерти подполковника Рогатых, — приступил к делу Взбучка, без приглашения усаживаясь на ближайший табурет. — Вам известно, кто это?

Профессор Цаплин кивнул.

— Есть все основания предполагать, что умер он не естественной смертью, — продолжил Взбучка. — А потом последовал ряд... последовало как минимум три других смерти — при крайне загадочных обстоятельствах. Но вы об этом наверняка тоже знаете. Я хочу спросить вот о чем. Допустим, есть реальные основания предполагать, что это не просто допущение, подполковник Рогатых, прежде чем покинуть лагерь пропавшей экспедиции, прихватил отсюда... нечто. Скорее всего, этим нечто был предмет культового характера — маска.

— Маска? — удивленно перебил его Цаплин.

— Вот именно, Абрам Соломонович. Маска! Я в общих чертах знаком с содержанием вашего доклада на эту тему. Скажите... я, конечно, понимаю, что мое предположение выглядит фантастически: какие это могло иметь последствия?

— Господи, — пробормотал Цаплин. — Забрал маску? Из могильника? Да, там должна была быть маска. Маска волхва. Или жреца, как вам больше нравится. Я подозревал, что все происходящее как-то связано с его поездкой туда. Но мне и в голову не приходило, что он мог оттуда что-то прихватить.

— Видимо, он прихватил ее в качестве сувенира, — уточнил Взбучка. — Или просто из жадности — понимая, что такая вещь может довольно дорого стоить.

— Рогатых всегда был тупым безмозглым кретином! — взорвался Цаплин. — Если хотите знать, я вообще был против того, чтобы он имел отношение к этой операции. Так вот... Как вас, простите, по батюшке?

— Кшиштав Эдмундович.

— Так вот, Кшиштав Эдмундович. То, о чем вы говорите, вовсе не фантастика. Сейчас я изложу вам исторические факты, установленные мною в ходе очень серьезного исследования. По соседству с тем местом, где расположен могильник, еще во втором

веке нашей эры, жило одно из славянских племен. От этого племени не осталось ни названия, ни какой-то летописи, однако точно известно, что вождем племени был некий колдун по имени Пихто, причем на протяжении двухсот лет. Человек этот не просто уникальный долгожитель — он в действительности обладал такими способностями, которые в наши дни именуют паранормальными. Во всяком случае, при жизни Пихто на племя не рисковали нападать ни монгольские кочевники, ни соседи-славяне, да, впрочем, соседей у племени и не было. Никто не селился поблизости. В результате соплеменникам Пихто стало ясно, что вождь подверг их полной изоляции плюс к тому, что с людьми племени Пихто тоже был весьма суров, и летальные исходы считались нормой. Кроме того, народ приходил в ужас оттого, что Пихто целых два столетия не собирался умирать. Но просто так напасть на него и убить они не решались — Пихто был слишком страшен, отличался немалой физической силой и даже мог, по слухам, убивать взглядом. Тогда одна из женщин племени — очевидно, целившаяся на место Пихто — ночью взяла его маску, висевшую обычно на дверях его хижины, и намазала ее изнутри составом, вызывающим, говоря современным языком, общий паралич. Эту маску Пихто надевал во время жертвоприношений — а жертвы он предпочитал человеческие, уверяя, что боги племени проникают от них благосклонностью. И вот, на следующий день, Пихто, осуществляя соответствующую процедуру, напялил на себя маску и тут же свалился замертво.

Глазные прорезы маски накрыли полотном, и Пихто закопали в лесу. Над могилой насыпали огромнейший холм, чтобы он каким-то образом не смог откуда выбраться.

Но дух Пихто время от времени покидал могилу и вселялся в тела живых людей. Племя хотело умилостивить Пихто, закопав рядом с ним все накопленные им сокровища, но и после этого он продолжал мстить. Остановился колдун лишь тогда, когда умертвил все племя.

Потом для Пихто наступили тяжелые времена. Местность обезлюдела, а ведь, проникая в человеческое тело, он употреблял какое-то органическое вещество, утолявшее голод, который терзал его после страшной и нечестивой смерти. Только десять столетий спустя поблизости возникли поселения, никто особо не приближался к кургану...

Если Рогатых украл маску из могильника, неудивительно, что ему пришел конец. Пихто вновь принялся за любимое дело. Отсюда и смерти в подьезде, где жил Рогатых. Помните, свидетели показали, что некто непонятный скрывался в направлении квартиры... нашего с вами тупорылого коллеги, упокой Господь его душу. Это и был Пихто. Он возвращался... в маску.

При этих словах даже у Взбучки пробежал мороз по коже.

— Еще один момент, Абрам Соломонович. Девяносто процентов из ста, что после смерти Рогатых маску... гм... украли. С неизвестной целью.

— Хреновенько, — изрек Цаплин. — Если это действительно так, то... Видимо, когда квартиру осматривали, никто не догадался, что Рогатых ее украл с раскопок. Надо было сразу сдать ее в спецлабораторию. Вот что, Кшиштав Эдмундович. Всё же есть десять процентов из ста, что вы ошибаетесь. Поехали прямо сейчас к Рогатых. У вас нет ключа от квартиры?

— Н-нет.

— Ерунда, прорвемся, — решительно сказал профессор. — Вперед!

До дома Рогатых они добрались на "девятке" Цаплина, причем Абрам Соломонович гнал с такой скоростью, что у Взбучки весь сегодняшний обед прилип к задней стенке желудка. Ворвавшись в подьезд, они бегом добрались до пятого этажа, где находилась квартира подполковника. Здесь профессор психиатрии и доктор исторических наук достал из кармана отмычку, замаскированную под стетоскоп, и, насвистывая что-то психоделическое, ловко вскрыл замок. Войдя внутрь, они приступили к обыску.

Через пятнадцать минут стало ясно, что маски в квартире на самом деле нет...

— Черт, черт, черт! — свирепо ругался Абрам Соломонович. — Исчезла! Украли!

— Кому это могло понадобиться? — растерянно спросил Взбучка, присаживаясь на кожаный диван и закуривая сигарету.

— Кому? Да кому угодно! Хотя бы американцам! Если тщательно исследовать эту штуку, майор, можно получить подробное представление о структуре загробной жизни, и о том, как связана энергетическая составляющая с органической оболочкой. Прикиньте, что из этого получится... Вам, к примеру, понравится ловить агентов ЦРУ, постоянно переселяющихся из тела в тело?

— Не очень, — вздрогнул Взбучка.

Психиатр-историк заметался по квартире, вопя при этом:

— Надо что-то делать!

Выкуренная сигарета, как обычно, вызвала прилив крови в мозг. Взбучка погасил окурок в пепельнице и поднялся.

— Вот что, Абрам Соломонович. Если кто-то из иностранных агентов действительно добрался до маски — тогда мы, конечно, в пролете. Но я подозреваю, что этого еще не произошло. И еще у меня есть подозрение, что не только иностранцы заинтересованы, но и кто-то из наших с вами сограждан. Короче, можете припомнить, какой литературой и, самое главное, в каких библиотеках, вы пользовались, когда проводили свое исследование?

Цаплин вытаращился на Взбучку, потом поспешным движением извлек из кармана блокнот, вырвал оттуда листок — и быстро принялся писать...

В этот день у майора Хохрякова было одно важное дело, которое он никак не мог пропустить: ему предстояло принимать зачет по отечественной истории у первокурсников школы ФСБ. Вообще-то Хохряков не сильно разбирался в отечественной истории, зато обожал мучить молодежь. Такое недюжинное педагогическое дарование позволило ему устроиться в школу ФСБ на полставки, и уж там он отрывался по полной программе.

...Курсант отвечал Хохрякову по билету "Гримасы НЭПа", корча при этом такие гримасы, словно хотел оставить экзаменатора заикой. Гнусно ухмыльнувшись, Хохряков поставил парню "неуд". Затем он сделал приглашающий жест здоровой белобрысой девице, выражением лица напоминающей лошадь. В этот момент дверь аудиторки открылась, и в ней показалась мощная фигура Кшиштава Взбучки.

— Секунду, барышня, — сказал Хохряков и вышел в коридор. — Что случилось? — спросил он Взбучку.

— Мне грустно это признавать, но ты оказался прав — все сковородки у Рогатых на месте.

Хряк нахмурился, соображая, о каких сковородках идет речь. Наконец, до него дошло.

— Надо же! Мне и в голову не приходило, что так оно и есть. Кто?! Куда? Как?

— Вот и Цаплин Абрам Соломонович то же самое сказал, — ухмыльнулся Взбучка. — Видел бы ты, как он носился по рогатовской хате и вопил! Ха-ха. Ну, ладно. Как? Видимо, ключом. Или отмычкой, как Цаплин при мне. Кто? Думаю — бомжи. Почему именно они, не знаю. Куда? Вот это мы с тобой и выясним в ближайшее время. Смори, вот список книг, которыми пользовался Цаплин...

— Список? И что мне с ним делать? — злобно спросил Хохряков.

— Значит, так. Вали своих курсанток, и приступаем к делу: я еду в историчку на Кий-тай-город, а ты в Ленинскую... Библиотеку ФСБ, наверное, можно исключить... Задача: узнать, кто и когда, помимо Цаплина, работал с этой литературой.

Хохряков кивнул головой.

— Разумно. Пойду-ка я завалю всех сразу. А ты жми в историчку. Встречаемся на Лубянке.

Глава 14

Верховный бомжрец

Юля Скворцова припарковала папин джип возле подъезда и легко выскочила из машины. В свои семнадцать лет Юля уже была искусственной блондинкой, стильно прикинутой под рейв, и надетые на ней шмотки в общей сложности стоили штук десять баксов. Достав из сумочки оранжевый мобильник, Юля нажала кнопку автоматического набора и закурила тонкую сигаретку.

— Алло, Серый, — сказала Юля, дождавшись ответа. — Ну где ты есть-то? В пробке стоишь? На Кузнецком? А че ты там забыл? Ну, давай быстрее! А то мне еще в салон зайти надо. Чао!

Доставая из багажника два больших пакета с продуктами из супермаркета, Юля с удовольствием думала о предстоящем ей визите в салон красоты. Потом они с Серым поедут в ночной клуб "Гиппопотам".

Коротко чирикнули замки джипа, отозвавшись на запирающий сигнал ключа. Юля взяла пакеты и возбуждающей походкой направилась к дверям подъезда. Там ей пришлось остановиться и поставить багаж между ногами, чтобы набрать номер кода. В этот момент сзади послышалось какое-то движение.

"Опасность!" — мелькнуло в слабо развитом мозгу Юли Скворцовой. Юля попыталась обернуться, одновременно доставая из кармана куртки газовый пистолетик, но было поздно. Чьи-то пальцы — грязные, зловонные, склизкие — зажали ей рот и сдавили горло. Это было жутко и омерзительно. Юля только успела подумать: "Мама", после чего надолго отключилась.

Федор Собакин двигался по проспекту Вернадского в направлении одноименного метро походкой свирепого первобытного мамонта. Настроение у него было омерзительнейшее. Он уже понял, что ехать на Курский — глухой номер, поскольку гнусный Отрыжка по своим отрыжным каналам наверняка выяснил, что его, Собакина, так и не замели в ментуру, и, значит, сам постарается держаться от Курского в отдалении. К тому же, у Федора имелась при себе одна хорошенькая игрушечка, которую он приобрел на конспиративной квартире, да еще пара запасных к ней магазинов. Если со всем этим делом нарваться на шмон, — а Курский вокзал для этого идеальное место, — останется только вступить в перестрелку с "мусорами" и героически в ней победить. Или героически погибнуть, смотря по обстоятельствам. Собакин же вовсе не собирался испытывать судьбу. Поэтому он усиленно ломал себе голову, где бы еще найти сборище бомжей. Проблема заключалась в том, что Собакин не очень хорошо знал Москву и не представлял, где в ней расположены места бомжиной дислокации.

Неожиданно что-то бросилось в глаза Собакину, и он даже тормознул на месте. Померещилось? Нет! Это был именно он — Мразь, вышедший из метро и идущий прямо в общественный туалет.

На физиономии Собакина нарисовалась нехорошая ухмылка.

Через полминуты Собакин всё с той же ухмылкой спускался по ступенькам туалета. С Мразью он столкнулся как раз в дверях. При виде Собакина Мразь весь согнулся от ужаса.

— Куда собрался? — сурово спросил Собакин.

— Я... эта-а... никуда...

— Ну и замечательно. Где твой друган?

— Н-н-н-не знаю... А что?

— Да он мне в душу плюнул. А ты ему помог. — Собакин несильно съездил Мразь по физиономии. — Ладно, я не злопамятный. Давай быстро — где Некрофил?

— Упаси Боже, Собакин! Откуда же мне знать? — притворно удивился Мразь, утирая кровавые слюны.

Собакин не спеша достал из кармана пару резиновых перчаток и натянул их на свои здоровенные ручищи. Мразь, зачарованно наблюдавший за этой процедурой, неожиданно почувствовал, что его поднимают в воздух за шкуру и за штаны. И еще почувствовал, что его подносят к унитазу и макают туда головой.

— Мама... БУЛЬК! На помощь! БУЛЬК! Мочуть! БУЛЬК, БУЛЬК, БУЛЬК!

— Начнем всё сначала, — сказал Собакин, прислоняя бомжару к стенке. — Где найти Некрофила?

— Я... — Мразь икнул. — Я могу показать...

— Уже легче. Не хотелось бы пачкать твоей репой еще один унитаз. Кто он такой?

— Унитаз?

— Некрофил.

Мразь сделал было загадочное лицо, но Моны Лизы из него не получилось — Собакин ткнул ему в лицо ствол автомата.

— Говори, — прорычал Собакин. — Только не вздумай гнать пургу, а то я тебе мочевой пузырь через рот достану, чтоб ты по сортирам не шлялся.

— Некрофил... Это... он всеми бомжами командует... И Отрыжкой — тоже. Держит бутылочный бизнес...

— А Пихто при чем?

— Так Некрофил умный шибко. Хочет принести этому Пихте жертву, чтобы тот ему подчинялся... Жертвоприношение назначено на сегодня.

— Врешь? — спросил Собакин, пристально глядя на Мразь.

— Слушай, не держи меня за идиота! Мне мой пузырь-мочевик дорог как память о покойном дедушке.

Собакин снял резиновые перчатки и швырнул их в мусорную корзину.

— Ладно. Объясняй, где всё будет происходить. И попробуй только послать меня не туда. Я тебя из-под земли достану и в асфальте похороню.

Получив необходимые указания, Собакин задумчиво шмякнул Мразь по темечку и запихал его в подсобное помещение под шкаф. После этого аккуратно закрыл подсобку и, покинув WC, отправился на место жертвоприношения.

По дороге он размышлял о том, действительно ли хитроумный Мразь получил свой мочевой пузырь в наследство от деда (например, путем трансплантации), или же здесь какая-то подколка.

По странному совпадению, Кшиштав Взбучка тоже думал о мочевом пузыре — правда, о своем собственном. Вообще-то, он думал, как бы этот самый пузырь опорожнить. И чем больше он думал, тем яснее ему становилось, что решать проблему необходимо по возможности быстрее — иначе можно не доехать до Китай-города. Поэтому выбежал из поезда на станции "Проспект Вернадского" и огромными скачками понесся вверх по лестнице, причем едва не снес будку контролера.

Взбучка хорошо знал Москву, а уж общественный клозет возле метро "Вернадского" тем более мог найти с завязанными глазами. Тридцать секунд — и доблестный майор был в нужном месте, как и всякий раз в подобных случаях, Взбучке показалось, что никогда в жизни он не испытывал такого облегчения. Четко, по-военному, повернувшись на сто восемьдесят градусов, Взбучка сделал было шаг в направлении выхода, как вдруг ему послышалось сдавленное мычание.

"М-м-м-м-м-м!"

"Мычат, — сообразил Взбучка. — Кто-то мычит. Кто? И где?"

Мычание повторилось. В тоне мычащего угадывались нецензурные выражения.

— Эй! — громко произнес Взбучка, расстегивая кобуру под мышкой. — Кто здесь? "М-м-м-м-м-м!"

Сориентировавшись на источник звука, Взбучка двинул в сторону подсобки. Легким пинком ноги распахнув дверь (она так и повисла на одной петле), майор бегло осмотрел помещение и извлек из-под шкафа со швабрами и прочим хламом некую весьма омерзительную личность.

— Ты кто? — спросил Взбучка. — И почему здесь?

Омерзительная личность, — а был это не кто иной, как бомж по кличке Мразь, — выплюнул набившийся ему в рот мусор и прохрипел:

— Он... он меня ударил! И обещал вырвать мне мочевого пузыря!

К своему удивлению, Взбучка узнал этого типа. Да, это был тот самый, который улизнул от него, воспользовавшись проездным на метро. Взбучка неожиданно почувствовал прилив сил и творческой энергии.

— Мочевого пузырь я тебе вырву сам, — пообещал майор бомжу. — Сам, понимаешь, лично.

— За что, начальник?

— А вот за то. Значит так, сволочь. Колись.

Было около семи часов вечера, когда майор Хохряков ввалился в свой лубянский кабинет. Взбучка уже находился там, причем смолил "Беломор", как заправский боцман.

— У меня получился некий Пихалов Игнат Авдеич, шестидесятого года рождения, — доложил Хохряков. — Я проверил его по нашей базе данных. Он что-то типа бомжиного авторитета. Учился в институте Крупы на факультете истории. Видимо, еще в бытность студентом, пожирая плов в забегаловке через дорогу от института, проникся бомжизмом-похренизмом. Среди московских синеглазок пользуется неограниченной властью. Судя по фамилии, это чмо считает себя прямым потомком... потомком...

— Основного фигуранта, — докончил Взбучка с ехидной ухмылкой. — Да знаю я. Тоже видел эту фамилию. Впрочем, Хряк, это отнюдь не главное. Тут такое дело. Я отловил ту мразь, ну, бомжа по кличке Мразь... ну, короче, этого, который от меня слинял с проездным. Усек? Его уже успел достать тот самый тип, который докопался до них с дружкой на Курском. Белобрысый. Судя по всему, это твой Собакин и есть. Он тоже ищет Пихалова. Кстати, если не знаешь: кличка Пихалова — Некрофил.

— Гениально, — кивнул Хохряков. — Ты, Взбучка, определенно будешь директором ФСБ. Лет через восемьдесят, — смягчил он комплимент. — Может, ты случайно и координаты Некрофила выяснил? А то по своему адресу проживания он уже давно не проживает.

— А как же! Всё выяснил. Даже то, что этот некрофильский Пихалов намылился кого-то принести в жертву своему предку. По-настоящему! Я балдею, прикинь? Мероприятие намечено на сегодняшнюю ночь. Мразь раскололся, где всё будет.

...Когда зазвонил телефон внутренней связи, оба майора были заняты разработкой плана предстоящей операции. Сняв трубку, Хохряков выслушал сообщение, и лицо его приняло весьма озабоченное выражение.

— Слышь, Взбучка, — сказал он. — Нас вызывает шеф. Спрашивается, зачем? Может, повышение дадут?

— Мысли логически, Хряк, — ответил Взбучка, с тяжелым вздохом гася в пепельнице "беломорину". — Повышение нам, скорее всего, не дадут. Вот по мозгам — это могут. Пошли, узнаем все на месте.

Генерал-майор встретил подчиненных неприветливым взглядом.

— Значит, так, — сказал он, швыряя на стол перед собой толстую папку. — Похищена дочь депутата Госдумы Скворцова. Знаете, кто такой Скворцов?

— Так точно, товарищ генерал-майор, — миролюбиво ответил Взбучка. — Скворцов — председатель движения "Регионы России и Северной Америки".

— Сегодня днем, в два часа сорок восемь минут, была похищена его дочь. На нее напали около подъезда дома. Этим расследованием займетесь вы, два жирных урода, причем в срочном порядке. Вот информация. Вопросы есть?

— Вопросов нет, товарищ генерал-майор. — Хохряков флегматично взял папку.

— Завтра в семь утра доложите лично мне по результатам. Имейте в виду, скорее всего, у этого дела политическая или государственная подоплека. Не вздумайте облажаться. Всё. Нет, еще одно. К вам прикомандирован на стажировку младший лейтенант Каширин.

Выйдя из генеральского кабинета, Взбучка прошептал на ухо Хохрякову:

— Торопиться не будем. Сначала — Некрофил. Повяжем Некрофила, займемся Скворцовой.

Хохряков согласно кивнул.

— Угу. — И саркастически хмыкнул: — Политическая подоплека! Ага, как же! Обычный киднэп, у ее папаша бабок немерено. Вот тебе и вся государственная политика. Чего нам сейчас больше всего не хватало, — задумчиво добавил он, когда они уже спускались по лестнице, — так это младшего лейтенанта Каширина.

Некрофил обвел своих единомышленников угрюмым взглядом изжелта-мутных от свежего воздуха и пьянства глаз и остался доволен. Их синюшные физиономии выражали полную готовность беспрекословно повиноваться приказам Верховного жреца — ибо теперь, обладая маской Деда Пихто, Некрофил стал не просто авторитетом, он стал жрецом. И теперь всех сожрет.

— Пихто возглавлял пицци! — хрипло произнес Некрофил. Бомжи зловец и невнятно забормотали. — Да! Он возглавлял, и мы дадим ему пищу, в которой он нуждается! Ты, — повернулся Некрофил к безногому в инвалидной коляске. — Жертва готова?

— Дочь нового русского, как ты и просил! — отвечивал Отрыжка.

— Хорошо! Свежая кровь, свежая плоть! Вот, что хочет Пихто! Много столетий назад он был главным бомжом в лесу! Братья и сестры! — В толпе одинаково гнусных и немых выродков лишь опытный глаз мог бы различить, где тут "братья", а где "сестры". — Что мы сделаем, думаете вы? Мы скормим Пихто всю Москву, всю, до последнего человека! — И Некрофил зловец рассмеялся. Бормотание единомышленников усилилось.

Кошмарное собрание культопоклонников происходило в огромном полуподвальном помещении — заброшенном депо Курского вокзала. О существовании этого депо не знали даже местные менты, даже руководство вокзала не догадывалось о том, что оно есть и служит местом сборищ бомжей. А вот Некрофил, копаясь в исторической библиотеке, нашел схему Курского вокзала — каким он был до 1937 года. Надо сказать, что, помимо депо, на схеме был обозначен недостроенный тоннель правительственной трассы, проходивший в глухом подмосковном лесу. И уж Некрофил использовал эту информацию по назначению.

— А где эта мразь? — шепотом спросил он, наклонившись к Отрыжке. — Я имею в виду Мразь.

— А черт его знает! — Отрыжка пожал плечами. — Как сквозь землю провалился. Он еще с Афгана такой — как заварится какая каша, так его и нету. Задницей чует!

— Спиртягу он своей задницей жрет, тварь немывая, — хмыкнул Некрофил. — Ладно, не шибко-то и нужен. Бомжи! — заорал он. — Сегодня в полночь мы принесем жертву нашему богу! По улицам будут ходить мертвяки! Много мертвяков! И мы — бромжи — будем единственными обитателями этого города!

Бормотание жуткой толпы разносилось эхом под сводами депо.

— А теперь, — продолжал Верховный бомжрец, — отправимся на место жертвоприношения. Это будет в дальнем тоннеле, и там Пихто явит нам свое благоизволение! Врубилась, уроды?! Шкандыбать организовано, по канализации! — Толпа заколыхалась, смещаясь к выходу — черному пролому в стене. — Вперед! Да здравствует кровь, да здравствует смерть! Бомж — птица вольная!

“Пока не пнешь — не полетит”, — злорадно подумал Федор Собакин, который короткими перебежками и с автоматом под полкой куртки незаметно двигался за кулюпоклонниками.

Глава 15

Зловонное быдло

Неприметные ярко-оранжевые “Жигули” пятой модели остановились в проулке, через который (согласно показаниям Мрази) можно было попасть во двор, где находился канализационный люк, а оттуда — коротким путем — в заброшенное депо. Под покровом наступившей темноты из “Жигулей” вывалились Взбучка, Хохряков и Каширин, причем последний тут же выхватил из кобуры табельный пистолет и угрожающе огляделся по сторонам.

— Спрячь, козлодой, — презрительно бросил Хохряков. — Народ и так пуганый. Хочешь, чтобы весь район потом заикался?

Пристыженный Каширин спрятал пушку, и вся троица направилась в нужный двор. Отыскать канализационный люк со сдвинутой крышкой оказалось легче легкого. Взбучка носком ботинка сдвинул крышку и кивнул Каширину:

— Давай, лейтенант. Молодым везде у нас дорога.

Каширин опустил на корточки и принялся.

— Дерьмо, — констатировал он.

— А ты что думал — одеклоновый ручей? — ухмыльнулся Хохряков.

Без особого энтузиазма нащупав ногой лестницу, Каширин пополз вниз. Через пару секунд послышался громкий плюх и нецензурное ругательство.

— Ну? — спросил Взбучка в люк.

— Так точно, товарищи майоры, я уже внизу! — глухо донеслось до Взбучки.

Оба майора в алфавитном порядке и с соблюдением крайней осторожности последовали за первопроходцем.

— Да-а-а, — протянул Взбучка, щелкая фонариком. — И впрямь канализация. Натуральнойшая. Ладно, коллеги, нам вроде бы туда, — и он ткнул пальцем в низкую железную дверь с ржавой табличкой “Посторонним вход воспрещен!”.

Вдруг из-за двери послышался далекий хриплый голос: “Пихто возглаждал пицци!”.

— Ну, если Пихто возглаждал пицци, тогда это ваще кранты, — заметил Хохряков.

— А что, Хряк, если он тобой полакомится, ему на неделю хватит, — хихикнул Взбучка.

— Хватит болтать! — сурово одернул его Хряк. — Пошли. А ты, Каширин, лезь наверх... — Каширин насутился. — Где-нибудь там незаметно потусуйся. Только стволем не размахивай, и так за километр видно, откуда ты приехал. Ты ведь этого Собакина знаешь в лицо? Вот и смотри, если он здесь появится.

У Хохрякова почему-то было предчувствие, что сегодня им со Взбучкой не удастся показать практиканту высокий класс оперативной работы. О том, что Собакин, возможно, уже появился, Хряк вообще старался не думать.

Он толкнул дверь, и она почти бесшумно повернулась на петлях...

Наблюдая за началом обряда из выпотрошенного шкафа для электрооборудования, оба майора думали о том, насколько всё это мерзко. Ни тому, ни другому в жизни не приходилось видеть такой огромной и презловоннейшей толпы бомжей — а уж Взбучка с Хохряковым повидали многое! Правда, пока майоры крались за бомжами, оба так перепачкались в дерьме и тому подобной дряни, что теперь не сильно отличались от любого отдельно взятого представителя бомжиного сообщества. Но это было еще не самое плохое. Вот когда два огромных бородатых бомжа протащили мимо шкафа жертву — связанную и, видимо, пребывающую в бессознательном состоянии, — тут уж фэсбэшникам конкретно поплохело. Перед выездом с Лубянки они успели полистать материалы по похищению, и Скворцову запомнили отличнейшим образом. Выходило, что ее похитили бомжи, причем с целью принесения в жертву! "Вот сразу два дела и раскрыли", — подумал Хохряков, но эта мысль как-то его не порадовала. Между ними и Скворцовой стеной стояли бомжи, и неизвестно, на что они пойдут, если по какой-то причине Дед Пихто не появится из своей маски. А Хохряков и Взбучка не особо верили в Деда Пихто, несмотря на все факты и аргументы, выявленные в ходе проведенного расследования... А вот бомжи — другое дело. Это — реально...

Жертву развязали, но лишь для того, чтобы привязать ее к огромной чугунной ванне, неизвестно кем и для чего сюда притащенной. Над ванной возвышался некто борогатый и немый.

"Некрофил", — подумал Взбучка.

— Пихто! — заорал Некрофил, и толпа бомжей заметно отхлынула подальше от "жертвенника". — Явись нам! Прими нашу жертву, кою... каковую... которую мы смиренно тебе подносим! Вселись в нее! Сожри ее! Чтоб ей мало не показалось!

Хохряков отчетливо понял, что медлить больше нельзя. Если выяснится, что у них на глазах угробили дочку депутата Госдумы, им обоим наступит такой каюк, что тут уж точно мало не покажется. Он пихнул Взбучку локтем в бок, и оба выскочили из своей засады со стволами наизготовку.

— А ну, кончай балаган! Не двигаться! Всем лечь! Руки за голову!

Бомжи угрюмо забормотали, обернувшись к непрошеным гостям. Тем временем Верховный бомж подхватил с "алтаря" маску и поднял ее над головой.

— Вы кто? — спросил он.

— Да как тебе сказать... Мы те, которые этих, — с умным видом объяснил Хохряков.

— Не понял.

— Ну и не надо, — Хохряков прицелился в Некрофила из "ПМ".

— Опоздали! — процедил сквозь бороду Некрофил. — Бессмертный Пихто сейчас выйдет из своего убежища и сожрет поднесенную нами жертву! А потом доберется и до вас! — И он стал приплясывать на месте, размахивая маской и ругаясь по-древнеславянски.

— Будем брать? — предложил Хохряков.

— Будем, — принял предложение Взбучка.

Чекисты двинулись было к Верховному бомжу, но в следующую секунду события приняли новый неожиданный оборот. За спиной Верховного открылась железная дверь другого шкафа с электрооборудованием. Причем так резко открылась, что

бомжрец, приложившись к ней лопатками, позвоночником и затылком, рухнул на грязный пол. Из шкафа появился блистательный Федор Собакин с "калашом".

— Всем сохранять спокойствие! — угрожающе произнес он, медленно описывая ствол "калаша" полукруг. — Особливо тем, которые из ФСБ.

— Это почему еще? — строптиво спросил Взбучка.

— Потому что так надо. Бросайте пестики, ребята, не хочу неприятностей.

— Да ладно, не будет же он стрелять! — без особой уверенности пробормотал Взбучка.

— То есть, как это не буду? — удивился Собакин. — Буду!

— Слышь, Взбучка! — зашипел Хохряков на ухо приятелю. — Ты как хочешь, а я пушку бросаю. Вдруг он очередью шархнет?

— Есть своя логика, — вздохнул Взбучка.

Звякнула сталь: два пистолета Макарова упали на бетон.

— А еще говорят, что коммунисты не сдаются, — сардонически хмыкнул Собакин, после чего пинком ноги отфутболил Верховного бомжа метров на десять в сторону, прихватив с пола маску Деда Пихто, и... исчез в направлении выхода.

— Собрался линять, — Хохряков подобрал свой пистолет. — Я тебе слиняю, гнида долговязая. А ты, Взбучка, давай-ка здесь...

И Хохряков, врезав по зубам ближайшему бомжу, поспешил следом за скрывшимся во тьме Собакиным.

Взбучка тоже подобрал пистолет и, оглядевшись по сторонам, оценил ситуацию. Культупоклонники, лишившись своего Верховного, явно не знали, что делать дальше, и не представляли серьезной опасности, тем более для такого молодца, как Кшиштив Взбучка. Сам Верховный валялся там, куда его отшвырнула мощная нога Федора Собакина, без малейших признаков жизни. Зато Юля Скворцова пришла в себя и увидела, что привязана к чугунной ванне в совершенно незнакомом месте (но точно не в клубе "Гиппопотам"), причем вокруг толкутся ужасающего вида личности, похожие на зомби. Она подняла такой ор, что у Взбучки мгновенно заложило одно ухо. Майор предусмотрительно надел наручники на Верховного, после чего в два огромных прыжка подскочил к "алтарю" (по дороге втопав в пол парочку культупоклонников) и перерезал веревки перочинным ножом. Скворцова продолжала вопить.

"Вот зараза, нужно было всё-таки скормить ее этим свиньям!" — в расстройстве подумал Взбучка и хорошенько встряхнул порочный плод любовной связи депутата и торгашки из овощного ларька.

— Прекратите орать, Скворцова! — строго проговорил он. — Я из ФСБ, всё в порядке.

Юля икнула так, что эхо прокатилось по всему тоннелю, и устала на майора.

Краем глаза Взбучка заметил, что круг культупоклонников вокруг начал несколько сужаться, и, резко развернувшись, пальнул из пистолета над головами толпы.

— Стоять на месте, господа хорошие! — твердым, суровым голосом потребовал Взбучка. — А то группе захвата некого будет захватывать.

При этих словах бомжи что-то забормотали, но всё же отступили назад.

...Что касается Хохрякова, он настиг Собакина в том самом дворе, из которого они проникли на территорию депо. Как Хохряков и предполагал, "Калашников" Собакин бросил по дороге: появляться с таким аксессуаром на улицах Москвы без специального разрешения — наиболее простой способ самоубийства. Когда до Собакина, удаляющегося поспешным шагом, осталось не больше пары метров, Хохряков вскинул пистолет и крикнул:

— Федя Собакин?

Собакин тормознул.

— Я самый.

— Руки! На затылок! И не рыпайся. Маску давай сюда.

Собакин обернулся, и Хохрякова поразило выражение его лица: зловеще-задумчивое.

“Господи! — неожиданно подумал Хохряков. — А что, если этот гадский дед уже пролез в мозги Собакина? Тогда Собакин, пожалуй, наступит сейчас по моим собственным мозгам”.

— Маску-то? — флегматично переспросил Собакин. — Ну, держи. — Он сделал вялый замах, и чудовищная маска полетела в голову Хохрякова с такой скоростью, что стала бы его вторым лицом, не ухвати он ее своевременно толстыми пальцами своей мощной руки.

— Ты б поаккуратнее, Федя, — с мягкой укоризной в голосе заметил Хохряков. — Чай, не в волейбол играешь.

— А ты крепче, чем я думал, Хряк! — рассмеялся Собакин. — Только всё равно ты облажался. Почитай, там изнутри бумажка приклеена.

Хохряков перевернул чудовище внутренней стороной к себе, и, не спуская с Собакина одного глаза, вторым прочел надпись на оранжевой бирке: “Магазин “Лавка Океании”. Продано за 150 \$ по курсу ЦБ РФ: маска колдуна новозеландского племени Батабумбо. Кол-во — 1 шт.”.

— Так, — сказал Хохряков. — Ну, это понятно. А где настоящая маска?

— Хряк, ты мне не поверишь, но я и сам не знаю. Эту штуку я своими руками забрал у ихнего немытого Верховного. Ничего другого предложить не могу.

Хохряков мысленно сосчитал до десяти, и, достав из внутреннего кармана пиджака рацию, включил прием: следовало вызвать подкрепление для Взбучки и машину для Собакина. Белобрый Собакин стоял, наблюдая за Хохряковым с самым что ни на есть наглым видом, и ухмылялся во всю свою квадратную физиономию.

Сзади к ним подбежал Каширин, возбужденный приятным чувством миновавшей опасности.

Глава 16

Батабумбо

На допрос Федор Собакин явился в отличной моральной и физической форме. Правда, ребра слегка ныли, конечности отваливались, а общее состояние головы указывало на то, что по ней ходили ногами. В общем-то, так оно и было: со вчерашнего вечера до семи утра его интенсивно “готовили к допросу” четверо оперов. Однако Собакин был не из тех, кому подобная мелочь может подпортить настроение. При виде довольного лица и энергичной походки Собакина у Хохрякова глаза проулыались на лоб: он-то надеялся, что сейчас Собакин начнет колоться, как из пушки. “Нда, навряд ли”, — подумал про себя Хохряков.

Кроме Хохрякова, в допросе принимали участие Взбучка и младший лейтенант Каширин.

Собакин уселся на стул и закинул ногу на ногу.

— Ну-с, и по какому праву меня здесь держат? Слышь, Хряк, я тебя спрашиваю! Вот как тресну в морду, ты у меня в два счета узнаешь, где швабры веснуют и как карси сношаются.

Хохряков поежился, да и у Взбучки слегка отвисла челюсть от такой наглости.

— Ладно, Собакин, хватит Маньку валять, — сурово сказал Хохряков. — Давай, колись. Начнем с твоего настоящего имени.

— Ну, допустим, Рэкс, — заносчиво ответил Собакин. В голосе его вдруг зазвучал иностранный акцент, и он в одну секунду превратился из краснорожего сибиряка в бывшего американского морпеха. — Тэд Рэкс. Запиши это в протокол, Хряк, и не вздумай забыть.

— Не бойсь, Рэкс, тут не склеротики собрались. Теперь перейдем к главному вопросу: где маска? Настоящая, я имею в виду.

Рэкс задумчиво выставил в направлении Хохрякова средний палец.

— Я ведь уже тебе сказал, что ты облажался. Не брал я настоящей маски. Мне и самому интересно, где она гуляет.

— Значит, не брал? Любопытно. А давай-ка проведем следственный эксперимент... Каширин! Сними у него отпечатки пальцев.

Каширин несмело приблизился к Рэксу.

— Давай-давай, Каширин, — подбодрил его тот. — Тебе ж потом старлея присвоят. Посмертно.

Каширин вздрогнул.

— Ты чё, Каширин, не трусь! — вмешался Взбучка. — Никто тебе старлея не присвоит.

Каширин остановился в полном замешательстве.

— Это лажа, — пробормотал Взбучка. — Слышь, Хряк, — он наклонился к уху приятеля. — Этот Собакин-Рэкс какой-то невменяемый. Может, поддал? И от этого такой смелый...

— Поддал? — переспросил Хохряков. — Каким образом? Его ж всю ночь в одиночке обрабатывали! Ладно. Слышь, Каширин? Проверь подследственного на содержание алкоголя в крови!

Каширин собрался с силой духа и преодолел, наконец, расстояние, отделявшее его от Рэкса, сидевшего на стуле с надменным и презрительным видом.

— Товарищ Рэкс! — осторожно начал Каширин.

— Ну? — процедил Рэкс.

— Я, это... Я должен проверить вас на содержание в крови алкоголя.

— Да ради Бога, дружище! — И, в качестве доказательства своей доброй воли, Рэкс слегка дыхнул на Каширина. После небольшой паузы Каширин вдруг сорвал с головы ментовскую фуражку, и, растоптав ее, запел хриплым голосом: "Союз нерушимых республик свободных, замочим в сортире мы всякую тварь!"

— Ваш сотрудник нажрался при исполнении, — ухмыльнулся Рэкс.

— Каширин, отставить вокал! — рявкнул майор Хохряков. "Блин, неужели у них в ЦРУ всех из железа делают?" — мелькнула жутковатая мысль, противоречащая всему его опыту работы в контрразведке. Дело, впрочем, было вовсе не в том, что цэрэушников делают из железа — таких, как Рэкс, вообще нигде не делают. Но до этого Хохряков не дошел, причем своим психозом заразил Взбучку. Не сговариваясь, оба майора налетели на Рэкса, как цунами, и принялись привязывать его к стулу. У Взбучки опустились руки, когда в результате всех их стараний к стулу оказался привязан Хохряков. Рэкс поправил узел на веревке и, закатывая рукава, повернулся к Взбучке.

— Как фамилия? — спросил его Рэкс.

— Взбучка! — гордо ответил Взбучка. — Кшиштав Эдмундович. Быстро говори, куда маску дел!

— Про маску ничего не знаю, а вот по морде ты у меня щас точно получишь, — предложил Рэкс вариант консенсуса.

Но Взбучке с Хохряковым повезло: к этому моменту младший лейтенант Каширин слегка "протрезвел" и звонком вызвал из коридора конвой. За этот поступок майоры впоследствии простили ему всё...

...Отдышавшись и вытерев пот со лба, только что отвязанный от стула Хохряков угрюмо посмотрел на Взбучку.

— Зачем ты сказал, чтоб его увели? — с некоторой претензией в голосе спросил Хохряков. — Я б ему сейчас устроил...

— Ну и устроил бы, — посоветовал Взбучка. — Чего ж ты тогда к стулу привязался? Это что — новый метод ведения допроса?

— Блин, — вздохнул Хохряков. — Ну, и чего дальше?

Зазвонил телефон.

— Товарищ Взбучка, — сказал Каширин, снявший трубку. — Это вас. Из милиции. Взбучка выругался про себя, а в трубку вежливо произнес:

— Алле...

— Говорит начальник шестидесятого отделения милиции майор Чмыреев. Я по поводу вашей ориентировки на бомжа.

— Молодцы, вовремя сориентировались, — процедил сквозь зубы Взбучка. — Ну? Что там у вас?

— Ваш бомжара заходил в магазин сувениров "Лавка Океании", на Третьяковке. Его запомнил продавец.

— А что, бомжара что-то купил? Случайно, не маску колдуна Батабумбо?

— Ба... ба... Сейчас, у меня записано. Вот: Ба-та-бум-бо. Смотри-ка, точно! Так какие будут указания?

— Указания? — переспросил Взбучка, на которого вдруг напала полнейшая апатия. — Ну, какие указания? Идите, что ли, пивка попейте, майор. — И он повесил трубку.

— Ну, что я тебе могу сказать, Хохряков... Зря я ту мразь отпустил. Ну, этого, который Мразь. Времени у меня не было. Как думаешь, мы его найдем теперь?

— Конечно, найдем, — кивнул Хохряков. И тут же добавил: — Только, боюсь, не совсем теперь. Вы ж с этим Собакиным его напугали до смерти. И он, полагаю, залез на дно. На такое дно, Взбучка, что ты его там лет двести искать будешь.

— О-о-о-о-о, — простонал в ответ майор.

ЭПИЛОГ

Через пару месяцев после описанных событий майоры ФСБ Взбучка и Хохряков получили поощрение в виде денежной премии за спасение Юлии Скворцовой ("Это, — как выразился непосредственный начальник обоих майоров, — не проститутка, а дочь депутата Госдумы!"), а также за отыскание клада, разоблачение группы культопоклонников и за удачно проведенную операцию по захвату агента ЦРУ Федора Собакина. После поощрения они получили хорошую головомойку за то, что упустили маску Пихто, за то, что Юлия Скворцова в результате операции спасения осталась заикой, и за то, что Собакин удрал из-под конвоя по пути с того самого допроса (не доходя пары шагов до тюремного "уазика", скинул обоих конвоиров в открытый канализационный люк и исчез со скоростью метеорита — только его и видели). В качестве взыскания майоров лишили премии по результатам года, что вполне компенсировало премию за всё остальное. Впрочем, после бегства Собакина у Взбучки с Хохряковым лишь стало одной неприятностью меньше. Если б Рэкс был поумнее, он мог доставить им массу неприятностей просто тем, что никуда не стал бы сматываться.

Рэкс же вернулся в Штаты, угнав первый попавшийся самолет. Заполучив вместо маски никому не нужный сувенир из Новой Зеландии, бывший Собакин чувствовал себя круглым идиотом, причем это чувство округлилось еще больше, когда добле-

стному шпиону пришлось держать ответ непосредственно перед Китом Онфитом. Онфит долго издевался над своим экс-сотрудником, позорно провалившим операцию. Рэкс попытался было встать в позу, но Онфит пригрозил ему лишением права на частную детективную практику со всеми вытекающими последствиями, а в заключение произнес фразу, примерный перевод которой звучит как: "Я тебя на электрическом стуле сгною!". Рэкс стиснул зубы и вернулся в свою контору. Его бизнес не особо процветает, но он таким положением дел вовсе не огорчается, считая, что мяться к лучшему — удел ничтожеств.

Джимми Брод тоже получил нагоняй от шефа за свою гениальную идею — Кит-на-ножках бил его компьютерной клавиатурой, а потом еще долго гонял по кабинету мощными пинками. Это был первый случай, когда Джимми удалось, наконец, рассмотреть Онфита во всех деталях. Говорят, Джимми остался не очень доволен увиденным, но почему — об этом он молчит.

Майоров Взбучку и Хохрякова до сих пор ужасно беспокоит то, что местопребывание смертоносной маски так и осталось неустановленным. Впрочем, с тех пор не произошло ничего такого, что позволило бы заподозрить в каких-либо преступлениях участие мрачного древнего славянина. А план-перехват с целью отловить Мразь и выбить из него показания полностью провалился: бомж как в воду канул. Или — как в водку.

Мразь, благодаря своим туалетно-сортирным приключениям, избежал законной ответственности (остальным культопоклонникам припаяли по двадцатке строгого режима). Освобожденный Взбучкой из-под шкафа, он в тот же день слинял на историческую родину — в Новосибирск. Теперь он бомжует там. И до сих пор никто не знает, как у него встали дыбом волосы, когда он, дождавшись ухода из подвала местных панков, просочился туда... и не нашел маску Пихто! Его прошиб холодный пот при мысли о том, что дед, возможно, подкрадывается к нему сзади, из темноты, скаля гнилые зубы. Пулей вылетел он из подвала и припустил куда глаза (вытарщенные) глядели. Лишь у метро до него дошло, что Некрофил теперь, пожалуй, выпустит ему все кишки. И всё, что ему пришло в голову — купить какую-нибудь похожую ерундовину в магазине сувениров. На что он и угрохал последние полтораста баксов (жизнь-то дороже!), поданные ему добрыми людьми на хлеб.

Маска же Деда Пихто теперь у Поторчуна — он притащил ее в тот день из подвала тайком от приятелей в мятом пакете с надписью "Мальборо" и повесил на почетное место между портретами Павлика Морозова и Л. И. Брежнева. Но Пихто из маски уже не вылезает. Он бы и вылез, но в комнате Поторчуна круглые сутки играет магнитофон, даже когда Поторчун отсутствует, — магнитофон у него с реверсом. Собственные сатанинские завывания деда, которые он издавал в ходе кровавых жертвоприношений, — райская музыка в сравнении с тем, что доносится из динамиков (надо сказать, что Поторчун слушает, в основном, "Секс Пистолз", "Бэд Релижн", "Дэмнд", "Сектор Газа" и "Красную Плесень"). Панк-рок до такой степени подавил волю и жизненную энергию славянского волхва, что у того наступило хроническое оцепенение. Еще немного, и Дед Пихто совсем усохнет и испарится, а его ужасная маска осыплется мерзкой, зловонной коричневой пылью прямо на кровать, и тогда родители вломят Поторчуну по первое число, так как отстирать постельное белье окажется невозможно.

Но Поторчун об этом ничего еще не знает, а если бы даже и знал — ему по барабану. ■

ПОДАРОК СВАДЬБОУ

На

Ольга ПЕСТРОВА

Эту историю можно начать так, как обычно начинают сказки: "жили-были"... Именно так и начнем.

Итак, жили-были два друга — Валерий и Виталий. Подружились на собеседовании при поступлении в медицинский институт, так и пошли рядом курс за курсом, год за годом. Один — брюнет, другой — шатен. Один — спортсмен и другой культурой тела не пренебрегал. Один — умница и другой далеко не глуп. Ну, а мелкие расхождения во вкусах практически не мешали. Тем более что о вкусах не спорят.

Оба друга в отличниках не ходили, но и "хвостов" не имели: учились так, чтобы наука не мешала им весело проводить студенческие годы. Которые, как известно, не повторяются. Вечеринки, походы, девушки, кино и театры, импровизированные вылазки за грибами или просто "на шашлыки", которые тогда — десять лет назад — были вполне по карману любому студенту. Впрочем, как и все остальные невинные радости жизни.

И вот в один прекрасный день однокурсница пригласила Валеру с Виталием ("дубль В", как их для простоты называли окружающие) на свой день рождения. Тонко намекнув при этом, что будут очень даже интересные девушки. Возможно, она имела в виду себя. Или свою ближайшую подругу. Но судьба распорядилась иначе. Самой интересной девушкой для "дубль В" оказалась тоже в общем-то случайная гостья — Наташа. Хорошенькая блондинка с темно-карими глазами и очень бойкая на язык. Весь вечер друзья по очереди танцевали с Наташей и только с Наташей, подносили ей бокалы с вином и зажигалки — прикурить. И оба почувствовали, что к ним, наконец-то, пришла НАСТОЯЩАЯ ЛЮБОВЬ. Та, которая с первого взгляда.

Ко всему прочему Наташа была дочерью милицейского генерала. Прошу запомнить эту мелкую деталь, поскольку именно она впоследствии оказала решающее влияние на весь ход событий. Нет, "дубль В" отнюдь не принадлежали к породе охотников за выгодными невестами: любовь пришла к ним раньше, чем информация о профессии отца любимой. К тому же оба были москвичами, нестерпимой нужды в жилплощади не испытывали, да и родители их тоже не бедствовали, а имели весь набор "обеспеченных людей": квартиры, дачи, "Жигули". Но про генерала милиции все-таки не забывайте, это важно.

Разумеется, любовь к одной и той же девушке не внесла в отношения друзей дополнительной гармонии. Наоборот, скорее создала некую, пока лишь микроскопическую, трещину, некое неуловимое взаимное охлаждение. Но, будучи людьми порядочными и благородными, Валерий и Виталий договорились по-хорошему: один ухаживает за Наташей по четным дням, другой — по нечетным. Право выбора всецело остается за самой дамой. Если же дама оказывалась занята другими делами, то

"дубль В" по-прежнему проводили досуг в компании друг друга. Но уже без девушек, разумеется.

Наташа же была в восторге, скрыть который даже и не пыталась. Два таких кавалера и она — у ее ног! Один дарит букет роз, другой — коробку шоколада. Один ведет на балет, другой — на просмотр (закрытый!) зарубежного нашумевшего фильма. Оба прекрасно танцуют, с обоими можно показаться в любом обществе, не рискуя вызвать осуждение окружающих за дурной вкус. Чудо! А поскольку саму Наташу процесс обучения не слишком обременял (числилась она студенткой Института культуры), то полтора года пролетели для нее как упоительный сон. Но ведь все хорошее когда-нибудь кончается.

К этому времени и друзья определились в будущей специальности. Валерий решил стать психиатром и подготовил себе возможность остаться при соответствующей кафедре аспирантом. Виталий выбрал хирургию, но какое-то время после института ему предстояло проработать патологоанатомом при одной из московских больниц. Твердо обозначив будущее на ниве работы, "дубль В" решили, что пора обустроить и личную жизнь. И в один прекрасный день поставили перед своей дамой вопрос, что называется, ребром: выбирай! Оба мы, дескать, парни смелые, оба хороши, тебя оба любимы без памяти. Слово за тобой. Кому, мол, знак подашь, тот и сватов зашлет. А неудачник торжественно обязуется зла не таить, с собой не кончать, а оставаться преданным и верным другом молодой семье.

Наташа попросила неделю на размышление. И выбрала Валерия. По-видимому, решила, что психиатр в повседневной жизни нужнее хирурга. Аппендициты и черепно-мозговые травмы, слава Богу, не каждый день случаются, нервишки же пошаливают куда чаще. Но, может быть, я возвожу на бедную девушку напраслину и на самом деле она любила Валерия больше, чем Виталия. Возможно. Сейчас уже трудно восстановить подлинные мотивы ее выбора.

Свадьбу готовили пышную, с размахом. Пригласенных было едва ли не полторы сотни, так что пришлось снимать банкетный зал в одном из самых престижных ресторанов Москвы. Регистривали брак во Дворце бракосочетаний имени товарища Грибоедова, кавалькада машин временно парализовала уличное движение в центре города, а свадебное платье Наташи было таким, что позеленели от зависти даже выдавшие виды сотрудницы Дворца бракосочетаний. Изумительная была бы свадьба, но...

Но с самого начала возникла одна досадная мелочь. Хотя, впрочем, вряд ли можно считать "мелочью" категорический отказ ближайшего друга жениха участвовать в свадебной церемонии. "Я все понимаю, — твердил Виталий в ответ на уговоры, — но это выше моих сил. Со временем привыкну, переживу, наверное, попытаюсь тоже устроить свою личную жизнь. Но на свадьбу не приду: я не настолько благороден". И не пришел.

Впрочем, чем веселее гуляли гости, тем меньше значения имело все остальное. Шампанское и прочие напитки лились рекой, закусок было полно, ресторанный оркестр играл одну популярную мелодию за другой, и крики "горько!" звучали все громче и чаще. А когда официант внес огромную коробку с тортом, пышно перевитую лентами и украшенную живыми цветами, восторг присутствующих был неописуем. Официант поднял руку, музыка умолкла: "Просим развязать лично невесту", — возгласил официант и водрузил коробку на стол перед новобрачными.

Наташа нетерпеливо рванула хитросплетение лент и откинула крышку. По залу пронесся ее дикий вопль, и невеста рухнула на пол в глубоком обмороке. Через пару секунд в том же состоянии находилось большинство приглашенных дам и девиц, а мужчины с трудом сдерживали разные, далеко не всегда эстетичные порывы.

В КОРОБКЕ ИЗ-ПОД ТОРТА ЛЕЖАЛА АБСОЛЮТНО МЕРТВАЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ГОЛОВА, ГЛЯДЕВШАЯ ПЕРЕД СОБОЙ НЕВИДЯЩИМИ ГЛАЗАМИ И ИСКРИВИВШАЯ ГУБЫ В ЖУТКОЙ УСМЕШКЕ...

Но довольно нагнетать страсти. Вспомните про папу-генерала. Московская милиция была мгновенно поставлена на уши, и в считанные часы виновник, а точнее, автор такого "свадебного сюрприза" уже находился в отделении. Им оказался, как вы уже, конечно, догадались, несчастный соперник и бывший закадычный друг жениха Виталий. Он сознался, что задумал всю операцию довольно давно, тщательно отшлифовал все детали. Добыть голову в патологоанатомическом театре проблем не составило. Коробку из-под торта, ленты и цветы — тем более. А врученная ничего не подозревавшему официанту крупная денежная купюра в сочетании с подробными инструкциями позволила с блеском довести до конца задуманное. Не учел Виталий только одного: папу-генерала. На чем и погорел, схлопотав три года колонии общего режима за хулиганство.

Скоро сказка сказывается, но ведь и жизнь не стоит на месте. Через три года тихий и очень повзрослевший Виталий пришел к своим бывшим друзьям с повинной. Чистосердечно признался, что на дикий поступок его толкнула не менее дикая ревность, что он осознал, перестроился и готов, если ему дадут возможность, безупречным поведением искупить. Что старая дружба не ржавеет, а колония надежно учит уму-разуму. Что в Наташе он видит только жену близкого друга и даже где-то младшую сестру, и уж пусть они его простят. Лишь бы они были счастливы, а уж он, чем сможет, поможет.

И Виталия простили. Наташа, по-видимому, не забыла, что он добивался ее руки ничуть не менее настойчиво, чем нынешний законный супруг. Да и какой женщине не лестно вызвать такие "африканские страсти"? Валерий тоже, по-видимому, тосковал по старому другу и готов был простить мальчишескую выходку "в состоянии аффекта".

В общем, все утряслось. Виталий устроился хирургом в одну из поликлиник, тихо накладывал больным гипс и вправлял вывихи. Часто заходил "на огонек" к Наташе и Валерию, который к тому времени уже почти защитил диссертацию и страстно увлекался гипнозом и всем, что с ним связано. А любое увлечение требует времени, так что все чаще и чаще Виталий проводил время с одной Наташей. Развлекал ее, приносил простенькие сувениры, выслушивал рассказы о радостях и горестях. И постепенно пришел к выводу, что любимая когда-то женщина по-прежнему любима им и не слишком счастлива в семейной жизни. По некоторым Наташиным репликам и обмолвкам, по горьким вздохам и странным взглядам можно было понять, что она где-то даже сожалеет о неправильном выборе. Что психиатр в доме — это вовсе не предмет первой необходимости, а скорее ненужная роскошь. И что в муже важна не столько гениальность, сколько надежность и домовитость.

В один прекрасный день Виталий рискнул объяснить в любви и снова предложить руку и сердце. И получил согласие, хотя папа-генерал особого восторга по этому поводу не выразил. Но и возражал умеренно.

Валерий же вообще не возражал, поняв все с полуслова. Естественно, ради счастья любимой жены он готов с ней даже развестись, тем более что одновременно очастливит этим ближайшего друга. Естественно, что он будет присутствовать на их свадьбе в том качестве, в каком они сами пожелают: хоть свидетелем, хоть гостем, хоть кем. О чем разговор, мы же не мальчишки, а солидные люди! Квартира Наташина ей и останется, мебель ему не нужна — в родительском доме свою ставить некуда, а детей не завели. Разведемся через загс, интеллигентно и культурно. Все всё понимают.

Развелись. Виталий с Наташей прямо в загсе, лишь перейдя к другому столу, написали заявление о вступлении в брак. Получили обязательный месяц отсрочки и отпраздновали — естественно, втроем! — отметить это событие в ресторане. Интеллигентные, культурные люди. Ах, если бы все так поступали!

За две недели до свадьбы Валерий пригласил жениха и невесту на свой "авторский вечер".

— Будет сеанс черной и белой магии с ее последующим разоблачением, — объяснил он по телефону. — А если серьезно, то посмотрите, чего я добился с гипнозом. Приводите с собой, кого хотите, — чем больше народу, тем лучше. Я тоже соберу, кого смогу.

В назначенный день и час зал Дома культуры был полон, причем половина присутствовавших знала друг друга. Валерий в черном фраке, строгий и прекрасный, творил чудеса: заставлял ассистенток ложиться на спинки двух отдельно стоящих стульев и костенеть, внушал им способности к живописи и хоровому пению, вводил добровольца из публики в состояние транса и заставлял его читать детским голосом любимые детсадовские стихи... Зал был в восторге. Но вот мэтр поднял руку и попросил тишины.

Тишина настала. Тишина становилась все ощутимее, а мэтр, не отрываясь, смотрел на сидевшую в первом ряду с женихом Наташу. Минута, другая... И вот молодая женщина встала, размеренным шагом вышла на сцену и начала естественно, непринужденно, а главное, очень быстро раздеваться.

ЧЕРЕЗ НЕСКОЛЬКО СЕКУНД НА ЯРКО ОСВЕЩЕННЫХ ПОДМОСТКАХ СТОЯЛА АБСОЛЮТНО ОБНАЖЕННАЯ ЖЕНЩИНА, ФИГУРА КОТОРОЙ, УВЫ, БЫЛА НЕ ВПОЛНЕ ИДЕАЛЬНОЙ.

Но довольно нагнетать страсти. Папа-генерал был в зале. Гипнотизера-психиатра прямо в черном фраке и под белы руки отправили в КПЗ и рекордно быстро впяляли те же три года, что и его сопернику в свое время. А заодно лишили права заниматься медицинской практикой. Речь ведь шла не об обычном хулиганстве, а об оскорблении чести и достоинства женщины. Генеральской дочери, хотя это и не столь важно.

Если вы думаете, что свадьба Наташи с Виталием состоялась, то вы глубоко заблуждаетесь. Состоялась совсем другая свадьба и чуть позже, чем запланированная. Наташа, по-видимому, настолько устала от непредсказуемых и эксцентричных медиков, что решила выбрать в спутники жизни кого-нибудь попроще. И вскоре вышла замуж за... следователя, который то ли по иронии судьбы, то ли по чьему-то приказу вел оба дела — и хирурга, и психиатра. Наверное, у них с Наташей наметилась взаимная симпатия, плавно перетекшая в более глубокое чувство. И они скрепили это чувство свидетельством о браке, а через год — рождением сына. К великой радости папы, то есть, простите, уже дедушки-генерала. А то, что муж любимой дочери одновременно с рождением сына получил чин подполковника, конечно же, не более чем совпадение.

Валерий недавно освобожден по амнистии ко Дню Победы из мест заключения и работает невропатологом в той же районной поликлинике, что и Виталий. "Дубль В" снова практически неразлучны, проводят вместе выходные дни и отпуска и даже иногда не чураются женского общества. Но при слове "брак" оба нервно вздрагивают, а вид милицейской формы — пусть даже и простого сержанта — ввергает их в панику. Из-за чего они уже много раз вызывали подозрение у бдительных стражей порядка. Но потом их, конечно, отпускали с Богом.

Да! И шутить "дубль В" почему-то перестали. Вообще.

А Наташа сейчас абсолютно счастлива.

* * *

Опять раскрылись мраком небеса,
И души спящих виснут над домами.
Вновь пролетает демон над холмами
И, смоляными шелестя крылами,
Блаженных ищет, чуть прикрыв глаза.

В окно глядит сквозь кружево гардин.
Я снова взор его тяжелый чую:
Он задувал мне свечку золотую,
Дышал пожаром в душу молодую,
Но я ведь знала — чей он дух и сын...

Духовной битвы вещью беду
Не дай вам Боже! Пряди рассыпая,
Не раз бродила по избе босая,
Так душу беспощадно истязая,
Что демон птицей падал в лебеду.

Вот и теперь я вижу эту тень...
Что ищет он среди черноволосых?
И стонут за березником откосы...
А он к ногам босым бросает розы,
Но — по шипам! — уйду в кровавый день.

И там вздохну, увидев пред собой
Перо от птицы в лебеде глухой.

* * *

Есть места на Руси — хвойный шелк,
Где от страха лешие мрут.
Где надломишь березу чуток —
Вмиг фиалки в круг синий замкнут
И не выпустят, тут и задушат!
Или зелья так лунно закружат —
Путь не вспомнишь обратный, суровый...
И охрипнут от хохота совы...

Кто здесь жил под могучей сосной?
Этот скит земляной, вековой,
Ждал меня триста лет бесконечных!
Ждал, и снился в Страстную, конечно...
Как на зов — я пришла, наконец!
В паутину цветы уроня,
Там зажгла три заветных огня
И надела старинный венец,
Что был скован как раз на меня...
И надела я крест роковой!
И ушла, помолясь на рассвет.

А отшельницы тень под сосной
До сих пор смотрит синью вослед.

* * *

Пьет заката зарево
Синица.
Над болотом марево
Дымится.
Чертопалочник — рогоз! — мерцает.
В березняк могучий лось вливает.
Глажу нежную лису —
Сёстры.
По черничникам бегу
В просинь.
Хвоя в длинных волосах — с елок.
И росы летящий прах — долог.
Понимаю мысль в зрачке —
Лисьем,
И стихи на языке —
Птичьем,
Белок цоканье во тьму, дерзких!
Дел людских лишь не пойму —
Зверских.

* * *

Морось плыла, как болотистый прах.
Мокрый жабенок сидел в лопухах —
Взяла я в ладонь
Болотный огонь.
Знать, ты сиротлив, одинок, позабыт?
На перстень мой смотришь, а сам — малахит.
Но — трепетен, жив,
А значит — красив.
Мы в мире подлунном, где всем все равно,
Задумались вместе о том, что дано.
И поняли враз —
Не смог мир без нас
Прожить этот час.

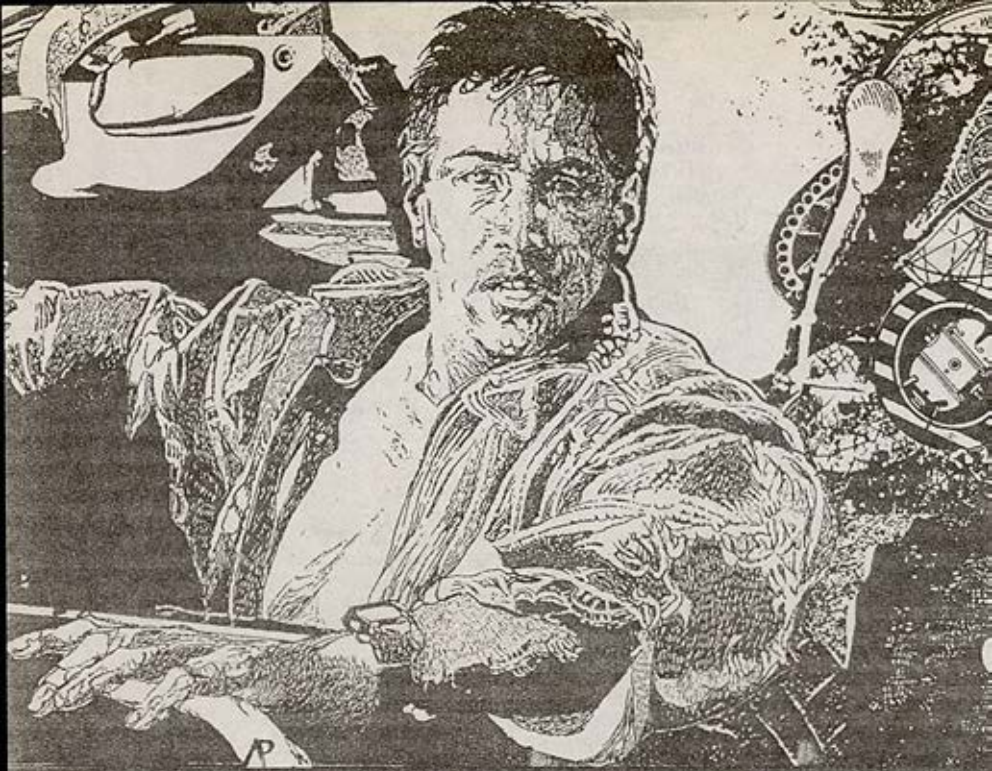
* * *

Солнцем коронованы дубравы.
Стая белокурых облаков:
Разыгрались ангелы! В купавы
Свет бросается, во мглу цветов...

Маюсь, очарованная небом.
Надо скорби на земле принять:
Здесь фиалки хороши — как небыль!
Каждый вздох полыни — благодать.

Крепдешин и ветер — бег изгибов...
Что еще в наземный этот путь,
Чтоб пройти по всем краям обрывов?

Лишь купаву — золотом на грудь.

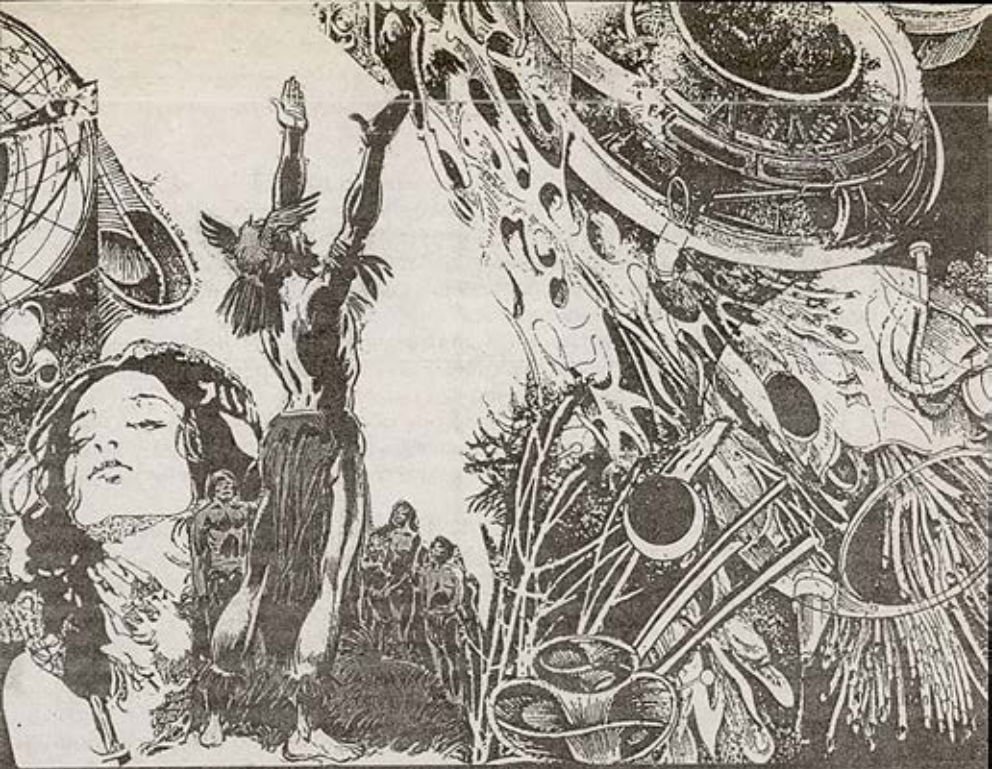
Роберт ШЕКЛИ

самое

■ Хадзуэлл разглядывал проносящуюся под ним планету. Дрожь восторга пробежала по телу. Он видел прекрасный мир зеленых равнин, красных гор и беспокойных серо-синих океанов. Приборы звездолета проанализировали собранную информацию и вынесли заключение: идеальные условия для обитания человека. Хадзуэлл ввел в компьютер программу посадки и раскрыл блокнот.

Из-под его пера вышло уже несколько книг: "Белые тени пояса астероидов", "Сага глубокого космоса", "Приключения межпланетного бродяги" и "Терира — планета-загадка".

Хадзуэлл записал: "Новая планета дыбилась подо мной, влекущая и таинственная, будоражащая воображение! Что найду там я, пришелец со звезд? Что прячется под зеленым покровом? Опасность? Любовь? Исполнение желаний? Ждет ли покой истомленного путника?"

дорогое

Высокий, стройный, рыжеволосый, Ричард Хадзуэлл унаследовал от отца приличное состояние и купил космическую шхуну класса СС. На этой почтенного возраста посудине он шесть лет путешествовал по просторам Вселенной и писал восторженные книги об увиденных им мирах. Но, честно говоря, восторг был притворным, так как далекие планеты не приносили ничего, кроме разочарования. Их обитателей Хадзуэлл находил исключительно глупыми и уродливыми. Желудок не принимал местной пищи, глаза — манер туземцев. Тем не менее, Хадзуэлл сочинял романтические истории и надеялся, что когда-нибудь одна из них выпадет и на его долю.

И вот новая планета — не изъеденная язвами городов, прекрасная. Для посадки он выбрал местечко неподалеку от маленькой деревеньки с крытыми тростниковом хижинами.

иллюстрация Льва Рыбкина

— Может, здесь я найду любовь, — вздохнул Хадзуэлл, когда шхуна пошла на снижение.

Ранним утром Катага и его дочь Меле, оставив позади свитый из лиан мост, направились к Известняковой горе, чтобы набрать лепестки фрэга. На всю Игати слыл аромат растущего там фрэга. Да иного и не могло быть, ибо на Известняковой горе жил Тангукари, бог улыбки.

Днем к ним присоединился Брог, юноша с вечно надутым лицом, которого никогда никому не ставили в пример.

Меле чувствовала, что этим днем должно произойти какое-то очень важное событие. Гибкая, как тростинка, она словно зачарованная переходила от цветка к цветку, и ветер играл ее длинными черными волосами.

Знакомые предметы приобрели необычную четкость и значимость. Она смотрела на деревню, хижины которой рассыпались по противоположному берегу реки, на возвышающуюся над ней Островерхую гору, где совершались брачные церемонии, на синеющее вдали море.

Даже старый жрец признавал, что на Игати нет девушки красивей Меле. Она ждала, что жизнь увлечет ее в бурный водоворот. Но один монотонный день сменялся другим, и оставалось лишь собирать лепестки фрэга под жаркими лучами двух солнц. Она-то заслужила совсем другой судьбы.

Катага что-то напевал. Он представлял себе, как собранные лепестки будут бродить в большом чане. Лэг, жрец, пробормочет над бражкой какие-то нужные слова, выльет полную чашу перед образом Тангукари. А по завершении ритуала вся деревня, включая собак, вволю напьется чудесного напитка.

От таких мыслей работа спорилась. Кроме того, Катага обдумывал сложный и опасный план, реализация которого могла упрочить его репутацию в деревне.

Брог выпрямился, промокнул лицо концом набедренной повязки, взглянул на небо в ожидании дождя.

— Эй! — внезапно воскликнул он.

Катага и Меле подняли головы.

— Там! — указал Брог. — Смотрите туда!

Серебряная искорка в ореоле красного и зеленого пламени спускалась с небес, увеличиваясь с каждой секундой и превращаясь в блестящую сферу.

— Пророчество! — истоиво прошептал Катага. — Наконец-то... через столько веков ожидания.

— Давайте сообщим в деревню! — предложила Меле.

— Раз я увидел первым, — воскликнул Брог, — следовательно, оказал деревне важную услугу. Не кажется ли вам, что я имею право на...

Собственно, Брог просил о том, к чему стремился, о чем молился, ради чего интеллигентный человек, вроде Катаги, строил искусные планы. Но назвать желанное вслух считалось неприличным. Впрочем, Меле и Катага и так все поняли.

— Как по-твоему? — спросил Катага.

— Полагаю, он что-то заслужил, — ответила Меле.

Брог потер руки.

— А может, ты, Меле? Сама?

— Однако решать должен жрец, — заметил Катага.

— Пожалуйста, — взмолился Брог. — Лэг заявит, что я не готов! Пожалуйста, Катага! Сделай все сам!

Катага искося взглянул на каменное лицо дочери и вздохнул.

— Извини, Брог. Если б мы были одни... Но Меле не терпит никаких отклонений от общепринятого. Пусть решает жрец.

Брог кивнул, признавая поражение. А блестящая сфера опускалась все ниже к плоской равнине вблизи деревни. Трое игатийцев подхватили мешки с лепестками фрэга и заспешили домой. Они подошли к мосту из лиан, висящему над бурной рекой. Катага послал Брога первым, затем — Меле, а сам последовал за ними, достав из набедренной повязки маленький ножик.

Как он и рассчитывал, Меле и Брог ни разу не оглянулись. Они думали лишь о том, как бы сохранить равновесие на легком качающемся мосту. На середине моста Катага провел пальцами по главной несущей лиане, нащупал поврежденные волокна, обнаруженные им несколько дней назад, и надпил их ножом. Волокна разошлись. Еще один-два надреза, и мост рухнет под тяжестью человека. Довольный собой, Катага спрятал нож в набедренную повязку и поспешил за Брогом и Меле.

Известие о прибытии гостя переполошило деревню. Мужчины и женщины не могли говорить ни о чем другом, как об этом важном событии, и вскоре перед святилищем Инструмента начались пляски, прекратившиеся, правда, как только из храма Тангукари вышел старый жрец.

За долгие годы Лэг, высокий, высохший старик, внешне стал похож на своего улыбающегося благодушного бога. На его облысевшей голове топорщилась перышками корона жреческой касты, он тяжело опирался на священную черную булаву.

— Дети мои, — начал Лэг, — сбылось древнее пророчество Игати. Великая сверкающая сфера упала с небес, как и предрекали старые легенды. Из сферы выйдет существо, похожее на нас, и посланное к нам Тангукари.

Люди кивали, жадно ловя каждое слово.

— Посланец будет творить добро. Он, как никто другой, облегчит нашу жизнь. А закончив работу и объявив, что должен отдохнуть, он будет ждать награды, — голос Лэга упал до шепота. — Награда эта — предел мечтаний и молитв каждого игатийца. Тангукари жалует ее только тем, кто хорошо служит ему и всей деревне. — Жрец повернулся к Брогу. — Ты, Брог, стал первым, кто увидел посланца. Ты хорошо послужил деревне. — Он поднял руки. — Друзья! Считаете ли вы, что Брог должен получить награду, которую ждет?

Большинство утвердительно закивали, но тут вперед выступил Вэсси, богатый купец.

— Это несправедливо. Мы трудимся ради этого мига всю жизнь и приносим в храм богатые подарки. Брог не сделал ничего такого, чтобы получить даже самую обычную награду. Кроме прочего, нужно помнить: он низкого происхождения.

— Твои рассуждения не лишены здравого смысла, — признал жрец, и Брог застонал от разочарования. — Но Тангукари щедр не только к высокородным. Каждый, кто верно служит ему, может рассчитывать на его благоволение. Если Брог не будет вознагражден, не потеряют ли остальные надежду?

Толпа одобрительно загудела, а из глаз Брога брызнули слезы благодарности.

— На колени, Брог! — Лицо жреца лучилось добротой и любовью.

Брог преклонил колени. Все затаили дыхание. Лэг поднял тяжелую булаву и со всей силой ударил Брога по голове. Тот упал на землю, дернулся и затих. На его губах застыла блаженная улыбка.

— Какая прелесть, — завистливо пробормотал Катага.

Меле сжала его руку.

— Не волнуйся, отец. Придет день, и ты получишь свою награду.

— Надеюсь, — вздохнул Катага, — но как знать наверняка? Вспомни Ри. Милейший человек, а какой набожный! Бедняга всю жизнь работал и молился о мучительной смерти. А что произошло? Он умер во сне, в собственной постели! Разве это смерть для мужчины?

— Бывают же исключения.

— Я могу привести еще с полдюжины подобных примеров.

— Не стоит волноваться об этом, отец. Я уверена, ты умрешь прекрасно. Как Брэг.

— Да, да... но, если подумать, смерть Брота весьма тривиальна. — Глаза Катаги сверкнули. — Я хочу что-то действительно запоминающееся, болезненное, долгое и чудесное, вроде награды, ожидающей посланца.

Меле отвернулась.

— Тебя обуревают гордыня, отец.

— Ты права, права, — вздохнул Катага. — Но, когда-нибудь... — Он улыбнулся. Его день еще придет! Умный и решительный мужчина не пустит на самотек такое важное дело и сам подготовит себе мучительную смерть, вместо того чтобы ждать, пока недоумок-жрец сочтет, что пришла его пора. Называйте это ересью или как-то еще, но внутренний голос твердил Катаге, что мужчина имеет право умирать так, как ему хочется, если, разумеется, сумеет реализовать намеренное.

Мысль о надрезанной лиане согревала сердце. Как хорошо, что он так и не научился плавать.

— Пойдем встречать посланца. — Меле дернула отца за руку.

И вслед за остальными они направились к луку, на который опустилась блестящая сфера.

Ричард Хадзуэлл откинулся в кресле пилота и вытер со лба пот. Последние туземцы только что покинули его корабль, и он слышал, как они пели и смеялись, возвращаясь в деревню в вечерних сумерках. В рубке пахло цветами, медом и вином, а серые металлические стены, казалось, еще вибрировали от рокота барабанов.

Хадзуэлл улыбнулся, достал блокнот, выбрал ручку и начал писать.

"Игати — хранилище красоты, планета гордых вершин и бурлящих горных потоков, нескончаемых пляжей черного песка, зеленеющих джунглей и цветущих лугов. — Неплохо, отметил про себя Хадзуэлл, и продолжил: — Живут здесь мирные гуманоиды со светло-коричневой кожей, грациозные и красивые. Они встретили меня цветами и танцами, многообразными проявлениями радости и любви. Гипнопрепараты позволили быстро освоить их язык, и скоро мне стало казаться, что я родился и вырос в этой деревне. Добродушные и смешливые, нежные и вежливые, они живут в полном согласии с природой. Какой урок преподнесен Цивилизованному человеку!

Туземцы и их улыбающийся бог Тангукари вызывают только добрые чувства. Остается надеяться, что Цивилизованный человек с его стремлением к уничтожению и неистовым образом жизни не доберется сюда, чтобы сбить их с тропы счастливой умеренности. — Хадзуэлл взял другую ручку, с более тонким пером. — Тут есть девушка, ее зовут Меле, которая... — он зачеркнул строку. — Черноволосая девушка по имени Меле, несравненно прекрасная, подошла и заглянула мне прямо в душу... — Хадзуэлл зачеркнул и это. Нахмурившись, набросал еще несколько

вариантов. — Ее ясные, карие глаза обещали неземные наслаждения... Ее маленькие алые губки чуть дрогнули, когда я... Хотя ее маленькая рука лишь на мгновение коснулась... — Он вырвал страницу. Пять месяцев вынужденного одиночества не проходил бесследно, сказал он себе. Лучше вернуться к главному, а Меле оставить на потом. — Есть много способов помочь этим людям. Но очень велико искушение не делать абсолютно ничего, чтобы ни в коей мере не нарушить естественный ход их развития. Однако мне представляется, что их культура достаточно сильна, чтобы вобрать в себя только лучшее, отбросив все наносное. Моя помощь пойдет лишь на пользу. И я всем сердцем хочу им помочь”.

На следующий день Хадуэлл начал творить добро. Он заметил, что многие игатийцы страдают болезнями, переносчиками которых являлись кровососущие насекомые. Подбирая соответствующие антибиотики, вылечил всех, за исключением самых запущенных случаев.

При врачебных обходах его всегда сопровождала Меле. Прекрасная игатийка быстро приобрела навык ухода за больными, и вскоре Хадуэлл уже не мог обходиться без нее.

Наконец в деревне не осталось тяжелых больных, и Хадуэлл проводил все больше времени в залитой солнечными лучами роще. Там он отдыхал и работал над книгой.

Заметив изменение распорядка дня Хадуэлла, жрец тут же собрал жителей деревни, чтобы обсудить дальнейшие действия.

— Друзья, — обратился к собравшимся Лэг, — наш благодетель, Хадуэлл, оказал деревне неоценимые услуги. Но он устал и отдыхает, нежась в солнечных лучах, то есть ждет награду, за которой прилетел к нам.

— Посланец заслужил награду, — согласно кивнул Вэсси, купец. — Полагаю, что жрец должен взять булаву, пойти в рощу и...

— С чего такая скарედность? — удивился Джул, готовящийся стать жрецом.

— Ты прав, — с неохотой признал Вэсси. — Я предлагаю вогнать ему под ногти ядовитые шипы легенбюри.

— Может, шипы и достаточны для купца, — возразил Тгара, камнетес, — но не для Хадуэлла. Он застуживает смерти вождя! Я предлагаю привязать его к дереву и разжечь под пятками небольшой костерок, чтобы...

— Подождите, — оборвал его Лэг. — Хадуэлл достоин смерти мученика. Отнесем его к ближайшему гигантскому муравейнику и погрузим туда по шею.

Слова жреца встретили с восторгом.

— А пока он будет кричать, пусть бьют ритуальные барабаны, — предложил Тгара.

— Мы же потанцуем в его честь, — вставил Вэсси.

— И выпьем за него, — заключил Катага.

Уточнив последние мелочи, они назначили время празднества. Деревня трепетала в религиозном экстазе. Хижинки украсились цветами. Лишь святилище Инструмента темнело голыми стенами. Женщины смеялись и пели, готовясь к пиру смерти.

Только Меле, непонятно по какой причине, было не по себе. Низко склонив голову, она пересекла деревню и направилась к роще, где отдыхал Хадуэлл.

Раздевшись по пояс, тот загорал под двумя солнцами.

— Привет, Меле, — помахал рукой Хадуэлл. — Я слышу барабаны. Что-то готовится?

— У нас будет праздник. — Меле села рядом.

— Отлично. Можно мне поучаствовать?

Меле, не своя с него глаз, медленно кивнула. Ее сердце таяло при виде истинного мужаства. Посланец сразу соблюдал древний кодекс, согласно которому мужчина должен притворяться, будто праздник его смерти не имеет к нему никакого отношения. В ее деревне никому не удавалось казаться столь безучастным. Но, разумеется, посланец Тангукари лучше других знает, как нужно вести себя в столь ответственный момент.

— Скоро начнется праздник? — спросил Хадуэлл.

— Через час, — ответила Меле. Еще недавно ей было легко и свободно рядом с Хадуэллом, а теперь словно что-то сдавило сердце. Объяснения своим чувствам она не находила, лишь застенчиво взглянула на яркую одежду посланца и его рыжие волосы.

— Интересно... должно быть, чертовски интересно. — Хадуэлл умолк, завороженный красотой девушки, идеальной линией ее шеи и плеч, черными волосами, исходившим от них ароматом. Он нервно сорвал травинку. — Меле... Я...

Слов не хватило, но внезапно Меле оказалась в его объятиях.

— О, Меле!

— Хадуэлл! — всхлинула она, прижимаясь к его груди. Затем резко отстранилась, глаза ее светились тревогой.

— В чем дело, дорогая? — спросил тот.

— Хадуэлл мог бы сделать что-нибудь еще для деревни? Что угодно! Мы оценили бы твою доброту.

— Конечно, мог бы. Но я подумал, что пришло время отдохнуть, а потом, не спеша...

— Нет! Пожалуйста! — взмолилась Меле. — Эти ирригационные каналы, о которых ты говорил. Ты можешь приступить к ним немедленно?

— Если хочешь, я готов. Но...

— О, дорогой! — Хадуэлл протянул к ней руки, но Меле отступила на шаг. — Нет времени! Я должна вернуться и оповестить деревню.

И она убежала, а Хадуэлл остался в роще, размышляя о странных манерах туземцев, в особенности, женщин.

Меле примчалась в деревню и нашла жреца в храме. Лэг молился. Меле рассказала ему о новых планах посланца Тангукари.

Старый жрец медленно кивнул.

— Тогда церемонию следует отложить. Но скажи, дочь моя, чем вызвана твоя заинтересованность?

Меле покраснела и промолчала. Жрец улыбнулся, но затем лицо его посуровело.

— Я понимаю. Послушай меня, девочка. Не позволяй любви отвлечь тебя от истинного служения Тангукари, не отходи от древних обычаев нашей деревни.

— У меня и в мыслях такого не было! — возмутилась Меле. — Я просто чувствовала, что смерть мученика — недостаточная награда Хадуэллу. Он заслуживает большего. Он заслуживает Абсолюта.

— За последние шестьсот лет никто не удостоивался Абсолюта, — возразил Лэг. — С той поры, как герой и полубог В'ктат спас игатийцев от ужасных гуилвийских чудовищ.

— Но Хадуэлл тоже герой! — настаивала Меле. — Дай ему время, он проявит себя! Покажет, на что способен.

— Может, и так, — промурлыкал жрец. — Это большая честь для деревни... Но учи, Меле, на это у Хадзулла может уйти вся жизнь.

— Разве ожидание не окупится сторицей? — стояла на своем Меле.

Старый жрец глубоко задумался.

— Может, ты и права, наверное, права. — Вдруг он резко поднял голову и изумленно взглянул на девушку. — Но скажи мне правду, Меле. Ты действительно хочешь сохранить его для абсолютной смерти? Или оставить для себя?

— Он должен получить смерть, которую заслуживает. — Меле отвела глаза.

Тут в храм вбежал Вэсси, купец.

— Пойдемте скорее! — воскликнул он. — Несчастье с Иглаи, землепашцем. Он обошел табу!

Толстый веселый землепашец умер ужасной смертью. Он шел обычным путем от своей хижины к центру деревни мимо старого колючего дерева. Внезапно дерево рухнуло на него. Сотни шипов вонзились в его тело. Очевидцы свидетельствовали, что Иглаи больше часа стонал и метался, прежде чем отошел в мир иной. Но умер он со счастливой улыбкой на лице. Жрец оглядел толпу, собравшуюся вокруг тела Иглаи, потом подошел к колючему дереву и внимательно осмотрел его. Вдруг он заметил следы надпилов, замаскированные высушенной глиной, и повернулся к толпе.

— Часто ли Иглаи подходил к этому дереву?

— Конечно, — ответил другой землепашец. — Он всегда обедал под ним.

Люди улыбались уже не таясь, гордые подвигом Иглаи. Все заговорили разом.

— А я-то думал, почему он тут ест.

— Он еще говорил, что любит есть в одиночестве. Ха!

— Должно быть, он все время пилил дерево.

— Многие месяцы. Древесина-то крепкая.

— Молодец, Иглаи, ничего не скажешь.

— Подумать только! Он всего лишь землепашец и не так уж истово поклонялся богу. А устроил себе такую прекрасную смерть.

— Слушайте, добрые люди! — вскричал Лэг. — Иглаи совершил святотатство. Только жрец может разрешить насильственную смерть.

— Не пойман — не вор, — донеслось из толпы.

— Пусть это и святотатство, — добавил кто-то еще, — но такой смерти, как у Иглаи, можно только позавидовать. С этим-то не поспоришь.

Жрец печально склонил голову. На этот раз он проиграл. Если бы он поймал Иглаи за руку, то назначил бы тому суровое наказание. Иглаи никогда не решился бы еще на одну попытку самоубийства и, скорее всего, умер бы в собственной постели от старости. Но он опоздал. Землепашец добился своего, и крылья смерти уже принесли его к Рукечанги. Просить бога наказать Иглаи после смерти бесполезно, ибо тот сам разберется с землепашцем, представшим сейчас перед его очами.

— Видел ли кто из вас, как Иглаи пилил дерево? — спросил Лэг.

Никто не сознался. Да Лэг другого и не ожидал. "Тут все заодно, — думал жрец. — С детства он наставляет их на путь истинный, а они все равно пытаются перехитрить жрецов, не понимая, что неразрешенная смерть не принесет такой удовлетворенности, как смерть, ради которой трудились, которую заслужил, которая вершится с соблюдением всех обычаев!"

Неделю спустя Хадзулл записал в дневнике: "Нет ни одного народа, похожего на игатийцев. Я жил среди них, ел и пил с ними, изучал их образ жизни. И то, что открылось мне, поражает воображение.

Дело в том, что у игатийцев нет такого понятия, как война. Вдумайся в это, Цивилизованный человек! За всю их историю не было ни одной войны. Они и представить не могут, что это такое. Поясню вышесказанное на примере.

Я пытался объяснить, что такое война, Катаге, отцу моей несравненной Меле. Тот почесал затылок и спросил: "Ты говоришь, многие убивают многих? Это и есть война?"

— Ее часть, — ответил я. — Тысячи, гибнут тысячи.

— Значит, многие умирают в одно и то же время и одинаковым образом?

— Совершенно верно, — кивнул я.

Катага долго думал, затем взглянул на меня.

— Плохо, когда много людей умирает одновременно и одинаково. Не приносит удовлетворения. Каждый должен умирать по-своему.

Только представь, Цивилизованный человек, невероятную наивность последней фразы, И в то же время, не истина ли лежит в основе этой наивности, истина, которую еще предстоит нам осознать?

Более того, туземцы никогда не ссорятся, не дерутся между собой, не знают преступлений, убийств.

И вот к какому выводу я пришел: насильственная смерть не знакома этому народу, за исключением, естественно, несчастных случаев.

Ужасно, конечно, что несчастные случаи не так уж редки, и почти всегда исход их фатален. Но последнее я отношу к суровости природы и какой-то детской беззаботности туземцев. Надо отметить, что случаи эти не остаются незамеченными. Жрец, с которым у меня установились теплые дружеские отношения, очень озабочен их частотой и постоянно призывает жителей деревни к осторожности. Очень хороший человек.

А теперь перехожу к главному.

Меле согласилась стать моей женой! Церемония бракосочетания состоится сегодня. Уже готовится праздничное пиршество. Я считаю себя самым счастливым из смертных, ибо Меле прекрасна, прекрасна и удивительна.

У нее развитое общественное сознание. Возможно, чересчур развитое. Она постоянно убеждает меня сделать еще что-нибудь для деревни. И я потрудились на славу. Закончил ирригационную систему, ввел в севооборот несколько быстрозревающих злаков, научил игатийцев основам металлообработки и многому другому. Она, однако, хочет большего.

Но тут я поставил точку. Я имею право на отдых. Сначала долгий, томный медовый месяц, а потом буду заканчивать книгу. И загорать.

Только Меле не хочет меня понять. Она твердит, что я должен работать и работать. И упоминает о каком-то ритуале, связанном с Абсолютом (если я перевел правильно).

Но с меня хватит. Я отказался делать что-то еще... во всяком случае, в ближайшие год-два.

Абсолют состоится сразу же после нашей свадьбы. Полагаю, речь идет о почестях, которые хотят воздать мне жители деревни. Я выразил согласие их принять. Будет интересно".

Все население деревни во главе со жрецом проследовало к Островерхой горе, где, как указывалось ранее, вершились брачные церемонии. Мужчины, украшенные перьями экзотических птиц, женщины в ожерельях из ракушек и блестящих камней. В центре процессии четверо здоровяков несли какой-то странный агрегат. Хадзулл лишь мельком взглянул на него, он знал, что этот агрегат с поче-

нием вытащили из хижины, крытой черным тростником, по всей вероятности, святилища.

Они гуськом прошли по мосту из лиан. Катага, замыкавший колонну, улыбаясь по себе, еще раз полоснул ножом по уже подрезанной лиане.

Островерхая гора, узкий черный пик, возвышалась над морем. Хадуэлл и Меле стояли над самым обрывом, лицом к жрецу. Шум стих, едва Лэг поднял руки.

— О, великий Тангукари! — воскликнул жрец. — Благослови этого мужчину, твоего посланца, который пришел к нам с небес в сверкающей сфере и сделал для Игати больше, чем кто бы то ни был. И благослови твою дочь, Меле. Научи ее любить память своего мужа... и укрепи в вере предков. — Произносятся эти слова, жрец пристально смотрел на Меле. А та, с высоко поднятой головой, и не думала отводить взгляд. — А теперь я объявляю вас мужем и женой!

Хадуэлл заключил Меле в объятия и поцеловал. Радостные крики огласили морской берег. Катага застенчиво улыбался.

— Хочу порадовать тебя, Хадуэлл, — продолжил жрец.

— Да? — Хадуэлл с неохотой оторвался от жены.

— Мы тут посовещались и решили, что ты достоин... Абсолюта!

— Я очень тронут!

Жрец махнул рукой. Четверо мужчин подтащили странный агрегат, который он видел лишь издали. Теперь Хадуэлл разглядел, что это платформа размером с большую кровать, вырубленная из черного дерева. Колючки, крюки, заостренные раковины, грозные шипы, выемки, похожие на чаши, еще не заполненные жидкостью. Еще какие-то приспособления, назначение которых оставалось для Хадуэлла загадкой...

— Впервые за шестьсот лет Инструмент покинул святилище, в котором хранился, — возвестил жрец. — С тех пор как В'ктат, герой-полубог, спас игатийцев от уничтожения. Но его вынесли ради тебя, Хадуэлл.

— О, я не достоин, — потупился тот.

Скромность Хадуэлла произвела самое благоприятное впечатление.

— Поверь мне, — с жаром возразил Лэг, — ты достоин. Согласен ли ты на Абсолют?

Хадуэлл взглянул на Меле, но не смог ничего прочесть в ее прекрасном лице. Он повернулся к жрецу — бесстрастная маска. Тогда Хадуэлл скопился на Инструмент — малоприятное зрелище. В его душу закралось сомнение. Может, он ошибся в суждениях об этом народе? Инструмент, похоже, предназначается для пыток. Эти колючки и крюки... Да и все остальное... Хадуэлл представил себе, как их можно использовать, и по его телу пробежала дрожь. Перед ним — замершая толпа, за спиной — обрыв в тысячу футов. Он вновь взглянул на Меле. И прочел на ее лице лишь любовь и обожание.

"Так чего волноваться, — подумал Хадуэлл. — Они никогда не причинят ему вреда, особенно после того, что он для них сделал. Несомненно, Инструмент используется лишь символически". И ответил вслух:

— Я согласен.

Последовал взрыв восторга, игатийцы окружили Хадуэлла, они улыбались и пожимали ему руки.

— Церемонию проведем немедленно, — решил Лэг. — В деревне, перед статуей Тангукари.

Тут же все тронулись в обратный путь во главе со жрецом. Хадуэлл и Меле переместились в середину процессии. После бракосочетания Меле не произнесла ни слова.

В молчании перешли они качающийся мост. Игатицы сгрудились вокруг Хадуэлла. Если б не их врожденная доброжелательность, он мог бы заподозрить жителей деревни в дурных намерениях.

А жрец спешил к алтарю Тангукари.

Внезапно раздался громкий крик. Все повернулись и бросились к реке. Добежав до берега, Хадуэлл увидел, что произошло. Катага, отец Меле, вновь замыкал шествие. Когда он добрался до середины моста, неожиданно лопнула главная несущая лиана. Катаге удалось схватиться за боковую лиану, и он завис над рекой. Но ненадолго. У всех на глазах его пальцы разжались, и Катага исчез под водой.

Хадуэлл оцепенел. Как в замедленном кино прокручивалось перед ним падение Катаги, торжествующая улыбка на его лице, ревущая река, торчащие из воды скалы ниже по течению. Страшная неминуемая смерть ждала Катагу.

— Он умеет плавать? — спросил Хадуэлл Меле.

— Нет, — ответила девушка. — Он не захотел учиться... Папа! Как ты мог!

Бурный поток пугал Хадуэлла куда больше, чем бездонная пустота космоса. Но погибал отец его жены, и времени на раздумья не оставалось.

Хадуэлл бросился в ледяную воду.

Катага уже терял сознание, когда Хадуэлл схватил его за волосы и потащил к ближайшему берегу. Но река не хотела расставаться с добычей. Водовороты кружили их и тянули ко дну. Чудом удалось Хадуэллу избежать первой скальной гряды. Но впереди громоздились вторая и третья.

Жители деревни, что-то крича, бежали по берегу.

Силы убывали, но Хадуэлл не оставлял попыток выбраться из воды. Катага постепенно пришел в себя и начал вырываться.

— Не сдавайся, старик, — подбадривал его Хадуэлл.

До берега оставался какой-нибудь десяток футов, но поток вновь поволок их к середине.

Нечеловеческим усилием Хадуэллу удалось схватиться за склонившуюся над водой ветвь. Он не разжал пальцы, пока жители деревни, следуя указаниям жреца, не вытащили обоих на берег.

Их отнесли к храму Тангукари. Отдышавшись, Хадуэлл подмигнул Катаге.

— Едва уползли, старик!

— Подонок! — плюнул в Хадуэлла Катага и захромал прочь.

Хадуэлл изумленно смотрел ему вслед.

— Должно быть, старик повредился умом, — он повернулся к жрецу. — Ну, так когда приступим к Абсолюту?

Угрожающие лица игатийцев надвинулись на него.

— Ха! Он хочет Абсолюта!

— Какой наглец!

— После того, как он вытащил бедного Катагу из реки, ему хватает совести...

— Спасти жизнь собственному тестю!

— Да откуда он свалился на нашу голову? — задал риторический вопрос Вэси. — Смерть для него — слишком большая честь.

Хадуэлл никак не мог понять причину массового умопомешательства. Он обратился к жрецу.

— Что происходит?

Лэг, сжав побелевшие губы, печально смотрел на него и молчал.

— Разве меня не удостоят церемонии Абсолюта?

— Ты ее заслужил, — последовал ответ. — Если кто достоин Абсолюта, так это ты, Хадзуэлл. Справедливость требует, чтобы ты получил Абсолют. Но есть принципы милосердия и сострадания, которые так ценит Тангукари. Если взглянуть на случившееся под этим углом, ты, Хадзуэлл, совершил недостойный, отвратительный проступок, вытащив беднягу из реки. Боюсь, простить такое невозможно.

Хадзуэлл не знал, что и сказать. Очевидно, он нарушил табу, не позволяющее спасать игатийцев, свалившихся в реку. Но откуда он мог знать о существовании табу? Разве такой пустяк перевесит все доброе, что он сделал для них?

— Неужели вы не можете хоть как-нибудь отблагодарить меня? — взмолился он. — Вы мне нравитесь. Я хочу жить среди вас. Я уверен, вы что-нибудь придумаете.

Глаза старого жреца затуманились сочувствием. Он сжал булаву и оторвал ее от земли, но его остановил возмущенный гул толпы.

— Я бессилён. — Булава опустилась вниз. — Оставь нас, лживый посланец. Уходи от нас, о, Хадзуэлл! Ты не достоин даже смерти.

— Ладно! — терпение Хадзуэлла лопнуло. — Черт с вами, грязные дикари. Не останусь с вами ни за какие коврижки. Я ухожу. Ты со мной, Меле?

Девушка вздрогнула, взглянула на Хадзуэлла, затем — на Лэга. Повисла тяжелая тишина.

— Вспомни об отце, Меле, — молвил, наконец, жрец. — Вспомни о вере предков.

Меле гордо вскинула маленький подбородок.

— Я замужняя женщина. Пошли, Ричард.

— Молодец, — кивнул Хадзуэлл и поспешил к звездолету. Меле последовала за ним.

— Меле! — в отчаянии вскричал жрец, но девушка даже не обернулась.

Они поднялись по трапу, тот втянулся вовнутрь, и люк захлопнулся.

Несколько минут спустя языки красного и синего пламени окутали серебряную сферу. Она оторвалась от земли, плавно набирая скорость, и стала подниматься все выше и выше, пока совсем не растворилась в небе.

По щекам жреца катились слезы...

— Дорогая, мы летим на Землю, мою родную планету, — пояснял Хадзуэлл. — Тебе там понравится.

— Обязательно. — Меле не отрывала глаз от россыпи звезд на черном бархате космоса.

Где-то среди них затерялся ее дом, куда уже не вернуться никогда. Но другого выхода не было. Женщина всегда идет за мужчиной, которого любит. И, если любит по-настоящему, не теряет веры в него.

Меле по-прежнему верила в Хадзуэлла.

Под одеждой она нащупала миниатюрный, вставленный в ножны кинжал. Его кончик покрывал медленно действующий, вызывающий ужасные боли яд. Кинжал передавался по наследству из поколения в поколение и использовался, когда поблизости не было жреца, только для самых любимых членов семьи.

— Теперь я не буду терять время попусту, — продолжал Хадзуэлл. — Ты вдохновила меня на великие дела и будешь гордиться мною, дорогая.

Меле согласно кивала. Когда-нибудь, думала она, Хадзуэлл искупит грех перед ее отцом. Возможно, уже в следующем году. А потом он получит от нее самое дорогое, что может дать женщина своему мужчине. Мучительную смерть. ■

Перевод с английского Виктора ВЕБЕРА.

Тайна запертой квартиры

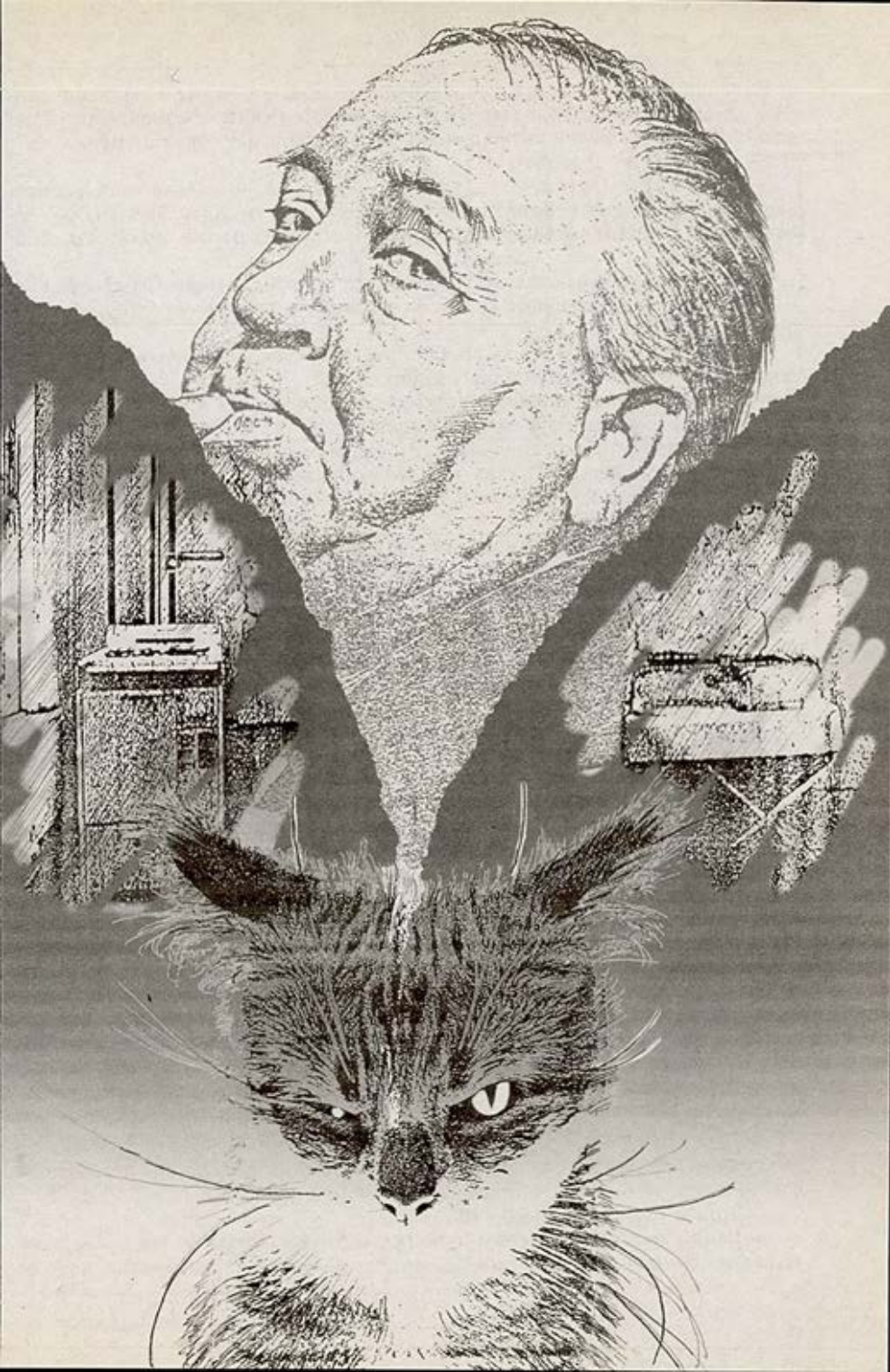
Андре БЬЕРКЕ

■ "Игротека" — так прозвали контору Клауса Вангли на Виктория-террасе его коллеги по криминальной полиции. Когда Монсен появился там в этот полуполуденный час, он еще раз удостоверился, что название соответствует действительности. Ибо в тот самый момент Вангли сидел за письменным столом, но при этом не обращал ни малейшего внимания на стопку документов, которая лежала здесь же: она была отодвинута далеко в сторону, к самому краю стола. Накопившиеся за неделю дела об ограблении почтамта, контрабанде гашиша и взломанном сейфе уступили место... головоломке.

— Всегда одно и то же! — проворчал Монсен и демонстративно уселся на самый неудобный стул в комнате. — Общество бурлит от преступности, а полицейский служащий играет в игрушки. Слушай, тебе все-таки исполнилось 52 года.

— На месяц раньше, чем тебе, понял? Но ты прав в том, что на самом деле я на 40 лет младше тебя. — Вангли не поднимал глаз от прямоугольного кусочка картона с двумя продольными разрезами и круглым отверстием. Под полос-

иллюстрация Виталия Федорова

ку была продета веревка, ее концы выходили через отверстие и были привязаны к двум большим пуговицам. Он сгибал и вертел картон, манипулируя с веревкой. — Совсем не плохо придумано. Такая небольшая головоломка.

— А что это за головоломка?

— Так называемая puzzle. Ты, конечно, знаешь ее: несколько частей соединено так, что кажется невозможным отделить их друг от друга. Здесь нужно веревку с пуговицами высвободить из-под полоски. Попробуй, может, ты справишься с этим.

В планы Монсена не входило “справляться” с такими вещами в рабочее время. Он бросил раздраженный взгляд на головоломку и рявкнул с усердием сторожевой собаки:

— Ну, знаешь ли! У нас есть проблемы и поважнее. Собственно, я и пришел сюда, чтобы обсудить с тобой одну из них.

— А! Новое дело? — Вангли щелкнул пальцами. — Да, конечно, я слышал, что ты вчера выезжал по вызову в район Майорстуге. Что-то с пожилой дамой, которая умерла от отравления газом. Это криминальная загадка?

Монсен откашлялся и сделал небольшую паузу.

— То, что загадка, — это точно. Я только не совсем уверен, что криминальная.

Разгадчик головоломок снова принялся за свою картонку: он сидел и размывал ею. Пуговицы раскачивались, как маятники, каждая — по своей траектории: казалось, что веревка извивается, как живая, стремясь вырваться на свободу.

— Если у тебя есть, что рассказать, немедленно принимайся за дело, и повлечее! — Маятники качнулись к конторскому креслу.

Массивной туше Монсена было очень неуютно на жестком сиденье. Действующий полицейский должен понимать недостатки своего телосложения — особенно в присутствии легкого и динамичного коллеги. Он их и осознал отчетливо — и сразу же пересел.

— Ну... Речь идет, как ты и говоришь, о пожилой даме фрёкен Габель, которая много лет прожила одна в квартире на улице Шёнинга, в одном из тех старых домов, где для кухни и ванной все еще используются газовые нагреватели. Вчера около пяти часов вечера соседка со второго этажа почувствовала сильный запах газа и сообщила смотрителю здания, который живет во дворе. Когда же, наконец, в квартиру вошли, то оказалось, что она вся наполнена газом. Кран на кухне был открыт: утечка газа произошла, по-видимому, довольно давно. Фрёкен Габель лежала на диване в соседней комнате: дверь на кухню была широко раскрыта, так что газ имел к ней свободный доступ. Немедленно вызвали врача, но было уже поздно: она умерла от угарного газа.

Последовала многозначительная пауза. Вангли подался вперед, всем своим видом показывая, что ему интересно.

— Ну, что же, это весьма распространенный способ расстаться с жизнью, особенно “популярный” раньше, пока в моду не вошли таблетки. В чем заключается “загадка”?

— Дело требует выяснения, — продолжал Монсен. — Все указывает на то, что фрёкен Габель погибла по собственной вине. Старая дама или покончила с собой, или по рассеянности открыла газ и забыла выключить.

— Что же тогда нужно выяснять?

— Дело в том, что никто другой не мог войти в квартиру и, тем более, выйти из нее. Все окна наглухо закрыты. Входная дверь и дверь черного хода — не

только надежно заперты, но еще и укреплены предохранительными цепочками. Пожилые дамы ведь панически боятся взломщиков. Как ты знаешь, такую цепочку никак нельзя ни открыть, ни закрыть снаружи. И это также подтверждает, что утечка газа произошла по вине хозяйки...

— Допустим, подтверждает. Но тогда каким образом ты и криминальный отдел появились на сцене?

— У Фрэнкен Габель в течение многих лет была прислуга, которая делала покупки и убирала квартиру. Эту фру Мёллер я допрашивал вчера вечером. Она считает, что самоубийство полностью исключается. Конечно, Фрэнкен Габель жила очень одиноко: она мало контактировала с людьми и почти совсем не выходила из квартиры после того, как несколько лет назад сломала бедро. Но она по-прежнему оставалась очень жизнерадостной. И хотя уже приблизилась к 80, была бодрой, в здравом уме и аккуратной — особенно с газовым краном.

Вангли кивнул.

— Фру Мёллер, видимо, что-то подозревает. Тот, кто устал от жизни, не ограждает себя от взломщиков. И тот, кто так заботливо печется о своем доме, осторожно обращается и с газом. Кстати, а как прислуга узнала о смерти хозяйки?

— Она появилась там почти одновременно с врачом, в разгар всей этой суматохи с проветриванием. Фрэнкен Габель попросила ее придти в половине шестого вечера. И это также опровергает гипотезу о самоубийстве, не правда ли? Люди не назначают встреч на тот день, когда собираются покончить с жизнью. Фру Мёллер рассказала многое такое, что меня заинтересовало. Корооче говоря, я поехал туда и провел расследование в соответствии с инструкцией. Допросил смотрителя и женщину со второго этажа, тщательно обследовал квартиру...

— И какие выводы?

Монсен развел руками.

— Самоубийство, вероятно, исключается. Несчастный случай почти также неправдоподобен. Остается еще одна версия. Фрэнкен Габель была богата, а когда есть старая дама с состоянием, имеется и мотив для убийства. Но если это убийство, то каким образом это сочетается с двумя задвинутыми цепочками?

— Вариант "тайны замкнутого пространства". — Вангли взмахнул куском картона, и пуговицы забренчали. — Ты упрекаешь меня в том, что я разгадываю головоломки в рабочее время. Неужели ты не понимаешь, что я углубляю знания по своей специальности? — Он подтолкнул вперед узкую веревку, и стало видно отверстие, образованное разрезами. — Эта веревочная петля находится в замкнутом пространстве. Как бечевке вырваться из него? Как выбраться убийце из полностью запертой квартиры? Решив первую загадку, мы наверняка справимся и со второй.

— Посмотрим, что у тебя получится на деле. — Монсен рывком вскочил с мягкого кресла и оттолкнул его, как будто оно угрожало его служебной энергией. — Пора за работу, господин детектив-хоббист. Мы сейчас же поедem на место происшествия. Пошли!

Двое полицейских стояли на кухне в квартире фру Хольст на втором этаже, как раз она и оповестила вчера смотрителя здания. Фру Хольст была женщиной трудолюбивой и приземленной, с прочными бытовыми навыками: во время разговора она продолжала чистить свое столовое серебро. Визит полиции ни капли ее не смутил, наоборот, она оживленно рассказывала о происшедшем событии. Видно, не так уж часто в этом доме происходило что-то необычное.

— Вот уж никогда не думала, что стану свидетелем настоящей трагедии! — выпалила она. Хотя ее лицо казалось расстроенным, голос был звонкий. — И так это неожиданно случилось — кто бы мог ожидать? — Она поставила один серебряный кубок на кухонную подставку у окна и принялась за другой. — Да, итак, я здесь стояла вчера и мыла посуду после обеда. Посуды было полно: накануне мы принимали гостей. Я принялась за дело в половине пятого...

— Вы посмотрели на часы? — спросил Монсен.

— Нет, но я посмотрела на кота. — Фру Хольст улыбнулась с загадочным видом. — Я выглянула в окно и увидела, как кот фрёкен Габель выбегает с черного хода во двор. Тогда я сказала себе: сейчас ровно половина пятого. Мы могли сверять часы по этому животному.

— Ах, вот как! У фрёкен Габель был кот? — с интересом спросил Вангли.

— Ну да, великолепный белый ангорский кот. Хорошо, что он был у нее, ведь она так одинока, бедняжка. — Женщина опустила тряпку и задумчиво поглядела на свое отражение в сверкающем серебре. — Тяжело, наверное, быть такой старой. Надеюсь, что я сама...

Монсен перебил ее:

— Значит, она имела обыкновение выпускать кота в это время?

— Да, точно в половине пятого, чтобы он мог подышать воздухом, пока она отдыхала после обеда.

— И тогда она открывала и свою собственную дверь, выходящую во двор, не правда ли?

— Да, но она приоткрывала только щелочку, чтобы кот мог затем вернуться самостоятельно. Он обычно гулял по двору полчаса. Затем возвращался и прыгал в ее постель. Она всегда спала после обеда в маленькой комнате рядом с кухней. Ложилась отдыхать точно в половине пятого. Привычка, знаете ли...

— Минуточку, — перебил ее Вангли. — Итак, это означает, что каждый день во второй половине дня черный ход был некоторое время открыт?

— Я же сказала — приоткрыт, — поправила женщина и со знанием дела стала полировать половник. — Конечно, приоткрывая, она никогда не снимала цепочку. Никто не мог войти в квартиру, кроме кота... Она была так боязлива, бедняжка. Когда кто-то звонил в дверь, фрёкен Габель всегда только приоткрывала ее, не снимая цепочки. И лишь услышав мой голос, отваживалась выйти на порог...

— Пожалуйста, ближе к делу, — сказал Монсен, которому не нравилась излишняя женская словоохотливость во время полицейского допроса. — Итак, вы начали мыть посуду в половине пятого. А вы смотрели во двор в течение следующих тридцати минут?

— Конечно, ведь вчера стояла прекрасная погода. Птицы заливались трельями на штативах для сушки белья, а кот так забавно играл с пучками травы.

— Вы видели кого-нибудь во дворе?

— Ни единого человека. Только птицы и кот.

— Никто не выходил из этой двери и никто не входил в нее?

— Нет, это я могу сказать точно. У меня отличное зрение. — Фру Хольст гордо выпрямилась. — Мне уже пятьдесят, а я еще ни разу не одевала очки.

— А что произошло потом?

Женщина отложила тряпку и задумчиво поправила фартук.

— Как я уже сказала, посуды было очень много, и чтобы ее всю перемыть потребовалось целых полчаса. И тут я увидела, как кот взбежал на крыльцо и проскользнул внутрь. Ровно пять часов, сказала я себе. Кот хочет молока, и

фрёкен Габель сейчас проснется. Потом она поковыляет на кухню и включит газ, чтобы сварить себе кофе. Вы только подумайте, я представила себе, как она открывает газ... — На лице фру Хольст появилось потрясенное выражение.

— Ну и?.. — Монсен предпочел бы меньше деталей.

— Но вскоре кот появился вновь. Он вел себя необычно: мяукал, скулил и как-то странно смотрел на окна первого этажа. Вдруг меня кольнуло предчувствие, что внизу случилась какая-то беда. Я быстро спустилась по лестнице и сразу поняла, отчего мяукал кот: он не мог попасть в квартиру: дверь черного хода была закрыта. И пока я там стояла, я почувствовала запах газа, поэтому и вызвала смотрителя здания.

Монсен выглянул в окно.

— О! Сейчас он как раз во дворе. Думаю, нам обязательно нужно поговорить и с ним. Благодарим, фру Хольст, не будем вас больше беспокоить.

Она открыла перед ними дверь, но Вангли остановился на пороге.

— Фрёкен Габель общалась еще с кем-нибудь в этом доме?

— Нет, ни с кем. Она наверняка никого не знала, хотя и жила здесь много лет. Только со мной иногда... Почему вы, собственно, спрашиваете об этом? — У фру Хольст появилась напряженная складка на переносице. — И почему этим занимается полиция? Каждому ясно, что произошел несчастный случай. Пожилые дамы так рассеянны, им нельзя иметь газовую плиту. То ли дело электрическая!..

— Она наблюдательна, — заметил Вангли, когда они спускались по лестнице. — Но даже у бдительной домохозяйки у кухонного окна взгляд не всегда бывает внимательным.

— Ты думаешь, кто-то вошел в дом через черный ход? Эту возможность мы и обсудим со смотрителем.

Довольно большой двор обрамлялся стенами дома и высоким забором, который отгораживал его от других дворов. Дом был угловой и имел три входа; квартира фрёкен Габель находилась у первого, большие ворота — в другом конце, на той же стороне, что и третий вход. Вангли констатировал, что они хорошо просматриваются из окна кухни фру Хольст, и если бы кто-то проходил к ним двором, или, наоборот, выходил из них, фру Хольст наверняка заметила бы этого человека.

Смотритель, занимавшийся починкой штатива для сушки белья, отложил инструменты, когда они приблизились. Это был человек в годах и с утомленным видом. В отличие от фру Хольст, он не обрадовался появлению полицейских. Узнав Монсена, смотритель угрюмо кивнул ему.

— Я могу быть чем-то вам полезен?

— Да, Гардму, я хотел бы, чтобы вы объяснили моему коллеге, как люди попадают во двор. Может ли кто-то пройти сюда с улицы?

— Нет. — Гардму покачал головой. — Когда-то этим путем приходили продавщицы газет и другие рассыльные. Но сейчас ворота всегда на запоре, а ключ только у меня и уборщиков мусора.

— Вчера здесь убирали мусор?

— Нет.

— И вы не впускали кого-нибудь из посторонних?

— Нет. А зачем? — Гардму настороженно прищурился. — Все гости пользуются подъездами.

— Сюда ходят только жильцы?

— Ну да. Чтобы выбросить мусор или повесить белье для сушки.

— Или чтобы выгуливать своих котов, — вставил Вангли.

Монсен подмигнул ему.

— Теперь понятно, почему фрёкен Габель спокойно выпускала кота и в это время спала. Он не мог выбежать на улицу. В этом деле перед нами не только "загадка замкнутого пространства", но и "загадка замкнутого дворового пространства".

— Никто из посторонних не может пробраться сюда, — подтвердил Гардму. — Я покажу вам входные ворота. Собственно, здесь двое ворот.

Они последовали за ним к первым, которые он открыл толчком, вошли в коридор, в противоположном конце которого и находились основные ворота, снабженные американским замком.

— Здесь было бомбоубежище во время войны, — пояснил смотритель.

Вангли указал на дверь в стене, обращенную внутрь здания.

— Куда она ведет?

— В подвал.

— А можно отсюда попасть на черный ход первого подъезда?

— Да, можно. Но ключ от этой двери только у меня.

— Все же давайте осмотрим этот проход, — попросил Вангли.

Гардму достал связку ключей и отпер дверь. Она распахнулась, и смотритель повел их вниз. Это был обычный подвальный проход со складскими помещениями по обеим сторонам. Через пару минут они уже стояли на лестнице первого подъезда.

— Ну, что же, исключать возможности тоже полезно, — заметил Монсен. — Во всяком случае, этим путем никто не проникал вчера к кухонной двери фрёкен Габель. Если только не вы сделали это, Гардму.

— Сделал что? — Смотритель явно не понимал шуток.

— Нет, нет... — Монсен отрицательно махнул рукой. — Я только имел в виду, что подвал — это ложный след. Никто не приходил с улицы и не проникал в дом через него. Все же остается еще одна возможность... Что вы скажете о людях, которые живут здесь?

— Прекрасные, порядочные люди — все без исключения... Простите, что-нибудь еще? Я могу вернуться к своей работе?

— Минуточку, — остановил его Вангли. — Когда фру Хольст вызвала вас вчера, каким образом вы вошли в квартиру покойной?

— В свое время фрёкен Габель передала мне на хранение копию своего ключа. На тот случай, если дверь захлопнется, когда она выйдет получать утреннюю почту. Но цепочка-то была накинута. Мне пришлось перепиливать ее. Целое облако газа... Я старался не дышать, пока открывал окна.

— Фру Хольст была при этом с вами?

— Нет, она ждала на лестнице.

— Итак, именно вы нашли фрёкен Габель на диване?

— Да... и сразу же позвонил врачу — наверху у фру Хольст. К сожалению, уже слишком поздно. — Гардму взялся за ручку двери. — Что-нибудь еще?

— Нет, спасибо, вы можете идти. А мы приступим к осмотру места происшествия, Монсен.

В кухне фрёкен Габель все было не так, как на втором этаже; стены и пол окрашены в свежие зеленые тона, газовая плита стояла совсем рядом с дверью маленькой боковой комнаты, где фрёкен обычно отдыхала после обеда. Старомодная круглая металлическая плита; резиновый шланг подведен к крану на

стене, кран закрыт — повернут вбок. Монсен выдвинул его вперед от стены, аппарат сразу же загудел, и они почувствовали характерный запах. Он быстро закрыл кран.

— Не может быть, чтобы она не почувствовала запах газа, если бы по рассеянности отошла от плиты.

— Как насчет отпечатков пальцев? — спросил Вангли.

— Вчера я выезжал сюда вместе с нашими экспертами. Они взяли у трупа отпечатки пальцев. И они же были найдены на этом кране.

Вангли осмотрел дверь кухни. Он приоткрыл ее после того, как накиннул предохранительную цепочку. Образовавшаяся щель оказалась вполне достаточной для того, чтобы в нее проскочил кот. Вангли повернулся и прикинул расстояние от двери до крана на противоположной стене.

Монсен улыбнулся.

— Понимаю, о чем ты думаешь, не волнуйся, мне тоже это приходило в голову. Убийца мог стоять в коридоре и протянуть руку через дверную щель, не правда ли? Но чтобы дотянуться до крана, ему нужно иметь руку длиной в три метра, как видишь.

Вангли снова захлопнул дверь. У дверного косяка висел ключ, к которому был привязан кусочек картона. На нем рукой старой дамы было написано: "Подвал". Вангли снял его и сунул в карман.

— Для чего он тебе? — спросил Монсен.

— Не обращай внимания. Где ее комната?

Когда Вангли входил в дом, он обычно интересовался, какие книги стоят на полках. В этой комнате была простая, но забитая книгами книжная полка; особенно много книг о животных и цветах. То, что старая дама была любительницей цветов, он понял и по запаху в комнате, благоухающей розами. На подоконнике стояли два горшка, и в каждом цвел великолепный розовый куст.

— Там на секретере есть кое-что интересное, — сказал Монсен.

Вангли открыл изящную шкатулку из красного дерева, в которой оказались швейные принадлежности.

— Нет, я имею в виду не шкатулку... Письмомодержатель.

Вангли поднял со стола сложенный лист бумаги и развернул его. Это было письмо, отпечатанное на машинке, из известной юридической фирмы. Типичное деловое письмо, написанное адвокатом, который явно вел финансовые дела старой дамы; он советовал ей вложить больше средств в акции одной надежной компании. Монсен обратил особое внимание на последнее предложение:

"Как мы и договаривались, я навещу вас во вторник 5-го, чтобы помочь составить завещание".

— Вторник, 5-е: это как раз вчера. — Вангли снова вложил лист бумаги в письмомодержатель. — Завещание, которое не было составлено по причине смерти, всегда интересно. Очевидно, о прямых наследниках речь не идет. Но как насчет других родственников?

— Племянник. — Монсен многозначительно кивнул. — Его зовут Берг-Люкке, инженер. Мужчина нашего возраста.

— Опасный возраст, Монсен. Как я понимаю, ты уже разговаривал с ним. Твое впечатление?

— Скользкий тип, совершенно не поддается определению. По-видимому, с деньгами у него туго. Как я выяснил, он постоянно задерживает выплату взносов и процентов на ссуды и тому подобное. — Монсен вынул визитную карточ-

ку из нагрудного кармана. — Здесь адрес. Наведайся к нему и попробуй что-нибудь из него вытянуть.

Вангли окинул взглядом комнату. Здесь не доставало чего-то очень важного.

— Кто взял к себе кота фрёкен Габель?

— Фру Мёллер, прислуга.

— Дай мне и ее адрес. Ведь кот — фактически единственный свидетель.

Монсен написал адрес на обратной стороне визитной карточки.

— Ты собираешься допросить кота?

— Почему бы и нет? Кошки тоже всегда были моим хобби, я умею разговаривать с ними. Кот мог бы, например, рассказать мне о дверной щели и о том, как... — Тут он даже присвистнул. — Вот она, разгадка!

— Разгадка чего?

— Головоломки. Прости, может быть, я кажусь немного рассеянным. Я ведь все время об этом думал. — Он снова достал картонку, которую захватил из своей конторы. — Ну, конечно, разгадка. Обе разгадки... Ну-ка, Монсен, теперь твоя очередь. Решишь ее и тогда, возможно, поймешь, что произошло в этом доме.

— Что ты имеешь в виду? — Монсен непонимающе уставился на кусок картона с побрякивающими пуговицами. — Эй! Да ты, кажется, прихватил кое-что из обстановки. Что ты взял?

Это был некий предмет из шкатулки на секретере.

— Ну, одну вещицу, с которой очень любит играть кот...

Фру Мёллер была полной, цветущей женщиной за сорок. Ее маленькая жилая комната носила тот отпечаток педантичности, который тесно связан с умением окружать себя уютом. Она отвечала на вопросы Вангли охотно и со знанием дела.

— Нет, фрёкен Габель почти никогда не навещали. И все же она не чувствовала одиночества.

— Вы говорите, почти никогда. Значит, все-таки к ней иногда приходили?

— Да, время от времени приходил племянник. Берг-Люкке, инженер.

— Какое он на вас производил впечатление?

Она пожала плечами.

— Точно не могу сказать. Вежливый и любезный, но, по-видимому, только внешне. Казалось, он хотел втереться в доверие к своей богатой тете. В последний раз, когда посетил ее — это было около месяца назад, — он попытался занять денег и получил отказ. Она сама мне рассказывала.

— И после этого никто к ней не приходил?

Фру Мёллер чуть помедлила с ответом.

— Мне кажется, вчера здесь кто-то побывал после того, как я ушла около трех.

— Почему вам так кажется?

— Потому что дверь черного хода была закрыта. Это подозрительно. Она всегда приоткрывала ее, не снимая цепочки, чтобы кот мог проскользнуть обратно.

— Если это было самоубийство, то такая деталь объяснима, — заметил Вангли. — Дверь закрыли для того, чтобы не выходил газ.

Фру Мёллер отрицательно замотала головой.

— Никогда не поверю, что это самоубийство. Она так радовалась жизни. Если вы сегодня были в ее квартире, то, вероятно, обратили внимание на розы?

— Да — на подоконнике.

— Я купила для нее эти два горшка как раз вчера. Она не любила свои тюльпаны. "Тюльпаны так печально опускают головки, — говорила она. — К тому же они завяли, надо их выбросить. Хочу, чтобы у меня стояли радостные цветы". Я пошла в цветочный магазин и купила два розовых куста. Она радовалась, как ребенок, когда я их развернула. "Да, вот эти цветы — радостные". Она весело напевала, когда поворачивала горшки и дотрагивалась до каждого цветка кончиками пальцев... Не кажется ли вам, что это никак не вяжется с мыслями о самоубийстве?

— Итак, настроение было прекрасное?

— Да, конечно. И она обожала своего Ватика.

— Ватика?

— Да, он такой и есть.

Длинношерстный белый ангорский кот царственной поступью появился между двумя портьерами из лилового шелка, словно зная, как должен совершать свой выход аристократ. Он только что пробудился от своего изысканного сна, изящно выгибал спину и вытягивал когти. Затем устремил величественный взгляд небесно-голубых глаз на Вангли, как бы оценивая гостя. Мгновенно почувствовав расположение, приблизился к нему, подняв вверх пушистый хвост, и нежно потерся головой о его брюки.

— Вы, видно, нравитесь кошкам. — Фру Мёллер улыбнулась. — Но поберегите свою одежду. Не пускайте его на колени. Он ужасно линяет.

— Ничего. — Вангли смахнул с себя несколько длинных белых шерстинок и почесал кота под подбородком. Тот удовлетворенно замурлыкал. — Так, значит, Ватик. Прекрасная кличка. Это сама фрёкен Габель ее придумала?

— Да. Он был похож на клок ваты, когда появился у нее.

— Думаю, вы правы. Настроение старой дамы было, вероятно, в полном порядке. — Вангли провел рукой по спине кота, и мурлыканье стало еще громче. — Когда у тебя такая киска, и ты называешь ее Ватиком, значит, жизнь тебе не в тягость. — Он поднял глаза. — Итак, она выпускала его во двор ежедневно после обеда. Должно быть, ей было тяжело спускаться по крутой лестнице, ведь она перенесла перелом бедра?

— Да, поэтому она почти и не выходила. Я часто сама выпускала кота по ее просьбе, когда задерживалась до половины пятого. Но вчера мне нужно было уйти в три часа, и поэтому ей пришлось выпускать кота самой.

— Вы вернулись где-то в половине шестого?

— Да, согласно договоренности. Она хотела поговорить со мной о своем завещании. Я должна была поставить под ним подпись.

— Ну да, конечно, в качестве свидетеля. Вы знали, кому она хотела завещать деньги?

Насладившись лаской гостя, кот неспешной поступью отправился в другую комнату, восторженно поднятый хвост исчез между портьерами.

— Когда вы увидели Ватика, вы, вероятно, догадались, что фрёкен Габель симпатизировала Обществу друзей животных. Она часто поддерживала его денежными пожертвованиями и теперь намеревалась...

— Понимаю. — Вангли собрался откланяться. — Из того, что я слышал о фрёкен Габель, можно заключить, что и сон у нее был хороший?

— Ну да, конечно. — Вопрос несколько ошарашил фру Мёллер. — Когда она ложилась, например, после обеда, то засыпала мгновенно.

— На зрение она тоже не жаловалась?

— Она хорошо видела и очень любила живые, свежие краски. Вы, наверное, заметили, как были окрашены стены и пол кухни?

— Зеленая кухня, да, конечно. — Вангли протянул руку. — Благодарю за ценную информацию, фру Мёллер. И спасибо за то, что имел честь познакомиться с Ватиком.

Придя домой к инженеру, Вангли также быстро оглядел книжные полки. Он время от времени посматривал на них во время разговора. Здесь, конечно, преобладали книги по технике, но среди них попадались и другие издания, которые также были подобраны со знанием дела, хотя имели мало отношения к профессии инженера.

Берг-Люкке хорошо сохранился для своих пятидесяти. Кожа лица гладкая, шевелюра — светлая и густая, на нем лежал определенный “американский” отпечаток, который усиливался от роговых очков, голос был низким и приятным по тембру. Чувствовалось, что он умеет разговаривать с людьми.

Но, увы, он мало что мог рассказать об обстоятельствах дела и был убежден, что смерть явилась следствием несчастного случая. Прискорбно, конечно, что именно так закончила свои дни эта милая старая дама. Он сожалеет, что в последнее время так редко навещал ее.

— Ах, вот как, стало быть, прошло уже довольно много времени с тех пор, как вы в последний раз были у нее? — спросил Вангли.

— Ну да, не меньше месяца. Вы понимаете, я очень занят. — Берг-Люкке взмахом руки указал на письменный стол, где на доске с подвижным угольником был разложен большой лист бумаги — явно технический чертеж. — Моя работа очень утомительна. И если откровенно, не так уж легко позволить себе роскошь навещать старых тетюшек.

— Почему же?

— Мне всегда было тяжело сидеть в этой наглухо запертой квартире. Все эти дверные цепочки — она панически боялась воров.

— Может быть, не без оснований? — пробормотал Вангли.

— Ее невозможно было заставить открыть окно, она не выносила свежего воздуха, бедняжка.

— Неужели?

— Так, наверное, всегда бывает в старости. Ее комната напоминала мне оранжерею; а резкий тяжелый запах цветов заставлял думать о похоронах... Да, выполнять свой долг перед стариками очень сложно. Вы понимаете, что я имею в виду?

— Я понимаю, что она любила цветы, — отозвался Вангли. — И своего кота. А вот вы любите лошадей. Не правда ли?

— Лошадей? — Берг-Люкке вытаращил глаза. — Что вы имеете в виду?

— На вашей книжной полке я вижу превосходное собрание программok ип-подрома “Эвреволль и Брамсен”. Это и мое хобби. Весьма, правда, разорительное для кошелька...

Когда некоторое время спустя Вангли оказался на улице, один из карманов его пиджака заметно оттопыривался. Выходя от инженера, он заметил один предмет на полке в прихожей и прихватил его. Это была платяная щетка с очень специфическими шерстинками на щетине.

Чуть позже в тот же день полицейский Монсен сидел за канцелярским столом, пытаясь справиться с задачей, которую считал наитруднейшей. Он забро-

сил свою работу, скрежеща зубами и стена, пренебрег своим общественным долгом, вглядываясь в мерзкий кусок картона: он перегибал его, вертел из стороны в сторону и комкал до тех пор, пока тот не стал походить на выжатую тряпку. Но все тщетно: веревка не хотела выходить из-под полоски.

Когда Вангли с важным видом вошел в контору, Монсен бросил на него испепеляющий взгляд.

— Ну, знаешь ли, Вангли! Что ты мне подложил? Ее же просто невозможно разгадать. Спасибо за подарок! — И отшвырнул от себя головоломку с такой силой, что пуговицы загромыхали по крышке стола. Вангли подхватил ее и сжал за уголок пальцами.

— Решение до смешного простое. Разгадка тайны замкнутого пространства заключается в том, что это пространство обязательно имеет какое-нибудь отверстие. Ты же видишь отверстие рядом с полоской?

— Спасибо, я уже смотрел на него целый час. И что из этого? Суть в том, что пуговицы больше, чем отверстие, они в него не проходят.

— Нет, конечно, точно так же и человеческое тело слишком велико, чтобы пройти через дверь, приоткрытую на цепочку. Представим себе, что пуговицы — это убийца. Он находится вне отверстия. Нитка, орудие убийства — внутри пространства. Что делает убийца? Он попросту вытягивает нитку — вот так.

Вангли слегка продвинул петлю вдоль полоски и согнул картонку. Затем потянул за пуговицы. Полоска согнулась к отверстию и прошла через него вместе с петлей. За две секунды веревка была вынута.

— Фокус-покус. Головоломка разгадана. И именно так происходило убийство — с помощью нитки, просунутой через отверстие. И оно раскрыто, дорогой друг. Полчаса назад я арестовал убийцу.

Монсен даже подпрыгнул.

— Да что ты! И кого же?

— Конечно, племянника. Инженера, игрока на скачках и убийцу, понимающего толк в головоломках. Это же само собой разумеется. Только у него одного был мотив для убийства.

— Но как насчет улики?

Вангли вынул из кармана клубок ниток и положил его на стол.

— Материальная улика № 1 — орудие убийства. Зеленая льняная нитка. На клубке отпечатки пальцев убийцы.

— А, это тот самый, который ты?..

— Нашел в шкатулке, конечно. В ней был только один зеленый клубок. Ты ведь помнишь, в какой цвет окрашена кухня, не так ли? Только зеленую нитку можно незаметно протянуть по полу и вдоль стены. Ибо хотя фрэкен Габель была в летах преклонных, она хорошо различала цвета. По замыслу убийцы, она вообще не должна была обнаружить роковую нитку. — Рядом с клубком Вангли выложил ключ от американского замка. — Вещественное доказательство № 2, с помощью этого предмета убийца стал невидимым. И с отпечатками тех же локвых пальцев.

— Но ведь их нет в нашем архиве?

На столе появился третий предмет.

— Нет, но я прихватил его платяную щетку, когда нанес ему визит. Одни и те же отпечатки на всех трех вещах — это подтвердил наш эксперт. В щетке есть и еще кое-что необычное, к этому мы еще вернемся.

Монсен покачал головой.

— Может быть, ты будешь так любезен, что объяснишь все по порядку?

— С удовольствием. — Вангли сел, со спокойной совестью выбрав самое удобное кресло. — Попробую обрисовать драму так, как она могла происходить.

Вчера около половины четвертого Берг-Люкке неожиданно заявился в гости к своей тетушке, примерно через полчаса после ухода прислуги. Он, вероятно, почувствовал, что пришла пора уделить своей богатой родственнице некоторое внимание, его экономическое положение заметно ухудшилось после недавних проигрышей на скачках. Короче говоря, он сам себя пригласил к ней на обед.

На мгновение он остается в комнате один, случайно замечает письмо адвоката в письмодержателе, он прочитывает его и сразу же все понимает. Тетю, должно быть, шокирует легкомыслие племянника в денежных вопросах. Если она хочет составить завещание, это означает, что наследства ему не выдать. Без завещания он автоматически становится наследником. В противном случае все состояние переходит к Обществу друзей животных.

Он должен спешить, так как на следующий день завещание будет юридически оформлено. Рядом с письмодержателем стоит тетушкина шкатулка со швейными принадлежностями. Он инженер, человек с технической сметкой, и ему в голову молниеносно приходит идея технически совершенного убийства. Он берет клубок с зеленой льняной ниткой и отрезает от него 5 метров, которые затем сматывает. Газовый кран на кухне открывается при повороте на 90 градусов из бокового положения, что можно сделать с помощью прикрепленной нитки. Очутившись на кухне, он незаметно набрасывает петлю на кран и протягивает нитку вдоль стены к двери черного хода так, чтобы позднее можно было легко схватить конец снаружи. На часах половина пятого, и он должен откланяться, так как настало время послеобеденного сна фрёкен Габель. Он любезно предлагает выпустить кота, как бы желая побереечь ее больные ноги. Они прощаются через приоткрытую дверь, и она, как обычно, набрасывает цепочку, после чего идет и ложится. А он выпускает кота.

Но сам не выходит во двор. Вероятно, знает про любопытную женщину у кухонного окна на втором этаже и не хочет, чтобы его увидели. Несколько минут стоит на лестнице, ведущей в подвал. Теперь можно приступить к делу, ведь сон у тети крепкий. Сначала он поднимается к приоткрытой двери, просовывает руку и снимает ключ от подвала, который висит у самой двери. После этого спускается и открывает дверь подвала, вновь поднимается и вешает ключ на место. Затем наклоняется и хватает конец нитки, рывок — и кран открыт. Он вытягивает нитку и захлопывает дверь. "Замкнутое пространство" — совершившийся факт! Он проходит подвалом, который ведет к коридору между двумя воротами. Ты уже хорошо знаешь, что никто не может войти этим путем. А вот выйти — не проблема. — И таким образом минуешь все наблюдательные посты у кухонных окон...

— Очень остроумно, — пробормотал Монсен. — Но каким образом такой находчивый убийца не подумал об отпечатках пальцев?

— Это убийство было молниеносной импровизацией, и вряд ли найдешь кого-нибудь, кто носит в кармане перчатки в жаркий июньский день. Он был очень осторожен с газовым краном на тот случай, если бы этим делом занялась полиция. Но рассчитывал, что полицейским не придет в голову исследовать клубок ниток в шкатулке. Ведь ты же не сделал этого, Монсен?

Монсен угрюмо закричал.

— Он признался?

— Да, как на исповеди. Из меня вышел бы хороший духовник.

— Но у тебя должно было быть больше улик, чтобы добить его.
— Ватик дал показания против него. Разве я не говорил, что он очень важный свидетель?

— Это как же кот дал показания, осмелюсь спросить?

— Оставив свою шерсть на одежде племянника, когда тот выводил его во двор. Ангорские кошки — очень благородные животные, но часто линяют. Он обнаружил это, когда вернулся домой, ты можешь увидеть кошачью шерсть на платяной щетке. Когда я беседовал с ним, он очень хитроумно объяснил, что уже давно не навещал свою тетю, но шерсть свидетельствовала об обратном. — Взгляд Вангли стал задумчивым, и он добродушно улыбнулся. — Кот и цветы были друзьями старой дамы. И вполне естественно, что именно они и разоблачили ее убийцу. Ведь и розы свидетельствовали против него.

— Розы?

— Да. Именно из-за них он и проговорился. Он жаловался на то, что в тетушкиной комнате стоял резкий цветочный запах, который напомнил ему о похоронах. Но розы появились в этой комнате только вчера, раньше там стояли тюльпаны. А тюльпаны не пахнут.

Монсен всегда с уважением относился к результатам, которых достигал коллеги, но ничего не понимал в его методах.

— Как же ты до всего этого докопался?

Вангли снова закрепил петлю под полоской.

— Как докопался? — Маятники качнулись. — Занимался разгадыванием головоломок! ■

Перевод с норвежского **Владимира СОКОЛОВСКОГО.**

КАЖДО

Светлана БЕСТУЖЕВА-ЛАДА

Глава третья Нечаянная радость

Действительно, настроение у Константина, мягко говоря, оставляло желать лучшего. На робкие вопросы Зои, в чем дело, он только огрызнулся, а иногда и впрямую хамил, был всем стабильно недоволен, даже тем, что дочка то уже спит и с ней нельзя пообщаться, то еще не спит, а это непорядок. Но основные претензии были, конечно, к Зое: кофе слабый, омлет пересушен, ужин невозможно есть, так все пересолено и переперчено, а уж о том, чтобы она хотя бы делала ради мужа приветливое лицо, он даже и не просит. Она же зудела, чтобы он приходил домой пораньше? Зудела. Он приходит? Приходит. Что теперь не так?

Зоя искренне не понимала, что не так, зато Константин понимал это очень даже хорошо, и оттого еще больше злился. Несколько дней тому назад он всерьез разругался с Klarой — и не из-за ерунды какой-нибудь и даже не из-за денег. Просто утром, после “предельно важных съемок” нигде не мог ее найти, мобильник она отключила, а дома никто к телефону не подходил. Наконец, Константин поехал к Klаре домой, совершенно не уверенный, во-первых, в том, что она сейчас именно там, а во-вторых, в том, что она откроет ему дверь. Характер у его любовницы был непредсказуемым.

Из-за двери Klары доносились громкая музыка и голоса, а дверь Константину открыл какой-то ли обкуренный, то ли совершенно пьяный молодой человек. Судя по всему, вечеринка была в самом разгаре и удалась на славу: всюду валялись пустые бутылки и разбитые бокалы, пепельницы были переполнены окурками и вообще большая гостиная больше всего напоминала третьесортный кабак поздно вечером. В ванной, где главное место занимала роскошная белоснежная джакузи, какая-то парочка именно в ней занималась приятным делом, не обращая внимания на окружающих, а в спальне...

А в спальне на широченной постели резвились несколько человек, совершенно обнаженных, причем пары то составлялись, то распадались, то превращались в трио, то вообще черт знает во что. В этом клубке молодых, загорелых тел извивалась и Клара, получавшая, судя по выражению лица, самое неподдельное удовольствие от процесса. На несколько секунд Константин потерял дар речи, потом шагнул к постели, улучил подходящий момент, схватил свою любовницу за руку и выдернул из теплой компании. Клара подняла на него глаза, тщательно пытаясь сфокусировать их и навести на резкость, а потом радостно запищала:

— Папочка пришел! Папочка пришел к своей девочке!

¹ Окончание. Начало в № 10.

LYCBOE

Косметика на ее красивом личике размазалась, волосы спутались, и почти ничто не напоминало утонченную и рафинированную топ-модель, которую привык видеть Константин.

— Ты похожа на пьяную шлюху, — резко сообщил он ей. — Впрочем, ты и есть шлюха.

И от души залепил ей пощечину.

Клара слегка протрезвела, но тут же пришла в ярость.

— Убирайся отсюда! — завизжала она. — Ты мне весь кайф ломаешь, вечно ты мне все ломаешь! Я тебя не звала, здесь я хозяйка, что хочу, то и делаю.

— Ты — хозяйка? — зло усмехнулся Константин. — А кто купил тебе все это?

Он широким взмахом руки обвел помещение.

— Допустим, ты. Но меня ты не купил, я не продаюсь. Я подписала контракт, замечательный, теперь мои снимки будут повсюду, повсюду, и я буду жить так, как хочу, на свои деньги.

— Твоих денег тебе только на туалетную бумагу хватит, — начал по-настоящему заводить Константин.

— Ты не единственный в этой стране мужчина, — скорчила ему гримасу Клара. — Мне стоит только щелкнуть пальцами, тут очередь выстроится из таких, как ты.

— Вот и щелкай на здоровье, — подвел итог содержательной беседы Константин. — А с меня твоих фокусов и капризов хватит. Я ухожу, расти большая.

— Не вздумай возвращаться, — фыркнула ему вслед Клара и нетвердой походкой направилась в ванную.

В тот вечер Константин домой не поехал. Вместо этого закатился в ночной клуб, встретил там пару приятелей, взял девочек и загулял на всю ночь. Благо перед этим позвонил жене и предупредил, что будет поздно. Правда, он думал провести ночь у Клары, но... И чем больше он пил, тем меньше его брал хмель, только злость все росла и росла. Девочки не волновали совершенно, как ни пытались они расшевелить денежного клиента. Ему, черт побери, нужна была Клара, только Клара, с ее хрупким телом и острыми девичьими грудками, с ее неистовством и нежностью, с ее запахом и блеском зеленых глаз. Но с Кларой покончено: с пьяными шлюхами он дела иметь не намерен, тем более, с такой неблагодарной тварью, как эта дрянь.

Обещание свое он сдержал, хотя ему было невероятно трудно удержаться от искушения набрать знакомый номер и услышать голос Клары. Но все еще кипевшая в нем ярость служила как бы тормозом: он и хотел услышать (а лучше — увидеть) Клару, и боялся, что не справится с собой и натворит непоправимых глупостей. В тот вечер, кстати, он вполне мог ее убить, задушить голыми руками. Что ему помешало это сделать, он так до конца и не понял.

Зато с тех пор он, как примерный семьянин, возвращался домой не позже девяти часов, чтобы отравить домашним настроением. Даже общение с любимой дочкой не радовало, а скорее раздражало, и как тщательно он это ни скрывал, девочка мгновенно уловила перемену в отношении отца к ней и стала дичиться и замыкаться в себе. Кончилось тем, что Зоя сочла за благо снова отправить Алину к бабушке и дедушке и принять все удары плохого настроения супруга на себя. Если бы она поняла причины этого настроения... Впрочем, чем она могла бы помочь?

Но в один из вечеров все, казалось, стало меняться к лучшему. Константин сообщил, что завтра они приглашены на большой прием во французское посольство по случаю какого-то там праздника, что там будут сливки общества и вообще достаточно интересно.

— Тем более, — добавил он, — мы очень давно нигде не были вместе. Тебе полезно встряхнуться. Наведи завтра красоту по полной программе, оденься соответственно, к семи часам я пришлю за тобой машину. Сам переоденусь в офисе и встретимся непосредственно на приеме. Довольна?

Зоя была не столько довольна, сколько удивлена такой внезапной переменой, но постаралась это скрыть и, кажется, преуспела. Константин выдал ей солидную пачку денег, велел ни в чем себе не отказывать, при необходимости даже новое платье купить, а ночью между ними впервые за три месяца что-то произошло. Правда, у Зои сложилось впечатление, что супруг просто отработывал номер под названием "исполнение супружеского долга", но свою партию в этом номере исполнила достойно и даже получила какое-то удовольствие. Похоже, жизнь начала налаживаться, и один из критических периодов, неизбежных в жизни любой супружеской пары, они благополучно миновали.

На следующий день Зоя с утра пораньше отправилась в салон красоты и провела там несколько часов, пытаясь довести свой внешний вид до полного совершенства. Надо сказать, что с помощью первоклассных мастеров ей это почти удалось. Из салона вышла красавица с матовой кожей, пушистыми ресницами и прекрасными синими глазами, мастерски подчеркнутыми тенями. Сама Зоя так накладывать макияж не умела, сколько ни пыталась. Все-таки каждым делом должен заниматься профессионал.

Из салона Зоя поехала в свой любимый небольшой бутик на Ленинском проспекте, где обычно бывали эксклюзивные и очень элегантные модели, причем не по запредельным ценам, а вполне терпимо. Там ей сразу предложили платье, которое первоначально показалось ей немного экстравагантным: темно-синий бархат и покрой с налетом средневековья.

Но когда по настоянию продавщицы Зоя платье примерила, оказалось, что оно словно специально для нее сшито: средний глубины вырез красиво подчеркивал высокую грудь, длинные рукава, расширяющиеся книзу, напоминали иллюстрацию к книге сказок, а сам цвет великолепно гармонировал с глазами, подчеркивая их необыкновенно красивый цвет. Платье не было приталено, чего Зоя последнее время старалась избегать, зато красиво облегло стройную фигуру, ниспадая до полу.

— Сюда нужна бирюза, — сказала продавщица. — На шею и кольцо на руку. Есть у вас что-нибудь такое?

Зоя кивнула, хотя покривила при этом душой. Дома была единственная ее собственная ни разу не надеванная драгоценность: бабушкин кулон с сапфиром. Ни бабушка в самые трудные времена, ни мать, когда времена все-таки стали полегче, не нашли в себе сил расстаться с фамильной драгоценностью, а Зоя получила ее в подарок к своему тридцатилетию. Вещь была элегантная, а не роскошная, но именно этим она Зое и нравилась. Это был ее стиль, ее наследство, как бы часть ее самой, а не купленные мужем на ходу престижные, но холодные бриллианты.

К половине седьмого вечера Зоя, слегка помешанная на пунктуальности, уже была абсолютно готова. На руки она решила не надевать никаких украшений, кроме обручального кольца, в уши вдела паутиной тонкости золотые сережки, скорее даже намек на сережки. Зато кулон сиял во всем блеске, не заслоняемый другими драгоценностями. И духи Зоя на сей раз выбрала по своему вкусу: Константин предпочитал тяжелые и пряные восточные ароматы, такие и дарил, а Зоя любила Шанель, особенно ее последние духи "Мадемузель Коко".

Как ни странно, настроение у Зои было приподнятое, хотя от таких протокольных мероприятий, как правило, не приходилось ждать ничего из ряда вон

выходящего. Но все-таки развлечение, все-таки новое, красивое платье, новые люди, смена обстановки. Даже нелепый эпизод с Владиленом был надежно запрятан куда-то в самый дальний уголок памяти. Да и вряд ли он мог быть приглашен на прием в посольство: не тот уровень. Впрочем, если даже и случится невероятное (французы бывают достаточно экстравагантны и непредсказуемы), Зоя была уверена, что справится с ситуацией. Вообще у нее было какое-то предчувствие перемен, причем к лучшему, хотя объяснить это состояние она вряд ли смогла бы.

Машина пришла четверть восьмого. Зоя накинула поверх платья светло-серую шелковую накидку, взяла сумочку и вышла из дома, предварительно проделав все манипуляции с охранной сигнализацией. Конечно, поселок охраняется на совесть, но береженого, как говорится, Бог бережет, да и муж ей то и дело напоминает об осторожности и благоразумии.

До Большой Якиманки, в девичестве улицы Димитрова, доехали очень быстро. Шофер молчал, что вполне устраивало Зою, которая вспоминала изучавшийся в институте, да так и не слишком пригодившийся в жизни французский. Когда она недолгое время работала в горкоме, ей несколько раз приходилось выступать в роли переводчицы, но это было так давно, еще до замужества. А потом оставались только фильмы на видео — под настроение, да занятия с Алиной, которая, кстати сказать, их терпеть не могла: ни с мамой, ни с бабушкой. Девочка предпочитала компьютер, а там все больше английский...

Сколько раз Зое случалось проезжать мимо французского посольства, столько раз ее поражало удивительное, на грани безвкусицы, сочетание старинного здания "а ля рюс" с новейшей современной пристройкой. Безобразным это, правда, не выглядело, но общее впечатление создавалось довольно специфическое. Особенно когда с высокого каменного резного крыльца попадаешь в довольно длинный коридор со стеклянными стенами и стеклянной же крышей. Коридор вел в новую часть здания, а в старой размещались личные апартаменты посла и зал для официальных приемов на высшем уровне.

Посол с супругой еще встречали гостей у входа в огромный зал, так что Зоя, судя по всему, не опоздала. Поблагодарив посла за дежурный комплимент и вернув его супруге обворожительную улыбку, Зоя вошла внутрь и поискала глазами Константина. Но муж, судя по всему, еще не появился, иначе она заметила бы его высокую, массивную фигуру.

— Как поживаете? — услышала она незнакомый мужской голос и, обернувшись, обнаружила рядом с собой высокого седовласого мужчину, лицо которого показалось ей смутно знакомым.

Через несколько секунд она вспомнила, кто это, и с улыбкой протянула руку для приветствия:

— Здравствуйте, мой спаситель. К сожалению, не знаю, как вас зовут, мы ведь не успели познакомиться.

— Мы можем сделать это сейчас. Меня зовут Евгений. А вас?

— Зоя.

— Очень приятно.

— Мне тоже.

— Познакомьтесь, пожалуйста, с моей подругой. Лиля, это Зоя.

Только теперь Зоя заметила рядом с Евгением очень красивую девушку, миниатюрную блондинку, с пухлыми, капризными губами. Она была очень похожа на юную Брижит Бардо, но чего-то в ней не хватало для полного сходства. Подумав, Зоя поняла: живости, огня, свойственных французскому секс-символу. Лиля была

холодна и безучастна, совершенно, по-видимому, сконцентрировавшись на сознании собственной красоты.

— Очень приятно, — сказала Зоя, совершенно не испытывая этого чувства. — Вам, конечно, говорили, что вы...

— Копия Брижит Бардо, — со смехом закончил Евгений. — Да ей об этом все уши прожужжали.

— А разве это не так, милый? — равнодушно спросила Лиля.

— Так, так. Я разве возражаю? Ну, будь немного поживее, детка, мы все видим, как ты красива.

По лицу Лили скользнула самодовольная улыбка, но тут же черты снова застыли в привычной маске.

— Вот ты где, — раздался сзади Зои голос Константина. — Извини, дорогая, дела задержали, но я почти вовремя. Ты сегодня просто великолепна. Это твои знакомые?

Зоя решила не посвящать мужа в подробности этого знакомства и просто представила всех друг другу.

— Позвольте, — вдруг воскликнул Константин, — вы же Евгений Шейнин! Наш знаменитый кинорежиссер. Вас, по-моему, даже на Оскара выдвигали, как лучший иностранный фильм.

— Знаете, — рассмеялся Евгений, — это как в старом-старом анекдоте. "— Знаешь, я вагон за задний буфер поднимал. — Ну? — Ну, и не поднял". Выдвигали. Но...

— Но ведь это само по себе признание таланта!

— Настоящий талант не нуждается в признании, милый, — равнодушно процедила Лилия.

Константин слегка опешил от такого обращения, но потом сообразил, что красотка ко всем так обращается, чтобы не напоминать имена. Экономила мозговые клетки, по-видимому.

— А я вас не узнала, — виновато сказала Зоя.

— Ты же, кроме своих идиотских мелодрам, ничего не смотришь. А Евгений снимает Кино с большой буквы, — высокомерно ответил ей Константин.

— Кстати, сам очень люблю мелодрамы, — заметил Евгений, слегка приподняв брови. — Вы слишком строги к жене, Константин. Большинство кинорежиссеров сплошь и рядом сами не понимают, что такое они хотели сказать своими произведениями. Давайте лучше посидим где-нибудь в сторонке, отметим знакомство.

— Хорошая мысль! — одобрил Константин.

Лиля слегка надула губки:

— Мы же хотели потанцевать, милый.

— Но танцы еще не начинались, крошка. Видишь, никто не танцует. Попозже. Они заняли столик в углу зала, и к ним тут же скользнул официант.

— Что желают господа?

— Шампанское дамам и бренди нам, — привычно распорядился Константин и тут же спохватился, — надеюсь, возражений нет?

— Принимается, — кивнул Евгений и добавил. — Принесите еще фруктов на ваше усмотрение. И каких-нибудь конфет.

Зоя не любила ни шампанское, ни бренди, предпочитала хорошее вино, но ее мнения, судя по всему, никто не собирался спрашивать. Лиля вытасила из сумочки пудреницу и стала сосредоточенно приводить в порядок свое и без того идеальное лицо. Краем глаза Зоя заметила легкую гримасу недовольства, скользнув-

шую по лицу Евгения, которому нарциссизм его подруги, по-видимому, немного надоел.

Когда принесли напитки, Лиля наконец оторвалась от своего увлекательного занятия, чтобы также сосредоточенно заняться шампанским и сигаретой. В беспорядочном общем разговоре она не принимала никакого участия и, судя по всему, не собиралась принимать. Наконец, заиграла музыка, и Константин пригласил Лилю танцевать. К большому облегчению оставшихся за столом Евгения и Зои.

— Видите, как тесен мир, — с улыбкой сказал Евгений. — Сначала мы с вами столкнулись в арбатском переулке, а теперь встретились во французском посольстве. Не знаю, как вы, а я очень рад этой тесноте.

Зоя ограничилась улыбкой. Наедине с Евгением, который, как выяснилось, был известным режиссером, она вдруг почувствовала себя глупой и зажатой провинциалкой.

— А вам идет синий цвет, — продолжал Евгений. — Я еще в первый раз обратил внимание на ваши глаза, такие удивительно синие. Вы знаете, что у вас очень красивые глаза?

— Когда женщине говорят, то у нее красивые глаза, значит, все остальное никуда не годится, — решила щегольнуть цитатой из классика Зоя.

— Ну, не кокетничайте. Вы отлично знаете, что все остальное у вас более чем на уровне. Да и не в этом дело. От вас исходит какое-то удивительное ощущение спокойствия и доброжелательности. А я в нашем киномире так устал от пустоголовых красоток...

— Разве все актрисы — дурочки? — усомнилась Зоя.

— Нет, конечно, да я не про актрис говорю. Кстати, вот вы хотели бы стать актрисой? Сняться в каком-нибудь фильме хотя бы в эпизодической роли?

— Мне это в голову как-то не приходило, — растерялась Зоя. — Даже в молодости, а уж сейчас — тем более.

— Ну, понятно, при вашем нынешнем почтенном возрасте... Не сердитесь, я шучу. Просто вы не только красивая, но и умная, более того, здравомыслящая женщина. А это большая редкость, поверьте мне.

— Я самая обыкновенная жена обыкновенного "нового русского", — невесело усмехнулась Зоя.

— Между прочим, не многие рискнули бы так открыто это признать — еще одно очко в вашу пользу. Что же касается красоток... Лилю, например, интересуется только ее внешность и она считает, что этого достаточно, чтобы я женился на ней и тут же дал главную роль в очередной картине.

— А вы...

— А я не собираюсь делать ни того, ни другого. Через небольшое количество времени она это поймет и найдет мне замену. Я же просто терплю ее, чтобы не впасть в депрессию после очень неприятного развода. У Лили есть одно несомненное достоинство: она почти все время молчит. То есть напрягает меня минимуму.

— Вы потом не пожалеете о своей откровенности? — вдруг вырвалось у Зои. Евгений покачал головой.

— Моя профессия научила меня разбираться в людях. Вы добрая, милая умница, с вами легко и спокойно. Надеюсь, ваш супруг это понимает. Хотите потанцевать?

— А Лилия?

— Насколько я могу видеть, она уже сменила партнера. Танцы — это ее страсть, вторая, после созерцания своей персоны в зеркале.

— Сменила партнера? А...

— Что?

— Нет, чепуха. Просто здесь немного душно. Извините, я вернусь через пару минут.

“Интересно, а куда делся Константин? Почему он не вернулся к столику? Встретил кого-то из знакомых? Ладно, не маленький”.

Зоя направилась в дамскую комнату освежить макияж, потому что в зале действительно было немного душно. По дороге она поискала глазами мужа, но его высокой фигуры нигде не было заметно. Куда он мог подеваться в посольстве? Вряд ли он тут станет заниматься какими-то делами.

В туалетной комнате Лиля перед высоким зеркалом совершенствовала и без того безупречную прическу. На Зою она бросила мимолетный взгляд, лишенный всякого интереса.

— А куда вы дели моего супруга? — как можно непринужденнее и веселее спросила Зоя. — Или он пал замертво перед вашими чарами?

— Ваш муж? Ах, да! Он увидел какую-то девицу и ринулся к ней. По-моему, они в зимнем саду.

— Да? Спасибо.

— Не за что, милая, — обронила Лиля, возвращаясь к прежнему занятию.

Зоя прошла в зимний сад, где, как ей сначала показалось, никого не было. Но потом она заметила в полумраке, в самом углу две тесно прижавшиеся друг к другу фигуры и ей показалось, что она различает очертания широких плеч и мощного торса Константина. Как можно тише она подошла ближе и услышала горьечный шепот:

— Я не могу без тебя, не могу... В тебе — вся моя жизнь... Мне ночью мерещится твоя грудь, твои губы, меня преследует твой запах... Ты просто свела меня с ума, я больше никогда никуда тебя не отпущу...

Зоя отказывалась верить глазам и ушам. Ее супруг и какая-то женщина или девушка в весьма недвусмысленной позе... Его слова, которых он никогда в жизни не произносил вслух... Платье женщины было задрано чуть ли не до талии и... Зоя повернулась и беззвучно скользнула обратно в зал...

Константин заметил Клару, как только она вошла в зал с каким-то явным гомиком и с ужасом понял, что ничего в его чувствах к этой женщине не изменилось. Он готов был забыть отвратительную сцену в ее квартире, свой уход “навсегда”, все забыть, лишь бы снова быть рядом с нею. Он забыл, что где-то здесь, рядом, его жена, что вокруг люди, забыл свою партнершу по танцу. Он видел только зеленые русалочьи глаза и медовую волну волос над тонкой фигурой. И — рванулся к Кларе.

— Здравствуй.

— Добрый день, — ледяным голосом ответила она. — Какая неожиданность!

— Нам надо поговорить.

— Мы уже разговаривали.

В этот момент музыка заиграла какой-то медленный танец и Константин просто сгреб Клару в охапку и заскользил по паркету, оставив ее сопровождающего на месте с открытым ртом.

— Оставь меня в покое, — шипела Клара, почти не разжимая губ. — Все кончено, я тебя знать не хочу. Не-на-ви-жу!

— Кларочка, успокойся. Я виноват, погорячился. Конечно, ты вольна жить своей жизнью, я тебе ничёго не навязываю.

— Ты женат, между прочим. И мне надоело прятаться с тобой по темным углам и заштатным кабакам.

— Я женюсь на тебе.

— Не нуждаюсь. Просто не хочу постоянного вранья.

— Его и не будет. Все будет так, как ты захочешь. Я все устрою, только не прогоняй меня больше... Кларочка, милая...

Он постепенно увлекал ее в сторону зимнего сада, где было прохладнее и почти не было народа. Он прижимал ее к себе все теснее и все ближе и чувствовал, как она постепенно начинает оттаивать и отвечать на его ласки. По крайней мере, она перестала возражать против них и против его слов, а когда они оказались в темном уголке сада, раскрыла губы для поцелуя и позволила Константину делать все, что ему захочется...

Евгений решил, что отсутствие Зои что-то затянулось. Возможно, он был не слишком тактичен, вывалив на нее свои личные переживания. Но ведь ей он ничего обидного не сказал. Впрочем, она могла встретить кого-то знакомого или просто танцует со своим мужем, что вполне естественно, особенно для первого танца.

В этот момент к столику вернулась Лиля, взглянула в почти пустой бокал и скорчила гримаску:

— Я хочу пить, милый.

Евгений поднял руку, привлекая внимание официанта, который, к счастью, был неподалеку.

— Еще шампанское даме и бренди мне, — распорядился он.

Вышколенный официант принес требуемое почти мгновенно. Лиля действительно умирала от жажды: свой бокал она осушила в несколько глотков.

— Ты не видела наших соседей по столику? — спросил ее Евгений, совершенно не надеясь получить какую-то конкретную информацию.

— Видела, милый, — неожиданно отозвалась Лиля. — Мужчина встретил какую-то девицу, бросил меня и поволок ее в сторону зимнего сада. По-моему, они любовники. А женщину я видела в дамской комнате.

— Его жену, ты хочешь сказать?

— Ну, да, его жену. Она спросила меня, где ее муж. Я сказала.

— Господи! — схватился за голову Евгений, — как раз тут тебе нужно было помолчать. Зачем ты это сделала?

— Не кричи на меня, — надменно сказала Лиля. — Я лучше пойду танцевать, от тебя сегодня никакого толку.

И встала, уверенная, что ее немедленно кто-нибудь пригласит на танец. Так и произошло. А Евгений бросился искать Зою, хотя понимал, что шансы найти ее вероятностно малы, но где-то в середине зала она буквально влетела в его объятия, ибо шла очень быстро, почти не глядя перед собой и стиснув зубы.

— Зоя, что случилось? — схватил ее за плечи Евгений.

Она подняла на него полные слез, невидящие глаза, попыталась что-то сказать, но только всхлипнула. Тогда он быстро повел ее обратно к столику, прихватив по пути из бара неполную бутылку бренди. Усадив, он налил ей примерно четверть бокала и приказал:

— Залпом. Как лекарство. Остальное потом.

Зоя послушно, как ребенок, выпила обжигающую жидкость, закашлялась и... заплакала по-настоящему. Евгений сел так, чтобы максимально закрыть ее от любопытствующей публики и предложил:

— Давайте я отвезу вас домой. А по дороге вы мне все расскажете, если захотите.

Молча и быстро он вывел ее в гардероб, забрал ее шелковую накидку, взял под руку и повел на улицу к своему "мерседесу". Усадил на переднее сиденье, заботливо пристегнул, сам сел на водительское место и спросил:

— Где вы живете?

— В Липках, — всхлипнула Зоя. — Это десять километров...

— Знаю. Элитный коттеджный поселок. Поехали.

Машина выехала со стоянки и, развернувшись на Большой Дмитровке, плавно помчалась на запад.

— Так что случилось? — нарушил молчание Евгений.

— Я хочу развестись, — выпалила Зоя.

И неожиданно для себя рассказала Евгению все, увиденное в зимнем саду посольства.

— Какая же я дура! — закончила она. — Это продолжалось несколько месяцев, а я словно ослепла. Но больше терпеть я не буду. Никаких денег мне не надо, особняков тоже, получу развод, буду спокойно жить с дочкой.

— Хотите, я поговорю с вашим супругом, когда вернусь в посольство? — спросил Евгений. — Я немного знаю эту девицу, ничего хорошего с ней его не ждет.

— А вот это уже его проблемы, — почти спокойно ответила Зоя. — Не хочу, чтобы меня использовали и надо мной же смеялись. Я устала от такой жизни.

— Прежде всего, вам нужно успокоиться. Сгоряча такие вещи не решают. Поверьте дважды разведенному.

— Верю, — сказала Зоя. — Но я развожусь один раз и навсегда. С меня хватит. А вам спасибо за то, что поддержали меня, иначе я наделала бы массу никому не нужных глупостей. Но вам пришлось оставить Лилию...

— Лилия не пропадет, — жестко ответил Евгений. — Ваш душевный покой мне в данном случае важнее. А вот и ваш поселок. Позвоните мне, если понадобится помощь.

И почти насильно вложил ей в руку визитную карточку...

Когда Евгений вернулся в посольство, гости уже начинали расходиться. Константин он заметил у входа в зимний сад, тот явно кого-то искал.

— Если вы ищете Зою, то напрасно, — сказал Евгений, подходя к Константину. — Боюсь, она видела вас с вашей пассией и все поняла. На вашем месте я бы сегодня не ездил домой. Дал бы ей немного остыть, а то она решительно настроена на развод.

— Во-первых, не суйтесь не в свое дело! — рявкнул Константин. — Где я буду ночевать, вас не касается. А во-вторых, не лезьте к моей жене, иначе...

Евгений пожал плечами, повернулся на каблуках и ушел. Лилию он даже не стал искать, почувствовав вдруг невероятную усталость и отвращение ко всему на свете. В первую очередь, к человеческой глупости.

Глава четвертая

Бочка дегтя в ложке меда

Константин появился дома только на следующий день к вечеру, усталый, но очень довольный тем, как повернулись события. Ему удалось вернуть Клару, она пообещала выкроить время и съездить с ним на недельку куда-нибудь в теплые края, отдохнуть. Ему даже не хотелось думать о том, как он будет объясняться с женой и что ей говорить. Если честно, он вообще не собирался что-либо обсу-

дать с Зоей. Терпела столько лет, еще потерпит, все равно живет, как у Христа за пазухой.

Тем большим сюрпризом для него было то, что и Зоя, в общем-то, не рвалась выяснять отношения. Она совершенно спокойно поздоровалась с ним, спросила, будет ли он ужинать, получила отрицательный ответ и ушла в детскую. Алина на приезд отца среагировала бурно, но коротечно: вылетела ему навстречу, поинтересовалась, что он ей привез, услышала, что на сей раз ничего, потому что дела и вообще... И тоже убежала к своему обожаемому компьютеру.

"Тепло семейного очага", — иронически подумал Константин и отправился в свой кабинет посмотреть, нет ли там важных сообщений, которые ему иногда присылали прямо на дом, минуя офис и любопытную секретаршу. Ничего особенно интересного не было, биржевые сводки и последние новости его тоже не заинтересовали и он спустился в гостиную: захотелось разжечь камин и спокойно посидеть, поглядеть на огонь.

Камин он разжег, но тут появилась Зоя, которая, судя по всему, уложила Алину спать и намеревалась посмотреть очередную лабуду (с точки зрения Константина) по телевизору. К его огромному изумлению, Зоя включила новостную программу.

— С каких пор ты интересуешься текущими событиями? — довольно дружелюбно поинтересовался он.

— А с каких пор ты интересуешься моей жизнью? — в свою очередь, спокойно спросила Зоя.

— По-моему, естественно, когда муж интересуется...

Константин сам понял фальшь интонации и замолк.

— Да? Поздновато ты вспомнил про естественность. Кстати, и про то, что ты не только бизнесмен и любовник, но и муж.

— Что ты хочешь этим сказать? — побагровел Константин.

— Что я хочу развестись. Мне такой муж не нужен.

— В каком смысле? — тупо спросил Константин, ожидавший чего угодно, только не требования развода. — Что на тебя нашло?

— Не нашло, а ушло, — терпеливо разъяснила Зоя. — Терпение закончилось, ушло, утекло, а любовь... я уж даже и не вспомню, куда она подевалась и когда.

— Мы женаты двенадцать лет! А любовь...

— Любовь имеет обыкновение проходить быстрее, — закончила Зоя все так же спокойно. — Ты абсолютно прав, Костя, но вместо любви остаются уважение, привязанность, привычки, приличия, наконец. Короче, остаются супружеские отношения. У нас их нет. Подожди, я говорю не о постели, этот вопрос я вообще не собираюсь обсуждать. Дело в том, что я видела тебя там, на приеме, когда ты в зимнем саду... Ты говорил той женщине, что в ней — вся твоя жизнь. Хорошо. Я возвращаю тебе свободу и ты действительно можешь посвятить все своей избраннице. Можешь на ней жениться...

— Она не хочет... — начал Константин и снова осекся.

Да, сегодня явно не его день. Что ни скажет — все неудачно.

— Меня мало волнуют ее желания, — с легкой иронией сказала Зоя. — Мои занимают меня гораздо больше. А я хочу развода. Не волнуйся, тебя этот процесс не разорит. Надеюсь, мы договоримся спокойно, как цивилизованные люди.

Развод? Она хочет развод? С ума сошла, что ли? Или она думает, что будет продолжать вести прежнюю жизнь, только станет абсолютно свободной? Фитнесс-митнесс, бутики-шмутики, загородный особняк, драгоценности... Прямо сейчас! Да он ее просто выгонит с одним чемоданом и... Стоп, а Алина? Дочку-то куда? Вот

чертова баба! И как спокойно она об этом рассуждает. С адвокатом, что ли, успе- ла поговорить?

— Нет, я еще не связывалась с адвокатом, — словно прочитала его мысли Зоя. — Адвокат — это раздел имущества, все нажитое супругами и прочая белиберда. Я знаю, что формально имею право на половину, но дело в том, что мне это не нужно. Я не хочу жить в этом особняке и подыхать от безделья, пока тебя нет, а Алина в школе или у бабушки. Мне не нужны дорогие тряпки и побрякушки. И сумасшедшие деньги мне тоже ни к чему. Прикинь, сколько ты можешь дать в месяц на содержание дочери, на том и порешим.

— А где ты будешь жить? — обалдело спросил Константин.

— Я думаю, тебя не разорит, если ты купишь нам с Алиной “двушку” в городе. Элитный дом мне не нужен, что-нибудь обычное, поближе к моим родителям. Если захочешь оставить мне машину, буду признательна, нет — перебежусь.

Константин молчал, глядя в огонь. Помимо его воли, он думал не столько о морально-этическом аспекте развода, сколько о Зоиных условиях. Умна, ничего не скажешь. Упрись она, начни требовать, как это чаще всего бывает, половину, неизвестно, что бы из всего этого вышло. Впрочем, что значит — “упрись она”? Это ведь не он выступил инициатором развода. Вот если бы он, а она запротестовала... Что ж, в их среде нравы простые, и она это знает. Поэтому сама хочет уйти и требования выдвигает более чем пристойные: никто не осудит, что супру- гу с ребенком на улицу выставил без копейки денег, никто не станет злорадство- вать, что “дороже свободы ничего нет, и Задонский за свою заплатил по-макси- муму”.

“Двушка” в городе? Вполне реально. Не в спальном, конечно, районе, а в каком-нибудь тихом переулке в центре. Тысяч семьдесят с ремонтом. Тачку он ей, конечно, оставит, больше трех штук за эту машину никто и не даст, нечего жмотни- чать. Ну, и дочке... Тысячу в месяц Алине, пятьсот — Зое. Хочет жить скромно, пусть живет.

— Я свяжусь с адвокатом, — сказал он, наконец. — Полторы тысячи в месяц те- бя устроят? Школу Алины, конечно, буду оплачивать я.

— Полторы тысячи меня устроят, — сухо отозвалась Зоя, — а школу оплачивать вряд ли придется. Будет ходить в обычную, рядом с домом. Я ее буду и отводить, и забирать, нет нужды возить ребенка с охранником через весь город. Да и зачем нам охранник? Бывшие жены никому не интересны, уж поверь мне.

— Значит, мы почти обо всем договорились. Поезжай завтра к риэлтору, выбе- ри квартиру, которая тебя устроит, я заранее согласен и на любой ремонт. Мо- жешь забрать то, что понадобится из мебели отсюда или составить список и ото- слать моей секретарше. Квартиру получишь уже обставленную, машина остане- ся у тебя. Учти: ты сама выбрала такой вариант и сама требуешь развода.

— Учту, — усмехнулась Зоя краем губ. — Хочешь, расписку напишу? Кровью, чтобы ни у кого ни малейшего сомнения не было в том, кто инициатор, а кто — жертва.

— Не смешно, — огрызнулся Константин. — Сегодня переночую в кабинете, а потом поживу в гостинице. Думаю, нам сейчас ни к чему регулярные встречи...

— Регулярные встречи? Нам? Ты абсолютно прав, дорогой.

Зоя почти весело рассмеялась и вышла из комнаты.

Но за дверь она сразу стала серьезной, а в свою комнату поднялась уже с вертикальной морщинкой между бровями. Слова — это, конечно, замечательно, но Константин, по-видимому, находится в таком угаре любви к своей топ-модели, что все придется делать ей самой, Зое, и самой обо всем заботиться. Что ж, надо

привыкать. Очень скоро не будет ни домработницы, ни охранника, которого можно попросить что-то сделать, ни доставки на дом всего, чего только душа пожелает. Не будет дорогого спортивного клуба и посещения модных магазинов. И ведь самое интересное, что ей ни капельки не жаль всего этого великолепия.

Зато не будет бесцельных ожиданий по вечерам, бесконечной тревоги: сводки криминальных событий в столице всегда давали для этого достаточно поводов. Будет спокойная и размеренная, но очень своя, личная жизнь. Да и работу нужно будет поискать или курсы какие-нибудь по переподготовке. Бизнес — вещь зыбкая, а бизнес полукриминальный — тем более. Сегодня бывший супруг — мультимиллионер, а завтра, в лучшем случае, нищий, а в худшем — труп. Ему уже все равно, а бывшей семье приходится ох как несладко: сколько уж Зоя видела таких картин в своем окружении, а еще больше слышала леденящих кровь рассказов о таких случаях.

Впрочем, какая-то профессия у нее уже есть: французский язык. Есть личные вещи и украшения, на которые можно безбедно прожить несколько лет. Зачем ей, например, три шубы или пять вечерних платьев, одно шикарнее другого? Зачем бриллиантовая цепочка на шею и перстень с камнем карат в пятнадцать? Все это можно потихоньку, не привлекая внимания, продать. В общем, ей только тридцать пять, и она не пропадет после развода. Только нервы крепче будут.

Константин же смотрел в будущее далеко не с таким оптимизмом. На развод он согласился потому, что меньше всего хотелось сейчас тратить время на выяснение отношений. Успеет еще разобраться с нюансами, когда Клара будет по горло занята на своих дефиле или как там это называется. И жить он, конечно же, будет не в гостинице, это сказочка для Зои. Жить он будет с Klarой, у нее или в этом особняке, или совсем в другом месте, какое она выберет. И, конечно же, он убедит ее выйти за него замуж, уговорит, заставит, купит, наконец. Не было еще такой вещи, которой Константин Задонский не добивался бы, если очень этого хотел. Не было и не будет.

Следующие дни для Зои полетели, как бешеные. Дочку в школу отвозил и привозил оттуда охранник, а в эти свободные часы Зоя моталась с риэлтором по Москве в поисках квартиры, удовлетворяющей максимальным требованиям комфорта за минимальную цену. На третий день ей повезло: срочно продавали двухкомнатную квартиру в кирпичном доме постройки 70-х годов на Смоленской площади. Не самое тихое место, конечно, но часть окон выходила на Москву-реку, а одно — в большой зеленый двор. Метро рядом, родители — в пятнадцати минутах езды на троллейбусе, ремонт требуется минимальный, а освободить площадь хозяева готовы хоть завтра: деньги им были нужны позарез и немедленно.

Собственно процедура развода была минимально упрощена: обо всем договаривались адвокаты. Мотив был традиционный: несходство характеров, о нарушении супружеской верности никто даже и не заикался, о материальной стороне дела стороны договорились полюбовно, интересы ребенка ущемлены ни в коей мере не были. Небольшие сувениры кому надо сократили срок процедуры до минимума, и через месяц Зоя оказалась уже не женой миллионера, а разведенной женщиной "за тридцать" с ребенком, каких в Москве — десятки тысяч. В день получения свидетельства о разводе Зоя перебралась с Алиной на новое место жительства, причем это мероприятие довольно удачно совпало с началом осенних каникул в школе. После них Алина должна была пойти уже в обычную среднюю школу, а не в привилегированный лицей, чему, как ни странно, была несказанно рада.

— И не жаль тебе оставлять друзей? — поинтересовалась как-то Зоя.

— Друзей? — фыркнула Алина. — Они все тупые, как я не знаю кто. Все разговоры о том, у кого родители круче, то есть папеньки, разумеется. Мамаши-то там все, как на подбор, кошелки-кошелками, только в фирму упакованные. Нет, не жалею ни капельки. Да и надоело, как арестантке, с конвоиром мотаться. Мороженое спокойно съесть невозможно: проверяет, не отравлено ли. Цирк!

— У них работа такая, доченька, — вздохнула Зоя. — Конечно, никто нас с тобой травить не собирается. Только имей в виду: деньги теперь считать придется, как всем нормальным людям.

Алина только махнула рукой и надела наушники от плеера. Зоя посмотрела на дочь как-то другими глазами: она считала, что Алина больше похожа на отца и материальный аспект для нее значит очень многое. Оказалось — не очень. Приятное разочарование. Как и открытие того, что продукты можно покупать раза в четыре дешевле, чем те, которые им доставляли на дом, что убрать двухкомнатную квартиру можно и без помощи наемной работницы, а вид на Москву-реку, особенно по вечерам, просто завораживал. Что же касается неизбежного городского шума, то от него удалось отгородиться фирменными стеклопакетами. В общем, жизнь постепенно налаживалась.

Константин хотел бы сказать то же самое о себе, но как-то не получалось. Клара приняла его и, кажется, даже обрадовалась тому, что ради нее он ушел из семьи (именно такая версия ей была преподнесена вместе с дорогим кольцом, символизирующим начало новой жизни). Первая неделя пролетела, как медовый месяц, Константин даже дела несколько запустил. Потом съездили, как и хотели, на экзотические Багамы, провели там феерическую неделю и вернулись в осеннюю, слякотную Москву. Начались будни и...

Во-первых, выяснилось, что привычки у Клары и Константина не то что разные — диаметрально противоположные. Клара могла не спать несколько суток, а потом за десять-двенадцать часов наверстать упущенное и снова быть в форме. Константин же все-таки привык спать не меньше восьми часов и желательно ночью. Засыпать под музыку и при свете он не мог, а Клара без музыки, причем громкой, просто не жила. В результате на фирму Константин приезжал невыспавшийся и злой, что немедленно чувствовали все его подчиненные.

Во-вторых, Клара была совершенно непредсказуемой. Единственное, что она признавала — это график своих съемок и дефиле, тут уж никому никаких нарушений не позволялось, а любые попытки в этом направлении резко пресекались. Но после работы она могла закатиться к друзьям слушать новые записи или просто "балдеть" в сауне с бассейном, а могла отправиться прямоком домой и запереться в спальне, чтобы отоспаться. Никаких отчетов о своем времяпрепровождении она не признавала, считала их покушением на свободу личности, а за эту самую свободу боролась как Анджела Дэвис и Долорес Ибаррури вместе взятые.

И, наконец, Клара была фантастической неряхой. Предметы дамского туалета, разбросанные по всей квартире — это были просто милые пустячки, потому что все вещи, попав в окружение Клары, начинали, казалось, свою собственную и весьма насыщенную жизнь. Константин никогда не мог быть уверен в том, что обнаружит свою бритву и лосьон в ванной, а не на кухне или даже в гостиной. Найти чистую, отглаженную рубашку становилось проблемой, а поиски запонок — сущим наказанием. Привыкший к маниакальной чистоплотности и обязательности Зои, Константин брезгливо морщился, обнаружив грязную ванную или другие предметы интимного назначения, не мог привыкнуть к тому, что расческа с пучком бронзовых волос преспокойно оказывалась в холодильнике ря-

дом с продуктами, а ботинки почему-то все время были нечищенными. Но любое, даже самое робкое, замечание парировалось одной и той же холодной фразой:

— Я тебя не держу. Живи сам, где хочешь, со своими привычками.

Вот к такому повороту событий Константин каждый раз оказывался не готовым. Он не мог жить в хлеву, который создавала вокруг себя его возлюбленная, но не мог жить и без самой возлюбленной. В редкие минуты просветления он давал себе зарок покончить с этим наваждением, продать, наконец, особняк, купить нормальное жилье только для себя и общаться с Кларой по мере необходимости. Беда заключалась в том, что необходимость эта была практически постоянной.

Он даже повидать дочь никак не мог выбраться. То дела, то Клара, то еще что-нибудь. Пару раз пытался звонить по телефону, но трубку брала Зоя, а беседовать с ней он был пока еще не готов. Хотя бы потому, что все чаще думал о том, как хорошо он жил прежде, когда был женат на Зое, и придумывал хитрые ходы для того, чтобы восстановить свой брак и прежний образ жизни... сохранив при этом Клару. Понятно, что столь нереальную задачу решить не мог бы никто, да и Клара ясно давала понять, что впредь с женатыми мужчинами связываться не собирается, и что Константин поступил очень мудро, получив свободу от супружеских уз.

— Но если ты не хочешь выходить замуж, на кой ляд тебе свобода партнера? — изумлялся Константин.

— Ну, я же не всегда буду молодой. Правда? Может быть, мне захочется иметь ребенка или даже детей. И что тогда? Уводить мужчину из семьи? На чужом горе счастья не построишь, мой друг.

Иногда он умилялся житейской мудрости Клары, иногда эти банальности раздражали его до крайности. Так же, как и бравирование независимостью, потому что на самом деле девушка жила в основном за его счет. Того, что она получала в своем модельном агентстве, могло хватить на пару походов в ее любимый ресторан, где бутылка элитного виски стоила больше тысячи долларов. Тем не менее, содержанкой себя ни в коем случае не считала и при каждом удобном и неудобном случае подчеркивала, что сама зарабатывает себе на жизнь и никому ничем не обязана.

Константин похудел и постарел, но на робкие вопросы окружающих отвечал, что все отлично, просто молодая возлюбленная — это не старая жена и образ жизни несколько меняется. Но в один прекрасный день понял, что должен хотя бы немного отдохнуть от этого самого нового образа жизни и с удовольствием улетел в командировку в Амстердам, куда давно собирался, чтобы присоединиться к своему бизнесу еще одну маленькую веточку: алмазную. Хотя и опасное это дело, и конкурентов там — немерено, но в случае успеха прибыль ожидалась просто фантастическая. Вот тогда и посмотрим, кто кому будет определять образ жизни. Деньги могут все, а огромные деньги — все, что угодно.

В Амстердаме было теплее, чем в Москве, пиво — значительно лучше, а женщин — просто невероятное количество. Так, во всяком случае, первоначально показалось Константину. Посетил он и знаменитый квартал "Красных фонарей", но был разочарован: те же девки, только сидят за стеклом. И ни одна из них в подметки не годится его Кларе. Даже Зоя в свои лучшие времена выглядела сексуальнее. Интересно, как она сейчас поживает? Или — не интересно?

С делами он, тем не менее, справился успешнее, чем ожидал. Переговоры прошли на хорошем уровне, нужные бумаги были подписаны без проволочек,

обязательства, взятые на себя обеими сторонами, не казались особенно обременительными. Если этот план осуществится... Хотя, что, собственно, может этому помешать?

Последний день оказался вообще свободным от дел и Константин внезапно понял, что ни минуты больше не может оставаться в этой вылизанной и тихой Европе, что его безумно тянет домой, в холодную и все еще загаженную Москву. Ну, не в сам город, конечно, а во вполне определенную квартиру, где его... ждут? Не ждут?

Вот это Константин и решил проверить, хотя чувствовал, что поступает, мягко говоря, неразумно. Клара — девушка особая, что ей в голову взбредет, совершенно не понятно. Хорошо хоть, что смилостивилась — дала ключи от квартиры после того, как он всю ночь прождал ее в автомобиле у подъезда. Где ее носило, правда, не сказала, а он мало того, что не допытался — простил. Он, Костя Гроб, простил девку за откровенное пренебрежение им, хотя многие исчезли навсегда за куда более мелкие прегрешения.

Через три часа после принятия "эпохального решения" Константин уже сидел в самолете, который делал транзитную посадку в Амстердаме по пути из Исландии в Москву. Места на нем были, служащим аэропорта было в высшей степени безразлично, когда улетит этот русский: сейчас или завтра утром, так что билет ему обменяли без проблем. И еще через несколько часов он подъезжал на такси к дому Клары, заставляя себя думать не о том, как она его встретит, а об оставленных до завтрашнего дня в Амстердаме спутниках, помощниках и телохранителях, от которых он просто удрал, оставив записку. Если бы кто-то из его недругов мог представить себе, что суперосторожный Задонский способен на такой опрометчивый поступок, добром бы все это явно не кончилось.

Из-за двери, как всегда, доносилась музыка, хотя и не слишком громкая. Лишний раз порадовавшись, что купил Кларе пентхаус, а не обычную квартиру, соседки в которой давно бы замучили всех жалобами, Константин вставил ключ в замочную скважину и... И ничего не произошло. Ключ охотно крутился в замке во все стороны, но дверь оставалась запертой.

Замок сменить Клара не могла: навороченная дверь признавала только свои, родные. Значит, заперлась изнутри на засов и теперь нужно звонить и как бы не факт, что она откроет. Хотя бы потому, что его-то сегодня Клара никак не ждет, а другим имеет полное право не открывать. Даже молодец, что не открывает. Наверное, отдыхает, иногда у нее случаются такие периоды, когда она остается одна и никого не желает видеть. Ну, его-то она в любом случае сегодня увидит.

Припомнив кое-что из очень далекого прошлого и советов бывалых людей, Константин спустился вниз и оттуда по служебной лестнице поднялся на чердак. Дверь, естественно, не была заперта: вечное российское разгильдяйство! Так что на крышу Константин прошел без особых проблем, а поскольку крыша была плоской, то спокойно добрался до того единственного окна в пентхаусе, которое — он знал! — можно спокойно открыть снаружи, поскольку его никогда не запирали изнутри. Это было окно ванной комнаты и оно было темным. Тоже повезло.

Константин тихонько нажал, и окно плавно уехало вверх. Благослови Бог того, кто придумал такую конструкцию: окно и крутится, и поднимается, и вообще очень подвижно. Протиснуться в самую ванную комнату было немного сложно, учитывая габариты Константина, но он все-таки исхитрился практически бесшумно проникнуть внутрь. Смешно было бы только, если бы Кларе взбрело в голову

запереть ванную снаружи, но на ней, кажется, даже замка не было, только задвижка изнутри.

Из-под двери пробивался приглушенный свет, а музыка звучала громче, чем на лестнице. Константин осторожно приоткрыл дверь и увидел краешек кровати, которую Клара в хорошие минуты называла "сексодромом" — из-за размеров и основного предназначения. Он приоткрыл дверь пошире и... остолбенел.

Клара лежала на кровати совершенно обнаженная, с закрытыми глазами и блаженной улыбкой. А рядом с ней, опершись на локоть, лежала на боку миниатюрная блондинка с идеальной фигуркой античной статуэтки и ласкала Клару самым изысканным образом, о котором большинство людей просто не подозревают. В этом плане Константин как раз относился к большинству. И если вполне терпимо относился к лесбиянкам, как к пикантному и заводящему зрелищу, то представить себе в такой роли свою возлюбленную...

— Сука! — завопил он, врываясь в комнату. — Я ради тебя всем пожертвовал, я тебе ни в чем не отказывал, а ты... Ты хуже самой грязной подзаборной шлюхи! Теперь понятно, почему я тебя ни разу с мужиком не накрыл! У тебя другие вкусы, дрянь.

Клара, оправившись от первого шока, села на кровати и быстрым движением заслонила свою подружку. Это взбесило Константина окончательно.

— Ах, ты еще ею и дорожишь! Ну, так прощайся и с ней, и со своей карьерой. Топ-модель! Я тебя сейчас так отделаю, что за место дворника благодарить будешь.

Блондинка молниеносно соскочила с постели и кинулась в гостиную, оставив Клару расхлебывать последствия неожиданного вторжения. Константин шагнул к постели и поднял кулак:

— Ну, бей! — взвизгнула Клара. — Бей, бандит, урод, мужик, козел вонючий! Бей! Только лучше до смерти, потому что я потом тебя по судам затаскаю, никакие деньги не спасут. А если убьешь, за меня отомстят, тебе самому не долго останется.

Сильный удар отбросил ее в угол комнаты. Клара ударилась головой об угол изысканного комодика эпохи какого-то Людовика, щедро украшенного завитушками и виньетками, дернулась и затихла. Изю рта у нее поползла тонкая струйка крови...

"Убил... — как-то отстраненно подумал Константин. — Я убил Клару. То есть она упала и ударилась, я ее не убивал. Нужно немедленно связаться с моими в Амстердаме. Я все еще там, они должны будут это подтвердить".

Про убежавшую блондинку, которая прекрасно могла опознать его и все подтвердить, как раз наоборот, он как-то забыл. Дальше действовал совершенно автоматически: надел перчатки, вышел из квартиры обычным путем, захлопнул за собой дверь, оставленную блондинкой полуоткрытой, и спустился вниз. На улице поймал машину и назвал адрес коттеджного поселка, где и оказался через сорок минут.

Через час он уже почти успокоился. В камине горел огонь, в баре нашлась бутылка марочного коньяка, закуска была ему не нужна. Он прихлебывал коньяк прямо из горлышка и думал о том, что теперь будет. В Амстердам он уже позвонил, все распоряжения дал. С адвокатом договорился встретиться на следующий день, после обеда. Человек проверенный, знает столько секретов, что одним больше, одним меньше — никакой разницы. В крайнем случае, получит пару лет условно. Если его найдут, конечно...

Может, и найдут. Но почему-то эта мысль его больше вообще не волновала. Клара сломала его жизнь — и получила по заслугам. Когда все закончится, он

вернет Зою, обязательно вернет, потому что только она его всегда понимала и никогда не обманывала, и они начнут жизнь заново. Родят сына, найдут достойного жениха для Алины. Она хорошенькая девочка, вырастет красавицей, как ее мать. Как ее мать...

Он вспомнил молоденькую Зою, строгую и спокойную девушку с прекрасными синими глазами. Вспомнил, как ухаживал за ней, заставил полюбить себя, стать его женой. Вспомнил, какой поддержкой она бывала для него в трудные минуты и как никогда не обременяла мелочами. Как он мог обо всем этом забыть? Как допустил, чтобы такое сокровище выскользнуло из его рук?

Его размышления прервал звонок мобильного. Звонил сотрудник милиции, так сказать, "прикормленный", которому Константин время от времени подбрасывал злую сумму денег для своевременного получения информации. Судя по всему, время пришло.

— Константин Петрович, это вы?

— Я, Миша. Что стряслось-то?

— Вы где?

— В Амстердаме, — на всякий случай сказал Константин. — Завтра утром прилечу. Так что случилась?

— Клара... То есть подруга ваша... В общем, на нее было совершено нападение. Был получен анонимный сигнал. Злоумышленник проник через окно ванной комнаты...

— Что с Кларой?

— Состояние тяжелое, сильный ушиб головы, рана лица. Но врачи обнадеживают...

— Подозреваемые есть?

— Пока нет. Отпечатков полно, нужно проверять. Если пострадавшая придет в себя, то тогда, конечно...

— Спасибо, Мишаня. За мной не пропадет. Завтра приеду, сам тебе позвоню, будем вместе искать.

— Для вас всегда рад, Константин Петрович...

Еще бы он не рад! Значит, Клара может выжить. Но былой красоты ей, конечно, уже не вернуть: кажется, он ко всему прочему сломал ей нос, да и шрам на лице — не лучшее украшение для женщины. Значит, карьера к черту, да и с подружками могут быть проблемы. Ну что ж, каждый получает то, что заслужил. Каждому, как говорится, свое.

Константин напрасно беспокоился: его никто не заподозрил, слишком высокого полета птица. Да и кому нужно надрываться в поисках обидчика какой-то там модели. В милиции здраво рассудили, что ежили богатый любовник в больницу не спешит, а шлет букеты и конфеты, значит, любовь закончилась и можно спокойно заниматься другими делами. Государственных деятелей вон пачками убивают, искать нужно наемных убийц, террористов всяких, а не неведомого отморозка, который слегка покалечил девушку. Жива осталась — и слава Богу.

Клара действительно выжила, но, выписавшись из больницы, совершенно исчезла из поля зрения Константина. Квартиру продала через посредника, машину тоже — и словно растворилась. В модельном агентстве о ней ничего не знали или делали вид, что не знают. В общем, как не было человека, а значит, и проблем больше не существует.

Искал же Клару Константин вовсе не для того, чтобы завершить месть, а чтобы... помириться. Не мог он ее забыть, и все тут. Все покаянные мысли о том, что нужно попытаться вернуть Зою, что нужно жить по-другому, как-то лучше, до-

вольно быстро перестали его посещать. Он даже не позвонил бывшей жене, да и о дочери, если честно, вспоминал не часто. В свое время он составил завещание, где все до последнего гвоздика оставлял единственной дочери — и благополучно о нем забыл, а в новом завещании нужды пока не возникало.

Особняк Константин продал, чтобы не травить душу воспоминаниями, и купил такую сверхдорогую квартиру в сверхэлитном доме, что даже его коллеги по цеху только руками развели: ну, крутой Костя, ну, дает шороху! А Константину просто некуда стало девать неожиданно пошедшую прибыль от "алмазной веточки", где дела шли удивительно гладко. Настолько гладко, что Константин увоил охрану, поставил над ней специального начальника и ездить на фирму стал исключительно в бронированном лимузине. Береженого ведь, как известно, Бог бережет.

Только иногда позволял себе короткие вылазки инкогнито в Санкт-Петербург, каждый раз с новой подружкой, которую после такой увеселительной поездки никто уже никогда не видел. Откуда они брались и куда девались, знал, по-видимому, только начальник охраны, но его никто не спрашивал о мимолетных любовницах шефа, а сам он вообще открывал рот только в случае крайней необходимости. Работа такая.

Глава пятая Каждому — свое

Под Новый год Зоя позволила себе редкую роскошь: пойти в магазин "Седьмой континент" в начале Старого Арбата, купить чего-нибудь вкусного к празднику, а заодно поискать недорогие, но приличные подарки родителям и дочери. Первый раз за много лет у Алины не будет билетов на любимые, самые престижные елки, не будет огромной зеленой красавицы в зале собственного особняка, не будет всего того, к чему она успела привыкнуть. Надо было сделать все возможное, чтобы дочка не слишком огорчалась из-за перемен в их жизни.

Настроение у Зои было приподнятое: накануне позвонили из комиссионного магазина и сообщили, что норковую шубку, наконец, продали за вполне приличные деньги и их можно прийти и получить в любое время. Это давало возможность отложить на будущее довольно значительную сумму. Зоя невольно усмехнулась: когда-то, точнее, еще совсем недавно, она могла позволить себе потратить десять тысяч долларов на один-единственный праздник и это считалось нормальным. Сейчас деньги за шубку нужно было растянуть на все праздники в году.

Уже на выходе из комиссионки Зоя столкнулась с заходившим в магазин человеком. Тот вежливо отступил в сторону и вдруг воскликнул:

— Зоя! Как я рад вас видеть! Не сразу узнал — богатая будете.

— Евгений? — неуверенно переспросила Зоя. — Вот уж действительно неожиданная встреча.

— Что вы тут делаете? Присматриваете себе подарок? Или кому-то еще?

— Да всего понемножку, — уклончиво ответила Зоя. — Праздник все-таки.

— У вас найдется для меня полчаса? Я действительно рад вас видеть. Посидим где-нибудь. Кофе попьем.

Искушение было слишком сильным. Полгода Зоя практически нигде не была, на личной жизни сразу после развода поставила большой и красивый крест, внося себе, что теперь должна жить только для Алины. Даже с родителями виделась куда реже, чем раньше: слишком уж донимала ее мать нотациями о том, что упустила такого мужа, что из князей плюхнулась обратно в грязь и так и будет там сидеть до конца жизни. Один шанс выпал — и тот проворонила. Все объяснения о

том, что семейной жизни, как таковой, не было, что муж откровенно пренебрегал ею и изменял чуть ли не на глазах, на мать не действовали, она просто не понимала, что такое боль от измены близкого человека, поскольку никогда ничего подобного не испытывала.

— Что ж, давайте посидим, — сказала Зоя. — Выбирайте, где, мне все равно.

— Да хоть бы и здесь, — кивком головы показал Евгений на итальянское кафе напротив комиссионки. — Кофе здесь отменный, все остальное соответствует.

Зоя порадовалась про себя, что надела не брюки и свитер, как привыкла ходить последнее время, а мягкое платье, красиво облегавшее фигуру, и модные, хоть и с позапрошлого сезона, сапожки. Шубку она оставила себе самую дешевую — лисью, так что выглядела хоть и скромно, но вполне прилично.

Когда они уселись за уютный столик и сделали заказ, Евгений снова спросил:

— Как вы живете, Зоя? Помирились с мужем?

— Наоборот, — улыбнулась она, — уже почти полгода в разводе. Живу скромно, зато спокойно. Сегодня, можно сказать, мой первый выход в свет с того приема.

— Вы всегда так последовательны? — изумился Евгений. — Решили и выполнили, никаких колебаний? Простите за бестактность, но все прошло пристойно? Или...

— Более, чем пристойно, — снова улыбнулась Зоя. — Бывший муж купил нам с дочерью двухкомнатную квартиру, тут, неподалеку, платит вполне приличные алименты, причем не по суду, а добровольно. Да и суда, как такового, не было, все сделали адвокаты по доверенности.

— И вы не жалеете?

— О чем?

— Ну... Все-таки Константин Задонский — это фирма, имя, деньги, наконец.

— И вы, как все, — поскучилась Зоя. — Фирма, имя, деньги. А жила-то я не с ними, а с человеком. И по-человечески — скверно жила, хотя ни в чем не нуждалась. Знаете, я ведь и теперь ни в чем не нуждаюсь, потому что потребности изменились. И почти счастлива.

— Вы удивительная женщина, Зоя, я просто восхищен вами. Но почему "почти"?

— Потому что абсолютного счастья на свете не бывает. Надо довольствоваться тем, что есть. Дочка здорова, довольна новой школой и друзьями, родители не болеют, у меня есть крыша над головой и я не голодаю. Что еще нужно?

— Личной жизни, наверное, — очень серьезно ответил Евгений. — Вы же не собираетесь похоронить в себе женщину в таком возрасте?

— Я об этом просто не думала, — спокойно ответила Зоя. — А как ваша личная жизнь? Вы счастливы?

— Один-ноль, — рассмеялся Евгений. — Какая-то личная жизнь есть, но я заканчиваю новый фильм и счастлив по-настоящему бываю только на съемочной площадке. Так что беру обратно свое утверждение насчет взаимосвязи личной жизни и счастья. У меня — работа, у вас — дочка. Кстати, как вы собираетесь праздновать Новый год?

— На сей раз — тихо и по-семейному, только с родителями. Вот как раз сегодня собираюсь купить елку и подарки. Так удачно вышло, что шуба продается, теперь можно будет не мелочиться...

Зоя произнесла последнюю фразу — и осеклась. Зачем она это рассказывает фактически постороннему человеку? Какая ему разница, сто рублей у нее в кошельке или тысяча долларов? Еще подумает, что жалуется...

— А носильщик-таксист вам не нужен? — весело спросил Евгений, как бы не замечая смущения Зои. — Я на машине, между прочим. Возьму недорого: чашку чая после работы и номер телефона.

— Ничего себе недорого! — с облегчением подхватила предложенную игру Зоя. — Телефон-то нынче знаете, сколько стоит, если в платную справку обращаться?

— А я обращался, — серьезно сказал Евгений. — Только мне там вашего телефона не дали, не положено давать домашние телефоны магнатов. Конечно, выход я нашел и телефон раздобыл, только к нему никто не подходил. А потом закрутился с работой...

— Ну, тогда уговорили, — сказала Зоя. — Я-то машину сегодня не взяла, тут все в пределах пешего доступа. А вот как елку тащить буду — не подумала, так что вас мне сегодня действительно судьба послала. Но ведь у вас, наверное, какие-то свои планы были на сегодня?

— Ничего такого, что нельзя было бы отложить на любой другой день. Съемки почти закончены, картина монтируется, редкий шанс располагать временем по своему усмотрению. Так что мне сегодня тоже повезло.

— А о чем фильм?

— О любви, — серьезно ответил Евгений, но глаза его при этом смеялись. — О любви бедной девушки к очень известному артисту. Все кончается хорошо, как в жизни.

— Вы шутите? В жизни такие вещи хорошо не кончаются.

— Это смотря что считать хорошим, а что — плохим. Знаете, я лучше приглашу вас на закрытый просмотр, сами все увидите. Зачем я буду вам пересказывать, как передовицу из "Правды" в красном уголке сельского клуба...

Зоя подумала, что ей давно уже не было так хорошо и спокойно общаться с человеком на любые темы: и серьезные, и не очень. К тому же Евгений не старался подчеркивать свою известность, не вел себя как признанный мэтр и гений мирового кино, а был просто милым и обаятельным мужчиной, который не скрывает своего интереса к ней не только как к женщине, но и как к человеку.

Они провели вместе несколько часов, выбирая подарки, елочные украшения и разные лакомства. Зоя категорически отказалась от того, чтобы Евгений платил хоть какие-то деньги и позволила ему купить только две вещи: елку в подарок (как он объявил) ей самой и какую-то компьютерную игру для Алины, потому что сама Зоя в этих вещах мало что понимала, а эта игра, как утверждал Евгений, была не только увлекательной, но и познавательно-развивающей, то есть полезной.

Было уже совсем темно, когда они слегка замерзшие и голодные весело ввалились в Зоину квартиру. Алина должна была вот-вот вернуться от подруги, к которой отпросилась на несколько часов, и Зоя тут же бросилась на кухню, наскоро извинившись перед Евгением. Дочка обладала отменным аппетитом и наверняка сразу же потребует есть. Уже в кухне Зоя вспомнила, что надо бы спрятать подарки, но решила, что Алина вряд ли станет шарить по сумкам: не ее стиль.

Через полчаса в замке повернулся ключ.

— Ты дома, мама? — раздался звонкий голосок Алины. — Я пришла.

Зоя вышла из кухни, поцеловала дочку и только хотела сказать, что у них гости, как та заметила на вешалке модную мужскую куртку.

— Это чье? — изумленно спросила она.

— Это мое, — раздался голос Евгения, который вышел из большой комнаты и остановился в дверях. — Давай знакомиться. Меня зовут Евгений Васильевич и я друг твоей мамы.

— У моей мамы нет друзей! — с огромным апломбом отпаривала Алина, разглядывая гостя без особой доброжелательности.

— Как видишь, один все-таки есть, — спокойно ответил Евгений Васильевич. — А тебя зовут Алиной, ты хорошо учишься и любишь возиться с компьютером.

— Верно, — изумленно сказала девочка и тут же сообразила: — Да это мама вам рассказала.

— Конечно. Причем уже давно, почти год тому назад.

— Давайте продолжим беседу за столом, — вмешалась наконец Зоя. — Ты наверняка голодная, Алина, да и мы с Евгением Васильевичем проголодались, пока по городу бегали.

— А зачем это вы по нему бегали? — поинтересовалась Алина, сбрасывая сапожки и снимая шубку.

— Загляни в гостиную — увидишь, — к огромному изумлению Зои ответил Евгений, не дав ей рта раскрыть.

В гостиной оказалась уже установленная и украшенная елка, которую Евгений умело и незаметно закрепил в углу. Бумага под елкой была выложена таким образом, что имитировала сугробы, а старенький Дед Мороз, которого в свое время подарили еще Зое, оказался как нельзя кстати под пушистыми ветвями.

— Какая красота! — ахнула Зоя. — Просто сказка. Как вам это удалось, Евгений?

— Зоя, я же киношник, сделать такую пустяковую декорацию совсем несложно. Тем более, что все под рукой, ничего придумывать не надо. Я только лампочек не нашел.

— А у нас их нет, — заметила Алина, явно подобревшая. — Прежняя гирлянда в эту квартиру просто не влезла бы.

— Ладно, с лампочками что-нибудь придумаем, — сказала Зоя, — до Нового года еще два дня. Давайте-ка к столу. Мойте руки, я вас жду. Извините, Евгений, что принимаю вас на кухне, но это такой экспромт получился...

— И прекрасно, что на кухне, — бодро отозвался тот из ванной. — Уютнее и проще.

Зоя глазом не успела моргнуть, как Евгений нашел общие темы для беседы с Алиной, причем разговаривал он с ней не как с ребенком, а как со вполне взрослым, самостоятельным человеком. Девочка такой стиль разговора оценила по достоинству и перестала ершиться и выставлять колючки. Редкий случай: посторонних Алина не любила и не жаловала даже тогда, когда жила в особняке, а сюда вообще избегала кого-либо звать.

— А где вы будете праздновать Новый год? — спросила она у Евгения. — У себя дома?

Тот пожал плечами.

— Как-то еще не думал об этом.

— Но ведь это семейный праздник, — тоном многомудрой матроны сказала Алина. — У вас есть семья?

— Нет. Раньше была, а сейчас нет. Я развелся с женой два года назад.

— А дети? — спросила Алина с каким-то болезненным интересом. — Дети теперь живут с ней, да? И вы к ним не ходите?

— Я к ней не хожу, во-первых, потому что идти далеко: она переехала в Америку, — обстоятельно ответил Евгений. — А во-вторых, детей у нас нет. Не родилась.

— Почему?

— Алина! — вспыхнула Зоя. — Ты переходишь границы приличия.

— Полно вам, Зоя, ребенку же интересно. Моя бывшая жена — актриса, она не хотела иметь детей. Потому что это могло помешать ее карьере.

Алина озадаченно посмотрела на него, потом перевела взгляд на мать:

— А ты, значит, не стала делать карьеру? Чтобы меня родить?

Зоя искренне рассмеялась:

— Ну что ты, детка, я просто хотела, чтобы у меня была дочка. И моей работе это никак не могло помешать: я же не актриса. А потом твой папа стал зарабатывать столько, что мне вообще можно было не работать, а только тобой заниматься.

Евгений отметил про себя, что в голосе Зои, когда она говорила о своем бывшем муже, не промелькнуло ни малейшей нотки недоброежелательности. По-видимому, она из тех редких женщин, которые после развода, особенно по вине супруга, не настраивают против него детей, а стараются как-то смягчить ситуацию. Нет, она определенно не походила ни на одну из его знакомых женщин и... нравилась ему все больше. Не красотка, а красивая женщина, которая не делает из своего лица и фигуры фетиш. Зрелая, разумная женщина. Мечта для любого здравомыслящего мужчины...

— Вы позволите как-нибудь позвонить вам? — спросил он Зою, уже в прихожей, собираясь уходить. — Тем более, что номер телефона я честно заработал.

Зоя засмеялась и продиктовала ему телефон. Но тут вмешалась Алина.

— А разве вы больше не придете? Только звонить будете?

— Пригласишь — приду, — полушутя ответил Евгений.

— Ну так я вас приглашаю на Новый год. Что вы будете сидеть один, как сын?

— Алина! — ахнула Зоя. — Это неприлично!

— Приглашаешь на праздник? — с деланным изумлением поднял брови Евгений. — Не вижу ничего неприличного, напротив, за честь сочту. Если, конечно, вы, Зоя, не против.

— Но у нас все будет так скромно...

— Вот и славно. Пышности мне в кино хватает. Так во сколько прикажете прийти?

— Часов в девять, наверное, — осторожно сказала Зоя. — Родители обещали приехать после восьми, а после курантов они поедут к себе. Тут недалеко, несколько остановок. Я их отвезу и вернусь.

— Наверное, это вполне могу сделать я, — заметил Евгений. — А вы с Алиной подождете меня дома. По-моему, так логичнее.

— Вы приходите, — сказала Алина, — а там разберетесь.

Примерно через полгода после этого, в совсем другом городе, который то ли станет снова нашей столицей, то ли нет, Константин Петрович улаживал дела с местными партнерами, а заодно пытался отдохнуть с очередной блондинкой, едва достигшей возраста получения паспорта. Девушка, правда, была уже довольно опытная, во всяком случае, молчала, когда ее не спрашивали, и подарки кланчила с умеренной частотой и даже некоторым тактом. Потому, наверное, и задержалась в жизни Константина больше, чем на две недели — абсолютный рекорд последнего года для спутниц бизнесмена.

Утро в Питере против обыкновения выдалось солнечное и даже теплое, так что проснувшись и определившись во времени и пространстве, Константин решил, что после переговоров было бы неплохо съездить, например, в Петергоф. Прогулка по тихому заливу, солнце, морской ветер и никаких серых каменных стен, от которых уже на второй день пребывания в северной столице у него начались хандра с депрессией одновременно.

Удивительное свойство города на Неве: к нему практически нельзя относиться равнодушно. Как к алкоголю. Кому-то он категорически противопоказан, кто-то без него жить не может, но живут тоже по-разному: одни в полный кайф, другие — стиснув зубы. И приезжие тут же делятся на две категории: фанатов Питера и его ненавистников. Константин принадлежал к умеренным ненавистникам, этот город на него давил и он старался посещать его как можно реже. На сей раз от поездки отвертеться не удалось. Ну, хоть с погодой повезло, и на том спасибо.

Соседка по ложу еще досматривала сны. Константин довольно бесцеремонно прервал это занятие, совершенно не интересуясь мнением на этот счет партнерши, быстренько получил утреннюю разрядку и отправился в душ, бросив на ходу:

— Закажи завтрак. Обычный. Кофе побольше.

Девка с ним две недели, а он никак не может запомнить ее имени. То ли Аля, то ли Валя, то ли вовсе даже Ляля. Она откликалась на любое, а он не считал нужным напрягаться и выбирать какое-то одно.

Аля-Валя-Ляля показала язык закрывшейся двери в ванную комнату — максимум протеста, на который она отваживалась, — и стала набирать телефонный номер. Кофе побольше, тосты, апельсиновый сок, яичница с беконом... Подумав, она добавила к этому перечню пару пирожных со взбитыми сливками: за фигурой пусть следят те, у кого она плохая, а тут вполне можно позволить себе хоть торт с кремом, хоть шоколад с марципанами. Все равно будет стройная, красивая и обольстительная.

Она даже не догадывалась, что это — ее последний завтрак с “богатеньким Буратино”, которого она только собиралась раскрутить по полной программе. Пока изображала из себя пай-девочку, а когда “папик” расслабится — уж она своего не упустит. Сверхзадача — женить на себе старого козла, но это уж слишком круто. Хотя попробовать не мешает...

Если бы она могла прочесть через стенку мысли Константина, принимавшего в этот момент душ, она бы даже завтрака дожидаться не стала, а мгновенно упаковала бы все, что можно забрать с собой, включая наличность, и унесла бы ноги. Потому что меньше всего в мыслях ее любовника занимала ее персона. Он впервые всерьез задумался о том, что пора возвращать Зою.

В общем-то он по-своему ее любил, но главное — надоела равнодушная купленная обслуга. Приторно-вежливые горничные в отелях, неискренняя и, похоже, вороватая домоправительница в Москве, все эти корыстные девки, которые думают только о деньгах и тряпках. Надоела одинокая бессонница, хотелось человеческого тепла, а кроме бывшей жены получить его было неоткуда. Он надеялся, что она уже вдоволь накушалась нищеты и неудобств жизни в смрадном и опасном мегаполисе, что не сразу, конечно, но простит его и вернется.

Куда? Об этом стоило подумать отдельно. Конечно, глупо с его стороны было посадить ее в коттеджном поселке, где она потихоньку и спятила от безделья. В новой, просторной квартире, в построенном для немногих избранных доме, в одном из чудом сохранившихся тихих зеленых уголков столицы. Пусть совершает свои любимые прогулки пешком, пусть найдет себе какое-нибудь хобби, а он сделает все возможное, чтобы вечерами возвращаться домой и общаться с ней и с дочерью. Ведь Алина...

В этот момент Константин вспомнил, что вчера у дочери был день рождения. Одиннадцать лет — дата, конечно, не круглая, но малышка наверняка ждала если не встречи с отцом, то хотя бы подарка. А он, наказывая строптивую жену, заодно, выходит, наказал и ни в чем не повинную дочку. Чертов секретарь, почему он ему вчера не напомнил? Уволить мерзавца сегодня же!

Константин вылетел из ванной и, не обращая внимания на сервированный завтрак и ожидавшую его девушку, кинулся к телефону. Память на номера у него всегда была отменная: по новому телефону он звонил дочери всего два раза, но помнил его прекрасно. Трубку, однако, никто не брал. Странно. Одиннадцатый час утра, летние каникулы, куда они могли запропасться? Не дачу же сняли на свои гроши.

Константин нажал на рычаг и набрал еще один знакомый номер — родителей Зои. Уж они-то должны знать, куда подевались их дочка с внучкой. Слава Богу, теща оказалась дома и сама подошла к телефону: с тестем у Константина как-то не очень сложилось, а вот старуха зятя любила.

— Доброе утро, Марь Игнатьевна! — бодренько начал он. — Узнаете?

— Костя, — как-то неуверенно отозвалась та, — здравствуй. Что случилось?

— А ничего не случилось. Хотел Алину поздравить, вчера замотался с делами, ничего не успел, там никто к телефону не подходит. Куда они подевались, не знаете?

— В Сочи, — после некоторой паузы ответила Мария Игнатьевна. — В Сочи они три дня назад улетели.

— Интересно! С чего это вдруг? Зоя вроде бы Крым всегда предпочитала...

— Так они на фестиваль полетели... этот... как его... "Кинотавр", что ли.

Константин чувствовал, что в голосе его бывшей тещи появилась и растет какая-то странная паника.

— В чем дело? — рявкнул он. — Что вы недоговариваете? С кем Зоя туда полетела?

— С Алиной, — пролепетала Мария Игнатьевна, — и ... и с мужем.

Константину показалось, что он ослышался. Или старуха уже окончательно сошла с ума и несет новость что.

— С каким еще мужем, черт подери? Откуда он взялся?

— Он режиссер, кинорежиссер... Они давно знакомы, а поженились две недели назад. И улетели в Сочи, потому что его фильм там в конкурсном показе...

— Остановились, конечно, в "Жемчужине"? — мрачно спросил Константин.

— Да, кажется... то есть я не знаю, они...

Но Константин уже швырнул трубку. Конечно, в "Жемчужине", где же еще? Ну, о возвращении к нему Зоя, конечно, может теперь даже и не мечтать, а вот муженьку ее новоявленному он устроит сладкую жизнь, мало не покажется. Феллини хренов! Давно знакомы с Зоей, надо же! Значит, эта сучка его обманывала и потребовала развода, чтобы выйти замуж за давнего любовника? Похоже на то. Тогда и она свое получит: во-первых, он у нее отберет дочь, нечего ребенку на непотребства матери смотреть, а во-вторых, при ближайшем удобном случае сделает вдовой. И алименты платить не будет, пусть зарабатывает на панели, как и положено шлюхам.

Константин и не заметил, что давно уже разговаривает вслух сам с собой, мечась по огромному номеру абсолютно голым. Девушка вжалась в угол постели и только ошеломленно хлопала глазами: таким своего партнера-спонсора она еще не видела. Наконец, гнев постепенно пошел на убыль и Константин начал соображать более или менее здраво.

— Завтрак стынет, котик... — робко вякнула девушка, спинным мозгом почувствовав, что уже можно открыть рот, не рискуя схлопотать оплеуху.

— Закажи новый или трескай так, — отозвался он, думая совершенно о другом. — Мне безразлично.

— Что-нибудь случилось? У тебя неприятности?

— У меня неприятностей не бывает, детка. Неприятности бывают у тех, кто пытается мне их организовать.

Значит, так. Сегодня же ночным рейсом в Москву. Завтра связаться с одной частной охранной фирмой, пусть обеспечат доставку Алины из Сочи. Как говорится, без шума и пыли. Параллельно найти одного человечка, пусть разберется с этим новым мужем. Не впервой, справится, на гонорар за такой заказ он сможет год на Канарах оттягиваться. Распоряжение банку: прекратить все выплаты бывшей жене. Найти Алине гувернантку и собственного охранника, впрочем, это можно совместить, не проблема.

Константин снова чувствовал, что ситуацией в конце концов управляет он. Не может быть такого, чтобы из него сделали посмешище на всю Россию. Можно себе представить, как они потешаются над ним сейчас на этом их гребаном фестивале. Ничего, ничего, хорошо смеется тот, кто смеется последним.

— Мы куда-нибудь сегодня поедем, котик? — отважилась девица еще на один вопрос.

— Собирай вещи. Ты поедешь на вокзал и первым же поездом отправишься в Москву. У меня сейчас такие дела, что не до тебя.

— А когда ты приедешь?

— Не твое дело. Когда надо, тогда и приеду. Деньги ты получишь, не беспокойся. И вообще я сам тебя на вокзал отвезу, мне по дороге. А там сама справишься, не маленькая.

Сегодняшнюю встречу отменить никак нельзя, слишком важные дела на ней решаются, слишком много серьезных людей приглашено. А пока он будет вести переговоры, пусть его идиот-секретарь тут все соберет, озаботится билетом и всеми остальными формальностями. Да, пожалуй, он его тоже забросит на вокзал, пусть заодно проследит, чтобы эта кукла уехала, а не отвечивала тут, а потом возвращается в гостиницу и ждет его распоряжений. Ну вот, похоже, все вытанцовывается в правильном направлении. Нужно только хорошенько все обдумать, а не метаться по номеру, как ошпаренному коту. Много чести!

Аля-Валя-Ляля знала, что спорить бессмысленно, поэтому предпочла перейти на нейтральную тему.

— А я вчера в газете такой рассказ прочитала. Про одну нашу девушку и американскую миллионершу. Умереть, уснуть! Представляешь, приехала в Россию вдова американского миллионера, решила благотворительностью заняться. И в одной из больниц нашла девушку, которую страшно избили бандиты. Лицо поуродовали, нос сломали, память отбили, в общем — финиш. А была красотка.

— Могу себе представить! — насмешливо бросил Константин. — Со сломанным носом-то!

— Но установили же, что это была очень знаменитая топ-модель, ее чуть ли не на конкурс красоты мира хотели послать, а тут такое. В общем, американка ее удочерила, увезла с собой, сделала несколько пластических операций. Та ничего не помнит, английский осваивает с нуля, знает только, что ее зовут Клара...

— Клара? — со странной интонацией переспросил Константин. — В какой газете ты это вычитала?

— Вот, — подняла девица с пола несколько ярких листов явно "желтой" газеты. — На третьей странице, кажется.

Газета называлась "Жареные сплетни" и на обозначенной странице действительно была напечатана история, которую только что слышал Константин в вольном пересказе любовницы. С фотографии на него смотрела пожилая матрона в лиловых кудельках, к плечу которой прислонилась античной красоты девица... с

зелеными глазами Клары и ее бронзовыми локонами. Ошибки быть не могло. Значит, он ее не убил — и то слава Богу. А то, что память утрачена, еще лучше, теперь ему вообще ничего не грозит. Клара свое получила, пусть теперь живет безмятежно, у него и так забот хватает. Но все-таки везучая сучка оказалась, вместо кладбища угодила в объезд американской миллионерши, да еще в качестве законной наследницы...

— Собирайся, — приказал он любовнице. — У меня через два часа деловая встреча.

Примерно через час швейцар гостиницы "Англетер" помог уложить в багажник черной "ауди" два объемистых чемодана с "приданным" отставной фаворитки. Сама она юркнула в машину и забилась в угол, а на переднее сиденье прошмыгнул секретарь, здорово напуганный нахлобучкой, которую получил от шефа за забывчивость, и мечтающий только о том, чтобы обошлось без кровопролития, то есть без увольнения. Последним в машину на заднее сиденье справа уселся Константин — он терпеть не мог ездить рядом с шофером. По целому ряду причин, одной из которых была все та же боязнь покушения, лишь слегка отпуская его вне Москвы.

— Поехали! — приказал он. — Сначала на Московский вокзал.

Машина медленно отползла от подъезда, развернулась и поехала в указанном направлении. Развить хоть какую-то скорость не удавалось: город готовился к грядущему юбилею и там, где не был перекопан, был, как правило, перегорожен либо строительными лесами, либо машинами дорожной службы.

— Сейчас выйдем на приличную улицу, — сказал шофер, притормаживая у светофора на не слишком оживленном перекрестке. — Минут через десять...

Договорить он не успел. Сзади справа "ауди" догнал мотоциклист в черной кожаной куртке и черном шлеме. Неуловимым движением он выхватил из-под куртки то ли короткоствольный автомат, то ли длинноствольный пистолет и выпустил всю обойму в стоявшую рядом машину, буквально прошив ее в длину. По случаю жаркой погоды окна в машине были открыты и шансов уцелеть у седоков практически не было.

Закончив стрелять, мотоциклист дал по газам и исчез где-то в проходных дворах. Все продолжалось от силы тридцать секунд, хотя немногим свидетелям со стороны они показались часами.

Визжали женщины, гудели машины, вдали послышалась сирена милиции и, возможно, "скорой", услуги которой, впрочем, не понадобились. Константин Задонский, он же Костя Гроб, был убит наповал пулей в висок, секретарю пуля попала в затылок, шоферу — в шею по касательной. Все они скончались на месте, а между задними сиденьями и спинками передних на полу корчилась в агонии юная блондинка с развороченной грудной клеткой. Она так и не поняла, что произошло и почему ее короткая жизнь так стремительно и нелепо закончилась.

— Своих нам мало, — хмуро сказал капитан милиции, осматривавший место происшествия, своему помощнику, — теперь возись с москвичом. У себя, что ли, пулю схватить не мог, обязательно за этим надо было в Питер переться? Своих "глухарей" — не разгрести, а этот — стопроцентный "висяк".

— Это точно, — вздохнул помощник. — Только ведь никто ни часа своего не знает, ни места, верно?..

В Сочи Зоя смотрела, как плещутся в море Евгений с Алиной и думала: Господи, какая же я счастливая женщина!

Зоя не знала, что она еще и очень везучая женщина. ■

анкета "Мое свободное время"

Отправитель анкеты

Фамилия _____ Имя _____ Отчество _____

Год, месяц, дата рождения _____

Данные о себе

1. Фамилия _____ Имя _____ Отчество _____

2. Адрес доставки корреспонденции (с указанием индекса): _____

3. Телефон (код города) _____

4. Год, месяц, дата рождения _____

5. Социальный статус (студент, служащий, рабочий, военнослужащий, предприниматель, пенсионер, домохозяйка, другое) _____

6. Род деятельности _____

7. Количество детей в семье _____

Мое свободное время

8. Если я включаю телевизор, то смотрю:

_____ (назвать любимые каналы TV);

_____ (назвать любимые передачи TV).

9. Если я включаю радио, то слушаю:

_____ (назвать любимые радиостанции);

_____ (назвать любимые программы радио).

10. Я регулярно читаю:

— газеты _____ (перечислить наименования);

— журналы _____ (перечислить наименования);

— книги _____ (о чем).

11. Сколько времени, в среднем, ежедневно Вы используете для чтения?

— меньше 1 часа — от 1 до 5 часов — свыше 5 часов

12. Где Вы читаете?

— дома — в транспорте — на работе — в других местах (каких?) _____

13. Есть ли у Вас дома компьютер, Интернет (нужное подчеркнуть)?

14. Ваше отношение к рекламе в СМИ (бывает интересно, равнодушно, раздражает).

Мое отношение к "Смене" (для читателей журнала)

15. Я читаю "Смену" _____ лет.

16. Я читаю "Смену", потому что в ней есть (пожалуйста, укажите только две позиции):

— детективы — рассказы — исторические очерки — материалы о живописи

— публицистика — молодежная тематика ("Молодой бульвар")

— другие материалы (какие?) _____

17. Назовите, пожалуйста, какие еще материалы Вы хотели бы прочитать на страницах "Смены"

Внимание! Для участия во втором и третьем конкурсах (см. условия на стр. 240-241) раздел "Отправитель анкеты" заполнять обязательно.

Дорогие читатели!

С января 2004 года подписка на "Смену" станет намного дешевле!

Вы можете оформить подписку в любом почтовом отделении связи:

- по каталогу ОАО "Агентство "Роспечать";
- по Объединенному каталогу (тел. АРЗИ 280-89-87);
- жители Московской области — по каталогу УФПС МО.

Вы можете оформить подписку через альтернативные подписные агентства:

Москва: ООО "Сотра" (095) 160-58-48 ООО "Интер-почта" (095) 500-00-60 ООО АП "ИНИНС" (095) 251-33-96 ООО "МАП" (095) 200-24-04 ООО "Курьер-Пресссервис" (095) 933-30-71 Санкт-Петербург: ООО "Петербург-Экспресс" (812) 325-09-25 ЗАО "Прессинформ" (812) 315-49-97 Екатеринбург: ООО "Урал-Пресс" (3432) 75-80-71 Казань: ЗАО "Коммерсантъ-Курьер" (8432) 65-74-29 Красноярск: ООО "Агентство "Ласка" (3912) 65-18-05 Новосибирск: ООО АП "Медиа-курьер" (3832) 12-57-21 Орехово-Зуево: ОАО МОП "Союзпечать" (242) 2-13-89 Рязань: АРПИ "Союз печати" (0912) 77-53-74	Сергиев-Посад: МООО "Обновление" (254) 6-09-83 Тольятти: ЗАО ИЦЦ "Орикон" (8482) 30-08-84 Тула: ОАО "Роспечать" (0872) 39-04-70 Беларусь: Минск ИЧУП "РЭМ-ИНФО" (1037517) 284-73-62 Украина: Киев KSS (044) 464-02-20 www.kiss.kiev.ru Латвия: Центр абонирования печати газеты "Диена" (0371) 706-32-10 Латвийская почта (0371) 701-88-99 Литва: "Импресс Тева" (03705) 230-43-98 Эстония: "Ээсти Аякиряндуслеви" (0372) 662-35-87 Казахстан: СП ТОО "АиФ Казахстан" (3272) 21-76-03 Дальнее зарубежье: ЗАО "МК-периодика" (095) 281-37-98 info@periodicas.ru East view publication (095) 318-09-37
--	--

Вы можете оформить редакционную подписку:

Стоимость одного журнала по подписке для частных лиц — 33,00 руб.; для организаций — 36,30 руб., минимальный подписной период — 3 месяца. Чтобы получить журнал с желаемого месяца, необходимо оформить подписку не позднее 20 числа предподписного месяца.

Оформление редакционной подписки непосредственно в редакции:

1. Приехать в редакцию и заполнить Подписной купон с указанием данных о себе.
2. Оплатить стоимость подписки непосредственно в редакции.

Оформление редакционной подписки через Сбербанк:

1. Вырезать из журнала и заполнить Подписной купон с указанием данных о себе.
2. Перечислить на наш расчетный счет стоимость подписки.
3. До 20-го числа предподписного месяца отправить в редакцию по факсу заполненный Подписной купон и банковскую квитанцию об оплате. При получении журнала в редакции иметь при себе Подписной купон и банковскую квитанцию об оплате.

Ежемесячно после 15-го числа Вы можете получить в редакции текущий номер журнала. Если у Вас нет возможности приезжать в редакцию каждый месяц — журнал будет ждать Вас в редакции. Журнал по почте не отправляется.

Адрес и банковские реквизиты редакции:

ЗАО "Издательский дом "Смена", 127994, Москва, Бумажный пр-д д. 14, стр. 1,
 Факс: 257-33-87, 250-59-28,
 ИНН 7714281367, Р/с 40702810210110146401 в АКБ "Промсвязьбанк" (ЗАО) г. Москва,
 К/с 3010181060000000119, БИК 044583119, КПП 771401001

Заказ на устра- нение

Игорь ГАМАЮНОВ

**почему
киллерские
расправы
неудобными
становятся
обыденно-
стью
нашей
жизни**

■ Частный детектив Виктор Кусов в Воронеже знаменит: трижды его пытались взорвать, четвертый раз расстреляли из автомата, с расстояния 8-9-ти шагов, а он жив. И — здоров, хотя пока не на все 100 процентов: правая рука, перебитая автоматной очередью, срастается не так быстро, как ему хотелось бы.

Он знает о “заказнях” все или почти все: какие обстоятельства нашей жизни толкают людей на такие способы решения конфликтов, что это за люди, каков характер их деятельности. И — что нам нужно сделать, чтобы избавить страну от ежедневных сообщений о заказных расправах.

Мы знакомы с Кусовым не первый год. Несколько лет назад я опубликовал в журнале “Смена” (N4, 1999г.) очерк “Охрана встает рано” — о част-

ном охранном предприятии "Бумеранг", созданном Александром Гончаровым, подполковником милиции, вышедшим в отставку.

Кусов и сейчас работает там же, у Гончарова, частным детективом. Но его деятельность, судя по всему, задевает не совсем частные, а чьи-то групповые интересы, если несколько лет на него ведется криминальная охота.

И вот еще чем известен Кусов: он не просто видел "своего", точнее — одного из "своих" киллеров, а даже поговорил с ним, навестив его в колонии строгого режима. Но прежде чем обнародовать соображения Виктора Петровича о природе "заказов на устранение" и рассказать о его встрече со "своим" киллером, напомним об эпизодах охоты на Кусова, рассказанных в первом очерке.

Кирпич под автомобилем

...Как-то его и Гончарова предупредили: готовится покушение; у их друзей в милиции, где они оба незадолго до этого работали, по агентурной цепочке прошла такая информация. Но кто именно готовит, когда, где — было не ясно. Объектов охраны у бумеранговцев несколько десятков: ярмарки, оптовые базы, авторынок, офисы предпринимателей. Везде так или иначе перешли дорогу "шипящим" рэкетирам. То есть тем, кто являлся на объекты в адидасовских костюмах вразвалку, говорил небрежно, через губу, интересуясь, есть ли здесь "крыш-ша", а если есть, то им, видите ли, надо с ней "забить стрелку". Узнав же, что "крыш-шы" нет, но есть охраняющий их "Бумеранг", тихо матерясь, отваливали, так как знали: эту охранную структуру организовали выходцы

из угрозыска. Связываться с ними — себе дороже.

Знала бандитская разведка и о том, что с "Бумерангом" по договору работают два частных детектива — Виктор Кусов и Юрий Третьяков. Эти двое особенно раздражали: их знакомства оказались столь обширны, что позволяли добывать информацию не только в предпринимательских кругах, но даже среди "шипящих". Как именно? Если бы знать. Внешне вроде ничего особенного: мелькают то там, то тут, рассказывают анекдоты, пиво пьют, обычные, в общем-то, мужики, даже и не поймешь, что когда-то в милиции работали.

В результате особо настырные из "шипящих", пытавшиеся вопреки резону снять оброк с тех предпринимателей, у кого заключены договора с "Бумерангом", попадали в неприятную ситуацию: их визиты оказывались снятыми на видео, вымогательские разговоры зафиксированы диктофонной записью, а полученные деньги помечены светящимся порошком. Со всем этим оснащением неудачливые рэкетеры отправлялись прямиком на полное гособеспечение, то бишь "за колючку". Конечно, обиднее всего им было упустить из-под своего контроля автомобильный рынок. Но бумеранговцы разработали систему немедленного оповещения: продавцы авторынка по цепочке передавали охране условный сигнал, входы и выходы рынка перекрывались, вымогателей брали тут же, без стрельбы.

Александр Гончаров и Виктор Кусов приехали на авторынок в одну из суббот. Проверили посты, зашли в администрацию. Все спокойно, никаких ЧП. Распрощались, пошли к автомобилю. На часах — без скольких-то минут пять вечера, декабрьского, а потому — сумрачного. Им, конечно, повезло, что к их автомобилю подъехал "жигуль" и остановился с включенными подфарниками. В этом-то слабеньком свете

Александр Гончаров и увидел на асфальте, под своим автомобилем, какой-то предмет. Присел взглянуть. Кирпич, что ли? Но когда ставили машину, его, вроде, не было. А что за жгут тянется от него к днищу автомобиля? Пригнулся, увидел: к днищу прикреплен аккуратный сверток. Бандитский расчет был прост: в сумерках вряд ли кто увидит кирпич под автомобилем. Тронуться, жгут выдернет чеку, взрывное устройство сработает, и автомобиль превратится в груды горящего металла.

Взрывники, снимавшие, а потом уничтожавшие бомбу, сказали: сила взрыва была бы эквивалентна 400 граммам тротила. Мало не показалось бы.

Месть... За что?..

О том, что охота на него ведется целенаправленно, Виктор Кусов узнал поздним апрельским вечером. Домой его вез приятель на своем автомобиле. По дороге Кусов вспомнил, что, кроме поручений директора ЧОПа "Бумеранг" Александра Гончарова и просьб нескольких своих клиентов, у него на сегодня было еще одно, может быть, важнейшее, задание жены: зайти в магазин. Виктор накупил продуктов на всю семью (у него дочь, два сына, собака Берта породы боксер и совершенно рыжий кот по имени, конечно же, Чубайс). Упаковал все в объемный полиэтиленовый пакет, вышел и, сильно пригнувшись (рост 1 метр 82 сантиметра, вес 93 кг), погрузил себя в автомобиль.

Подъехали к дому. Виктор, попрощавшись с приятелем, двинулся, шурша пакетом, к подъезду. И в тот момент, когда автомобиль, разворачиваясь, осветил его фарами, оглушитель-

но грохнуло. Взрывная волна опрокинула Кусова на асфальт, но он тут же вскочил, соображая: кинули гранату. Откуда? Из-за гаражей? Больше неоткуда. И Кусов ринулся туда. За гаражами уже никого не было — оттуда легко улизнуть, но Виктор вместе с подбежавшим приятелем обыскивал все вокруг... Пока не почувствовал на руках кровь. Оцарапался, что ли, когда упал на асфальт? Пошли обратно. Рассмотрели у подъезда разнесенную в щепки скамью — под нее закатилась граната. "Вот что тебя спасло, — сказал приятель и, разглядев его в свете фар, охнул. — Ты же весь в крови!" Осколки гранаты (это была, как потом выяснилось, Ф-1) чиркнули его бок и руку.

Домой заходить не стал — приятель повез к врачам. Пока ехали, набрали по мобильному милицию. Ему делали перевязку, когда оттуда примчались. Засыпали вопросами: как случилось? Кому, по его предположению, он перешел дорогу? Тогда Кусов только отмахнулся: таких десятка два наберется. Потом задумался: но кто-то же один его заказал. Стал вспоминать. Просеивал эпизод за эпизодом. Конечно, это чья-то месть. За что?

Виктор прикинул, могли ли уголовники попытаться убрать его?.. Вряд ли. Понимают, это не изменило бы общую ситуацию. Да и оперативно-розыскные механизмы у коллег Кусова, работающих в милиции, действуют неплохо, их агентурная сеть непременно выловила бы в уголовном мире информацию о готовящемся против него теракте. А его об этом никто не предупредил.

"В рубашке рождился..."

... Еще несколько дней Виктор ревизовал свою деятельность. Самой

серьезной его работой последнего времени, по масштабам и по результатам, была операция изобличения группировки "теневиков". В нее входило около 40 коммерческих предприятий и оптовых баз, скрывавших от налоговых органов примерно четыре пятых объема своих операций. У них был даже свой подпольный банк, инвестировавший средства в развитие этих предприятий. Никакой на нем вывески. Документация периодически уничтожается. Режим секретности — как на оборонном предприятии. Да и расположен был в подвальном помещении.

Обнаружил Кусов существование этого спрута случайно: одного из его друзей, предпринимателя, этот спрут опутал своими щупальцами, втягивая в систему своей жизнедеятельности — нужно было выручать. Стал вникать в подробности и — ахнул. Не ожидал такого размаха. Пришлось обратиться к своим коллегам из милиции и налоговой полиции. Вместе с ними документировал обнаруженное — это были диктофонные записи разговоров, видеосъемка из автомобиля, фотосъемка.

И все-таки полного представления о действительных масштабах этого "теневоего" концерна ни у кого из оперативников не было до тех пор, пока однажды ребята в камуфляже в течение нескольких часов не заняли все офисы, базы, а заодно и квартиры их хозяев. "Небедные граждане," — отмечали следователи, опечатавая роскошные апартаменты "теневиков".

Прямых доказательств причастности тех "теневиков" к теракту возле подъезда у Кусова не было. Он продолжал сбор материала, чувствуя: разгадка близка. Но чувствовали это и те, кому его разоблачения грозили тюрьмой. Им нужно было остановить Кусова.

...Шел пятый месяц после теракта. Сентябрьским утром Кусов завез старшего в школу, припарковал на стоянке автомобиль. Шел по Донбасской,

вдоль длинного забора, когда сзади раздался грохот. Снова волна горячего воздуха хлестнула его, но на ногах устоял. На этот раз гранату бросили из-за забора. Бросавшая рука была, видимо, недостаточно опытной — граната разорвалась, не долетев до Кусова, помешали ветки дерева. Но осколки не миновали Виктора, хотя их жжение он почувствовал не сразу.

И на этот раз схватить киллера не удалось — он ушел, скорее всего, двоими, растворившись в рыночной толпе.

После этого все, с кем Виктор увиделся, когда залечил раны, говорили ему: "В рубашке родился". Он, улыбаясь, неизменно отвечал: "И, видно, не в одной..."

Шел второй год после этих событий, когда ему позвонили друзья из милиции, сообщив: взяли банду, а в ней — "твоего" киллера, дает показания по двум эпизодам.

Но "счастливая рубашка" ему все-таки понадобилась еще раз...

Здравствуй, киллер!

Впервые Кусов увидел киллера в зале суда, за решеткой, с пятью сообщниками: коренаст, спортивен, взгляд исподлобья, лет около сорока. Оказалось: нигде не работающий Минюков сколотил банду, попавшуюся на грабежах дальнбойщиков, для чего они все переодевались в милицейскую форму. А попутно главарь принимал и лично исполнял "заказы на устранение".

Кусова и в первом, и во втором покушении ему заказал некий посредник, чье имя в процессе расследования менялось: вначале Минюков назвал его Николаем, затем — Алексеем Ивановичем. Этот А.И. снабдил Минюкова

домашним адресом Кусова и внешними приметам ("высокий, шевелюра седая, усы черные"). А затем — гранатой Ф-1.

На суде председательствующая судья Казанцева спросила Кусова, есть ли у него какие-то вопросы или претензии к Минюкову. И Виктор Петрович, пристально глядя в тупое, маскообразное лицо своего несостоявшегося убийцы, ответил: "Претензий и вопросов нет". Хотя вопросы были. Но Кусов знал: в зале суда Минюков на них не ответит.

И уже после суда, спустя несколько месяцев, поехал в колонию, где Минюков начал "тянуть" свой немалый срок.

Долгий был у них разговор. На этот раз у Минюкова взгляд был поосмысленнее. Он, щурясь, всматривался в человека, которого дважды пытался взорвать, но не испытывал ни угрызенной совести, ни смущения. Две попытки убить Кусова были его "работой". Ну, не получилось, не повезло, сел "за колючку", и в основном-то не столько за покушения, сколько за грабежи, так это — профессиональный риск.

Он подробно рассказал о посреднике все, что помнил, и Кусов, вернувшись в Воронеж, "пошел по следу": нашел общежитие, где был временно прописан А.И. — фамилия его была Чупраков, год рождения 1960-й, уроженец Калининграда, занимавшийся в Воронеже мелким бизнесом и уехавший, как выяснилось, в Литву, сразу после покушений на Кусова.

Поиск завис. Но Кусов и не ожидал особых удач, потому что знал: цепочка посредников может быть достаточно длинной. "Пройти" ее всю до заказчика — дело почти невероятное. Искать нужно по принципу — "кому выгодно". А убрать мешающего Кусова было выгодно отнюдь не кому-то одному.

Об этом мы говорили с Кусовым в офисе охранного предприятия "Бумеранг".

Все шло втемную!

— Кроме той группировки теневиков, у которых банк был в подвале, — спрашиваю Кусова, — кому вы еще до-рого перешли?

— Особенность нашей работы в том-то и состоит, — усмехается Кусов, — что приходится переходить до-рого всем, кто в тени...

Один из самых развитых теневых бизнесов (не только в Воронеже — во всей России) — торговля нелегальным спиртом, рассказывает Виктор Петрович. На нем наживаются громадные состояния. А чтобы этот теневой бизнес процветал, чтобы "все шло втемную", необходима теневая инфраструктура, купленные чиновники и налоговики, продажные милицейские работники, чаще всего выполняющие роль "крыши".

У одной такой группы был даже свой молодой юрист, он давал советы — как часть бизнеса сделать легальным, чтобы скрыть от налогов главный "массив доходов". Юрист сделал карьеру — стал известным в городе следователем, но тайное становилось явным (благодаря усилиям не только В.П., но и его коллег из УВД и ФСБ), и однажды следователя нашли в своем кабинете мертвым. Застрелился, боясь разоблачения.

— Редкий случай, — рассказывает Виктор Петрович. — Чаще фигуранты таких подпольных бизнесов стреляют в тех, кто им мешает. Не сами, конечно, нанимают стрелков.

— Но суды воздают им должное...

— Если дело доходит до суда. Чаще разваливается по пути. Все те чиновники, кто кормится вокруг таких бизнесов, создают свою теневую "систему безопасности" — из своих людей в правоохранительных органах, да еще вербуют "помощников" из уголовного мира...

— А их-то зачем?

— Для пожарных ситуаций. Тут у нас по одному спиртовому делу мы с моими коллегами из милиции нашли человека, который пошел на сотрудничество — выдал явки, пароли, следствие пошло, и вдруг все застопорилось: человека этого нашли сожженным в его автомобиле. Вместе с женой. Там, где крутятся большие деньги, у жестокости нет границ.

— Но те чиновники, которые вокруг бизнесменов кормятся, неужели не падают?

— Чаще всего — нет. Вот пример: в начале 90-х в одной силовой структуре один крупный чин делал вид, что борется с теневым бизнесом. А как только вышел на пенсию, немедленно устроился "советником" к известному в Воронеже теневику, даже стал крупным акционером одного его легального предприятия.

— То есть эти "советники" не столько борются, сколько "крышуют"?

— Именно так. В расчете на обеспеченную старость. А тут мы, сыщики, путаемся у них под ногами. Вы думаете, они пожалеют десять-двадцать тысяч баксов на устранение какого-то там частного детектива?

"Заказчиков знаю в лицо..."

О четвертом покушении Кусов рассказывает скупко: сидел за рулем своего автомобиля, рядом — жена, за спиной — дети. Только отъехал, дорогу перегородил "жигуль", из которого вывернулся человек в маске. С автоматом в руках. Стал из-за багажника прицельно строчить в его лобовое стекло. Выпустил весь боезаряд — 25 пуль, плюхнулся за руль и укатил.

Кусову пули перебили кость правой руки, прошли плечо. Чудом не задели

детей и жену, не успевших даже пригнуться. Киллера задержать не удалось, нашли лишь брошенный им автомобиль, полусожженный в ближайшем сквере. Автомат стрелок прихватил с собой.

— Вы заговоренный, Виктор Петрович?

— Наверное, — смеется Кусов. — Только, кто заговорил, неясно.

— У вас после тех взрывов и последнего нападения посттравматического синдрома не было?

— Свыкся с опасностью. Это ведь неперемное условие работы. Адаптация нехорошая, но она уже произошла.

— А почему — нехорошая?

— Иногда лучше обостренно переживать опасность. Для самосохранения.

— Бронжилет-то у вас есть?

— Нет. Я даже когда в милиции работал, его не надевал.

— Но в чем интерес такой жизни?.. На грани риска...

— В азарте. Всякий раз себя завожу: да неужели не раскручу это дело?! И — раскручиваю. С помощью своих коллег, конечно. И все эти покушения в конце концов раскручу — у меня сейчас в работе несколько версий, а кандидатов в заказчики я знаю в лицо...

По его мнению, происходящее с ним — отнюдь не исключительная ситуация. Любой сыщик, делающий свое дело честно, неизбежно оказывается на пересечении интересов разных криминальных групп.

Этот профессиональный риск, считает он, был бы нормальным, если бы правоохранительная и судебная системы не были до такой степени поражены коррупцией.

В силу того, что наш бизнес (не только в Воронеже, а по всей России — стоит посмотреть уголовную статистику) развивается не в законодательном русле, а по капризу дикого капитализ-

ма, риск оказаться его жертвой — удесятерятся!..

Эффект бешеных денег

Из хроники громких заказных убийств последнего времени: гибель от пули киллера губернатора Магаданской области Цветкова, чья деятельность, как утверждают, была связана с рыбным бизнесом. Расстрел в Москве молодого руководителя объединения, занимающегося оружейным бизнесом — и.о. гендиректора концерна ПВО “Алмаз-Антей” Игоря Климова. Ликвидация в Сочи крупного предпринимателя Гусейнова, который, как объясняют в правоохранительных органах, из уголовных авторитетов выбился в легальный бизнес.

А покушения на милицейских сыщиков, частных детективов и журналистов, пишущих разоблачительные статьи, просто трудно перечислить.

Но больше всего меня поразила история двух преуспевших московских бизнесменов — школьных друзей, у которых было одно процветающее предприятие. Эти два совладельца, много лет дружившие семьями, однажды круто разошлись во взглядах на стратегию и тактику развития своего бизнеса. И вместо того, чтобы мирно поделить его и пойти каждый своим путем, один из них нанял киллера, чтобы устранить другого. И — устранил. Но преступление раскрылось, и заказчик, совсем недавно передвигавшийся по Москве на длинном белом автомобиле с двумя телохранителями, мелькавший по ТВ в обществе известных актеров и общественных деятелей, теперь строчит стеганки в одной из колоний строгого режима под Череповцом.

Бешеные деньги теневого бизнеса, размывая представления о ценности человеческой жизни, сделали фигуру киллера уже не зловещей, а почти заурядной подробностью нашей хаотичной жизни.

Доктор юридических наук, известный правовед Александр Максимович Яковлев так прокомментировал эту ситуацию:

“Бандитский капитализм существует у нас только потому, что нет альтернативы разрешения имущественных споров в рамках эффективной государственной машины. Будет альтернатива — будет движение в сторону цивилизованных отношений. Нужно укреплять режим законности, совершенствовать налоговую систему, чтобы экономические крайности смягчались... Только в результате этой целенаправленной работы на смену бандитскому придет правовой капитализм. Иного пути у нас просто нет...” ■

Александр ЕЛАНСКИЙ

ПОТАПОВ

Я сидел на открытой на набережной Ялты, пил ло совсем рядом, в каких- Была середина сентября, летняя, вода в море была уже холодноватой. Внизу, прямо перед кафе, был пляж, и несколько любителей загара уже принимали солнечные ванны, а иногда и окунались в море, правда, ненадолго. Отсюда, с веранды, было хорошо слышно, как на волноломе мерзко кричат чайки, пытаюсь что-то вырвать друг у друга. Мне нравилось сидеть на веранде, нравилось смотреть на море, на покрытые лесом горы, окружающие город.

Пейзаж, открывавшийся с веранды, навевал приятные мысли, что-то доброе, вечное виделось мне в вершинах древних Тавр и кромке моря, у самого горизонта.

Потапова я увидел еще издали: мужчина невысокого роста, с брюшком, небольшим, но заметным, слегка полысевший, слегка небритый, но такой крепкий, надежный. На Потапове были незатейливые брюки серого цвета, белые кроссовки, вроде бы не по возрасту — на вид ему лет пятьдесят, — и светлая безрукавка, расстегнутая на две верхние пуговицы. Мы с ним почти ровесники. Не знаю, почему, но когда я его только увидел, он мне сразу понравился. И еще я почему-то подумал, что вот идет тренер какой-нибудь ДСШ, или чего-нибудь в этом роде, ну, в общем, бывший спортсмен. Может быть, кроссовки на его ногах были тому виной, а может, жизнерадостный вид человека, у которого все хорошо и в жизни и со здоровьем. Уверенно отсчитав ногами шесть ступенек, Потапов поднялся на веранду кафе и сразу же двинулся к стойке, за которой с не-

веранде кафе, расположенного пиво и любовался морем, оно бы- нибудь полсотни метров от меня. и хотя погода стояла еще вполне

проницаемым лицом в ожидании клиентов дремал бармен. Через минуту он уже стоял посреди веранды с двумя пенистыми кружками прозрачного пива, которые крепко держал в своих могучих волосатых руках.

Покосившись влево, где сидела молодая парочка, Потапов перевел свой вопрошающий взгляд в мою сторону и, по-видимому, определив во мне скучающего одиночку, уверенно направился к моему столику. Подойдя поближе, он остановился и деликатно спросил:

— Можно, я с вами?

— Конечно, — разрешил я.

Потапов улыбнулся, поставил свои кружки перед собой на стол, подвинул к себе стул и сел. Потом, повертев головой по сторонам, извиняющимся голосом проговорил:

— А то вот пусто вокруг, вроде как и жарко, и пиво есть...

— Море холодное, вот и нет народа, — заметил я и спросил: — А вас как зовут?

Звали его Игорем, а фамилия, как я уже сказал выше, Потапов.

— Да вы не стесняйтесь, зовите меня просто Потапов, — уговаривал меня мой новый знакомый.

— Это еще почему? — удивился я.

— Да меня так все с детства зовут, фамилия моя такая, вроде как кличка, я уж привык за столько лет, Потапов да Потапов. Иной раз скажет кто-нибудь из друзей "Игорь", так я оглядываюсь, кого это зовут. Правда, на работе подчиненные по имени-отчеству зовут, но тут уж никуда не денешься, субординация. А так, для друзей и знакомых, я всегда Потапов. И знаете, горжусь этим, мне уж в декабре полсотни стукнет, а я все вроде не старею, все кажется, что мне девятнадцать. Если вот только это во внимание не брать. — Потапов улыбнулся и хлопнул себя ладонью по животу. — Ну и это. — Он провел рукой по жиденьким волосам на голове. — Тут главное что? Главное — в зеркало пореже смотреть, и тогда тебе все время будет казаться, что ты такой же молодой, как и прежде. Да, вот такие-то дела. Самих себя обманываем. А куда денешься? Никуда не денешься, годы-то идут, нет, что это я, опять вру! Бегут годы, бегут, да еще и вприпрыжку. А нет бы ухватить их за штанину, да попридержать, впрочем, что это я все о грустном. У меня тут с собой вобла есть, астраханская. Вы как насчет воблы, а? — И Потапов извлек из кармана брюк довольно приличного размера серебристо-чешуйчатую воблу. — Вы уж извините, что одна — о вас я почему-то не подумал, ну ничего, в следующий раз исправлюсь. — И он ловко переломил воблу пополам и одну половину протянул мне. — Хотите хвост? Он вкуснее.

— Жирная, — похвалил я, попробовав рыбу.

— Ага, — согласился Потапов. — Весной с Каспия на нерест к нам в Волгу шла, с икрой, хотите, вам вот еще икорки добавлю, хороша икорка, и рыбка тоже. Я, знаете ли, сам солю рыбу. Опыт есть. Пиво без рыбы, это уже не пиво, а так, квас.

— Ну почему? — принимая икорку, мягко возразил я. — На Западе, например, пиво пьют без рыбы и без соли.

— На Западе жить не умеют, и питаться тоже. Я в прошлом году в Финляндию ездил, по делам в командировку, так они там грибов не едят, по грибам топчутся, а не едят, нам бы их грибы, верите, навалом, в лесу от них ступить негде, а они не едят. Или те же французы, лягушек трескают, тыфу, гадость какая, ей-Богу. Извините, что вспомнил за столом.

— Ну да, лягушек это они, конечно, зря, — согласился я.

— Небось, от воблочки нашей не отказались бы? — озорно подмигнул мне Потапов, кивнув на рыбу.

Вобла действительно была изумительна, и, главное, на соль хороша, не пересолена, по всему чувствовался в Потапове гурман. Я с уважением окинул его ладную, крепкую фигуру, явно выращенную не на болотных квакушках, и к грибам ему на стол, очевидно, подавалось немало мясного.

Потапов оказался интересным собеседником, я бы сказал, изумительным. Такого слушаешь, и слушать хочется. Был он не навязчив, а, как бы правильнее выразиться, мягко настойчив, и к тому же настолько уверен в своей правоте, что ему верилось, и причем охотно. Никаким тренером, как я уже сказал, он не был, хотя в школьные годы некоторое время в спорте покрутился. До перестройки Потапов все больше шашаничал по колхозам, возглавляя строительные бригады. И жил, по его словам, не бедно. Потом занялся бизнесом, как он выражался, честным бизнесом. И поэтому миллионов не нажил. Хотя деньги у него водились. Жил он один, без семьи, которой не имел никогда, и о чем, по некоторым моим наблюдениям, жалел страшно. Как у всякого человека, у которого водились деньги, у Потапова в его жизни было много женщин. Среди них и такие, которые предлагали ему руку и сердце. После такого предложения Потапов, как правило, тотчас же прерывал роман с энергичной особой. В общем, был он закоренелый, прожженный холостяк, и, судя по всему, жизнь свою холостяцкую любил, да и другой себе уже не представлял.

Посидев часик-полтора за столиком кафе, мы оба отлично провели время. И потом, когда устали пить пиво, отправились гулять по набережной Ялты. Из слов Потапова я понял, что добрую четверть своей жизни, то есть практически все время своих отпусков, он провел здесь, в Ялте, на берегу моря, и ничего лучше для себя не признавал. И был бы счастлив закончить дни своей жизни здесь, среди гор, покрытых буйной растительностью, и прозрачных вод Черно-го моря.

Когда мы оказались в порту у причалов, где томились в ожидании выхода в море суда, от многопалубных пассажирских теплоходов до маломерных буксиров, Потапов вдруг остановился у высокой металлической мачты с прожектором наверху и, хитро подмигнув мне, сказал:

— Вот здесь, под этим самым фонарем, в восьмидесятых годах происходил съем местных проституток. — Он очертил пальцем невидимый круг вокруг себя.

— Что, и тогда были профессиональные проститутки? — удивился я.

— А как же, — усмехнулся Потапов. — Только тогда их несколько сложнее было обнаружить. Нужно было знать места и сам процесс съема. А происходило это следующим образом. Раньше здесь, чуть левее, располагался гастролирующий чешский аттракцион. Знаете, маленькие такие машинки, которые двигались с помощью электрического тока, и на них ездили все, кому не лень, не бесплатно, разумеется. Вокруг аттракциона всегда толкалась прорва народу. Так вот, вечером, когда темнело, а рестораны и кафе загорались рекламными огнями, и отовсюду лилась музыка, вот здесь, на этой самой мачте, зажигался прожектор, и внизу, почти прямо под ним, образовывался яркий круг света, диаметром метра два. А напротив была касса аттракциона, всегда с большой очередью. Так вот, в этот хорошо освещенный круг света по очереди входили проститутки. Минуты две девушка стояла в кругу, показывая товар лицом, потом выходила из него, и ее сменяла следующая претендентка на мужскую благосклонность. Посвященные в это дело представители сильной половины человечества таким образом могли выбрать себе на ночь или на вечер понравившихся им девушек.

Все проститутки делились на несколько категорий: самых старых, тех, кому было под тридцать, звали "лошачками", — произнес это слово, Потапов усмехнулся, — ну, а самых юных и красивых — "золотошвейками". "Золотошвейками" звали тех, кому было девятнадцать и меньше. И стоили они сто рублей за ночь или за вечер. По тем временам для наших граждан большие деньги. Обычно, приходя в гости к мужчине, девушка брала плату вперед. Деньги прятала где-нибудь в одежде или в обуви и тут же ставила на газовую плиту кипятить шприц. Этим она показывала клиенту, что не больна, и тому нечего бояться заразиться от нее дурной болезнью. После любви она сама себе, прямо на глазах у кавалера, делала укол бициллина. — Потапов замолчал.

— Ну, сейчас этого добра, я имею в виду проституток, не в пример больше, — заметил я.

— Не скажите, — возразил мне Потапов. — То, что было тогда, и то, что творится сейчас, большая разница. Вы только представьте: черная ночь, на небе звезды, луна светит, вы чувствуете легкое дуновение ветерка со стороны моря, горят огни вдоль всей набережной, невнятный говор отдыхающих, чьи-то призрачные силуэты в тени пальм и кипарисов, и над всем этим голос несравненной Аллы Пугачевой: "Вы в восьмом ряду, в восьмом ряду, меня узнайте, мой мастер". — Когда Потапов зашел, немного фальшивя, лицо его необычайно оживилось, в глазах загорелись жизнерадостные огоньки и весь он как-то сразу помолодел. — А ты стоишь где-нибудь в тени, весь в напряжении, смущен, в глазах хищный блеск, в мозгах сплошной разврат, и бесконечные сцены насилия над гибким красивым женским телом. И тут, как на сцену, в столб света входит она, восьмое чудо света, нет, что это я, первое! Молодая, загорелая, стройная, эдакое хищное животное, пантера, скользящая среди джунглей. Идет она, покачивая бедрами, вся залитая электрическим светом, и ты уже хочешь ее, ты с ней. — Потапов вдруг умолк, очевидно, вдохновение оставило его. Возбуждение на лице стало медленно гаснуть, словно из души у него улетела синяя птица, и оно стало немного грустным. — Нет, конечно, не все и не со всеми, — с виноватым видом пояснил он. — Но, знаете ли, попадались и горячие штучки.

— И часто вам доводилось пользоваться услугами "золотошвейек"? — спросил я.

— Доводилось, — задумчиво ответил Потапов. — Была молодость, в душе пиратствовала романтика. Боже мой, как хорошо жилось тогда. И все это незаметно сошло на нет, как будто ничего и не было, даже не верится. А ведь все это было, было! — воскликнул Потапов и, поддавшись порыву, широко раскинул руки, словно хотел обнять всю Ялту. — Да, все это было, — грустно повторил он. — А сейчас как скучно жить, всем скучно, и мне, и вам. Вот скажите, вам скучно жить?

— Скучно, — честно признался я.

— Вот видите, и им скучно! — Он кивнул в сторону идущих навстречу людей. — Они только притворяются, что им весело. Не может быть людям весело, когда жизнь кончается.

— Но не у всех же она кончается, — возразил я. — У некоторых она еще только начинается.

— Вы думаете? — удивился Потапов. — Разве на свете еще есть такие, у которых она только начинается? А впрочем, вполне возможно, это нам в нашем возрасте все просто-напросто стало скучным и неинтересным.

Набережная тем временем кончилась, и мы с Потаповым стали подниматься вверх по узенькой улочке, которая начиналась здесь, на набережной, и, пет-

ляя, убежала в сторону ялтинского базара. Идя по ней, мы миновали маленький уютный скверик с дорожками, посыпанными красным песком, и вышли к узкому мостику, переброшенному через небольшой быстрый ручей, бегущий по дну широкого бетонного желоба. В прежние годы мне уже доводилось видеть, как во время дождей ручей превращался в бурный поток и даже выплескивался через край бетонного русла, засыпая газоны песком и мелкой галькой. Перейдя через мостик, мы оказались на небольшой площади перед Центральным Домом торговли, здесь, напротив кинотеатра "Сатурн", примыкавшего к Дому торговли левым крылом, был сооружен большой бассейн с фонтаном посередине. При виде фонтана лицо Потапова снова оживилось, оно стало ребячливым и слегка ироничным.

— А вот здесь, — и он кивнул в сторону фонтана, — второе место в Ялте, где собирались путаны, только форма съема была другая. По эту сторону бассейна тусовались те, кто что-то хотел продать, тогдашняя фарца. А вот если мужчина бродил по ту сторону бассейна, это означало, что он ищет женщину, и тогда к нему, если повезет, подходила какая-нибудь из девушек, сидящих на кромке бассейна или на скамейке, и спрашивала: "Вы кого-нибудь ищете?" Если она ему нравилась, он говорил ей: "Вас ищу". Таким образом все устраивалось. Девушка шла в гости к мужчине или вела его к себе на квартиру или комнату, если она была приезжей. Чаще всего здесь подрабатывали те девушки, кто, приехав в Ялту и не подрастив своих средств, оказывались на мели. Вот таким образом и выкручивались из трудного положения.

Простились мы с Потаповым у того же бассейна с фонтаном, где когда-то сутелись фарцовщики и отлавливали клиентов проститутки, предварительно попеняв на холодную воду в море и на скуку в Ялте. И еще мы договорились встретиться на следующий день все на той же веранде кафе и опять посидеть и попить пива.

На следующий день я проснулся довольно рано, раньше восьми часов. На улице ярко светило солнце и шел мелкий слепой дождь. Радуюсь такому обстоятельству, я вышел на балкон и поймал ладонями несколько теплых капель. Все вокруг омолаживалось, словно готовилось к чему-то торжественному и праздничному. Казалось, и я должен куда-то пойти и принять участие в этом торжестве. В душе царило ощущение нечаянной радости и счастья, которые ждут меня, стоит только спуститься по лестнице вниз с третьего этажа, выйти на улицу и пройти до угла вон того дома, под красной черепичной крышей, свернуть в переулок и... Я знал, что ничего такого за углом дома с красной черепичной крышей не произойдет, что меня там никто не ждет, но ощущение праздника, которое принес с собой маленький слепой дождь, в душе все-таки оставалось.

За завтраком я стал вспоминать вчерашний день, Потапова и обрadowался тому, что меня все-таки где-то ждут. Сегодня мне опять предстояло его увидеть, и я, как ребенок, радовался этому обстоятельству в надежде услышать что-нибудь новое для себя, подробности чужой жизни, всегда казавшейся мне неведомым таинственным островом в океане человеческих судеб.

"Повезло мне с этим Потаповым, — размышляя я, попивая плохой кофе. — Не так уж часто доводилось мне в жизни встречать людей, в которых я влюблялся с первого взгляда. Какой приятный, однако, он человек, как тонко он чувствует, как любит жизнь, без ненависти, без зависти". После завтрака я вновь вышел на балкон полюбоваться на город. Вдруг под балконом, внизу, раздался веселый девичий смех. Две еще совсем молоденькие девушки, не старше двадцати лет, не спеша шли по противоположной стороне улочки, вниз, в сторону

моря. Смеялась, собственно, одна девушка, высокая, рослая, приятной внешности блондинка, с полными стройными ногами. Вторая, худенькая, хрупкая шатенка, с длинными волнистыми волосами, разбросанными по плечам, была на полголовы ниже. Она что-то оживленно рассказывала своей белокурой подружке, при этом мягко и застенчиво улыбалась. Шатенка была очень мила, из тех, на которых женятся не задумываясь. У нее было тонкое, нежное, красивое лицо, красивый прямой нос и очень добрая застенчивая улыбка.

Я с завистью залюбовался ею, и мне захотелось сбежать по лестнице, с третьего этажа, вниз и, выйдя на улицу, пойти вслед за двумя красавицами и, может быть, каким-то образом познакомиться с ними. Но я не стал этого делать, а вернулся в комнату и без всякой цели принялся ходить из угла в угол. "Отбегался", — с грустью думал я, понемногу раздражаясь неизвестно на кого, но волнение, вызванное в душе молодыми девичьими голосами, не унималось. Я вопросительно посмотрел на часы, мирно тикающие на столе, они показывали четверть десятого, следовательно, до встречи с Потаповым было еще более двух часов. И тогда я решил, что лучше прогуляться по Ялте, чем томиться в узких стенах квартиры. Гулять по узеньким кривым улочкам Ялты, утопающим в густой зелени, было для меня большим удовольствием. Свернув направо, я пошел по тротуару вдоль шумного ручья в сторону набережной. Мороженщица, скупая в одиночестве в отсутствие покупателей, усталилась на меня молчаливым страдальческим взглядом. Мне стало жаль ее, я подошел к лотку и попросил мороженое. Она на всякий случай спросила:

— Вам сколько?

— Восемь, — невозмутимо ответил я.

Но она почему-то дала только одно. И даже не улыбнулась на мою шутку, а лишь сердито поджала губы. "Вот и делай после этого приятное людям", — подумал я. Мороженое оказалось как нельзя кстати, оно было холодным и вкусным. Оберегая пальцы от капель, я аккуратно скусывал вафельный стаканчик и, громко хрустя, ел его, потом наступала очередь мороженого, его я набирал полный рот и, прижимая языком к небу, ждал, когда оно, растаяв, потечет тонкой струйкой по пищеводу, все это было чрезвычайно приятно и забавно.

Минут через двадцать неторопливой ходьбы я добрался до гостиницы "Ореанда", а еще через пять минут оказался у "Эспаньолы", маленького рестораничка для отдыхающих. По ее палубе торопливо сновали официанты с подносами в руках, обслуживая клиентов. Официанты были одеты в костюмы английских матросов начала прошлого столетия. Вдоволь налюбовавшись на шхуну, я, не торопясь, пошел вдоль набережной, пересек маленький мостик, под которым весело журчал ручей, спешивший к морю, и вышел на небольшую кривую улочку, ведущую к белоснежному зданию морского вокзала. Высоко над его входом висели большие часы, показывавшие без четверти двенадцать. Я решил вернуться обратно к веранде. Может, Потапов ждет меня там?

Потапов действительно ожидал меня с нетерпением, и мне стало очень приятно.

— Ну вот, наконец-то, а я уж думал, что вы не придете. Дела какие задержали, или еще что? — Потапов как бы заранее подыскивал мне оправдание.

— А, по-моему, я вовремя пришел, — и я показал на часы. — Двенадцать.

— Двенадцать? — переспросил Потапов. — А я думал, больше. Вы здесь посидите минуточку, а я сейчас пойду пива закажу.

Зная, что с Потаповым спорить бесполезно, я молча кивнул ему в ответ и уселся за столик, предполагая, что рано или поздно мне удастся рассчитаться за

его любезность. От стойки Потапов вернулся с четырьмя кружками прозрачного пенистого пива.

— Сегодня пиво ну просто лед, — радостно сообщил он мне. — Я, знаете ли, не люблю теплое. Один раз в Чимкенте мне довелось пить теплое подогретое пиво, такая, знаете ли, гадость. И что в нем узбеки находят? Уму непостижимо.

— Чимкент — это Казахстан, — проявил я свою осведомленность в географии.

— Знаю, но в палатках там торговали сплошь одни узбеки. Они вообще торговая нация. — Потапов сощурил глаз и уставился куда-то в пространство. — А еще там мне довелось поесть в ту пору вдоволь шашлыков. По двадцать копеек палочка, нигде, ни до того, ни после, мне не доводилось есть таких дешевых шашлыков! Представьте себе, на рубль пять палочек. Фантастика. Вы еще не забыли времена, когда наш рубль был необычайно твердым? Правда, качество шашлыков было не очень. — Потапов смущенно улыбнулся. — Что поделаешь, общепит. Но если мне доведется вас попотчевать шашлыками, вовек не забудете. — Потапов поднял вверх указательный палец, а затем, согнувшись, нырнул куда-то под стол и достал оттуда бумажный пакет, а из пакета ловко выудил четыре приличного размера рыбины. — Сегодня мы попируем с вами на славу, — пообещал он мне и задорно улыбнулся.

Как и в прошлый раз, Потапов был оживлен и жизнерадостен, казалось, что благополучие и счастье так и кипят в нем, и это состояние его души каким-то образом сразу же передавалось мне. Я, к стыду своему, даже стал немного завидовать Потапову. "Вот, — думал я, — живет человек, и все у него хорошо и всем он доволен". Хотя доволен ли он всем, и все ли у него хорошо, я, конечно, не знал.

— Смотрите, какие грации, — неожиданно произнес Потапов и глазами показал мне в сторону пляжа. И вправду, осторожно ступая по песку и вытягивая носочки, по пляжу шли две красивые и очень загорелые девушки. — Загар, видно, из дома привезли. Умницы. — Каким образом Потапов определил, что девушки привезли загар из дома, я не знал, а спрашивать не стал.

Тем временем, даже не пытаясь приблизиться к воде, девушки расстелили на песке покрывало и, улегшись на него, уткнулись в журналы, которые принесли с собой в большом целлофановом пакете. Наблюдая за ними с веранды, мы видели, как время от времени то одна, то другая девушка трывала голову от журнала и, убедившись, что все близлежащие мужчины на пляже исподволь наблюдают за ними, снова принималась за журнал, не забывая при этом перевертывать страницу.

— Хорошее место выбрали, — насмешливо заметил Потапов.

— Это еще почему? — удивился я.

Потапов снисходительно посмотрел на меня, потом повел глазами в сторону пляжа. Шагах в двадцати от юных леди скучали двое симпатичных художественных юношей. И все время косились в сторону читающих девушек.

— Сказать, что будет дальше, или воздержаться? — без особого интереса спросил меня Потапов.

— Лучше воздержаться, — ответил я.

— Хорошо быть красивым, — мечтательно произнес Потапов после небольшой паузы. — Это даже гораздо лучше, чем родиться богатым. Красивым, длинноногим и стройным.

— И молодым, — добавил я.

— Ну, молодыми мы все хоть раз в жизни бываем и богатыми случается, а вот красивыми... Богатому, сколько не шелести купюрами, в ответ все ложь, не-

искренность одна, корысть. А если красив, то все женщины у твоих ног, и не надо выворачиваться наизнанку, чтобы какая-нибудь дама из красивых чмокнула тебя небрежно в щечку. Любовь, успех — все для красивых, а для остальных иллюзия, мираж, сказка.

— А мне кажется, что каждый может найти свою любовь.

— Всем так кажется, — усмехнулся Потапов. — Пока жизнь не докажет им обратное. Кстати, с пивом нужно повторить. — И не дожидаясь моего согласия, Потапов отправился к стойке. Вернувшись с новыми кружками в руках, он вдруг ни с того ни с сего спросил: — А вы, случайно, не знаете, с каких пор на Руси варят пиво?

— Не знаю, но полагаю, что с очень давних. Может, со времен Владимира Мономаха, может, раньше.

— Да? — удивился Потапов. — Интересно, а какое оно было на вкус, лучше нынешнего чешского или хуже?

— К сожалению, пить мне его не довелось, — честно признался я.

— Да, — вздохнул Потапов. — И теперь узнать уже не удастся. Если и сохранился в каком-нибудь монастырском подземелье дубовый бочонок с этим чудесным напитком, то уж срок годности его наверняка истек. — Он прихлебнул из кружки пиво, потрогал зачем-то рукой мочку правого уха и затем, посмотрев на меня, задумчиво произнес: — Родиться красивым — это счастье. — Потом повернулся лицом к морю и стал смотреть на него, что-то выискивая вдали. И вдруг улыбнувшись, сказал: — Полюбуйтесь, что я вам говорил.

Я обернулся, двое юношей, на которых перед этим обратил мое внимание Потапов, переместившись со своего прежнего места, уже расположились возле двух загорелых красоток и о чем-то оживленно беседовали с ними.

— Как вам это нравится, а? И не спорьте со мной, родиться красивым — это счастье. А остальным людям только и остается наблюдать за любовью со стороны, да мечтать по ночам, уткнувшись носом в подушку. Знаете, скольких женщин перелюбил я, обнимая этот набитый пухом предмет постельной принадлежности. — Потапов мечтательно улыбнулся. — А вас любили женщины? — неожиданно спросил он у меня.

Я задумался, хотелось быть честным, правдивым.

— Нет, — ответил я после некоторого раздумья.

— Меня тоже, — с некоторым удовлетворением выслушав мой ответ, грустно заметил Потапов.

— Совсем, совсем? — полюбопытствовал я.

Потапов удивленно вскинул на меня свои умные глаза.

— Совсем, совсем. — Он хотел добавить еще что-то, но замешкался и промолчал. Затем взял в руку кружку и долго тянул из нее пиво. Потом, не выпуская кружку из рук, он что-то там в ней высматривал, наверно, что-то важное, что помогло бы найти ему ответы на волнующие его вопросы. Но, очевидно, так и не найдя того, что хотел отыскать, Потапов с сожалением отставил от себя кружку. И вдруг, смущенно улыбнувшись, сказал:

— Хотя нет, был у меня в жизни один забавный случай, когда я чуть было не женился на девушке, которая мне нравилась. Мне тогда уж сорок лет было, и я уж лет десять как был вне поля зрения молоденьких девушек — искательниц подходящих женихов. Знаете, я как-то не сторонник всяких сожительства, когда она готовит, стирает, а он где-то рядом сидит у телевизора, и все это почему-то называется семьей. Семья — это любовь, дети, причем, заметьте, родные дети, а не так называемые приемные. Ну, в общем-то, это дело вкуса. И вот как-то ле-

том, там у себя дома, на пляже, вернее, у входа на пляж, я случайно, ну да вы понимаете, что в этом деле случайностей не бывает, познакомился с одной очаровательной девушкой, на вид лет шестнадцати. Знаете, худенькая такая, миниатюрная, невысокого роста, шатенка, ножки точеные, грудь, как у японочки, маленькая, но тугая, в общем, прелесть девочка, и глаза, как у непуганой лани, подкупающие. Одета она была в такую юбочку черную, чуть выше колен, милые такие, знаете ли, коленочки, маечка на ней была простенькая, цветная в полосочку, ей очень к лицу, впрочем, красивому человеку все к лицу, это вот меня одеть невозможно, ни Нина Риччи, ни Слава Зайцев не помогут. И лицо у нее очень даже премиленькое. Девятнадцать лет ей было в ту пору, и звали ее Аллочка. Жила Аллочка в другом городе, а у нас закончила как раз в это лето то ли культпросветучилище, то ли хореографическое, уже не помню, помню только, что она была танцовщицей, но, надо думать, не великой. Но фигурка прелесть, в общем, девочка что надо и при том в меру глупа. Я, знаете ли, умных женщин на дух не переношу. Помните, как там у Пушкина: "Или философ в юбке". Я когда к Аллочке подошел знакомиться, то уж и речью запасаю, на случай, так сказать, своего позорного отступления. Ну что-то вроде: "Я вас понимаю, извините, и все такое". А тут стою перед ней, как дурак, и ничего не понимаю. Такое, знаете ли, впечатление, будто она меня всю жизнь ждала. И смотрит на меня очень даже искренне. Ну вы сами видите, что я не из тех мужчин, что нравятся женщинам, да еще и с первого взгляда. Тем более, что тогда мне уже было, как я вам говорил, сорок, а тут такая красавица, и вдруг ко мне интерес с ее стороны. И мысли в голову всякие полезли, и сердце приятно так защемило. И хоть к тому времени я женщинами битый-перебитый был, а все-таки. — И тут Потапов снова вспомнил Пушкина, которого, очевидно, хорошо знал. — Я сам обманываться рад, — и при этом конфузливо улынулся. — Правда, когда я стал договариваться с ней о встрече, она мне сказала, что на тот день у нее другие планы, а вот на следующий — пожалуйста. Да, я забыл вам сказать, что у нее еще и подруга была, она в стороночке так стояла деликатно. Аллочка моя у этой подруги и обитала, квартира двухкомнатная, места много. Я уж совсем расстроился, знаю, думаю, я эти завтра, а Алла, как бы угадав мои мысли, тут же номер телефона своего дает, то есть подруги. Ну, думаю, уже легче. А тут еще у меня машина рядом была, неплохая, знаете ли, машинка, японская, таких в городе в ту пору штук пять бегало. Ну я и предложил подвезти Аллочку на своей машине домой и подругу, разумеется, та постарше была Аллы, лет на шесть. Машина им понравилась обоим, мне плюс. Подвожу, вышла моя Аллочка из машины и нежно так за руку меня берет и говорит, жду завтра звонка в шесть вечера, как договорились. Сажусь в машину, еду домой, ничего не понимаю, голова кругом идет, помню только, что в разных плохих романах я про такие истории читал, да вот еще в кино режиссеры ввали. И пошли мы с моей красавицей на следующий день в ресторан, я при деньгах был, вот и ходили мы с ней каждый день то в ресторан, то в кафе, днем на природу вырываемся, лето, река, песочек, я шашлыки готовлю, у мангала кручусь, она не спеша так по-семейному салатик мастерит.

В ресторане, когда в первый раз привел ее туда, гляжу, моя Аллочка в восторге, оказывается, до этого случая она никогда ни в кафе, ни в ресторане не была, и даже, по ее словам, ни разу на дискотеки не ходила, все свою честь берегла. А пока она в своем училище училась, то жила у старушки какой-то, дальней родственницы.

Я уже говорил вам, что была она из провинции, есть у нас в соседней области маленький такой городишко, не на всякой карте найдешь. Знаете, она мне

прямо тогда так и сказала, не помню уж на какой день нашего знакомства, может, на третий, может, на пятый.

— Не хочу я к себе домой возвращаться, скучно там, город маленький, глушь, народ невоспитанный, и все такое. Хочу здесь жить, в большом городе, семью хочу иметь, детей.

Все это меня, конечно, радует и возбуждает, создает иллюзию, что счастье так возможно.

— Но, радость моя, — говорю я ей, — мне-то ведь уже сорок.

— А это и хорошо, что сорок, — отвечает она. — Надеюсь, что за столько лет набегался по девкам, не будешь мне изменять? — А сама смеется. Хорошо так смеется, весело.

— Да где уж мне, — отшучиваюсь я. — Возраст уже не тот, да и как можно такой красавице изменять. — А самому приятно. Одно только меня смущает, как-то все быстро это у нас с ней завертелось. Мы уж с ней на вторую неделю нашего знакомства квартиру себе новую стали приглядывать. До этого я однокомнатной все обходился, а тут трехкомнатная потребовалась, семья, дети пойдут. Мы уж и спать с ней начали, как сейчас помню, на третий вечер нашего знакомства, и тогда же она так, вскользь, призналась, что был у нее до меня один мужчина, тридцати четырех лет, и еще один почти такого же возраста, но оба они женатыми оказались, так что не заладилось у нее с ними. А ей семьи хочется, а не гуляний. В общем, все в мою пользу. И я как-то позабыл под влиянием стремительно развивающихся событий, что мне не восемнадцать и что все то, чем мы с ней в то время занимались, временное, все это праздники, а за ними будни пойдут. Однако же пляж, рестораны, молодое женское тело, было от чего голове закружиться. Ну конечно, то, что у нее до меня всего двое мужчин было, я мимо ушей пропустил. Уже не маленький, чтобы в такое верить, это в девятнадцать-то лет, добро бы дурнушка была, а то ведь красавица. Но про себя думаю, поживем — увидим, что и как.

В ресторан придем, сидит она передо мной за столом, плечики загорелые, волосы вьются. Аллочка вся миниатюрная была, росточка небольшого, ну просто прелесть, девочка-подросток и только. Музыка заиграет, танго какое-нибудь медленное, она тут же меня приглашает на танец. Мне и не хочется, и неловко вроде как, а иду, знаю, молодая, хочется ей себя показать. Я к тому же не очень музыкален, а она танцовщица. После ресторана ко мне едем, пьем шампанское, любовь в постели. Правда, ночевать у меня она ни разу так и не осталась. Я ее всегда после двенадцати ночи к подруге ночевать отвозил. Уж что это был за каприз, до сих пор понять не могу. Мне она это объясняла тем, что никак не может так быстро привыкнуть к чужой обстановке. Это меня немножко настораживало и даже как-то отталкивало от нее. Однако, думал я, мало ли что, блажь какая, пройдет. Днем это как-то незаметно было, забывалось. И знаете, самое главное, как я ей утром позвоню и скажу:

— Доброе утро, Аллочка.

Она мне в ответ:

— Доброе утро, любимый мой.

— Как тебе спалось? — спрашиваю я.

— Прекрасно, всю ночь тебя во сне видела.

— Я тебя не напугал, надеюсь? — И оба смеемся.

Потапов замолчал. Молчал он долго, но молчание это не было мучительным. Вслед за Потаповым я видел в полумраке ресторана Аллочку в темно-синей кофточке с оголенными загорелыми руками и бархатной кожей, видел ее

тонкую, изящно выгнутую золотистую шейку, ее темно-каштановые волосы, волной ниспадающие на ее плечи, маленькую грудь, выпирающую из-под кофточки, ее восторженно влюбленные глаза, которые сейчас смотрели на меня, как когда-то смотрели на Потапова.

Все то время, пока Потапов молчал, он смотрел на море, наверное, там, в его голубых водах, он видел свою Аллочку.

— Да, никогда мне уже не услышать таких слов, никогда, — наконец нарушил молчание Потапов. — Да если честно признаться, и раньше, до нее, никто ничего подобного мне не говорил. Таких приятных нежных слов я не слышал ни от одной из моих женщин ни до нее, ни после нее. И теперь уж никогда не услышу. Потому как с каждым днем становлюсь все старше и старше, и конца этому уже не будет. — И Потапов снова повторил, медленно, нараспев: — Доброе утро, любимый мой. — И, помолчав, с горечью произнес: — Мне даже в шутку, за всю мою жизнь никто ни разу не сказал: “Я люблю тебя” или что-нибудь вроде, ты мне нравишься. Так все как-то, кабаки, постели, шампанское. А вот чтоб так, как Аллочка. — Потапов умолк.

— И что же вы не женились на ней? Если она вам так нравилась? — поинтересовался я.

— Нравилась, — вздохнул Потапов. — А не женился я на ней вот почему. — Он опять задумался, потом посмотрел мне в глаза, и в них я увидел, как мучительно он подбирает подходящие слова, чтобы мне ответить, как вновь, верно, в сотый раз, оценивает все то, что уже давно кануло в вечность, то, чего уже никогда не вернешь, как бы этого тебе ни хотелось. — Все очень просто, мы уж с Аллочкой четвертую неделю дружили, только что заявление в загс не отнесли. Уж с этим-то я не торопился, ума хватило. Зашли мы как-то с Аллочкой пообедать в одно неплохое кафе, кухня там была на высоте. И там к нам за столик, я уж не помню с каким вопросом, подсел один мой хороший знакомый. Было ему тогда лет тридцать пять. Как видите, он не намного меня моложе был. — Потапов снисходительно усмехнулся. — Но был этот парень очень красив, кто красивей, он или Аллен Делон, так вот сразу и не скажешь. Невысокого роста, но хорош собой, очень хорош. И звали его Володей. Посидел он за нашим столиком минут пять, не больше, и ушел. А мы с Аллочкой остались. Сидим обедаем, я, как всегда, ее разговорами развлекаю, она слушает внимательно, когда смешное что-нибудь рассказываю, смеется негромко так. Ни он ей, ни она ему ни слова, ни полслова не сказали, и вроде как не смотрели друг на друга. Я даже знаю, что она его больше никогда не видела. Да он, к тому же, и женат был, и с женщинами, как вы понимаете, у него проблем не было. Ну да это неважно. Так вот, после кафе мы с Аллочкой еще куда-то поехали, а ближе к вечеру ко мне домой, опять шампанское, постель, сами понимаете, такая женщина. К подруге я ее в тот вечер почему-то отвез раньше обычного. У дверей квартиры, как положено, страстный поцелуй.

Дверь за Аллочкой захлопнулась, я уж было к лестнице пошел, и тут, может, любопытство, а может, еще что-то, но только повернулся я и на цыпочках обратно пошел, и ухо к двери приложил.

— Ну, как провели время? — услышал я громкий голос Аллочкиной подруги.

— Как обычно, днем обедали в кафе, катались на машине, — небрежно отвечает Аллочка. — А вечером поехали к нему, опять шампанское пили, а потом он, старый козел, ко мне полез. Но это не главное, главное там, когда мы были в кафе, к нам за столик подсел один мальчик, такой мальчик, Володечкой зо-

вут. Такой красивый, такой милый, ну мне просто плохо стало, я тебе сейчас его подробно опишу. Володечка этот...

Дальше я уже, как вы понимаете, слушать не стал. Не мог. А на следующее утро все как обычно:

— Доброе утро, Аллочка.

— Доброе утро, любимый мой, — нежно так, с придыханием, будто она где-то рядом шепчет, и кажется, что вот-вот ее влажные губы коснутся моего уха, и я закрою от счастья глаза и улечу в сказку. Но сказки, как вы понимаете, уже не было, были морщины, проседевшие на висках и всякий бред выживших из ума писателей и режиссеров, пытающихся обмануть себя и нас с вами.

Раза два мы с ней еще потом встречались, ресторан, постель, но уже, конечно, без иллюзий с моей стороны, а так, попользоваться, но чувствую: не могу, как-то все во мне оборвалось, там, в душе. И ведь знаю, что и раньше большой любви ни одной из женщин, что были у меня, ко мне не наблюдалось, но вот чувствую, не могу. На третий день я ей не позвонил, и больше уже никогда не звонил. — Потапов замолчал и стал смотреть прямо перед собой в стол.

— И вы ее больше никогда не видели? — осторожно спросил я.

Стеснительная улыбка, все время витавшая на его губах, пока он рассказывал мне эту историю, исчезла. Потапов задумчиво молчал, молчал долго, потом твердым голосом сказал:

— Нет, никогда. — Затем лицо его несколько смягчилось, он отвернулся, посмотрел в сторону моря и, застенчиво улыбнувшись, нежно повторил: — Доброе утро, любимый мой. — Сделав небольшую паузу, осторожно добавил: — Никогда не забуду.

С Потаповым мы встречались на набережной еще несколько раз. Он, как и прежде, был весел, умно шутил, но все равно в нем уже чувствовалась какая-то сдержанность, и верно, ему было передо мной неловко за ту историю, рассказанную мне тогда, на веранде. Расставаясь, мы обещались звонить друг другу, но так и не созвонились.

Потапов куда-то исчез.

С тех пор, если мне случается бывать в Ялте, я всегда прихожу в то самое кафе с верандой, где когда-то встретил Потапова, и заказываю себе пиво. Я смотрю на море, пляж, слышу визгливые крики чаек и далекие гудки пароходов, и иногда сквозь шум ветра и волн мне слышится нежный, едва уловимый голос незнакомки:

— Доброе утро, любимый мой.

И я тихо шепчу ей в ответ:

— Доброе утро, любимая. ■

Дорогие читатели!

В следующем 2004 году нашему любимому журналу исполняется 80 лет!

Но дарить подарки мы начинаем уже сейчас!

С сентября 2003 года открыта подписка на I-е полугодие 2004 года, и наш первый подарок — теперь каталожная стоимость подписки снижена на 30%. О том, как и где вы можете оформить подписку на журнал "Смена", читайте на стр. 206. Но это еще не все — вы сами можете получить дополнительную скидку на подписку.

Как — читайте на стр. 240-241.

Это наш второй подарок!

Читайте журнал "Смена" и вы всегда будете в выигрыше!

Ф. СП-1

Министерство связи РФ

АБОНЕМЕНТ на журнал

(индекс издания)

"СМЕНА"

Количество комплектов

на 2004 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

ПВ

место

ли-
тер

на журнал

(индекс издания)

"СМЕНА"

Стои-
мость

подписки
пере-
адресовки

руб.
руб.

Количество
комплектов

на 2004 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

Дорогие читатели!

Оформить подписку на первое полугодие 2004 года вы можете в любом ближайшем почтовом отделении.

Индексы 70820 в каталоге "Роспечати", 88998 в Объединенном (зеленом) каталоге, в сети киосков "Роспечать", через альтернативные подписные агентства, а также в редакции журнала

**ПРОВЕРЬТЕ ПРАВИЛЬНОСТЬ ОФОРМЛЕНИЯ
АБОНЕМЕНТА!**

На абонементе должен быть проставлен оттиск кассовой машины.

При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машины на абонементе проставляется оттиск календарного штампа отделения связи. В этом случае абонемент выдается подписчику с квитанцией об оплате стоимости подписки (переадресовки).

Для оформления подписки на газету или журнал, а также для переадресования издания бланк абонемента с доставочной карточкой заполняется подписчиком чернилами, разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в каталогах «Роспечати».

Заполнение месячных клеток при переадресовании издания, а также клетки «ПВ — МЕСТО» производится работниками предприятий связи и «Роспечати».

без страха

нет

каскадера

■ Они падают на мотоциклах в море, горят в автомобилях, по многу раз переворачиваясь в воздухе. Их вешают, расстреливают, топят, поджигают, сбрасывают со скал и мостов. Но, не-

Объединение каскадеров

М

смотря на все эти ужасы, слава Богу, все живы, здоровы и даже не отделяются легким испугом. Ну, не зря же они — каскадеры, и все их каскадерские трюки — не дерзкий вызов судьбе, не фатализм “русской рулетки”, а тщательная подготовка и уверенность в себе и в технике.

Есть поговорка: “Каждый ходит с ума по-своему”. Наверное, для кого-то такая профессия — один из видов безумия, кто-то считает ее способом заработать хорошие деньги. А для самих каскадеров — это естественный образ жизни. По мнению самого известного в этой профессии Александра Иншакова, они выигрывают перед теми, кто ведет размеренную жизнь, так как сильнейший выброс адреналина обновляет кровь и омолаживает организм.

— Александр, правду говорят, что вы все — долгожители?

— На пенсию каскадер может уйти после пятнадцати лет работы, независимо от возраста. Но “не дождетесь”, как говорят. Во время исполнения трюка — прыжок на мотоцикле или с трамплина, или еще что-нибудь — возникает ощущение свежести, воздушности. Во время полета как будто исчезаешь из этого мира и возвращаешься в него обновленным.

— Вам, что же, не страшно?

— Если перед трюком не возникает чувство страха, значит ты не профессионал. Отсутствие его ведет к ослаблению и обязательной травме. Думаешь, все получается, все хорошо, расслабляешься, и стоит промахнуться на сантиметр — хорошо, если обойдется легкой травмой.

Каскадеры всегда должны держать себя в должной форме, вести здоровый образ жизни, постоянно работать над физической формой и психикой, нервной системой.

— У каскадеров часто бывают чрезвычайные ситуации?

— К сожалению. Например, несколько лет назад на международных соревнованиях во Франции разбился Саша Карин. Трюк, который наши ребята пытались поставить, французы называли самоубийственным. А по нашим меркам, достаточно обычный трюк. Просто Саше на этот раз не повезло. К несчастью, в жизни и такое бывает. Он сломал позвоночник... Мы теперь помогаем ему и поддерживаем.

Но вообще-то стараемся о ЧП вслух не говорить. Не то чтобы суеверие, но все-таки...

Дело в том, что травмы в нашей профессии неизбежны, другое дело, что травма травме рознь. Порой трюк занимает всего доли секунды, а подготовка к нему растягивается на месяцы. И при этом бывают моменты, которые не просчитаешь. А в целом же, неприятности случаются из-за халатности и разгильдяйства. Случается, конечно, и элементарное невезение. Простейшее падение с лошади может закончиться плачевно, стоит поленишься и не проверить, все ли чисто на том месте, где будешь падать. Можно наткнуться на камень в траве и очутиться на больничной койке. Тогда уже поздно будет рассуждать, что знать бы, где споткнешься...

— А вас Бог миловал от серьезных передрыг?

— Обошлось. Всегда отделялся ушибами, небольшими переломами, хотя и лошадьми накрывало, и с высоты падал, и горел, и тонул, и в автомобиле кувыркался. Я думаю, дело в том, что всегда тщательно и самостоятельно готовлюсь к трюкам.

— У каскадеров есть своя специализация? У вас, например, какой “конек”?

— Я специалист по рукопашному бою и начинал с постановки драк. Потом около меня сплотились человек семь, и таким составом мы начали сниматься в кинокартинах. Среди нас — конники, борцы, стрелки, автомоби-

листы. Я наблюдал за профессионалами, запоминал, учился. Постепенно стал специалистом широкого профиля, универсалом. Например, в трюках с лошастью для меня самым сложным было постижение искусства езды, так как падать я умел — все-таки гимнаст. Потом освоил разные виды оружия — холодного, огнестрельного.

А другие каскадеры умеют чуть ли не все, но предпочтение отдают какому-то одному виду.

— Тогда расскажите, как приходят в каскадеры? Ваша профессия сродни спорту?

— Конечно. Спортом я занимался с четырех лет. Мой отец преподавал в школе, и я все время находился около него. В те времена пацанам заниматься в свободное время было нечем, кроме спорта, либо идти на улицу. Других забав не существовало, да и спортивных секций, кстати, не так уж много. Не каждый мог туда попасть, хотя тогда это было бесплатно. Позднее мне повезло, что наш сосед оказался хорошим гимнастом. Он обратил на меня внимание и притащил в спортзал. К тому времени я уже попробовал играть в футбол, хоккей, увлекся плаванием. Но гимнастика мне понравилась больше всего. Параллельно стал заниматься боксом. Меня всегда тянуло к единоборству.

— И драться любили?

— Ну как же без драк, они — в порядке вещей. Дом на дом, двор на двор, знаменитая стенка на стенку. И один на один дрались. Так что, закончив заниматься гимнастикой, взялся осваивать борьбу, самбо, дзюдо, потом каратэ...

— Сильным и ловким каскадерам под силу справиться с хулиганами?

— Слава Богу, это бывает редко. Когда ты уверен в своей силе, нет нужды ею бравировать. А кто собирается на кого-то из нас "наехать", тоже верно просчитывают ситуацию и на рожон не лезут.

— А были в спорте серьезные достижения?

— Я первым стал абсолютным чемпионом Москвы по каратэ, участвовал во многих серьезных всесоюзных и международных соревнованиях.

— Скромничаете! Тогда я перечислю ваши звания. Президент Ассоциации российских каскадеров, заслуженный мастер по боевому самбо, Генеральный секретарь национальной Федерации каратэ. А теперь скажите, значит, вы в каскадерском деле самоучка? Но неужели каскадеров нигде специально не учат, и еще рано говорить о российской школе каскадеров?

— А вы знаете, что "крестным отцом" советских каскадеров был Сталин? Он смотрел импортные фильмы с разными острыми сценами и будто бы однажды спросил: а почему у нас таких нет? Вопрос приняли за указ и тут же решили готовить. Взяли ребят из цирка, обучили. И первым трюковым советским фильмом стал "Смелые люди". Одним из постановщиков трюков в нем — Петр Тимофеев, которого мы все считаем старейшиной в нашей профессии. Его самая последняя работа в фильме "34-й скорый", один из немногих отечественных фильмов-катастроф. Но учиться пока нашей профессии нигде, приходится набираться опыта у старших товарищей.

— Я не спрашиваю об оплате, вопрос деликатный, но, наверное, каскадеры не бедствуют, за сложность и опасность должны хорошо платить?

— Мы не так уж хорошо зарабатываем. Такие деньги не соизмеримы с затрачиваемыми усилиями.

— Вы уже известны не только как каскадер, но и как киноартист и создатель собственных фильмов. Ваши "Крестonosец" и "Крестonosец-2" вошли в историю нашего кино.

— В кино я пришел в 78-м году и с тех пор работал регулярно в качестве каскадера, постановщика трюков, но

при этом постоянно хотелось проверить себя в самостоятельном полете.

Потом я сыграл у режиссера Сергея Тарасова в главной роли в картине "Цена сокровищ". В следующем фильме он предложил мне участвовать уже в качестве сорежиссера. Лента планировалась приключенческой, по мотивам романа Вальтера Скотта. Звучало все заманчиво. Я был морально готов, чтобы попробовать себя в режиссуре, поэтому дал согласие. Как выяснилось, поступил довольно легкомысленно. Едва начались съемки, оказалось, что денег-то нет. Чистая авантюра. Поскольку не в моем характере бросать начатое дело, пришлось включаться. Нашел деньги и людей, готовых помочь. Потом в качестве продюсера уже работал самостоятельно. Поехали в Турцию на натурные съемки, отсняли большую часть материала, тут я увидел, что кино получается малоинтересное. Поскольку я вложил в производство приличные деньги, хотелось их хотя бы частично вернуть. Пришлось полностью переписывать сценарий. И потом с большими сложностями, но фильм сняли. Все его уже видели. Кстати, в "Крестоносце" целый ряд уникальных трюков.

— Уникальных для нашего кино или для всего мирового кинематографа?

— В мировом смысле. Конечно, с материальной точки зрения мы выглядим бедными родственниками по сравнению с американцами. Но в то время, когда наши рискуют на самом деле головой, в буквальном смысле на голых руках висят над пропастью, без парашютов прыгают с самолета, за американцев работает техника. Чтобы вы знали, большая часть голливудских трюков совершается не на натуре, а на экранах мониторов — компьютерная графика, искусный монтаж. Культура съемки — это особый разговор. В Голливуде есть специальные операторы, которые снимают только трюки. У нас таких нет.

И тем не менее, не сомневаюсь, что по уровню профессионального мастерства большинство наших ребят выше американцев. Те отыгрываются за счет, повторяю, технических возможностей, мы же рискуем здоровьем и жизнью. Тем более, что снаряжение, которое наши делают у себя на кухне из подручных материалов, требует особой подготовки. А с такой техникой, как у них, кто угодно трюк сделает.

— А у каскадеров есть семьи?

— Очень большой вопрос. Быть влюбленной в смелого, бесстрашного — одно. Связать свою жизнь с ним, волноваться, без конца бинтовать травмы и ушибы — это другое. Не все женщины на такое способны.

— Кого из знаменитых актеров вы дублировали на съемках?

— О, за многих "убиваться" приходилось. Например, за Гойко Митича. Помните сербского артиста, игравшего в фильмах про индейцев. Чингачгук, Винниту. В картине "Сердце пиратов" я за него работал. Мы с ним в общепто похожи. Поэтому я за него прыгал, скакал, дрался.

Затем, вместо Леонида Ярмольника в "Человеке с бульвара Капуцинов" падал с 16-метровой скалы и стрелял. В "Коте в сапогах" лазил по деревьям, прыгал с них. Работал и с Николаем Караченцовым, с Олегом Янковским, с Александром Абдуловым, со многими.

— А в своих фильмах вы сами трюки выполняли или доверяли другим? На вас ведь там большая ответственность лежала, помимо прочего...

— Кое-что играл сам. Но ничего особенного: ну, машина меня сбивала, например. Но это все просто. Конечно, мог сниматься сам во всех трюках, включая самые сложные. Но ведь в тот момент я мог получить травму и остановить весь процесс кинопроизводства. А я же играл главную роль, помимо других обязанностей. Поэтому, в особо опасных моментах, как, напри-

мер, прыжок на машине через платформу, меня дублировали. Однажды на съемках во время одного из дублей я совершал каскадное падение с одной крыши на другую, а потом на землю. И меня накрыл второй каскадер и травмировал голеностоп. В результате всю вторую часть картины я хромал. А по сценарию было много драк, погонь, естественно, моя подвижность снизилась, отчего и картина пострадала. Вот почему и заменяют каскадеры многих звезд в рискованных ситуациях — дешевле станет.

— Странные вы, каскадеры, все-таки. Жизнь и так не простая, а вы ищите дополнительные трудности. Люди, делающие риск основной профессией, выглядят весьма странно.

— Только не риск, а преодоление. Это разные вещи. Есть много профессий, сопряженных с риском. Возьмите летчиков-испытателей, спецназовцев

или пожарных.

— Но это все-таки другое. Те, кого вы назвали, живут сложностями вынужденно, их профессии неожиданные и они никогда не знают, с какой стороны и какие возникнут моменты. А вы-то сами создаете себе проблемы, причем просто из кожи вон лезете, чтобы трюк был понавороченнее, потяжелее и рискованней.

— Не спорю. Мы все по-своему фанатики, сдвинутые на своем деле. Все время идет внутреннее соревнование, спорим, кто кого переплюнет по сложности. И в ком нет куража, в профессии не задерживается. ■

Беседовала Алла ЛЮДЕН.

фото Владимира Чейшвили

Вместе с Ро

В конце октября в Московском Международном Доме Музыки при большом стечении VIP-гостей и представителей прессы были объявлены первые лауреаты совершенно новой награды "Вместе с Россией". Ради этого исторического, особенно для русской диаспоры за рубежом, события в Москву съехались почти 100 гостей, по воле различных обстоятельств в разные годы прошлого столетия оказавшихся в США, Австралии, Норвегии, Великобритании, Канаде, Франции, Бельгии, Испании, Греции, странах СНГ и Балтии и многих других местах. Все они оставили в развитии русской культуры, науки, политики серьезный след и получили общественное признание за эту деятельность, направленную на сохранение "русского мира".

Организаторов нынешнего проекта — Международный Совет Российских соотечественников и Московский Центр Сотрудничества с Зарубежными странами — поддержали Правительство Российской Федерации, Министерство иностранных дел РФ и Правительство Москвы. К сожалению, пока не все соотечественники получили эту награду, хотя они все ее достойны. Но Международный комитет по награждению с большим трудом вынужден был выбрать из ста номинантов пока только пять человек.

Награды вручались по пяти номинациям:

1. За вклад в сохранение и развитие русского языка и литературы за рубежом. Награды удостоен очень любимый и уважаемый поэт Наум Коржавин, сейчас живущий в США, но довольно часто приезжающий в Москву.

2. За вклад в русскую культуру и искусство награжден меценат Никита Лобанов-Ростовский, принимавший активное участие в возвращении в Россию культурных ценностей.

3. В номинации "За вклад в мировую науку" награжден Рюальд Сагдеев, академик, профессор физики Мерилендского университета США.

4. "За вклад в развитие русскоязычных СМИ за рубежом" награжден Алексей Шейнин, крупный издатель, президент Издательского Дома "Пети", живущий в Латвии и много сделавший для продвижения нашей литературы в Прибалтике.

5. "За достижения в общественно-политической деятельности на благо соотечественников" награды удостоен Сергей Дмитриев, депутат Сейма Литвы, депутат Европарламента.

И очень грустно, что уже не получают награды многие наши сограждане, не дожившие до этих дней.

Сама церемония награждения проходила в достаточно неофициальной обстановке. Вместе с гостями в зале сидели

ссиией

мэр Москвы Юрий Лужков, вице-премьер Правительства Российской Федерации Галина Карелова, депутаты Государственной Думы. Церемония вели известные российские артисты Мария Шукшина и Иосиф Кобзон, благодаря мастерству которых все это превратилось в веселый и интересный праздник. Моменты награждения перемежались с концертными номерами, исполненными Михаилом Казаковым, который сам несколько лет жил за рубежом, но затем вернулся; артистами Ансамбля Игоря Моисеева, много гастролирующими в других странах и лично знакомыми с некоторыми номинантами, другими замечательными исполнителями. Да и сам ведущий Иосиф Кобзон порой не мог удержаться и пел при поддержке мэра Москвы.

Каждого награжденного зал встречал долгой благодарной овацией. И все они в ответном слове подчеркивали, что "сегодня — время быть вместе с Россией".

К концу праздника организаторы приберегли настоящий подарок для всех собравшихся. Когда-то композитор Джузеппе Верди, мечтавший об объединении всех народов, создал "Гимн Наций". И впервые в России он прозвучал в этот вечер в исполнении хора и солистов московской "Геликон-опера". Успех был грандиозный.

Алла ЛЮДЕН

Татьяны МИЛЛИОНОВ УСТИНОВОЙ

Татьяна Устинова — явление в современном детективе уникальное. Огромная популярность автора (свыше 5 миллионов тиража) вполне сочетается с достаточно доброжелательным отношением к ее творчеству даже самых суровых критиков и литературоведов, привыкших в пух и прах разносить любой бестселлер. Из-под пера Устиновой за три года вышло тринадцать романов, каждый из которых — увлекательный, выстроенный по всем законам жанра классический детектив, органически переплетенный с романтической историей. Читатель получил наконец-то, чего безуспешно ожидал со времен Агаты Кристи. На днях Татьяна Устинова закончила рукопись нового, четырнадцатого романа. О новой книге и многом другом с известной писательницей беседует наш корреспондент.

— Татьяна, почему именно детектив? Приходилось слышать сетования на то, что свой литературный талант вы могли бы проявить в других жанрах.

— Я пишу то, что сама люблю читать. А детективы обожаю с детства. Но их было так мало... Помню, в "Науке и жизни", да и в вашем журнале печатали детективы с продолжением — и ждешь-ждешь следующего номера, чтобы дочитать наконец историю... И однажды, лет в пятнадцать, я вдруг решила: что я так жду этого детектива, напишу я свой и буду его читать. Не прошло и двадцати лет, как я осуществила свою мечту.

— Вам не кажется, что сегодня детектива становится слишком много?

— Хорошего не может быть слишком много. Детектив — прекрасный

жанр, богатый и гибкий, возможности его, как и разновидности, безграничны. И сегодня радует, что любой читатель может выбрать увлекательное чтение по душе: детектив полицейский, иронический, авантюрный, исторический, мистический, фантастический, романтический, интеллектуальный — перечислять можно сколько угодно.

— Какой детектив нравится лично вам?

— Лично я предпочитаю детектив классический: чтобы вначале было кровавое убийство, потом длинное и запутанное расследование, и чтобы читатель обладал всей необходимой информацией для участия в этом расследовании и мог участвовать в нем наравне с автором, и чтоб обя-

зательно романтическая история была — с феерически счастливым финалом.

— *Вам никогда не приходила в голову мысль создать собственную мисс Марпл или Эркюля Пуаро? Писать детективные сериалы?*

— Приходила и уходила. Мне больше по душе отдельная книга. Мои герои не профессионалы сыска, чтобы заниматься расследованием постоянно, они обычные люди, которым, может, такое испытание выпало раз в жизни. Точно так же, как и настоящая любовь, которую они находят на страницах моей книги. А если герой (или героиня) переходит из романа в роман — что, в каждой книге новая любовь? Истории про Джеймса Бонда — не мой жанр.

— *Но вы все же стали автором сериала. "Всегда говори "всегда", РТР, автор сценария — Татьяна Устинова.*

— "Всегда говори" всегда — это не сериал, это многосерийный фильм, и это не экранизация моих книг или моей книги. Такой книги вообще не существует. Я написала только отдельно взятый сценарий — в перерывах между романами.

— *Вымышленные герои? На страницах ваших романов — известные политики, журналисты, телеведущие. Вряд ли можно усомниться, кто скрывается под именем Гарик Брюстер или Карина Жеглова, или юный рэпер Бенцл.*

— Я иногда не отказываю себе в удовольствии наделить героя эпизода какими-то чертами известных мне людей. В "дописательский" период жизни я работала на телевидении, в администрации Президента, в пресс-службе крупной компании. В моей жизни была масса интересных встреч, на моих глазах происходило множество историй, которые просто просятся на страницы книг.

— *Вы хотите сказать — детективных историй?*

— Нет уж, детектив — это целиком и полностью плод моей фантазии. Не хотелось бы, чтобы вы, начитавшись моих романов, решили, что на телевидении что ни день, то убийство.

— *Прототипы ваших героев не возражают против появления на страницах детектива?*

— Пока не возражали.

— *Ходят слухи, действие вашего нового романа также происходит в телевизионной среде?*

— Это не слухи. Происходит. Я его посвятила известной телеведущей, моей близкой подруге.

— *Из-под вашего пера выходит три-четыре романа в год. Вы не планируете сбавлять темп?*

— Не планирую. У меня еще столько нереализованных замыслов, а сюжетов хватит на тысячу романов. ■

2004 год — юбилейный для "Смены". В январе журналу исполнится 80 лет.

Все эти годы мы работаем для Вас, а Вы отвечаете нам взаимностью! Надеемся на продолжение нашей дружбы! Пусть нас будет больше!

В преддверии юбилея приглашаем Вас принять участие в нескольких читательских конкурсах. При желании, Вы можете участвовать и выигрывать в одном из них или во всех сразу. Главные условия — подписаться на журнал "Смена" на первое полугодие 2004 года и заполнить предлагаемую на стр. 205 анкету "Мое свободное время"

1 КОНКУРС "ПОСЛЕ ДОЖДИЧКА В ЧЕТВЕРГ"

Как известно, если говорят "после дождичка в четверг", это означает "практически никогда". Поэтому мы предлагаем подписаться на "Смену" в ЛЮБОЙ день недели, КРОМЕ ЧЕТВЕРГА. Итак, условия:

1. Оформить полугодичную подписку на журнал в любой день недели, КРОМЕ ЧЕТВЕРГА.
2. Заполнить прилагаемую анкету.
3. Отправить **ОРИГИНАЛ** квитанции и заполненную анкету в Редакцию до 1 ноября 2003 года.

Победители конкурса будут определяться по времени, указанному на подписной квитанции, т.е., призером станет тот, кто подписался в **более ранний час**. Иными словами, "Кто раньше встал, того и... тапки!" В случае одинакового времени, победители будут определяться по дате оформления подписки.

Победителями конкурса будут признаны первые двести участников. Они получат памятный подарок от редакции и **денежную премию** в размере **20 процентов** каталожной стоимости полугодичной подписки.

Подведение итогов конкурса — 1 декабря. Имена победителей будут опубликованы в январском номере.

2 КОНКУРС "ДАРИ НЕ ЗАДУМЫВАЯСЬ"

Мы в редакции часто задаем себе вопрос: "Чем "Смена" отличается от книги?" Пусть вопрос останется риторическим! Предлагаем Вам не задумываясь подарить другу ШЕСТЬ "книжечек" — полугодичную подписку на журнал. Итак, условия:

1. Оформить на себя полугодичную подписку на "Смену", заполнить прилагаемую анкету.
2. Если Вы хотите одновременно участвовать и в первом конкурсе, подписку необходимо оформить в любой день недели, КРОМЕ ЧЕТВЕРГА, оригинал Вашей квитанции и заполненную анкету отправить в редакцию до 1 ноября 2003 года.
3. В срок с **25 сентября до 25 ноября 2003 года** оформить полугодичную подписку на журнал на **имя Вашего друга**, указав в квитанции его точный адрес, заполнить анкету от его имени (мы надеемся, что Вам известно, как проводит свободное время Ваш друг).
4. Отправить **ОРИГИНАЛ** квитанции Вашего друга и его заполненную анкету в редакцию до 25 ноября 2003 года.
5. Если Вы не принимаете участие в первом конкурсе, то вместе с квитанцией и анкетой Вашего друга, отправьте в редакцию Ваши анкету и квитанцию.

Победители конкурса будут определяться по **наименьшей разнице во времени между датой отправления письма в редакцию и датой оформления подписки на друга, указанной на квитанции**. Иными словами, "Дари не задумываясь!" Если у участников конкурса указанная разница во времени будет одинаковой, победитель будет определяться по дате оформления подписки, а в случае одинаковой даты по часу оформления подписки. Победителями конкурса будут признаны первые сто участников. Они получат памятный подарок от редакции и **денежную премию** в размере **30 процентов** от двух каталожных стоимостей оформленных Вами полугодичных подписок.

Подведение итогов конкурса — 25 декабря. Имена победителей будут опубликованы в февральском номере.

3 КОНКУРС "ВМЕСТЕ ВЕСЕЛО... ЧИТАТЬ"

У Вас много друзей, знакомых? В свободное время Вы обсуждаете с друзьями просмотренные фильмы, прочитанные страницы? Вы выписываете "Смену" и даете почитать журнал знакомым? Если хотя бы на один вопрос Вы готовы дать утвердительный ответ, мы предлагаем Вам принять участие в этом конкурсе. Итак, условия конкурса:

1. Оформить на себя полугодовую подписку на "Смену", заполнить прилагаемую анкету.
2. Если Вы хотите одновременно участвовать и в первом конкурсе, подписку необходимо оформить в любой день недели, КРОМЕ ЧЕТВЕРГА, оригинал Вашей квитанции и заполненную анкету отправить в редакцию до 1 ноября 2003 года.
3. Рассказать Вашим знакомым о журнале "Смена", объяснить, почему Вы его читаете, и предложить им самим тоже оформить полугодовую подписку на журнал и заполнить анкеты. Срок оформления подписки в этом конкурсе с 25 сентября по 15 декабря 2003 года.
4. Собрать у себя заполненные анкеты и **ОРИГИНАЛЫ** квитанций Ваших знакомых. Число анкет и квитанций должно быть не менее четырех!
5. Если Вы участвуете в конкурсе "Дари не задумываясь", то квитанция и анкета вашего друга в этом конкурсе участия не принимают.
6. Отправить **ОРИГИНАЛЫ** квитанций и заполненные анкеты Ваших знакомых в Редакцию до 15 декабря 2003 года.

Победители конкурса будут определяться по количеству присланных анкет и квитанций. При равном количестве анкет, предпочтение отдается подписчикам, которые быстрее отправят письма в редакцию.

Победителями конкурса будут признаны первые пятьдесят участников. Они получат денежную премию в размере 50 процентов от всех каталожных стоимостей полугодовых подписок, оформленных с их участием. Обращаем Ваше внимание, что количество присланных Вами анкет и квитанций не ограничивается!

4 КОНКУРС "САМЫЙ АКТИВНЫЙ ПОДПИСЧИК 1-ГО ПОЛУГОДИЯ 2004 ГОДА"

Если Вы примете участие во всех трех конкурсах, Вы автоматически становитесь участником четвертого конкурса на звание "Самый активный подписчик 1-го полугодия 2004 года". Победители этого конкурса, помимо призов, полученных в первых трех конкурсах, получат денежную премию, эквивалентную 200\$ по курсу ЦБ РФ на день подведения итогов конкурса.

Правила формирования списка участников и выбора победителей этого конкурса.

1. Каждый участник по итогам трех конкурсов получает количество баллов, равное сумме двух наивысших мест, занятых им в каждом конкурсе (пусть Вы в каждом из трех конкурсов заняли соответственно 1, 2 и 99 места. Следовательно, Ваше количество баллов: 1+2=3. Если Вы участвовали в трех конкурсах, но один явно "провалили", не страшно, Вы все равно можете стать победителем этого конкурса).

2. Победителями станут первые двадцать пять участников конкурса, набравшие наименьшее количество баллов.

Среди победителей конкурса "Самый активный подписчик 1-го полугодия 2004 года" будет разыгран супер-приз — денежная премия, эквивалентная 1000\$. В розыгрыше супер-приза примут участие победители третьего конкурса, приславшие в редакцию более десяти анкет и квитанций и при этом ставшие победителями первых двух конкурсов. Обладателем супер-приза станет подписчик, приславший наибольшее количество анкет и квитанций в третьем конкурсе.

Денежные премии победителям конкурсов будут перечислены редакцией по адресу, указанному участниками в квитанции.

Подведение итогов конкурсов "Вместе весело читать", "Самый активный подписчик 1-го полугодия 2004 года", а также определение обладателя супер-приза — 1 февраля. Имена победителей этих конкурсов будут опубликованы в мартовском номере.

И в заключение. Если Вы приняли решение участвовать во всех трех конкурсах, то Вам необходимо оплатить две полугодие подписки (для себя и Вашего друга), при этом Вы имеете возможность стать победителем и получить денежные премии во всех конкурсах, что явно превысит Ваши расходы на подписку!

Желаем Вам удачи!!!

...и о погоде

Какая погода будет завтра или, скажем, через неделю, интересует всех. За ответом мы обращаемся к метеорологам. Но какой их прогноз — краткосрочный, средне- и долгосрочный — точнее и почему? Чтобы лучше разобраться в широком спектре информации, и существует мой микропортал «Метеорология». Освещение этой темы в СМИ грешит однобокостью — чаще всего журналисты распекают синоптиков за якобы неверный прогноз, и не только погоды, но и геомагнитной обстановки, не подозревая, видимо, о том, что в последнем случае они ошиблись адресом. Конечно, без ошибок работа синоптиков не обхо-

дится, но чаще всего журналисты демонстрируют непонимание сути дела. Я думаю, что в таких случаях лучше всего обращаться за разъяснением к специалистам и не искажать их комментарии. Когда появилась возможность вести портал на Report.ru, я решил, что, будучи синоптиком по специальности, могу принести некоторую пользу, выбрав из потока материалов в Интернете те, которые отличаются профессионализмом и, в то же время, будут интересны и полезны посетителям.

Из материалов портала можно узнать, кто такой синоптик-долгосрочник, какими принципами руководствуется он при составлении прогноза. Помимо моей обзорной статьи ([242](http://-</p></div><div data-bbox=)

meteorology.report.ru/material.asp?MID=611), на микропортале можно найти ссылки на толковые профессиональные материалы и комментарии.

В Интернете довольно много интересных информационных порталов, посвященных метеорологии и смежным наукам. Особенно рекомендую сайты "Приморская погода" (www.primprogoda.ru) и "Метеобюро Москвы и Московской области" (www.hmn-8101) — здесь много материалов для тех, кто хотел бы сделать первые шаги в познании метеорологии; написаны они живым и понятным языком.

Все мы знаем о том, что каждой местности на Земле присущ свой климат — многолетний режим погоды. О климате, его изменениях часто говорят и пишут, поэтому многим, я думаю, будет интересна статья "Наш будущий климат", представляющая собой часть доклада Всемирной метеорологической организации (<http://www.hmn.ru:8101/index1.php?code=14&value=3&page=8>).

Знаете ли вы, чем циклон отличается от урагана, град от снежной крупы, а ночной минимум от средней суточной температуры? Что такое кучево-дождевые облака, как формируются грозное положение, где на Земле жарче всего? — все эти вопросы далеко не праздные, ибо правильное представление об атмосферных процессах поможет вам лучше ориентироваться в прогнозах погоды. На сайте Одесского гидрометеорологического университета можно узнать, что собой представляет так называемый "парниковый эффект", как он меняет тепловой баланс в атмосфере и чем это грозит всем нам (www.ogmi.farlep.odessa.ua).

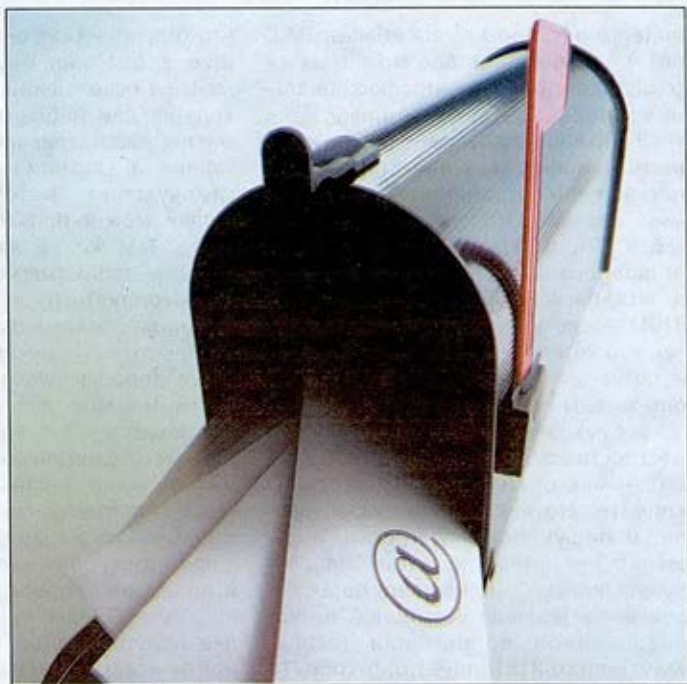
Думаю, никто не сомневается в том, что погода влияет на состояние здоровья и самочувствие даже физически сильных людей, а что говорить о тех, кого называют метеочувствительными!.. Более того, ученые выяснили,

что хирургические операции, проходящие в благоприятную погоду, дают меньше осложнений, чем те, что проходят в дни неблагоприятные. Материалы, рассматривающие влияние погодных и климатических условий на самочувствие метеочувствительных людей, можно прочесть на отдельном сайте. Там же вы найдете информацию о методах смягчения воздействия неблагоприятных метеофакторов на организм, рекомендации медиков и ряд других научных материалов (<http://pogodaichelovek.rshu.ru/>).

Ну, и самое главное, что мы ищем в Интернете — это, конечно, прогнозы. Данные о фактической погоде в разных регионах страны и СНГ есть на сайте Гидрометцентра (<http://meteo.rhm.ru/>). Там же можно ознакомиться с прогнозом официальным. На местах используются прогнозы местных синоптиков. Однако прогноз на срок более полутора суток по обычным синоптическим картам не составивши, для этого используются специальные гидродинамические модели, позволяющие рассчитывать барическое поле на несколько дней вперед. Замечательные успехи в этом направлении позволили делать довольно точный среднесрочный (на 2–3 суток) прогноз, мало уступающий по оправданности краткосрочному. Так, опытный специалист-синоптик на сайте <http://forecast.meteocenter.net/> использует достижения американской прогностической численной модели и дает среднесрочные прогнозы по множеству регионов и городов в СНГ. Как правило, такие прогнозы более надежны, чем другие.

Все перечисленные и многие другие интересные материалы вы найдете на страницах микропортала "Метеорология". Добро пожаловать!

Давид ЦИТЕЛИ,
эксперт портала "Метеорология",
meteorology@report.ru

Вам письмо!

Электронная почта — это современная система передачи информации с помощью Интернета. Удобства электронной почты настолько велики, что современный деловой документооборот и рассылка рекламы без нее просто немислимы.

Всякий знает, что работа обычной почты невозможна без отделения связи. В мире Интернета его задача выполняет специальный компьютер, называемый сервером электронной почты.

Как в обычной жизни вы привязаны к определенному отделению связи, через которое в ваш домашний почтовый ящик доставляется корреспонденция, так и почтовый сервер имеет вполне определенный круг пользователей, отправляющих или принимающих через него электронную корреспонденцию.

Типичный электронный адрес выглядит так: petr@mail.ru. При этом "petr" — имя получателя (аналогичное ФИО обычного письма), а "mail.ru" — указание на почтовый сервер, пользователем которого является "petr".

Важное преимущество электронной почты — экстерриториальность. Адресат может получить ваше письмо и ответить вам, находясь в любой точке Земного шара — был бы компьютер или мобильный телефон! При этом вам не придется ждать недели, пока письмо пройдет свой путь — доставка электронной почты производится мгновенно.

Как и в обычную бандероль, вы можете "вложить" в свое электронное письмо что угодно — фотографию с курорта, где вы отдыхаете, звуковое поздравление с днем рождения друга, клип любимой группы. Не пройдет и минуты, как ваш адресат, находящийся хоть за тысячи километров от вас, все

это увидит и услышит, стоит только включить компьютер и опросить свой почтовый ящик.

Еще одно важное достоинство электронной почты — сквозной контроль. Например, если вы неправильно наберете адрес получателя, почтовый сервер уведомит вас об ошибке. Если на данный момент на пути от вашего сервера к серверу получателя возникла проблема со связью — письмо кладется в специальную очередь, и попытки отправления будут предприниматься каждые 10–15 минут в течение нескольких дней.

Система электронной почты устроена так, что пропасть без следа ваше письмо не может в любом случае. К тому же современные почтовые системы снабжены средствами обеспечения конфиденциальности переписки — от шифрации содержимого письма до механизма электронной цифровой подписи, удостоверяющей подлинность отправителя.

Итак, вы решили активно использовать электронную почту в повседневной жизни. Единственное, что вам нужно сделать — зайти через Интернет на нужный сайт и пройти несложную процедуру регистрации.

Услуги размещения таких ящиков бывают как платными, так и бесплатными. Платные серверы гарантируют более высокое качество связи, защиту от вирусов, конфиденциальность. Плата невысока — обычно не более нескольких долларов в месяц.

Для большинства же случаев вполне подходят бесплатные почтовые серверы — их в Интернете великое множество, в том числе, удобных для отечественного пользователя русскоязычных (yindex.ru, mail.ru, e-mail.ru).

Возможно, на вашем компьютере придется установить и настроить специальную почтовую программу-клиент (OutLook Express, The Bat!), но это не обязательно — большинство современных почтовых систем дает возможность

создавать и просматривать почтовые сообщения через обычный интернет-браузер (например, Internet Explorer компании Microsoft).

Так, если на вашем компьютере установлена операционная система Windows, ничего дополнительного для работы электронной почты вам устанавливать не требуется.

Научиться пользоваться правилами создания электронных писем не сложнее, чем освоить оформление обычного письма, причем каждая почтовая программа снабжена на сей счет подробнейшими инструкциями.

Вам не придется держать в голове почтовые адреса своих респондентов или записывать их на листке бумаги — для этого предусмотрена электронная адресная книга. Один щелчок мышкой на нужном адресе — и программа автоматически сформирует заголовок письма. Так же просто формируется служебная информация для ответного письма.

К сожалению, электронная почта несет и проблемы. Например, вирусы. Среди них есть такие, которые умеют "прикрепляться" к электронным письмам, что может создать неприятности для вашего компьютера. Как правило, сейчас всякий легально приобретаемый компьютер снабжен предустановленным антивирусным программным обеспечением, но вам все равно не помешает поинтересоваться, так ли это, и позаботиться о безопасности.

Другим малоприятным спутником электронной почты является так называемый СПАМ — почта, которой вы не ждете и которую вам навязывают. Обычно это назойливые рекламные объявления — вреда они не несут, но пролистывать и удалять десятки ненужных писем бывает утомительно.

Впрочем, о проблеме СПАМа и методах ее решения мы поговорим в следующей статье. ■

Владимир РЕШЕТИН,
vreshetin@teleportal.ru

Любовь моя — футбол

Футбол для меня — это больше чем игра и больше чем спорт. Это — шоу, спектакль и... буря эмоций. Это он помогал мне в не самые радостные моменты жизни. Когда я оказался на больничной койке, именно футбол отвлекал от грустных мыслей.

В детстве я играл в футбол во дворе, хотел записаться в секцию, но не сложилось. Зато по телевизору смот-

рел все матчи. Застал времена, когда наш футбол многое значил в Европе и мире, когда блистали Олег Блохин, Игорь Беланов, Федор Черенков, Сергей Родионов...

Но на самом деле у меня нет чувства тоски по тем временам. С каждым годом футбол в мире становится зрелищнее и интереснее, хотя, замечу, футбол моего детства был техничным и благородным, то есть менее грубым и менее силовым. Зато сегодня он значительно прибавил в скорости и "физике". Физически игроки стали мощнее, и это в свою очередь только прибавило зрелищности и темпа. А на-

пряженности и принципиальности в матчах не уменьшилось.

Российский футбол сегодня, по моему мнению, переживает не лучшие времена, но не стоит ставить на нем крест, нужно только, чтобы люди, от которых зависит будущее популярнейшей в России игры, занимались своим делом профессионально и "болели" за него сердцем.

Мое знакомство с проектом Report.ru произошло случайно. В поисках какой-то информации я наткнулся на один из микропорталов Report'a. Он мне очень понравился, и захотелось поподробнее узнать об этом проекте. Тогда-то я и увидел, что место эксперта по теме "Футбол" не занято. Можно сказать, что сбылась моя маленькая мечта.

Футболу в Интернете уделяется достаточно внимания. Но мне показалось, что и моя информация не будет лишней для поклонников игры.

В сети очень много хороших спортивных сайтов (например, www.sports.ru). Футбол на подобных интернет-ресурсах стоит во главе: о нем — большая часть новостей и аналитических статей. Но когда заканчиваются национальные чемпионаты и другие турниры, футбол отходит на второй план.

Есть сайты, причем российские, дающие информацию о футболе в онлайн-режиме (www.sportonline.ru). Результаты российского футбольного первенства, национальных чемпионатов Англии, Италии, Испании, Германии, Франции — это, конечно, интересно, но привычно для приличных сайтов о футболе. А вот результаты национальных первенств Украины, Ирландии, Португалии, Дании, Израйла, Турции, Бельгии, Австрии — это действительно ново, хотя не столь интересно. (Замечу, что сайты, посвященные только футболу, не всегда профессиональны или не совсем актуальны.)

Отдельно надо отметить сайты ведущих российских спортивных газет —

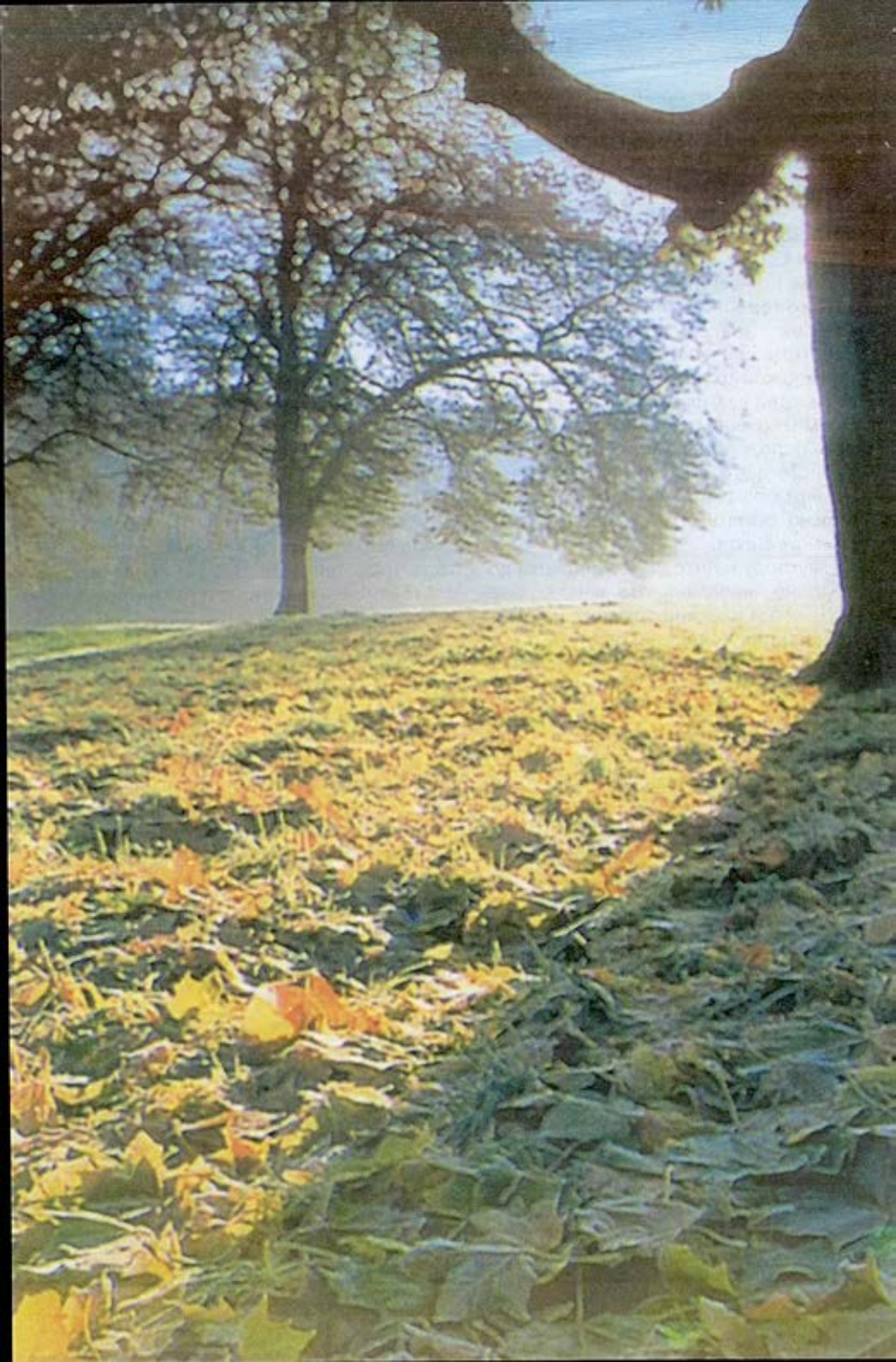
"Спорт-Экспресс" (www.sport-express.ru) и "Советский спорт" (www.sovsport.ru). Их новостные заголовки рассчитаны на то, чтобы сразу привлечь внимание читателя. Они превозносят команды за любые футбольные победы и разносят их "в пух и прах" за поражения. Но как источник новостей сайты пока незаменимы, хотя их аналитика не всегда объективна.

В особую группу я бы отнес любительские сайты, то есть сайты, сделанные непрофессионалами. Да, им далеко до идеалов веб-дизайна и веб-программирования, они не так удобны в просмотре и не блещут модными наворотами. Но есть у некоторых из этих сайтов своя изюминка. Таким примером, на мой взгляд, является сайт, посвященный чемпионату Европы 1988 года (<http://euro88.narod.ru>), далекий от совершенства, но очень интересный по содержанию.

К сожалению, в Интернете недостает серьезной футбольной аналитики. Ведь большинство сайтов рассчитаны на рядового посетителя, а не на футбольного знатока и гурмана.

То, что делаю я — это попытка собрать воедино и представить посетителям моего микропортала всю информацию о футболе, российском и мировом. Поведадь обо всем самом интересном, происходящем в футбольном и околфутбольном мирах. А еще напомнить о легендах мирового футбола, сделавших его таким популярным на всех континентах. ■

Алексей БРАГИН,
эксперт портала "Футбол",
football@report.ru

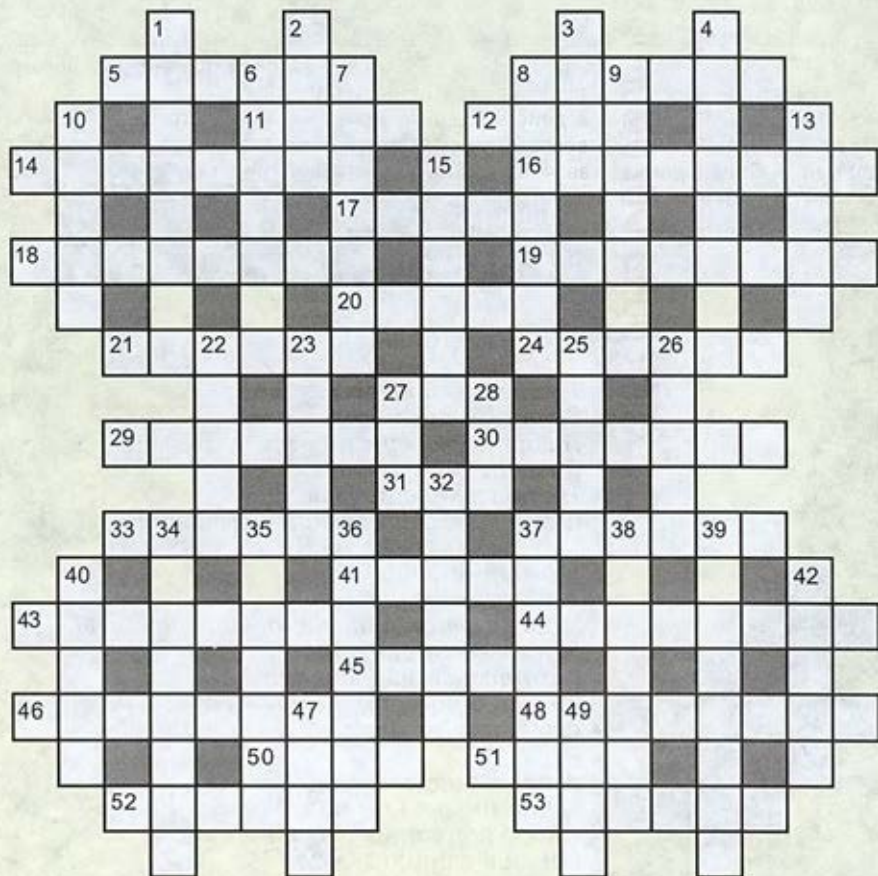
ТУМАН

Я смотрела на мир:
За окном пустота.
Говорили – я вру, но ведь было же!
Может, это факир
На поверхность холста
Осень белыми красками выложил?

Может он пошутил?
Я не стала гадать,
Эта странная шалость понравилась!
И на мягкий настил
Захотелось мне встать,
Только б ноги с той мягкостью
Справились.

А поэт мне сказал:
"Это только туман,
Скоро кончится все это белое".
Он еще слишком мал,
Не дорос, графоман.
Я молчала, я знала, что делаю.

Мелким бисером лед,
Свежим облаком дым...
И пока не исчезло видение,
Продвигалась вперед,
С каждым шагом своим
Собирая крупинки осенние.

КРОССВОРД

По горизонтали. 5. Речная "змея-деликатес". 8. Самая редкая музыкальная специальность мужчины. 11. Чешский город, где сохранились фонтаны XVII века. 12. Триумфальное сооружение. 14. Аксиома в научной теории. 16. Прочный и стойкий сплав на основе никеля. 17. Звездочет. 18. Сексуально больной. 19. Яго по характеру. 20. Самоцвет, якобы помогающий снискать благосклонность начальства. 21. Край канавы, дорожной обочины. 24. Дух гниющего болота. 27. Напиток, какой почти не пьют в Греции и Испании. 29. Гадалка в царстве Флоры. 30. Английский писатель, "Делом чести" которого стало бросить "Последний взгляд" и сказать "Америка, прощай, Америка". 31. Солдат-"старик". 33. Дальневосточное парусно-гребное судно. 37. Костюм для визита к Морфею. 41. Емкость большого самовара. 43. Одно из народных названий мельницы с крыльями. 44. Литературный пересмешник. 45. Главный порт острова Минданао на Филиппинах. 46. Распространи-

тель инфекции. 48. Армия в приподнятой речи. 50. Название рек на Северном Кавказе и в Чехии. 51. Поприще Б. Брунова до 19 лет. 52. Человек, помеченный Богом. 53. Процедура с грязными коврами и партийными рядами.

По вертикали. 1. Правитель, действующий в зависимости от того, с какой ноги встал. 2. Название в средневековых русских источниках мансийских и хантыйских племен. 3. Овца в девичестве. 4. Взгляд на искусство, ценящий в нем прежде всего прекрасное. 6. Самый диванный герой русской литературы. 7. Союз Великобритании, России и Франции против Германии. 8. Неологизм на пенсии. 9. Грань отшлифованного самоцвета. 10. Наживное в сказках у двоих, ставших жить-поживать. 13. Лесной житель, кровно заинтересованный в приходе туристов. 15. Малая единица опрокидона. 22. "Из всех ядов, способных испортить свидетельство, самый вредоносный — ..." (М. Блок, французский историк). 23. Самое чувственное домашнее животное. 25. Лемур, называемый аборигенами Мадагаскара лесной собакой. 26. Батт, основатель Кирены в Северной Африке, по отношению к речи. 27. Атмосфера на городской кухне, где пекут блины. 28. Важный компонент незабываемого морского запаха. 32. Разливной сосуд на древнерусских пирах. 34. Салолоб из СНГ. 35. Немецкий композитор, победивший в Италии Д. Скарлатти (они состязались в игре на органе). 36. Единственное, что через четверть века из серебряного превращается в золотое. 37. Сын деревенского священника. 38. Прием гостей у русских дворян в определенный день недели. 39. Специалистка, чье дело в шляпке. 40. Любимая птица М. Пришвина. 42. Блюдо, приготовленное по-царски. 47. Животное на гербе Боливии. 49. Композитор из французской "Шестерки". ■

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 10

По горизонтали. 1. Шкаф. 6. Юнко. 9. Соколов. 11. Запасник. 12. Рекостав. 14. Мак. 16. Нива. 17. Великанша. 18. Эмир. 21. Щипач. 22. Ватто. 23. Такса. 26. Аркан. 27. Таранта. 29. Явление. 30. Графа. 34. Парик. 35. Ханты. 36. Клоун. 41. Лада. 42. Жаворонок. 44. Фетр. 46. Вор. 48. Цирконий. 50. Ираклион. 51. Ромашка. 52. Амба. 53. Езда.

По вертикали. 1. Шиповник. 2. Аист. 3. Док. 4. Гопак. 5. Мор. 7. Неон. 8. Оптимист. 9. Ситец. 10. Верша. 11. Зонд. 13. Вера. 14. Милан. 15. Кастрат. 19. Направник. 20. Картофель. 24. Задел. 25. Лаура. 28. Чичагов. 31. Байдарка. 32. Отпор. 33. Мученица. 37. Плац. 38. Сатир. 39. Кобра. 40. Урон. 43. Ротан. 45. Горб. 47. Указ. 49. Йод. 50. Икс.

1	2		3			4		5		6		7		8		9
					10							11				
12								13								
					14							15	16		17	
18		19		20				21	22		23					
				24									25			
26								27		28		29				
				30										31		32
33												34				
				35	36		37									
	38		39									40				
41										42						
				43	44		45	46				47	48		49	
50		51						52								
				53								54				
55								56								
				57								58				

Э Р У Д И Т

По горизонтали. 1. Русский скорбут по сути. 5. Зелье, самое употребляемое на душу населения на Кипре. 10. Яростный перец Латинской Америки. 11. Белая собака, которую на востоке Скандинавии называют самми. 12. Город, где на постоялом дворе И. Тургенев встретил человека, ставшего прототипом его Гамлета. 13. Главное кушанье в иранских поминальных обрядах. 14. Японские сандалии на деревянной подошве. 15. Символ солнца среди новогодних подарков в Древнем Риме. 18. Рыболовный плетень поперек реки. 21. Последний польский гетман в Москве, уцелевший лишь потому, что сдался Д. Пожарскому, а не казакам. 24. Быстрая любовь русского. 25. Имя знаменитого султана Салах ад-Дина. 26. Техника гравюры с изображением, напоминающим акварель. 27. Любимая карточная игра знаменитого финансиста Джона Ло. 30. Ископаемый зверь, у которого зад был выше передней части тела. 33. Проломная часть корабля при встрече с рифом. 34. Состо-

яние, позволявшее Ван Гогу достигать "резко-желтой ноты". 35. Вводная часть письменного договора. 39. Пленница-рабыня в Древней Руси. 40. Скандинавская мойра. 41. Сотая часть египетского фунта (иначе — пиастр). 42. Западноафриканское государство, где и сейчас в ходу мотыжное земледелие. 43. Близорукость для офтальмолога. 47. Раньше — гиляки, а теперь — ... 50. Летучая мышь, способная за час поймать шестьсот насекомых. 52. Японский поэт, воспевавший саби — печаль одиночества. 53. Немецкий поэт, считавший, что "перо гения всегда больше самого гения". 54. Один из двух объектов, олицетворенных в позе обнявшихся любовников при входе почти в каждый храм Индии. 55. Известная певица, ставшая профессором Кишиневской консерватории. 56. И небольшое метательное копьё, и колчан для таких копий у русского воина в старину. 57. Оружие, каким прекрасно владел Тассо. 58. Девиз на гравюрах, знаках, эмблемах "петровского барокко".

По вертикали. 2. Буква, какую еще Я. Грот предлагал убрать из кириллицы. 3. Актриса Голливуда, символ затворнической жизни. 4. Каждый из морских разбойников, нападавших в 1394-1401 годах во главе с Штертебекером на ганзейские корабли. 5. Штат США, где укусы змеи помог медикам узнать, что яд может вылечить эпилепсию. 6. Столица Волжско-Камской Болгарии в средние века. 7. Совокупность в логике однородных предметов, сходных в главных признаках. 8. Отобрал у А. Алехина шахматную корону, но через два года вернул ее ему. 9. Злой дух, воплощение ночных кошмаров у народов Европы. 16. Пресноводная рыбка, дышащая, кроме жабер, кожей и желудком. 17. Низкий офицерский чин у арабов. 18. Жена Ф. Фицджеральда, прототип всех его героинь. 19. Предмет, в форме которого Гоген в 1889 году сделал автопортрет. 20. Человек, которому Суэцкий канал принес славу, а "панاما" похоронила ее. 22. Около двух метров во французских мерах. 23. Песчаная змея, умеющая плавать в толще песка. 27. Объемность реального предмета как объекта изображения у скульпторов и художников. 28. Екатерина I — Меншиков, Анна Иоановна — Бирон, Елизавета Петровна — ... и Шувалов (вторые управляли Россией). 29. Общее название "инструментальных" сочинений Аристотеля. 31. Командир первой батареи "катюш". 32. Французская актриса, "прекрасная фея", "Моцарт в юбке". 36. Человек как единица счета в народе. 37. Самый каучуковый штат Бразилии. 38. Объект в здравнице Мойдодыра. 39. Агатова, глазчатая, зеленая волнистая, копейчатая, союзная. 44. Кавказец, раньше любой штраф плативший скотом. 45. Ежовник хлебный. 46. "Ветвь среди ветвей лжи и одна из ее разновидностей" (Ибн Хазм). 48. Название христиан в Турции. 49. Община у сикхов в Пенджабе. 50. Длинный сюртук или казакин в Иране с длинным поясом. 51. Лаокоон по положению. ■

ОТВЕТЫ НА ЭРУДИТ, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 10

По горизонтали. 4. Уступ. 9. Аскетизм. 10. Ловчий. 11. Искра. 12. Мимистка. 13. Хиба. 14. Клодт. 17. Бионика. 18. Рамазан. 22. Амио. 23. ...энергия... 27. Жандарм. 28. Венок. 29. Надежда. 30. Идальго. 34. Нара. 35. Фрачник. 39. Кнебель. 40. ...варяг. 43. Глинка. 44. Оссуарий. 45. ...напев... 46. Скерцо. 47. Олигоцен. 48. Видор.

По вертикали. 1. Юстиниан. 2. Периандр. 3. Пистокки. 4. Умиак. 5. Токио. 6. Плахта. 7. Швабра. 8. Цистра. 15. Ламинария. 16. Дрожжи. 19. Манта. 20. Знать. 21. Намбо. 23. Эснаф. 24. Езра. 25. Гужон. 26. Яванка. 31. Доносчик. 32. Лабрадор. 33. Голкипер. 36. Реликт. 37. Чандра. 38. Иванов. 41. Рапид. 42. Говор.

ЭЛИКСИР ЖИЗНИ

"Нет таких заболеваний, которые бы не излечивались препаратами ртути".

Аюрведа

Весной 1991 года по предложению ХМЦ "Вита" и по распоряжению министра здравоохранения Украины в одном из клинических институтов республики для лечения инкурабельных (безнадежных) больных начали применять препарат Тамары Воробьевой. За шесть месяцев лечение препаратом прошли более 3 тысяч безнадежных больных, после чего были получены удивительные результаты под наблюдением специалистов НИИ. Воодушевленные результатами пациенты поехали в Киев за повторными курсами, чтобы закрепить успех в лечении, но выдача препарата Воробьевой под давлением чиновников от медицины была прекращена...

Непревзойденные в мире результаты

За последующие двенадцать лет совместной работы медицинского центра "Витурид плюс" с 27 ведущими научными центрами России и зарубежья получены, без преувеличения, непревзойденные в мире результаты лечения тяжелейших заболеваний.

Установлено, что препарат вызывает исчезновение раковых клеток, разрастание соединительной ткани и созревание клеток паренхимы органа – той его части, которая обеспечивает его функцию. Все это однозначно указывает на регресс опухоли и восстановление жизнедеятельности пораженного органа. Других препаратов, аналогично воздействующих на онкологический процесс, не существует. Всем известно, какие тяжелые боли переносят больные, страдающие раком. Экспериментальными исследованиями и клиническим применением доказано, что препарат обладает общим анальгетическим действием неспецифического характера, позволяющим использовать его для купирования болевого синдрома без создания специфической зависимости от препарата, характерной для опиатов (наркотиков), которые широко используются в настоящее время. Пациенты, принимающие опиаты, после назначения лекарства вскоре отказываются от них.

Под руководством Т.В. Воробьевой были проведены исследования возможности применения препарата при ВИЧ-инфекции. Полученные результаты превосходили ожидания. Данные экспериментальных исследований, проведенные в НИИ вирусологии им. Д.И. Ивановского, свидетельствуют, что препарат оказывает подавляющее действие на ВИЧ-инфекцию. После проведенных курсов лечения препаратом Воробьевой у всех пациентов наблюдалась положительная динамика в течении заболевания. Отмечалось исчезновение объективных проявлений заболевания, полное восстановление трудоспособности. При контрольных лабораторных исследованиях установлена нормализация клинических, биохимических, иммунологических показателей крови. У части больных было зафиксировано исчезновение антител к вирусу, что свидетельствует об их фактическом излечении от СПИДа.

По данным Карельского республиканского центра СПИД, Института акушерства и гинекологии им. Отта, положительный клинический эффект при применении препарата наблюдается у 89,5% больных герпетической инфекцией. У 81,5% пациентов наблюдалось

исчезновение маркеров вируса герпеса. При этом клиническое действие препарата превосходит действие всем известного Зовиракса. По данным НИИ гриппа РАМН (С.-Петербург), терапевтическая эффективность лекарства выявлена также и при лечении субклинических форм генитальной герпетической инфекции. Так, у больных, применявших препарат Тамары Воробьевой, вирус простого герпеса на слизистых оболочках выделялся после лечения только у 43,3 процента, тогда как в контрольной группе этот показатель составлял 90 процентов. Да и частота рецидивов заболевания была в 3 раза меньше.

Исследование клинической эффективности препарата у больных с цитомегаловирусной инфекцией, проведенное НИИ гриппа РАМН, показало, что после первого курса лечения препаратом Воробьевой цитомегаловирус выделяется у 40% больных, тогда как в контрольной группе – у 90%. Подобный эффект не наблюдается под воздействием препаратов, применяемых для лечения данной инфекции в настоящее время.

Появление препаратов Воробьевой позволяет радикально решить проблему лечения хронических гепатитов. Как свидетельствуют результаты клинических испытаний, проведенных Санкт-Петербургским медицинским университетом им. академика И.П. Павлова, у 90 процентов пролеченных отмечается улучшение общего самочувствия, исчезновение слабости, диспептических явлений. Со стороны печени отмечалась тенденция уменьшения ее размеров и нормализация консистенции. Следует отметить, что у 33,3 процента пролеченных препаратом улучшение клинических показаний сочеталось с исчезновением маркеров вирусных гепатитов в ИФА и ПЦР.

Наличие у препарата иммуномодулирующих свойств позволяет лечить им и такие тяжелые заболевания, как псориаз, ревматоидный артрит, системная красная волчанка и другие.

Выводы ученых и врачей, занимающихся испытаниями лекарственного средства Воробьевой, однозначны: препарат следует рассматривать как перспективное, высокоэффективное противоопухолевое, противовирусное и иммуномодулирующее средство для лечения онкологических заболеваний, вирусных инфекций и иммунодефицитных состояний.

У людей с “неизлечимыми” заболеваниями впервые появилась, наконец, реальная возможность по-настоящему выздороветь.

Е.В. Воробьев,

профессор, академик МАИСУ и МААНОИ

ЗОЛОТО РОССИИ

Медицинский центр Тамары Воробьевой

ООО “Витурид плюс”

Лауреат Главной Всероссийской Премии

“Российский Национальный Олимп”

Лауреат Национального конкурса

“Российская Марка” (“Золотой знак качества”)

Медицинские услуги (лицензия № 82-02)

185035, Карелия, г. Петрозаводск, а/я 182 Тел.: (8142) 77-32-44, 77-35-30

Тел./факс (8142) 77-32-41, 77-34-75

E-mail: viturid@onego.ru ; www.viturid.ru

Золотая медаль Московского международного

салона “Архимед-2003” за победу в конкурсе

“Лучшее изобретение”:

“Противоопухолевые и

иммуномодулирующие средства и

способы лечения онкологических

больных, кожных заболеваний и

трофических язв”.

Внимание – радон!

Кора Земли с момента образования содержит радиоактивные элементы, которые создают естественный радиационный фон. Как оказалось, особая роль в этом фоне принадлежит радону, вклад которого составляет около 54%.

Радон — инертный тяжелый газ, в 7,5 раз тяжелее воздуха. Он не имеет вкуса, цвета и запаха, хорошо растворяется в воде. Радон входит в цепочку радиоактивного распада, начинающуюся с Урана-238 и заканчивающуюся Свинцом-206. Как и его "родители", является излучателем α -частиц. Следуя цепочке радиоактивного распада, он производит семейство других источников α -частиц. Их в целом называют дочерними продуктами распада (ДПР).

В замкнутое воздушное пространство (жилые дома, больницы, учреждения, магазины, закрытые манежи, подземные шахты) радон поступает либо через фундамент и пол из грунта, либо из материалов, примененных в конструкции. Уровни радона возрастают, если помещения не подвергаются вентиляции или если скорость ее недостаточна. В зонах с умеренным климатом концентрация радона в закрытых помещениях в 8 раз превышает наружную концентрацию.

Другой источник попадания радона и его ДПР в жилые помещения — наружный воздух, природный газ, используемый для приготовления пищи и отопления, вода для питья и других нужд. При этом особую опасность представляет вода из глубоководных колодцев или артезианских скважин. Следует помнить, что при кипячении значительная часть радона и его ДПР улетучивается. Существенную опасность представляет попадание паров воды с высокой концентрацией радона в легкие человека вместе с вдыхаемым воздухом в ванной комнате. При этом биологические последствия воздействия радона и его ДПР, содержащиеся во вдыхаемом воздухе, связаны с воздействием испускаемых α -частиц на бронхиальные клетки.

Для мониторинга содержания радона и его ДПР используют приборы, измеряющие объемную активность (длительность измерений — от нескольких минут до нескольких суток). Таномым является прибор, выпускаемый фирмой "КВАРТА-РАД": детектор-индикатор радона КВАРТЕКС РД 5400.

В отличие от большинства аналогичных приборов детектор-индикатор радона КВАРТЕКС РД 5400 прост в эксплуатации, а по техническим характеристикам не уступает им. В нем отсутствует принудительная прокачка воздуха в камеру. Анализируемый воздух поступает в измерительную камеру детектора через аэрозольный фильтр за счет свободной диффузии, что не требует специального устройства и удешевляет прибор. Прибор работает в трех режимах: пороговой индикации, текущей индикации и просмотра. В режиме пороговой индикации используется цветовая гамма, что упрощает работу с прибором. Автономное питание прибора позволяет эксплуатировать его в условиях, где отсутствует стационарное электропитание.

Детектор-индикатор радона КВАРТЕКС РД 5400 может быть использован для оценки плотности потока (или скорости выхода) радона с поверхности (из почвы) земли, допустимые уровни которого не должны превышать 80 Бк/м²с.

Детектор-индикатор радона КВАРТЕКС РД 5400 поможет вам в обеспечении радиационной безопасности. Не жалейте средств на его покупку. Помните, что радон с воздухом может попасть внутрь организма, что совсем нежелательно!

Наш адрес и контактные телефоны:

ООО "КВАРТА-РАД"

115409, Москва, Каширское шоссе, дом 31, корп. 44А

Тел.: (095) 323 91 14, тел/факс: (095) 324 54 62

Медицинские аппараты для лечения всей семьи.

АЛМАГ генерирует бегущее импульсное магнитное поле, обладающее высокой биологической активностью. Наряду с болезнями и травмами опорно-двигательного аппарата, АЛМАГ помогает и при очень многих заболеваниях: гипертоническая болезнь I-II стадии, заболевания желудочно-кишечного тракта, дерматологические и неврологические заболевания, хронические неспецифические заболевания легких, заболевания женских половых органов.

АЛМАГ сертифицирован, он успешно прошел испытания в ведущих клиниках страны и рекомендован к применению Минздравом РФ.

АЛМАГ помогает, даже если болезнь давно перешла в хроническую форму и все другие средства оказались бессильны. При строгом соблюдении рекомендаций, даже самые отчаявшиеся смогут избавиться от надоевших болячек.

АЛМАГ-01

Аппарат магнитотерапевтический для лечения бегущим импульсным магнитным полем.

АЛМАГ позволяет лечиться дома, самостоятельно. Его конструкция позволяет изменять конфигурацию и точки одновременного воздействия. Пациент может справиться с лечением спины и других труднодоступных мест без посторонней помощи. АЛМАГ - настоящий физиокабинет у Вас дома.

Уникальность воздействия аппарата АЛМАГ-01 и отсутствие прямых аналогов завоевали серебряную медаль выставки-салона инноваций "Брюссель-Эврика-2001"

Лечение аппаратом АЛМАГ часто помогает обходиться без лекарственных средств. Если же прием лекарств сочетать с процедурами, то их эффективность возрастает за счет физико-химической активизации. Это позволяет уменьшить дозу препарата и сократить длительность приема лекарств. По сравнению с медикаментозным, физио-терапевтическое лечение имеет гораздо меньше противопоказаний, а в некоторых случаях не имеет их вовсе.

ЕЛАТОМСКИЙ ПРИБОРНЫЙ ЗАВОД

Всё для здоровья. Здоровье Для Вас.

Россия, 391351, Рязанская область, г. Елатьма, ул. Янина, 29,
т. (09131) 2-04-67, 4-38-29 epz@elat.ryazan.su www.elamed.com

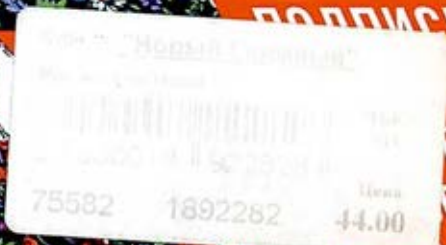
SPECIALRADIO ПРЕДСТАВЛЯЕТ

RECOMMENDED RECORDS
SPECIALRADIO MEDIA PROJECT

САМАЯ ПОЛНАЯ ЛЕТОПИСЬ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО РОКА НА КОМПАКТ-ДИСКАХ

**УНИКАЛЬНОЕ
ПЕРИОДИЧЕСКОЕ
МУЗЫКАЛЬНОЕ
ИЗДАНИЕ**

www.specialradio.ru

ПОДПИСНОЙ
КАТАЛОГУ
ПЕЧАТЬ
83049